

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2022

ТОМ 7 № 3

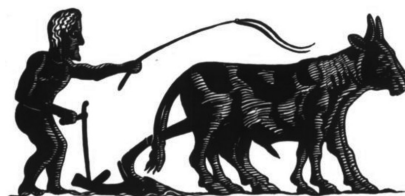
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Жницы». Коровин С.А. 1880-е–1900-е гг. Частное собрание, Москва

Содержание

Теория

- Чаянов А. В.* Организация сельскохозяйственного производства на местах 6
- Chayanov A. V.* Organization of agricultural production at the local level 21

История

- Кузнецов И. А.* Урожайная статистика в России первой половины XIX века: проблема первичных данных 35
- Федотова А. А.* «За убитую в Беловежской пуще зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке. 55
- Андреев С. Н.* «Целинный проект» 1954 года в Казахстане и Сибири: динамика производства зерна 89

Современность

- Гусаков Т. Ю.* Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население 106
- Бреславский А. С.* Городское население Еврейской автономной области в исторической динамике конца 1980–2010-х гг. 151
- Розанова Н. Н.* Особенности восприятия населением репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия» 174
- Прусигин О. Е., Жуковский Е. Д., Крутов О. Д., Алексеев А. И.* Жизнь Ивана и Ганса в XXI веке: Волчихинский район, Алтайский край 190

Интервью с исследователем

- Серова Е. В., Никулин А. М.* «Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму» 210

Рецензии

- Бабашкин В. В.* О сущности добра 237
- Куракин А. А.* Америка сегодня глазами сельскохозяйственного департамента США 246

Научная жизнь

- Полещук И. К.* Сравнительный опыт сельскохозяйственного развития: Россия и Бразилия в эпоху перемен 257
- Никулина Е. С.* AGROSALON Международная специализированная выставка сельхозтехники 261

Russian peasant studies

Vol. 7. 2022. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Chayanov A. V.* Organization of agricultural production at the local level (In Russian) 6
Chayanov A. V. Organization of agricultural production at the local level (In English). 21

HISTORY

- Kuznetsov I. A.* Russia's harvest statistics in the first half of the 19th century: The problem of primary data. 35
Fedotova A. A. "Cattle grazing is prohibited after the bison was killed in Białowieża Forest": Woodland grazing as a traditional form of the peasant forest management in the long 19th century. 55
Andreenkov S. N. Virgin Project of 1954 in Kazakhstan and Siberia: Dynamics of grain production. 89

THE PRESENT TIME

- Gusakov T. Yu.* Agrarian alternative for Yamal: Agriculture and indigenous population. 106
Breslavsky A. S. Urban population of the Jewish Autonomous Region in the historical dynamics of the late 1980s–2010s 151
Rozanova N. N. Public perception of governors' reputation in the regional model 'center–periphery' 174
Prusikhin O. E., Zhukovsky E. D., Krutov O. D., Alekseev A. I. Life of Ivan and Hans in the 21st century: Volchikhinsky district of the Altai Region 190

INTERVIEWS

- Serova E. V., Nikulin A. M.* "Today, in the rural development, the main goal is to change the paradigm". 210

REVIEWS

- Babashkin V. V.* On the essence of good. 237
Kurakin A. A. Today's America in the perspective of the US Department of Agriculture. 246

SCIENTIFIC LIFE

- Poleshchuk I. K.* Comparative experience of agricultural development: Russia and Brazil in the time of change. 257
Nikulina E. S. AGROSALON International Specialized Exhibition of Agricultural Machinery. 261

Организация сельскохозяйственного производства на местах¹

А. В. Чаянов

Публикатор — Владислав Олегович Афанасенков, старший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Аннотация. Публикуемый текст был обнаружен в фонде советского партийного экономиста Льва Натановича Крицмана (ф. 528) Архива Российской Академии наук и прежде не публиковался.

Текст представляет собой 16 листов (без оборота) машинописи без автографа и каких-либо рукописных авторских правок и помет. Кроме того, в документе не встречаются прямые указания на время его создания. К делу присовокуплены еще два документа: письмо Л. Н. Крицману от 26 декабря 1929 г., второй — обрывок текста, написанного рукой Чаянова, очень близкого по содержанию к публикуемому и, видимо, являющегося одним из его черновых вариантов. На обороте данного листа надписано — «2-й Дом Советов. Ком[ната]. 327. Л. Н. Крицман от А. Чаянова».

В тексте декларируется концепция постепенного «врастания» крестьянского сектора в социализм через добровольную «кооперативную коллективизацию» за счет использования побудительных механизмов сугубо экономического характера. Аналогичный теоретический базис был подложен под ленинский «кооперативный план» и бухаринскую теорию мирного врастания капиталистических элементов в социализм. В этих идейно-теоретических альтернативах сталинской коллективизации крестьянин понимался как полноценный субъект хозяйственно-экономической деятельности и социалистического строительства, нуждающийся не в директиве, а во всемерном способствовании разнообразным нуждам инструментами государственной политики.

Чаянов, отказываясь от выбора между совхозным строительством и тотальным обобществлением крестьянского сельскохозяйственного сектора, выдвинул альтернативную программу социалистического строительства, в том числе подвергая основательной ревизии и собственные позиции по ряду вопросов. Привлекая конкретные данные, Чаянов стремился продемонстрировать, насколько далеко вперед ушла советская деревня от наивысшей точки развития предвоенной экономики, и что советское крестьянство перестало быть просто «объектом агрономического воздействия». Следовательно, в современных реалиях старые методики и схемы работы агрономического персонала оказывались, по мысли Чаянова, непригодными.

Объединенные в одно дело документы архивисты датировали 1930 годом. Что за этим стоит, нам неизвестно, но такая датировка вызывает определенные со-

---

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

мнения. С уверенностью судить можно только об относительной датировке и нижней хронологической рамке написания этой работы — 1927 г., так как по сведениям адресно-справочного издания «Вся Москва» в комнату под номером 327 Второго Дома Советов Крицман переехал только в 1927 г. (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1927 год: 3-й год издания Московского Совета: С приложением нового плана г. Москвы. М., 1927. С. 147).

Относительно верхней границы сомнений больше. Если допустить, что все перечисленные документы действительно связаны между собой, то текст следует датировать по письму Крицману. В этом письме Чайнов сообщал о том, что завершение работы над неким агрономическим очерком (в соавторстве с П. Я. Гуровым и С. Г. Ужанским) откладывается из-за того тяжелого душевного состояния, в которое он впал по итогам первых дней работы Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, а кроме того, что «не дождавшись садыринской статьи я выбросил всю “реальную действительность” и кончил свою “кооперацию” в том же сугубо теоретическом плане как и начал» (АРАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 137. Л. 1). Речь здесь могла идти о статьях для «Большой советской энциклопедии», в которой Крицман вплоть до 1931 г. редактировал отдел экономических наук и подраздел экономической политики, или же для одного из периодических изданий, членом редколлегии которого был Крицман (например, «На аграрном фронте»). «Кооперацией» Чайнов мог назвать публикуемый нами текст, который и выслал Крицману для корректуры и редактуры.

К концу 1929 г. положение Чайнова уже было чрезвычайно шатким. Оно еще более пошатнулось по итогам Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, на которой была устроена настоящая идеологическая травля Чайнова и его коллег. Видимо, после выступления Сталина Крицман решил повременить с публикацией или же полностью отказаться от публикации Чайнова. В БСЭ так и не была помещена ни одна статья за его подписью. Впрочем, статьи за подписью Гурова и Ужанского в соответствующих томах также не встречаются. Не вышел в свет и публикуемый ниже текст.

И если наша логика верна, то смелость Чайнова трудно переоценить: в условиях колоссального идеологического и психологического гнета он решился во всеулышание объявить о своем несогласии со сталинским курсом.

Редакторские примечания помечены *Ред.* и даны в квадратных скобках.

Ключевые слова: государство, коллективизация, крестьянство, общественная агрономия, социализм, Чайнов.

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-6-20

Одним из самых важнейших вопросов нашей экономической политики является вопрос о том, как и в каких формах наше сельское хозяйство, почти сплошь крестьянское, может быть увязано в систему государственного капитализма и могут ли эти формы впоследствии стать основанием для дальнейшего развития в сторону начал социалистического хозяйства и перерастания самой переходной системы государственного капитализма.

Нельзя сказать, чтобы этому вопросу у нас не уделялось бы достаточно внимания. Его затрагивали и затрагивают очень многие авторы, однако затрагивают почти исключительно в самых общих чертах — указывая то на систему государственного регулирования, то на кооперацию, то на государственную торговлю и кредит как

на формы увязки сельского хозяйства с городской промышленностью, в организации которой наиболее ярко выражены основы государственного капитализма.

Никакого сколько-нибудь отчетливого развертывания этих положений, никакой детализации при этом обычно не проводится, и совершенно нельзя себе представить, как мыслят себе различные авторы молекулярное строение новой русской деревни, конкретное каждодневное хозяйственное и общественное поведение Иванов, Сидоров, Панкратов и Емельянов — каждого в отдельности и всех сообща.

А именно в этой, конечно, конкретизации и лежит суть дела, именно она-то и может осветить нам те молекулярные сдвиги и процессы, которые могут переродить весь социальный массив крестьянских хозяйств и совершенно видоизменить его качество как материала для всякого рода социальных построений.

В конкретной обстановке сегодняшнего дня этот вопрос можно формулировать следующим образом — должны ли мы рассматривать крестьянское хозяйство как стихию распыленных карликовых семейных хозяйств, в отношении которых система государственного капитализма должна усвоить себе те же методы работы, как и система обычного капитализма, т. е. организовывать его методами рыночного давления, втянуть в орбиту своего влияния и сделать источником первоначального накопления обычными приемами торгового и финансового капитализма, или же мы должны признать, что в толще крестьянского хозяйства исторически развиваются такие процессы, которые при дальнейшем их развитии идут на изживание стихийности и распыленности крестьянских хозяйств и вносят начала крупного общественного хозяйства, и тем позволяют и наше сельское хозяйство органически ввести в рамки планового хозяйства системы государственного капитализма.

В первом случае дальнейший путь развития должен идти на уничтожение крестьянского хозяйства и постепенное развитие на его место крупных фабрик зерна и мяса, а во втором — на все большее усиление в среде хозяйств мелких товаропроизводителей элементов общественного крупного хозяйства до оптимальных его размеров в условиях земледельческого производства и на органическое сращивание получившейся новой системы организации земледелия с крупной городской индустрией.

Само собою понятно, что вопрос этот не может быть решен методами логических рассуждений кабинетного порядка, и только сам исторический процесс развития нашей деревни может дать на него ответ.

Однако и в настоящее время мы можем и должны проследить, имеются ли в окружающей нас деревенской действительности в наличности те экономические и социальные элементы, развитие которых может привести ко второму варианту разрешения нашего ос-

нового вопроса, т. е. постепенному органическому перерождению крестьянской стихии в высшие формы организации производства.

О теоретически мыслимых формах такого развития мы с большой подробностью и говорили в статьях, посвященных производственному значению сельскохозяйственной кооперации и формам индустриализации сельского хозяйства, где, как нам кажется, нам удалось установить теоретическую возможность этой формы эволюции крестьянских хозяйств. Однако для практической политики сегодняшнего дня нам важны не теоретические возможности, а действительная наличность описываемых процессов в крестьянском хозяйстве, их удельный вес в настоящей фазе исторического развития русской деревни и те методы государственного воздействия, при помощи которых эти процессы могли бы быть усилены и ускорены.

Вот, собственно, в этом-то и лежит сейчас центр вопроса.

Развитие русской экономической и политической мысли до революции и особенно в первые ее годы в значительной степени замыкалось кругом городских проблем и городских интересов. Деревня интересовала нас только постольку, поскольку она входила как фактор, давящий на общегосударственные и городские интересы. Отсюда наша малая осведомленность о положении дел в глубине деревни, куда нам приходится теперь при оживлении к ней интереса чуть ли не посылать особые экспедиции, подобные экспедициям в Центральную Африку.

Однако для местных работников агрономов, кооператоров и других хозяйственников просто по их ежедневным впечатлениям ясно, что наша деревня, вместе с развитием в ней денежно-товарных отношений и повышением на мировом рынке конъюнктуры на сельскохозяйственные продукты, начала сравнительно быстро перестраиваться, и в ней начали появляться те элементы общественного хозяйства, которые начали придавать ей более высокий тип организованности.

Организация деревни выразилась в развитии в ее толще, частью в зачатке, а часто в значительной степени следующих элементов общественного хозяйства и жизни, которые совершенно были неизвестны в деревне до 1905 года.

1. Правильная организация поселений по территории, выдел поселков и вообще правильное, рациональное землеустройство.
2. Организация водоснабжения инженерными средствами.
3. Организация дорожного дела и оборудования шоссеиных и других подвездных² путей к станциям железных дорог.
4. Оборудование местного оборота товаров торговыми помещениями, весами, складами, элеваторами, холодильниками и пр.

---

2. Исправлено, в оригинале — «поуездных путей» — *Ред.*

5. Приближение к населению почты, телеграфа, телефона и других средств связи.
6. Развитие кооперативной сети и связанных с нею местных комбинатов по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов (маслодельные, картофелетерочные, сушильные, консервные и пр. заводы).
7. Развитие и рационализация местной вспомогательной к сельскому хозяйству промышленности (ремонтных мастерских, кузниц и пр.).
8. Развитие сети агрономических пунктов и других вспомогательных сельскохозяйственных установок (племенные и семенные хозяйства, зерноочистительные, случные и прокатные пункты и пр.).
9. Силовая организация района, т. е. его электрификация и снабжение тракторными отрядами.
10. Организация общественной медицины, ветеринарии и санитарии.
11. Развитие сети школ, изб-читален, местных музеев, народных домов, театра и других форм культурной работы.
12. Организация социальной жизни района и установление ее связей с культурными центрами и материальное оборудование этой работы.

Ясно, что вся эта организационная работа, постоянно нарастая количественно на фоне развивающейся кооперативной коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств, с течением времени приведет к неизбежному качественному перерождению деревни и ее историческому переходу к новым формам общественного бытия.

Развитие всех перечисленных элементов — незаметное, будничное, но постепенно нарастающее для местных работников, было ясно уже с 1911 года, но оно казалось само собою подразумевающимся, и ему не придавали *никакого принципиального значения*³, несмотря на всю его историческую важность.

Для того чтобы не быть голословным, мы позволяем себе привести справку о современном состоянии развития вышеописанных элементов организации деревни по данным о состоянии их в Московском уезде, т. е. уезде, далеко не отличающемся особой сельскохозяйственной организованностью.

Главная тяжесть работ по реорганизации местного хозяйства выполняется земельными отделами местных советов и в своей главной части падает на аппарат так называемой агрономической помощи населению.

В Московском уезде этот аппарат, помимо центральной уездной группы специалистов и агрономов, разбивается на 12 участков, из которых каждый обслуживает примерно одну мелкорайонную

3. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания из текста оригинала — *Ред.*

волость, имеет при себе небольшой участок земли и возглавляется участковым агрономом. По рукописным отчетам этих агрономов мы и даем нашу справку.

С 1 октября 1923 года до 1-го октября 1924 года при значительном участии агрономов и специалистов было развернуто 14 одноплантных селений и в 11 случаях произведен выдел селения на хутора и отруба, и, что самое главное, в 80 селениях было произведено внутриобщинное землеустройство и разбивка на широкие полосы. Число полос, принадлежавших одному крестьянину в каждом поле до разбивки, было 3,5, после разбивки — 2,0, сообразно этому средний размер полосы был ранее — 222 кв. сажени, стал теперь 648 кв. сажени. Одновременно с переходом к широким полосам совершился переход к улучшенным севооборотам. До перехода к широким полосам из 80 селений в 89% их было трехполье, после перехода к широким полосам трехполье осталось только в 1,3% селений, остальные перешли к иным, в подавляющем числе случаев, рациональным севооборотам.

80 селений, переорганизовавшие свою территорию в 1924 году, составляли к 569 селениям уезда 14%, вместе же с селениями, перешедшими к широким полосам в предыдущие года, они составляли 278 селений или 48% селений, рационально организовавших свои территории. Темп реформы, как может видеть читатель, поражает своей быстротой. Еще более удивителен темп развития травосеяния.

К 1924 году в уезде с травосеянием было 134 селения (23%), в течение 1924 года к травосеянию перешло 85 селений, всего, следовательно, 219 или 38%, что из 350 селений, оставшихся без травосеяния, в 130 оно вообще экономически нерационально (огородные и другие более интенсивные районы), остается еще в трехполье 200 селений, которые при темпе процесса будут переведены к травосеянию в 3—4 года, самое большее.

Параллельно с землеустройством в 13 товариществах велись мелиорационные работы, и за год было прокопано свыше 30 верст осушительных каналов, и предпринимались широкие мероприятия по улучшению лугов.

О размахе организационной и социальной работы, проделанной в 12 агроучастках, можно судить по следующим данным.

Агроперсонал пропустил через:

1. 613 бесед по сельскому хозяйству в 419 селениях — 16340 слушателей, затратив на беседы 1226 часов;
2. 347 лекций по сельскому хозяйству в 264 селениях 15968 слушателей, затратив на них 1101 час;
3. 35 общих и специальных углубленных курсов 1472 человека, затратив на них 1271 час;
4. 4395 индивидуальных консультаций;
5. 3 сельскохозяйственные выставки, через которые прошло 21000 человек, по преимуществу крестьян.

Всего, следовательно, в соприкосновение с агроперсоналом крестьяне в порядке лекций, бесед и консультаций пришли в 38175 случаях и 49000, если считать посещения выставок. Работа приняла подлинно массовый характер.

В дополнение к устной пропаганде в среде населения бесплатно было распространено более 3000 экземпляров сельскохозяйственных книг, и находилось в работе 33 библиотеки с 15000 томов, которые, однако, считались агрономами еще далеко не полными.

Помимо этой области обычной по своей методике агропропаганды весьма успешно практиковались и новые формы работы в виде представления агропес и агросудов, устройства сельскохозяйственных праздников и проведение всякого рода кампаний.

Еще большего внимания заслуживают методы объективного воздействия на крестьянское хозяйство.

Так, в 95 селениях уезда на землях 110 домохозяев заложено 124 показательных участка с разными сравнительными опытами сельскохозяйственных улучшений и, кроме того, в 100 пунктах производственные опыты с сортоиспытанием вызвали массовый спрос на селекционный посевной материал.

На 74 прокатных пунктах, находящихся в распоряжении 12 агроучастков уезда, работало 929 сельскохозяйственных машин, обслуживших 1811 домохозяев, в частности, на этих пунктах обмолочено и очищено 26905 пудов овса, ржи и пшеницы. Необходимо отметить, что в этот учет совершенно не входит работа многочисленных прокатных пунктов сельскохозяйственной кооперации.

8 случайных пунктов с 18 жеребцами покрыли 27 крестьянских лошадей, работа по другим видам животноводства только еще налаживается. В обширных размерах ведется борьба с вредителями. Всего агроперсонал за 1924 год сделал 5205 рабочих выездов с агробаз.

Перечисленная работа 12 агропунктов дополняется работой 189 сельскохозяйственных кооперативов, насчитывающих по данным МОЗО⁴ в уезде на 1 октября 1924 года. О характере работы этой кооперативной сети можно судить по ее составу. На 1 октября 1924 года было 6 коммун, 33 артели, 16 товариществ по совместной запашке, 19 мелиоративных, 18 животноводческих, 13 по электрификации, 22 кредитных, 8 сельскохозяйственных, 3 молочных, 1 по семеноводству, 2 пчеловодных, 7 кустарных артелей, 13 машинных товариществ и 28 потребительских обществ.

Перечисленных сведений, относящихся к одной только отрасли работы *в пределах одного только уезда*, совершенно достаточно для того, чтобы убедиться, что деревня наша находится в состоянии бурного хозяйственного брожения и организации и что на месте рутинного покоя разобщенных, оторванных друг от друга местных хозяйств, мы видим, хотя, быть может, и первые шаги,

4. Московский земельный отдел — *Ред.*

но весьма внушительные для того, чтобы признать существующими в наличности процессы перерождения нашей деревни, о которых мы говорили в начале нашей работы, а это предрешает уже решение нашего основного вопроса в пользу второго варианта.

В связи с важностью рассматриваемого нами вопроса мы должны несколько более подробно остановиться на главном организуемом начале описанного процесса нашего агрономического аппарата и его работе в области агрономической помощи населению.

Мы знаем, конечно, что далеко не везде дело обстоит столь блестяще, как в Московском уезде, однако, насколько можно судить по отзывам местных агрономов, наезжающих в Москву, по впечатлениям от агрономических конференций и всякого рода печатным материалам, отчетам, статьям и даже книгам — местная агрономическая работа за последние годы начинает постепенно пробуждаться от того почти десятилетнего застоя, который начался в 1914 году и на многие годы сорвал агрономических работников с их участков — бросил на фронта, на продовольственное дело, на организацию совхозов, в школы, в коммерцию, в канцелярии земотделов, агробазы, словом, всюду, кроме крестьянских полей и стойл.

Теперь этот тяжелый период, видимо, кончился или, точнее, кончается. Вырастает и начинает работать новая агрономия. Наблюдателю и участку этого процесса, естественно, хочется прежде всего осознать основное направление этой новой агрономической работы, хочется установить, что происходит перед нами — возрождение ли старой агрономии, или же зарождение чего-то нового.

Вокруг этого вопроса ведутся ожесточенные споры, принимающие подчас острый, чуть ли не политический характер, сталкиваются лбами «молодые» и «старые», признающие преемственность советской культуры от культуры России до 1917 года и не приемлющие ничего от отжившего мира.

Во всяком случае вопрос этот стоит на очереди и требует если не своего разрешения, то по крайней мере своего выяснения и, быть может, упразднения.

Нам кажется, что если подойти к вопросу с некоторым хладнокровием, то обе стороны — и «возрождатели», и «зарождатели» — окажутся и правы и неправы.

Если понимать «возрождение» как реставрацию старой агрономической работы в целом, то «возрождатели» явно неправы и вдобавок исторически наивны... В 1924⁵ году уже безвозвратно не существует ни старой деревни, ни старого земства, ни всей старой общественно-политической атмосферы, в условиях которых сложилась и существовала старая местная агрономия.

С другой стороны, однако, глубоко неправы и те, которые хотели бы новое строить с голого места и весь опыт старой земской агрономии считали бы отжившим и выбрасывали за борт вместе

5. Исправлено по смыслу, в оригинале — 1912 год — *Ред.*

с прочими элементами отжившего строя. Это было бы грубой организационной ошибкой. Ни Ленин, ни другие вожди Октябрьской революции никогда не отрицали того факта, что наша советская культура в малом преемственна от культуры русского дореволюционного общества и многие ее элементы и идеи в зачатке были свойственны русскому общественному сознанию еще задолго до 25 октября 1917 года. Сами основные, определяющие собою современное наше бытие идеи коммунизма и диктатуры пролетариата зародились за многие десятилетия до этой исторической даты.

Точно так же обстоит дело и с агрономической работой. Нашу довоенную общественную агрономию нельзя рассматривать как нечто единое, устоявшееся и крепко спаянное с устоями старого дореволюционного общества. Агрономическая общественность и агрономическая работа была частью общерусской общественности и русской жизни с такой же пестротой идей и взглядов на сельское хозяйство, с борьбой самых разнообразных течений и с весьма большим многообразием методов работы. При этом необходимо отметить, что большинство руководящих агрономических идей были впервые сформулированы за самое последнее время и почти совершенно не успели еще получить более или менее заметного конкретного воплощения.

Поэтому единственно правильным отношением к нашему старому опыту агрономической работы является внимательный анализ каждой из его рабочих идей и технических методов и отбор того жизненного и практически полезного, что может быть использовано в работе текущего дня.

Вся задача лежит не в отрицании старого, а в определении того, какие элементы этого старого могут быть практически полезны в новом.

Сказанного достаточно для того, чтобы понять неправильность противопоставления «старого» и «нового». Решение спора лежит в формулировании наших задач как задачи организации новой системы агрономической помощи населению, соответствующей новой политической и социально-экономической обстановке, при непрерывном условии использования всех тех элементов старого опыта общественной агрономии, которые могут быть практически полезны, а их, как мы увидим ниже, будет очень много.

Постараемся теперь сообразно сказанному выяснить что же «нового» и что из «старого» будет содержаться в нашей завтрашней работе.

Для всякого знакомого с нашей теперешней народно-хозяйственной жизнью, ясно, что новое по преимуществу будет заключаться в сознании политической сущности агрономической работы и ее социально-экономических заданиях, а из старого опыта будут по преимуществу взяты некоторые организационные принципы и значительная часть педагогических и технических методов рабо-

ты, а также весь тот огромный агрономический и технический опыт, который за ряд десятилетий сумела скопить наша наука.

В самом деле, мы должны как новое учесть те нижеследующие элементы работы:

1) Старая агрономия была не только оторвана от государственной политики старой России, но в своем значительном большинстве враждебна ей и во многом представляла собою «государство в государстве». Это обстоятельство создавало такую обстановку, в которой агрономы пытались нередко путем «сказа» и «показа» врачевать техническими реформами глубочайшие язвы нашего до-революционного земледелия. Само собою понятно, что в значительной части работы это приводило к беспомощному топтанию на месте, так как искомый агрономический эффект в значительном числе случаев не мог быть достигнут ни «сказом», ни «показом», а совершенно иными мероприятиями аграрной, торговой, налоговой и тарифной политики государственной власти.

В настоящее время, когда агрономические мероприятия слились воедино со всеми другими государственными мероприятиями в единую систему государственной экономической политики, такая изолированность уже не может иметь места, и стихийному развитию крестьянских хозяйств должна быть предоставлена не агротехническая пропаганда как таковая, а вся система экономической политики и агрономическая помощь как органическая часть этой системы.

Говоря иначе, агрономическая работы в каждом пункте ее программы должна быть поддержана мерами аграрной, торговой, налоговой и других отраслей государственной политики, а, с другой стороны, сама агрономическая работа не может выйти из общего русла государственной политики и встать с ней в противоречие, ибо она есть только служебная часть целого.

2) Как органическая часть целого агрономическая работа неизбежно должна преследовать в своей деятельности те же задачи и цели, которые ставит перед собою это целое. Поскольку экономическая политика СССР направлена на создание системы государственного капитализма и вовлечение в нее распыленного сельского хозяйства, агрономические работы должны соотносываться с этими заданиями.

В отношении крестьянского хозяйства проникновение капитализма происходило прежде всего в формах торгового и финансового капитализма, т. е, захвата в руки капитала крестьянского товарооборота и кредитования его в ростовщических формах. Затем в круг влияния капиталистических форм хозяйства попадали процессы первичной переработки сельскохозяйственных продуктов, которые отделялись от земледелия в особые уже индустриального типа предприятия (маслоделие, картофельное дело, консервирование, льнотрепание и проч.).

Система государственного капитализма, как мы видим, прежде всего и стремится занять эти позиции капитализма и в формах го-

сударственной, главным образом кооперативной торговли, кредита и производства занять диктующее положение в этих отраслях местного хозяйства. Естественно, что задачей агрономии является связать свою работу с этими опорными пунктами, а главным образом организовать население и увязать его с местными сельскохозяйственными кооперативами так, чтобы этим каждый кооперированный крестьянский двор вошел хотя и не в непосредственную, но все же определенную организационную связь с планирующими органами нашей республики.

Последняя фраза может показаться утопичной по своему содержанию, но мы склонны утверждать, что даже уже сейчас в картофельной, маслодельной и отчасти льняной кооперации РСФСР плановая увязка центров уже начинает захватывать в свое влияние и лежащие в основе кооперативной системы крестьянские хозяйства.

Помимо увязки крестьянских хозяйств вокруг хозяйственных органов системы государственного капитализма в лице главным образом кооперативных организаций агрономия неизбежно должна производить их кристаллизацию и вокруг агробаз, сем- и племхозов, зерноочистительных и прокатных и случных пунктов и тем самым увеличивать в составе крестьянской стихии элементы общественного хозяйства.

3) Некоторые изменения должны произойти и в социальных основаниях работы. Прежде всего мы, по всем вероятностям, должны будем отказаться от злоупотребления выражением «объект агрономического воздействия», ибо наш крестьянин, пройдя через школу войны и революции, вырос на много голов из «объекта» и успел превратиться в «субъекта» строительства современной деревни. Как может быть это ни обидно для нашего самочувствия, но хозяином агрономического прогресса в деревне после революции становится крестьянин в лице своих советских и кооперативных организаций.

Период агрономического «просвещенного абсолютизма» кончился. И если кое-где это еще не так, то это должно быть так. Социальный момент неизбежно отразится и на определении тех слоев деревни, обслуживанию которых будет посвящена агрономическая работа. Обычно местная агрономия при разработке своей программы намечала свои планы. Часто, как, например, это отмечали южные⁶ агрономы ([Л. П.] Сокальский⁷ и др.), реализация этой программы оказывалась непосильной для маломощных слоев деревни, и они фактически оказывались за бортом агрономической работы.

6. Исправлено, в оригинале — «ложные агрономы» — *Ред.*

7. Леонид Петрович Сокальский (точные годы жизни не установлены, скончался на 47-м году жизни в 1919 или 1920 г.) — земский агроном, действительный член и секретарь Харьковского общества сельского хозяйства. Сотрудничал в «Агрономическом журнале». В годы Гражданской войны — профессор Донского политехнического института — *Ред.*

Еще в 1911 году северные агрономы отмечали ненормальность этого положения вещей и выдвигали идею дифференциальной программы, согласно которой агрономическая программа должна предвидеть социально-экономическое расслоение деревни и для каждого слоя ее выискивать формы прогрессивной эволюции⁸. Однако до войны эта идея не нашла себе сколько-нибудь заметного воплощения. В условиях современной сельскохозяйственной политики она, естественно, становится обязательной.

Таковы при новых обстоятельствах агрономической работы в значительной мере видоизменяющие их социально-экономическое содержание и значение.

Переходим ко второй части нашей темы и постараемся уяснить, требуют ли эти новые задания новых организационных и технических методов агрономической работы, или они могут быть выполнены теми же приемами, какими работала старая земская агрономия.

В этом вопросе существуют различные точки зрения. Вряд ли это теперь припомнят, но в 1921 году один из докладчиков Московского общества сельского хозяйства предлагал объединить крестьянские хозяйства в группы по 30–50 штук и над каждой такой группой посадить в качестве управляющего агронома, снабженного крепкими административными полномочиями, а ввиду того что для таковой операции требовались бы десятки тысяч агрономов, не имеющих в наличности, предлагалось весь наличный агроперсонал сосредоточить в двух-трех губерниях, предоставив остальное на стихийное течение. Столь радикальный проект упразднения крестьянства вызвал возражение всех присутствующих, а в том числе и двух членов коллегии Наркомзема, и далее не разрабатывался.

Значительно более реальным проектом была идея государственного регулирования, выдвинутая Н. Осинским в последние месяцы эпохи военного коммунизма. Согласно ей крестьянские хозяйства должны были в административном порядке получать количественные задания на разные культуры и проводить элементарные проверенные на опытных полях новые приемы земледелия: вспашка на зябь и т. п.⁹.

8. По всей видимости, Чалянов имел в виду доклад представителей Ярославского земства, прочитанный на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению в феврале 1911 г.: *Ошанин М., Пиотрашко Л., Дмитриев А.* Работа и взаимоотношения земской и правительственной агрономических организаций в Ярославской губернии // Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21–28 октября 1911 г. Т. I. Материалы по I и II секциям (доклады и журналы заседания). М., 1911. С. 62–66 — *Ред.*

9. См. статью Осинского в «Правде» от 5 сентября 1920 г.: «На будущий год к этому первому пласту может уже добавиться следующий: примитивные указания, чем именно засеять (скажем, например, овсом, а не в обход развертки другими кормовыми средствами), и как обрабатывать землю (регулирование обязательными постановлениями времени первой вспаш-

Однако с переходом к новой экономической политике этот проект был значительно сужен и при практическом проведении свелся к проведению всем памятной посевкампании 1921 и 1922 года, в которой элемент административного вмешательства почти не ощущался. Однако идея «агрономического предписания» и в настоящее время не может считаться оставленной, и вокруг нее до сих пор в агрономической среде идут оживленные споры.

Как это ни странно, но мы не склонны считать этот вопрос принципиальным — в быту нашей обширной деревни элементов «агрономического предписания» в виде обязательного «севооборота», заказа лугов и покоса и многого другого всегда было достаточно, и они не новы. Всякого рода лесохранительные, мелиоративные и ветеринарные мероприятия также всегда носили характер «предписания». Дело поэтому не в принципе, а в целесообразности, т. е. в факте. Нужно путем подробного изучения установить, какой из этих методов с наименьшей затратой материальных средств и организационных сил может добиться тех же реальных массовых результатов. В конце концов дело цены, которую покупается результат.

Мы уверенно полагаем, что при соединенных усилиях аграрной, торговой, налоговой, тракторной и иных форм экономической политики, с одной стороны, и кооперативной и агрономической работы — с другой, мы можем сделать без мероприятий видимого неэкономического принуждения все или почти все, ну а в том, что не входит в это «почти все», может быть произведено и административное вмешательство, если, конечно, оно действительно обеспечивает достижение цели, недорого, не разрушает побочно чего-либо в хозяйственной жизни и не вызывает социальных осложнений.

Таким образом, из этого мы видим, что в значительной своей части остается в силе вся методика агропропаганды и весь арсенал приемов и методов, с помощью которых пробуждала крестьянскую самостоятельность и направляла ее на путь агрономического прогресса старая агрономия.

Могут сказать, что при нашем понимании вещей фактически участковый агроном будет делать почти все то же, что он делал, скажем, в 1913 году, и спросят, что же тут нового. На это мы ответим, что солдатская трехлинейная винтовка при взятии Перекопа стреляла в руках красноармейца совершенно так же, как стреляла она на Бзуре и в битве под Праснышем, но в первом случае она была оружием революции, а во втором — винтовкой старой армии.

Весь вопрос — в ее прицеле. А социально-экономический прицел агрономической работы нами формулирован с достаточной ясностью.

ки, повторения ее, обязательной вывозки навоза и пр.» (*Осинский Н.* Сельскохозяйственный кризис и социалистическое строительство в деревне // Правда. М., 1920. № 196. 5 сентября. С. 2) — *Ред.*

А кроме того, необходимо отметить, что участковый агроном 1924 года будет работать далеко не совсем так, как работал он в 1913 году, и благодаря перевороту, происшедшему в нашей деревне, круг его возможностей значительно расширился и в его руках помимо «сказа» и «показа» имеется немало и более материальных способов воздействия. В его руках — подбор машин на всех кооперативных и государственных складах, он определяет состав улучшенных семян, бросааемых в крестьянские хозяйства, в его распоряжении все племхозы и племенные рассадники, он может регулировать технические требования при приемке сельскохозяйственных товаров, при организации сбыта и прочие пути для прямой экономической интервенции в толщу крестьянских хозяйств.

Говоря образно, если ранее агрономия пыталась путем воздействия на крестьянское сознание организовать сельскохозяйственное бытие, то теперь она получает вдобавок к этому возможности путем прямого воздействия на материальное бытие хозяйства — формировать крестьянское сознание.

Вот, собственно, и все, что автор хотел сказать. Читатели, знакомые с нашей политикой в области агрономической помощи могут убедиться, что мы не столько критикуем, сколько утверждаем. Единственное, с чем я не могу согласиться, — это с часто наблюдаемым на местах забвением основного зоотехнического правила, согласно которому для получения высоких выходов всех сельскохозяйственных животных, в том числе и нас, агрономов, совершенно необходимо держать не на поддерживающем, а на продуктивном кормлении.

АРАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 137. Неавторизованная машинопись.

Organization of agricultural production at the local level

A. V. Chayanov

Vladislav O. Afanasev (publisher), Senior Researcher, Moscow School of Social and Economic Sciences; Junior Researcher, Research Centre for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com

Abstract. This typescript was found in the fund of the Soviet party economist Lev Natanovich Kritzman (F. 528) in the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS), and has never been published before. The typescript consists of 16 sheets without an autograph or any handwritten corrections and marks. The typescript does not have any direct indications of the time of its creation. There are two more documents: a letter to Kritzman of December 26, 1929, and a fragment of the text written by Chayanov's hand, which is very close to this typescript and seems to be one of its drafts. On the back of this sheet, there is an inscription — "2nd House of Soviets. Room 327. To L. N. Kritzman from A. Chayanov".

The typescript presents the concept of the gradual 'rooting' of the peasant economy in socialism through the voluntary 'cooperative collectivization' and with the incen-

tive mechanisms of a purely economic nature. We can see similar theoretical bases in Lenin's 'cooperative plan' and Bukharin's theory of the peaceful ingrowth of capitalist elements into socialism. In these ideological-theoretical alternatives to Stalin's collectivization, the peasant was considered a full-fledged subject of the economic activity and socialist construction, who needed all possible assistance with the state policy measures rather than commands.

Chayanov refused to choose between the state-farm construction and the total socialization of the peasant agricultural sector. He developed an alternative program of socialist construction, which included the thorough revision of his own positions on some issues. Based on the data, Chayanov sought to show how far the Soviet village had moved from the pinnacle of the pre-war economic development, and that the Soviet peasantry had ceased to be 'an object of the agronomic influence'. Thus, according to Chayanov, in contemporary realities, old methods and schemes of agronomic work became ineffective.

Archivists dated the documents in the file to 1930. We do not know reasons for such dating, but it raises some doubts. We can be certain about relative dating and the lower chronological frame — 1927. According to the address-reference book *All Moscow*, Kritzman moved to Room 327 of the 2nd House of Soviets in 1927 (*All Moscow (1927) Address-Reference Book for 1927: 3rd year of publication by the Moscow Council; with the new plan for the city of Moscow, Moscow, p. 147*).

There are more doubts about the upper chronological frame. If all these documents are really related to each other, the text should be dated according to the letter to Kritzman. Chayanov wrote that he had not finished an agronomic essay (in collaboration with P. Ya. Gurov and S. G. Uzhansky), because he was terribly upset by the first days of work of the First All-Union Conference of Marxist Agrarians. Moreover, Chayanov "did not get Sadyrin's article, which made him throw away the whole 'reality' and end his 'cooperation' in the same purely theoretical terms as he had started" (ARAS. F. 528. Inv. 5. F. 137. L. 1). Chayanov could mean his articles for the *Great Soviet Encyclopedia*, in which Kritzman edited the section of economic sciences and the subsection of economic policy until 1934; or for one of the periodicals, in which Kritzman was a member of the editorial board (for instance, *On the Agrarian Front*). Chayanov could use the word 'cooperation' as a title for the typescript sent to Kritzman for proofreading and editing.

By the end of 1929, Chayanov was in an extremely difficult situation, and it became even worse after the First All-Union Conference of Marxist Agrarians, at which Chayanov and his colleagues were ideologically persecuted. Probably, after Stalin's speech, Kritzman decided to postpone or abandon this publication. There is no article by Chayanov in the *Great Soviet Encyclopedia*, and no articles by Gurov or Uzhansky in the corresponding volumes; and this typescript was not published.

If our reasoning is correct, Chayanov's courage can hardly be overestimated: under the huge ideological and psychological pressure, he decided to publicly announce his disagreement with Stalin's course.

Editor's notes are marked as Ed. and given in square brackets.

Key words: Chayanov, collectivization, peasantry, state, social agronomy, socialism.

Organization of agricultural production at the local level¹

A. V. Chayanov

Irina V. Trotsuk (translator), DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Vladislav O. Afanasenkov (publisher), Senior Researcher, Moscow School of Social and Economic Sciences; Junior Researcher, Research Centre for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com

Abstract. This typescript was found in the fund of the Soviet party economist Lev Natanovich Kritzman (F. 528) in the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS), and has never been published before. The typescript consists of 16 sheets without an autograph or any handwritten corrections and marks. The typescript does not have any direct indications of the time of its creation. There are two more documents: a letter to Kritzman of December 26, 1929, and a fragment of the text written by Chayanov's hand, which is very close to this typescript and seems to be one of its drafts. On the back of this sheet, there is an inscription — "2nd House of Soviets. Room 327. To L. N. Kritzman from A. Chayanov".

The typescript presents the concept of the gradual 'rooting' of the peasant economy in socialism through the voluntary 'cooperative collectivization' and with the incentive mechanisms of a purely economic nature. We can see similar theoretical bases in Lenin's 'cooperative plan' and Bukharin's theory of the peaceful ingrowth of capitalist elements into socialism. In these ideological-theoretical alternatives to Stalin's collectivization, the peasant was considered a full-fledged subject of the economic activity and socialist construction, who needed all possible assistance with the state policy measures rather than commands.

Chayanov refused to choose between the state-farm construction and the total socialization of the peasant agricultural sector. He developed an alternative program of socialist construction, which included the thorough revision of his own positions on some issues. Based on the data, Chayanov sought to show how far the Soviet village had moved from the pinnacle of the pre-war economic development, and that the Soviet peasantry had ceased to be 'an object of the agronomic influence'. Thus, according to Chayanov, in contemporary realities, old methods and schemes of agronomic work became ineffective.

Archivists dated the documents in the file to 1930. We do not know reasons for such dating, but it raises some doubts. We can be certain about relative dating and the lower chronological frame — 1927. According to the address-reference book *All Moscow*, Kritzman moved to Room 327 of the 2nd House of Soviets in 1927 (*All Moscow*

---

1. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research program.

(1927) Address-Reference Book for 1927: 3rd year of publication by the Moscow Council; with the new plan for the city of Moscow, Moscow, p. 147).

There are more doubts about the upper chronological frame. If all these documents are really related to each other, the text should be dated according to the letter to Kritzman. Chayanov wrote that he had not finished an agronomic essay (in collaboration with P.Ya. Gurov and S. G. Uzhansky), because he was terribly upset by the first days of work of the First All-Union Conference of Marxist Agrarians. Moreover, Chayanov “did not get Sadyrin’s article, which made him throw away the whole ‘reality’ and end his ‘cooperation’ in the same purely theoretical terms as he had started” (ARAS. F. 528. Inv. 5. F. 137. L. 1). Chayanov could mean his articles for the *Great Soviet Encyclopedia*, in which Kritzman edited the section of economic sciences and the subsection of economic policy until 1931; or for one of the periodicals, in which Kritzman was a member of the editorial board (for instance, *On the Agrarian Front*). Chayanov could use the word ‘cooperation’ as a title for the typescript sent to Kritzman for proofreading and editing.

By the end of 1929, Chayanov was in an extremely difficult situation, and it became even worse after the First All-Union Conference of Marxist Agrarians, at which Chayanov and his colleagues were ideologically persecuted. Probably, after Stalin’s speech, Kritzman decided to postpone or abandon this publication. There is no article by Chayanov in the *Great Soviet Encyclopedia*, and no articles by Gurov or Uzhansky in the corresponding volumes; and this typescript was not published.

If our reasoning is correct, Chayanov’s courage can hardly be overestimated: under the huge ideological and psychological pressure, he decided to publicly announce his disagreement with Stalin’s course.

Editor’s notes are marked as *Ed.* and given in square brackets.

Key words: Chayanov, collectivization, peasantry, state, social agronomy, socialism.

DOL: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-21-34

One of the most important questions of our economic policy is how and in what forms our agriculture, almost entirely peasant, can be integrated into the system of state capitalism, and whether such forms can become the basis for the further development of socialist economy and for the transformation of this transitional system of state capitalism.

One cannot but admit that this issue receives enough attention. It has been and is still considered by many authors; however, they tend to consider it in the most general terms — pointing either to the system of state regulation and cooperation or to the state trade and credit as forms for linking agriculture with urban industry; foundations of state capitalism are the most evident in the organization of the latter.

As a rule, there is no clear development of these provisions and no details; thus, it is absolutely impossible to imagine how different authors interpret the ‘molecular’ structure of the new Russian village, the specific everyday economic and social behavior of Ivans, Siders, Pankrats and Emelyans — each of them separately and all of them together.

Certainly, this specification forms the heart of the matter; this specification can reveal those ‘molecular’ shifts and processes that

transform the entire social array of peasant economies and completely change its quality as a fabric for all kinds of social constructions.

In the current situation, the question can be formulated as follows — should we consider the peasant economy as an element of dispersed dwarf family farms, in relation to which the system of state capitalism has to adopt the same methods of work as the system of ordinary capitalism, i.e., to organize the peasant economy with the methods of market pressure, to draw it into the orbit of its influence, and to make it a source of primary accumulation by the usual means of trading and financial capitalism. Or should we admit that in the thickness of the peasant economy, there are historical processes which, provided their further development, lead to the elimination of the spontaneity and dispersal of peasant economies and introduce principles of the large-scale social economy, thus, allowing to organically integrate our agriculture into the planned economy of the state capitalism system.

In the first case, the further path leads to the destruction of the peasant economy and to its gradual replacement by large grain and meat factories; in the second case — to the ever-increasing strengthening among the small commodity producers of the elements of the social large-scale economy to its optimal size under agricultural production, and to the organic combination of the resulting new system of agricultural organization with the large-scale urban industry.

It goes without saying that the question cannot be decided by the cabinet-style logical reasoning — only by the historical process of rural development.

However, even today we can and have to admit that in the surrounding rural reality, there are economic and social elements, the development of which can lead to the second decision of our main question, i.e., to the gradual organic rebirth of the peasant element into higher forms of production organization.

We have already considered in great detail the theoretically conceivable forms of such development in the articles on the production significance of agricultural cooperation and on the forms of industrialization in agriculture; it seems that we have succeeded in proving the theoretical possibility of this form of the peasant economy evolution.

However, for the current practical policy, it is not the theoretical possibilities that are important, but the actual presence of the described processes in the peasant economy, their share in the current stage of the historical development of the Russian village, and the state influence methods that can strengthen and accelerate these processes.

Today, this is precisely the heart of the matter.

Before the revolution and especially in its first years, the development of the Russian economic and political thought was to a large extent limited to a number of urban issues. The countryside was considered only a factor that put pressure on national and urban inter-

ests, which explains our little awareness of the state of affairs in the depths of the countryside; the revival of interest in it made us almost send special expeditions to the countryside similar to expeditions to Central Africa.

However, for local agronomists, cooperators and other rural workers, it is clear from their daily impressions that, under the developing monetary-commodity relations and the favorable global market conditions for agricultural products, our countryside is reorganized relatively quickly and is filled with those elements of social economy which determine a higher level of its organization.

The village organization is expressed in the development in its thickness, partly in infancy and often to a large extent, of the following elements of social economy and life, which were completely unknown in the village before 1905.

1. Proper organization of settlements by territory, allocation of settlements, and in general proper, rational land management
2. Organization of water supply by engineering means
3. Organization of roadworks and equipping highways and other access² roads to railway stations
4. Equipping the local commodity circulation with commercial premises, scales, warehouses, elevators, refrigerators, etc.
5. Providing the population with postal, telegraph, telephone and other means of communication
6. Development of a cooperative network and related local facilities for the primary processing of agricultural products (dairy, potato-grating, drying, canning, and other plants)
7. Development and rationalization of the local industry auxiliary to agriculture (repair shops, forges, etc.)
8. Development of a network of agronomic centers and other auxiliary agricultural facilities (cattle breeding and seed farming, grain cleaning, coupling and rental points, etc.)
9. Power organization of the region, i.e., its electrification and supply with tractors
10. Organization of public medicine, veterinary medicine and sanitation
11. Development of a network of schools, village reading rooms, local museums, folk houses, theaters and other forms of cultural work
12. Organization of regional social life, its linking with cultural centers, and providing equipment for this work.

It is clear that this organizational work, which is ever-increasing quantitatively due to the developing cooperative collectivization of individual peasant farms, will lead to the inevitable qualitative rebirth of the countryside and to its historical transition to new forms of social life.

---

2. Corrected, in the original 'uyezd roads' — *Ed.*

The development of the above-mentioned elements — imperceptible, routine, but gradually increasing for local workers — was clear already from 1911; however, it seemed self-evident and was not given *any fundamental importance*³ despite its historical significance.

By way of proof, we would take the liberty of providing information about the current development of these elements in the village organization based on the Moscow *uyezd* data, i.e., the region without a special agricultural organization.

The main responsibility for the local economy reorganization is taken by land departments of local councils, and its key part is undertaken by the apparatus of the so-called ‘agronomic assistance to the population’.

In the Moscow *uyezd*, this apparatus, in addition to the central *uyezd* group of specialists and agronomists, is divided into 12 groups — each serves one small-district *volost*, has a small plot of land, and is headed by the district agronomist. We will provide information based on the handwritten reports of these agronomists.

From October 1, 1923 to October 1, 1924, with the significant participation of agronomists and specialists, 14 single-plan settlements were allotted, and 11 settlements were divided into farmsteads (*khutors*) and land allotments. Most importantly, in 80 villages, intra-communal land management was carried out, and land was divided into wide strips. The number of strips owned by one peasant in each field before the land management was 3.5, after — 2.0; thereby, the average size of the strip increased from 222 square *sazhens*⁴ to 648. With the transition to wide strips, there was a transition to the improved crop rotation. Before the transition to wide strips, 89% of 80 villages had the three-field system, after the transition — only 1.3%; the rest chose other, mainly rational crop rotation.

80 villages that reorganized their territory in 1924 accounted for 14% of 569 villages in the *uyezd*; together with the settlements that switched to wide stripes in previous years, they accounted for 278, or 48% of the villages that rationally organized their territories. As the reader can see, the pace of the reform is striking. Even more surprising is the pace of the grass-sowing development.

By 1924, there were 134 villages (23%) with grass-sowing; during 1924, 85 villages switched to grass-sowing, i.e., 219 (38%) in total; out of 350 villages without grass-sowing, in 130 it was economically irrational (horticulture and other more intensive areas); 200 villages keep the three-field system, but, provided the same pace of transition, they would switch to grass-sowing in 3–4 years at most.

3. Underlined in the original — *Ed.*

4. 2.13 square meters — *Ed.*

In addition to land management, 13 associations were engaged in land improvement: more than 30 *verst*s⁵ of drainage channels were dug in a year, and extensive measures were taken to improve meadows.

The scope of organizational and social work of 12 agrarian points can be seen from the following data:

1. agrarian staff had 613 conversations on agriculture in 419 villages — 16,340 listeners, 1226 hours;
2. gave 347 lectures on agriculture in 264 villages — 15,968 listeners, 1101 hours;
3. taught 35 general and special advanced courses — 1472 people, 1271 hours;
4. held 4395 individual consultations;
5. organized 3 agricultural exhibitions attended by 21,000 people, mostly peasants.

Thus, peasants contacted agrarian staff in the form of lectures, conversations and consultations 38,175 times, or 49,000 if we count visits to exhibitions. This work was of a truly mass nature.

In addition to oral propaganda, more than 3,000 copies of agricultural books were distributed free of charge; 33 libraries with 15,000 volumes were engaged, which, however, were considered by agronomists to be far from complete.

Besides this usual in methodology agrarian propaganda, its new forms were used quite successfully — agrarian plays and courts, agricultural holidays and all other kinds of campaigns.

Methods for the objective influence on the peasant economy deserve even more attention. In 95 villages, on the land of 110 households, 124 demonstration plots were organized for various comparative experiments on agricultural improvements; in 100 settlements, experiments with crop variety testing caused a massive demand for pedigree seeds.

At 74 rental points of 12 agricultural plots, there were 929 agricultural machines serving 1811 households; 26,905 *poods*⁶ of oats, rye and wheat were threshed and cleaned. It should be noted that this does not include the work of numerous rental points of agricultural cooperation.

8 coupling points with 18 stallions impregnated 27 peasant horses; the work on other types of animal husbandry is being organized. Pest control is carried out on a large scale. In total, in 1924, agrarian staff made 5,205 working trips from agricultural bases.

The above-described work of 12 agrarian points is supplemented by the work of 189 agricultural cooperatives (according to the Moscow Land Department's data as of October 1, 1924). The nature of the work of this cooperative network can be seen from its composition. As of October 1, 1924, there were 6 communes, 33 artels, 16 part-

5. 1.06 km — *Ed.*

6. 16.4 kg — *Ed.*

nerships for joint plowing; 19 land improvement, 18 animal husbandry, 13 electrification, 22 credit, 8 agricultural, 3 dairy, 1 seed breeding, 2 beekeeping, and 7 handicraft artels; 13 machine associations, and 28 consumer societies.

The provided information on only one branch *within only one uyezd precincts* is completely sufficient to prove that our village is in the state of the rapid economic fermenting and organization. In the place of the routine rest of disunited, isolated local farms, we see, perhaps, the first steps, but they are impressive enough to admit those processes of our village rebirth, which we spoke about at the beginning of the article, and this predetermines the second decision for our main question.

Due to the importance of this question, we have to examine in more detail the main organizing principle of the above-described agronomic apparatus and its agronomic assistance to the population.

Certainly, we know that far from everywhere things are going just as well as in the Moscow *uyezd*. However, as one can judge from the comments of local agronomists visiting Moscow, from the impressions of agronomic conferences and from all kinds of printed materials, reports, articles and even books, in recent years, the local agronomic work has gradually woken up from the almost ten-year stagnation that began in 1914. For many years, this stagnation has torn agronomic workers from their plots to send them to the front, food production, state-farms, schools, commercial trade, land department offices, agricultural bases, i.e., everywhere except peasant fields and stalls.

Today, this difficult period has ended or, more precisely, is ending. A new agronomy is developing and starting to work. The observer and participant of this process would strive to identify the main direction of this new agronomic work and what is happening — the revival of the old agronomy or the emergence of something new.

There are fierce debates about this issue, which sometimes become of a sharp, almost political nature: the ‘young’ and the ‘old’ butt heads — the latter admit the continuity of the Soviet culture from the Russian pre-revolutionary culture, while the former do not accept anything from the obsolete world.

In any case, this issue is on the agenda and requires if not a solution, then at least clarification or, perhaps, abolition.

We believe that if we consider this issue with some composure, both sides — ‘revivalists’ and ‘originators’ — will turn out to be both right and wrong. If we define ‘revival’ as the restoration of the old agronomic work in general, ‘revivalists’ are clearly wrong and historically naive... In 1924⁷, the old village, the old *zemstvo*, and the en-

---

7. Corrected, in the original 1912 — *Ed.*

ture old social-political atmosphere, in which the old local agronomy had developed and existed, were gone never to return.

On the other hand, those are completely wrong who want to build the new from scratch and declare the entire experience of the old *zemstvo* agronomy to be obsolete and to be thrown overboard with other elements of the obsolete system. This would be an organizational blunder. Neither Lenin nor other leaders of the October Revolution have ever denied the fact that in its smallest forms our Soviet culture is a successor of the Russian pre-revolutionary culture, and that many of the Soviet cultural elements and ideas were inherent in the Russian public consciousness long before October 25, 1917. The very basic ideas of communism and dictatorship of the proletariat, which determine our contemporary existence, were born many decades before this historical date.

The same applies to agronomic work. Our pre-war social agronomy cannot be regarded as something unified, established and firmly connected with the foundations of the old pre-revolutionary society. Agronomic community and agronomic work were a part of the Russian community and Russian life, i.e., showed the similar diversity of ideas and views of agriculture, the struggle of the most diverse approaches, and a large variety of methods. At the same time, it should be noted that most of the guiding agronomic ideas have been formulated for the first time very recently and have not been realized yet in a more or less noticeable form.

Therefore, the only right attitude to our old agronomic experience is a careful analysis of its working ideas and technical methods, and a selection of those vital and practically useful ones that can be applied in our current work.

The whole task is not to deny the old but to identify those elements of the old that can be practically useful in the new.

What has been said is enough to understand the wrong opposition of the 'old' and 'new'. The solution to the dispute lies in the formulation of our tasks as organizing a new system of agronomic assistance to the population, which will correspond to the new political and social-economic situation, provided the indispensable use of all those elements of the old social agronomy that can be practically useful; as we will show further, there are many such elements.

Let us try to find out what will be 'new' and 'old' in our tomorrow's work.

For anyone familiar with our current national-economic life, it is clear that the new will mainly consist of realizing the political essence of agronomic work and its social-economic tasks, while the old will primarily provide some organizational principles, a significant part of pedagogical and technical methods, and the huge agronomic-technical experience that our science has accumulated for decades.

Indeed, we have to consider as new the following elements of agronomic work:

1) The old agronomy was not connected with the state policy of old Russia; moreover, it was mainly hostile to it and in many respects represented 'a state within the state'. This explains why agronomists often tried to heal the deepest ulcers of our pre-revolutionary agriculture with technical reforms by 'tale' and 'show'. It goes without saying that in a significant part of work, this led to helpless marking time, since in a significant number of cases, the desired agronomic effect could not be achieved by either 'tale' or 'show', but needed completely different measures of the agrarian, trade, tax and tariff state policy.

Today, when agronomic measures have merged with all other state measures into a unified system of the state economic policy, such isolation is no longer acceptable. The spontaneous development of peasant economies should be provided not with agrotechnical propaganda but with a system of economic policy and with agronomic assistance as an organic part of this system.

In other words, at each point of its program, agronomic work has to be supported by measures of the agrarian, trade, tax and other state policy. On the other hand, agronomic work should not leave the general course of the state policy or contradict it, because agronomic work is only a service part of the whole.

2) As an organic part of the whole, agronomic work has to pursue the same tasks and goals as this whole. Since the USSR economic policy strives to create a system of state capitalism and to include the scattered agriculture in it, agronomic work has to accept these tasks.

Concerning the peasant economy, penetration of capitalism took place primarily in the forms of trading and financial capitalism, which means the capital's seizure of the peasant commodity circulation and its crediting in usurious forms. Then, the capitalist forms of economy seized the primary processing of agricultural products, which separated primary processing from agriculture into special industrial enterprises (dairy, potato production, canning, flax-scutching, etc.).

Thus, the system of state capitalism primarily strives to occupy these positions of capitalism in order to command these branches of the local economy in the state forms, mainly cooperative trade, credit and production. Thereby, the agronomy's task is to connect its work with these strongpoints, but mainly to organize the population and connect it with local agricultural cooperatives in such a way that each peasant household would establish a certain, though not direct, organizational connection with the planning bodies of our republic.

This statement may seem utopian, but we feel certain that in the RSFSR, in the potato, dairy and partly flax cooperation, the planned coordination of centers has already covered peasant economies that form the basis of the cooperative system.

In addition to linking peasant economies with the economic bodies of the state capitalism system (mainly in the form of cooperative organizations), agronomy has to ensure their development around agrarian bases, seed and breeding farms, grain-cleaning, rental and

coupling points, thus, increasing the elements of social economy in the composition of peasant economy.

3) Some changes should take place in the social foundations of agronomic work. First and most likely, we would have to stop misusing the expression ‘an object of agronomic influence’, because our peasant, having passed through the mill of the war and revolution, outgrew ‘object’ and managed to turn into a ‘subject’ building the contemporary village. No matter how hurting for our well-being, we must admit that the peasantry (its Soviet and cooperative organizations) becomes the master of the agronomic progress in the countryside after the revolution.

The era of the agronomic ‘enlightened absolutism’ is over. If in some places it is not over yet, it must end. The social factor will inevitably affect the identification of the village strata which the agronomic work will serve. As a rule, when developing its program, local agronomy prepares its own plans. Often, as, for instance, the southern⁸ agronomists ([L. P.] Sokalsky⁹ and others) noted, small peasants were unable to implement this program, which threw them out of agronomic work.

Already in 1911, the northern agronomists noted the abnormality of this situation and suggested a differentiated program, i.e., the agronomic program that anticipates the social-economic stratification of the village and finds forms of the progressive evolution for each village strata¹⁰. However, before the war, this idea was not realized in any noticeable form. Certainly, under the current agricultural policy, this idea is mandatory.

In new circumstances, these are the principles of agronomic work, which to a large extent change its social-economic content and significance.

Let us turn to the second part of our topic in order to assess whether the new tasks require new organizational and technical methods of agronomic work, or they can be performed with methods of the old *zemstvo* agronomy.

8. Corrected, in the original ‘false agronomists’ — *Ed.*

9. Leonid Petrovich Sokalsky (years of his life are unknown, he died at the age of 47 in 1919 or 1920) — a *zemstvo* agronomist, full member and secretary of the Kharkov Society of Agriculture; worked for the *Agronomic Journal*; during the civil war was a Professor at the Don Polytechnic Institute — *Ed.*

10. Apparently, Chayanov means the report of the representatives of the Yaroslavl *Zemstvo* at the Moscow Regional Congress of the Workers of the Agronomic Assistance to the Population in February 1911. See: Oshanin M., Piotrashko L., Dmitriev A. (1911) The work and relationship of the *zemstvo* and government agronomic organizations in the Yaroslavl Province. *Proceedings of the Moscow Regional Congress of the Workers of the Agronomic Assistance to the Population on October 21–28, 1911*, vol. I: Presentations of Sections I and II (Reports and Journals of the Meeting), Moscow, pp. 62–66 — *Ed.*

There are different points of view on this issue. It is unlikely to be remembered today, but in 1921, one of the speakers of the Moscow Society of Agriculture suggested to organize peasant economies into groups (30–50 units) headed by managing agronomists with strong administrative powers. Such a system would need tens of thousands of agronomists, whom we do not have; therefore, the speaker proposed to concentrate the available agrarian personnel in two or three provinces leaving the rest up to chance. Such a radical project for the abolition of peasants provoked objections from all those present, including two members of the Board of the People's Commissariat for Agriculture; the project was not developed.

A much more realistic project was the state regulation suggested by N. Osinsky in the last months of war communism: peasant economies were to receive quantitative assignments for various crops and to use new elementary farming methods tested on experimental fields: fall-plowing, and so on¹¹.

With the transition to the New Economic Policy, this project was significantly cut and, when implemented, reduced to a memorable sowing campaign of 1921–1922 with almost no element of administrative interference. Nevertheless, the idea of 'agronomic regulation' cannot be considered abandoned, and there are still lively disputes about it in agronomy.

Strangely enough, we do not regard this issue as fundamental — in the life of our village, elements of 'agronomic regulation' are not new; there have always been such elements in the form of mandatory 'crop rotation', orders for meadows and mowing, and so on. All kinds of forest protection, land-improvement and veterinary measures have always been of a 'regulation' nature. Therefore, the point is not in principle but in feasibility. It is necessary to identify in a detailed study which methods can ensure the same mass results with the least material resources and organizational forces. After all, it is about the price that the result is bought at.

We believe that with the combined efforts of the agrarian, trade, tax, tractor and other economic policy, on the one hand, and cooperative and agronomic work — on the other, we can do everything or almost everything without measures of the visible non-economic coercion. To do what is not included in this 'almost everything', we can use administrative interference, provided that it really ensures an inexpensive goal achievement, does not destroy any-

11. See Osinsky's article in the *Pravda* of September 5, 1920: "Next year, the following may be added to this first layer: primitive instructions on what to sow (for example, oats but not other fodder cereals bypassing the *prodrazverstka*) and how to cultivate land (mandatory regulations of the first plowing time and its repetition, mandatory removal of manure, etc.)" (Osinsky N. (1920) Agricultural crisis and socialist construction in the village. *Pravda*, № 196, September 5, p. 2) — *Ed.*

thing in the economic life incidentally, and does not cause social complications.

Thus, the entire methodology of agrarian propaganda and the whole arsenal of techniques and methods, with which the old agronomy awakened peasant independent activity and directed it to the path of the agronomic progress, to a large extent remain in force.

One may say that in our understanding of things, there is nothing new, and the district agronomist will continue to do almost everything he used to do say in 1913. We will answer that, when fighting for Perekop, the three-line rifle in the hands of the Red Army soldier fired in exactly the same way as in the battles of the Bzura and Prasnysz; however, in the former, it was a weapon of the revolution, and in the latter, it was a rifle of the old army.

The point is in the rifle's aim, and we set the social-economic aim of agronomic work with sufficient clarity.

It should be noted that in 1924, the district agronomist works very differently from the way he used to work in 1913: due to the revolution in our village, his possibilities expanded significantly, and, in addition to 'tale' and 'show', there are many means of influence. He selects machines in all cooperative and state warehouses and sets the composition of the improved seeds for peasant economies; he has at his disposal all breeding farms and centers; he can regulate technical requirements for accepting agricultural goods and marketing; he sets all other ways for a direct economic intervention in the depth of peasant economies.

Speaking figuratively, agronomy has always tried to organize agricultural life by influencing the peasant consciousness, and today agronomy has an additional opportunity to change it — by directly influencing the being of the peasant economy.

That is all the author wanted to say. Readers familiar with our agronomic assistance policy can see that we are not so much criticizing as asserting. The only thing I cannot agree with is the widespread local oblivion of the basic zootechnical rule: to get high outputs, all livestock including agronomists should be kept on productive rather than survival feeding.

ARAS. F. 528. Inv. 5. F. 137. Unauthorized typescript

Организация сельскохозяйственного производства на местах

А. В. Чаянов

Публикатор — Владислав Олегович Афанасенков, старший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Переводчик — Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

*A. V. Chayanov
Organization
of agricultural
production at the
local level*

Аннотация. Публикуемый текст был обнаружен в фонде советского партийного экономиста Льва Натановича Крицмана (ф. 528) Архива Российской Академии наук и прежде не публиковался.

Текст представляет собой 16 листов (без оборота) машинописи без автографа и каких-либо рукописных авторских правок и помет. Кроме того, в документе не встречаются прямые указания на время его создания. К делу присовокуплены еще два документа: письмо Л. Н. Крицману от 26 декабря 1929 г., второй — обрывок текста, написанного рукой Чаянова, очень близкого по содержанию к публикуемому и, видимо, являющегося одним из его черновых вариантов. На обороте данного листа надписано — «2-й Дом Советов. Ком[ната]. 327. Л. Н. Крицман от А. Чаянова».

В тексте декларируется концепция постепенного «врастания» крестьянско-го сектора в социализм через добровольную «кооперативную коллективизацию» за счет использования побудительных механизмов сугубо экономического характера. Аналогичный теоретический базис был подложен под ленинский «кооперативный план» и бухаринскую теорию мирного врастания капиталистических элементов в социализм. В этих идейно-теоретических альтернативах сталинской коллективизации крестьянин понимался как полноценный субъект хозяйственно-экономической деятельности и социалистического строительства, нуждающийся не в директиве, а во всемерном способствовании разнообразным нуждам инструментами государственной политики.

Чаянов, отказываясь от выбора между совхозным строительством и тотальным обобществлением крестьянского сельскохозяйственного сектора, выдвинул альтернативную программу социалистического строительства, в том числе подвергая основательной ревизии и собственные позиции по ряду вопросов. Привлекая конкретные данные, Чаянов стремился продемонстрировать, насколько далеко вперед ушла советская деревня от наивысшей точки развития предвоенной экономики, и что советское крестьянство перестало быть просто «объектом агрономического воздействия». Следовательно, в современных реалиях старые методики и схемы работы агрономического персонала оказывались, по мысли Чаянова, непригодными.

Объединенные в одно дело документы архивисты датировали 1930 г. Что за этим стоит, нам неизвестно, но такая датировка вызывает определенные сомнения. С уверенностью судить можно только об относительной датировке и нижней хронологической рамке написания этой работы — 1927 г., так как по сведениям адресно-справочного издания «Вся Москва» в комнату под номером 327 Второго Дома Советов Крицман переехал только в 1927 г. (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1927 год: 3-й год издания Московского Совета: С приложением нового плана г. Москвы. М., 1927. С. 147).

Относительно верхней границы сомнений больше. Если допустить, что все перечисленные документы действительно связаны между собой, то текст следует датировать по письму Крицману. В этом письме Чаянов сообщал о том, что завершение работы над неким агрономическим очерком (в соавторстве с П. Я. Гуровым и С. Г. Ужанским) откладывается из-за того тяжелого душевного состояния, в которое он впал по итогам первых дней работы Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, а кроме того, что «не дождавшись садыринской статьи я выбросил всю “реальную действительность” и кончил свою “кооперацию” в том же сугубо теоретическом плане как и начал» (АРАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 137. Л. 1). Речь

здесь могла идти о статьях для «Большой советской энциклопедии», в которой Крицман вплоть до 1931 г. редактировал отдел экономических наук и подотдел экономической политики, или же для одного из периодических изданий, членом редколлегии которого был Крицман (например, «На аграрном фронте»). «Кооперацией» Чаянов мог назвать публикуемый нами текст, который и выслал Крицману для корректуры и редактуры.

К концу 1929 г. положение Чаянова уже было чрезвычайно шатким. Оно еще более пошатнулось по итогам Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, на которой была устроена настоящая идеологическая травля Чаянова и его коллег. Видимо, после выступления Сталина Крицман решил повременить с публикацией или же полностью отказаться от публикации Чаянова. В БСЭ так и не была помещена ни одна статья за его подписью. Впрочем, статьи за подписью Гурова и Ужанского в соответствующих томах так же не встречаются. Не вышел в свет и публикуемый ниже текст.

И если наша логика верна, то смелость Чаянова трудно переоценить: в условиях колоссального идеологического и психологического гнета он решился во всеуслышание объявить о своем несогласии со сталинским курсом.

Редакторские примечания помечены *Ред.* и даны в квадратных скобках.

Ключевые слова: государство, коллективизация, крестьянство, общественная агрономия, социализм, Чаянов.

Урожайная статистика в России первой половины XIX века: проблема первичных данных

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Центра экономической и социальной истории, РАНХиГС. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Аннотация. В статье сообщается о находке в региональных архивах первичных документов и уездных сведений, составлявших для губернаторской урожайной статистики первой половины XIX века, существование которых ранее подвергалось сомнению или отрицалось в историографии. Установлено, что сбор первичной информации об урожае в имениях и селениях происходил ежегодно осенью. Информацию давали старосты крестьянских общин и управляющие помещичьих имений. Сбором информации с конца XVIII века занимались чиновники нижнего земского суда, которые либо записывали ее со слов информаторов, либо принимали от них уже подготовленные записки. Итоговая ведомость об урожае в уезде составлялась секретарем нижнего земского суда и пересылалась в канцелярию губернатора. Губернаторская канцелярия составляла аналогичную ведомость по губернии, в которой дублировались и суммировались уездные данные. Губернские ведомости о посевах и урожае отсылались в правительство (в Министерство внутренних дел и/или Министерство полиции) срочными донесениями в ноябре того же года. Сбор сведений об урожаях не был связан с составлением годовых отчетов губернатора, в отчетах дублировались ранее посланные сведения. Описанные в статье документальные находки не решают вопроса о достоверности и репрезентативности губернаторской урожайной статистики, однако корректируют сложившиеся в историографии представления о функционировании имперской администрации в сфере контроля над состоянием урожаев и продовольственной обеспеченностью регионов России.

Ключевые слова: аграрная история России, урожайная статистика, губернаторские отчеты, нижний земский суд, В. К. Яцунский, Б. Г. Литвак

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-35-54

Для изучения аграрной и экономической истории России важнейшее значение имеют сведения об урожаях и урожайности. До 1883 года основным источником этих сведений служили донесения и отчеты начальников губерний (в XVIII веке — генерал-губернаторов, в XIX веке — губернаторов гражданских или военных), в которых содержались цифры посевов и сборов хлебов по целым губерниям, иногда с разбивкой по уездам. Помимо этой статистики в распоряжении историков есть лишь единичные данные, зафиксированные в хозяйственной документации отдельных помещичьих имений или монастырей, фрагментарно сохранившиеся в архивах и позволяю-

шие проводить исследования на уровне локальной истории по некоторым неравным хронологическим отрезкам. С 1883 года в России появилась статистика урожаев и посевных площадей Центрального статистического комитета; тогда же свои сведения об урожайности стал собирать и публиковать Департамент земледелия Министерства государственных имуществ, позднее появились местные статистики в некоторых земствах и своеобразная статистика «Торгово-промышленной газеты». Губернаторская урожайная статистика отошла на второй план и во многих губерниях с конца XIX века постепенно ликвидировалась.

Историки используют сведения губернаторской статистики в силу их безальтернативности. На их основе построена начальная часть (1801–1882 годы) знаменитого «ряда Михайловского» по урожайности хлебов в «самах» (Михайловский, 1921), к которому активно обращаются современные исследователи (Загайтов, Воробьева, 1998; Растянников, Дерюгина, 2009; Манелля, 2013; Markevich, Zhuravskaya, 2018 и др.). На их основе прослеживались тенденции сдвигов в зерновом производстве России в дореформенный период (Лященко, 1952: 515–517; Ковальченко, 1959; Яцунский, 1961 и др.). При этом более века в науке не утихают споры о степени достоверности этой статистики (обзор дискуссии XIX — начала XX века см.: Нифонтов, 1974: 16–34; современные аргументы см.: Нефедов, 2012; Рянский, 2015).

Одним из аспектов дискуссии выступает вопрос о существовании первичных данных для губернаторской статистики. До сих пор они не были известны историкам и, пользуясь этим аргументом, некоторые авторы даже пытались поставить точку в дискуссии. Так, в современных учебниках по источниковедению М. Ф. Румянцева утверждает: «Историки часто используют статистические сведения об урожаях, почерпнутые из приложений к губернаторским отчетам, правда, отмечая при этом неточность данных. Однако в 1964 г. В. К. Яцунский показал, что вся статистика урожаев возникает сразу же на уровне губернаторского отчета. По крайней мере, не обнаружены не то что первичные материалы, но и источники, содержащие поузездную информацию, а это означает, что статистика урожаев — плод творчества губернских чиновников» (Источниковедение, 1998: 333; Источниковедение, 2015: 225).

Данная статья посвящена описанию поиска первичных урожайных сведений губернаторской статистики первой половины XIX века и анализу обнаруженных материалов.

«Ведомость о посеве и урожае» и губернаторский отчет

Видный советский экономический историк В. К. Яцунский неоднократно высказывал сомнения в существовании какой-либо документальной основы под губернаторской статистикой урожаев (Яцун-

ский, 1955: 352; Яцунский, 1973: 280), хотя свою итоговую позицию формулировал с оговорками: «Специальных органов для сбора этих сведений не было. Не производилось, конечно, и опроса крестьян о размерах посевов и сбора хлебов. Возможно, что в некоторых случаях помещики доставляли сведения о своих имениях. <...> Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что... в статистике сельского хозяйства такого рода первичной документации часто не было. Сведения губернаторских отчетов о посевах и сборов хлебов — это всецело результат канцелярского творчества губернских и отчасти уездных чиновников» (Яцунский, 1964: 31). Если первичной документации «часто» не было, значит, иногда она была, то есть исследователь при кажущейся однозначности своего вывода предусматривал вероятность, что первичные сведения все же существовали.

Возможно, он принимал во внимание законодательство первой половины XIX века, которое прямо предписывало губернаторам опираться на выборочные данные пробных умолотов. Так, в законе 1822 года о создании комиссий продовольствия говорилось: «Гражданским губернаторам доставляются сведения... По окончании жатвы в октябре месяце: каков урожай хлеба, принимая в сем случае в соображение среднее количество из умолота в нескольких селениях каждого уезда...»¹.

В 1960–1970-е годы А. С. Нифонтов и Б. Г. Литвак вели поиски первичных урожайных данных в некоторых региональных архивах. Они искали их в фондах комиссий народного продовольствия (КНП), губернских статистических комитетов и канцелярии губернатора (в делах, связанных с составлением годовых губернаторских отчетов) 1840–1850-х годов. Нифонтов находил лишь итоговые протоколы ряда губернских КНП с глухими упоминаниями о том, что сведения представлены комиссии по «пробным умолотам». Первичных данных там не было: «Первичные сообщения о пробных умолотах на местах в отдельных имениях и хозяйствах в делопроизводстве губернских комиссий продовольствия отсутствуют» (Нифонтов, 1974: 39). Тем не менее историк полагал, что они существовали в количестве 20–30 на губернию. Оппонировавший ему Литвак возражал, что «упоминание о пробных умолотах — дань форме, соблюдение требований законодательного акта» (Литвак, 1979: 171). В обследованном им фонде Саратовской КНП Литвак также не нашел первичных материалов и вообще «никаких материалов, которые отражали бы интерес к первичным данным о сборе и посевах хлебов, об урожайности» (Там же: 178). Более того, он установил, что при составлении годовых отчетов Саратовского губернатора в 1840-е годы губернатор поручал подготовку разных статистических приложений определенным ведомствам и чиновникам, но сбор сведений об урожае среди этих поручений даже не фи-

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38. № 29025 (п. 21 в).

гурировал (Там же: 176–178). Кем и как составлялась «Ведомость о посеве и урожае», осталось для историка загадкой. Ни в стандартном формуляре ведомости, ни в тексте губернаторского отчета ее источник не раскрывался. Эту ведомость Литвак причислил к разряду наименее достоверных данных губернаторского отчета, однако от категоричных выводов воздержался.

Неудачи советских исследователей в поиске первичных урожайных сведений были во многом обусловлены ошибочной установкой, что эти сведения собирались для губернаторского годового отчета. Хотя сопоставление некоторых известных им фактов уже должно было пробуждать сомнения и вопросы. Во-первых, годовые отчеты губернаторов как вид документа появились с 1804 года, тогда как В. Г. Михайловский имел сведения с 1801 года, и К. В. Сивков указал источник этих сведений — «Генеральные ведомости» об урожае по всем губерниям за 1801, 1802 и 1803 годы (Сивков, 1959: 27), а найденные Н. Л. Рубинштейном самые ранние донесения генерал-губернаторов об урожаях датированы еще 1782 годом (Рубинштейн, 1957: 444–451). Следовательно, система собирания сведений об урожаях возникла до появления губернаторских отчетов и вне связи с ними.

Во-вторых, губернаторский отчет составлялся в начале следующего за отчетным года, если не позже, сведения для него доставлялись губернатору уже в новом году, что и проследил Литвак на саратовских материалах, но данные об урожае, согласно закону о КНП, губернатор должен был получать «по окончании жатвы в октябре месяце». Очевидно, загадка Литвака и обманчивое представление, что «вся статистика урожаев возникает сразу же на уровне губернаторского отчета», имеют простое объяснение: губернатор никому не поручал собирать урожайные данные к отчету, потому что к этому моменту они уже были собраны.

Между тем в историографии есть, по крайней мере одно, относящееся к первой половине XIX века, указание, что крестьяне имели обязанность подавать уездным чиновникам сведения об урожаях и исполняли ее. Стивен Хок, изучавший мирские финансовые записи тамбовского имения Шереметевых, обнаружил, что «каждый год община должна была сообщать местным властям в Борисоглебске о величине урожая и положении с запасами», причем в письменной форме и за оформление соответствующей бумаги платила чиновникам деньги (Хок, 1993: 131–132).

Нижний земский суд и уездные данные об урожаях

Поиск сохранившихся первичных урожайных сведений в архивах может быть успешным при выяснении вопроса, какие учреждения занимались их сбором на местах. Ими не могли быть КНП, поскольку, согласно закону, для составления итогового годичного протокола они должны были получать сведения об урожае от губернатора

(а не наоборот)², то есть сбор первичных сведений никогда не входил в их полномочия. Тем более ими не могли быть губернские статистические комитеты, которые учреждались лишь с 1834 года.

Попытка Нифонтова на основе анализа законоположений и циркуляров 1820–1850-х годов реконструировать работу госаппарата по сбору урожайных сведений не дала системного представления о предмете (Нифонтов, 1974: 41–43). Согласно законам, сведения по землям разных категорий — частновладельческим, казенным, ведомственным и удельным — должны были сообщать губернатору разные должностные лица и учреждения, но каким образом эти данные собирались, не разъяснялось.

Известно, что главой административной власти в уезде был уездный исправник (капитан-исправник, земский исправник), а его аппаратом, согласно «Учреждениям для управления губерний» 1775 года, являлся нижний земский суд. Это учреждение совмещало в себе функции администрации с охраной порядка и суда по некоторым категориям дел, а также собирало различную управленческую и статистическую информацию. В 1837 году оно было переименовано в земский суд, а с 1862 года преобразовано в уездное полицейское управление. Исправник напрямую подчинялся губернатору; губернское правление рассылало нижним земским судам указы, обязательные к исполнению, в обратном направлении — из уезда в «губернию» — шли рапорты, донесения и ведомости.

В законе 1775 года среди функций нижнего земского суда сбор урожайных данных не упоминался, однако если обратиться к самым ранним дошедшим до нас ведомостям об урожае 1782 года, выясняется ключевая роль именно этого учреждения. Рапорты генерал-губернаторов, сопровождавшие ведомости, свидетельствуют, что они явились ответом на указ Екатерины II от 26 августа, которым предписывалось собрать «от всех нижних земских судов вверенных... губерний» сведения «о плодоносии» и прислать их императрице. Среди этих донесений выделяется присланное от генерал-губернатора Казанского и Пензенского, которое не вошло в публикацию Рубинштейна, потому что не соответствовало установленной форме. Вместо сводной таблицы с указанием объема посевов и урожая по культурам этот генерал-губернатор прислал целый комплект уездных ведомостей по обоим своим наместничествам, в которых была указана урожайность в «самах» за текущий и три предыдущих года (1779, 1780, 1781)³. При этом каждая ведомость заверена подписями исправника и членов земского суда с печатями. Таким образом, «источники, содержащие поуездную информацию» об урожайности, существуют с конца XVIII века.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38. № 29025 (п. 26).

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 383. Л. 54–92.

Свидетельства того, что сбор урожайных данных продолжался через земские суды и в XIX веке, можно порой встретить в ранних губернаторских отчетах. Так, в отчетах Казанского губернатора за 1804–1808 годы использовался нестандартный заголовок ведомости: «Генеральная ведомость, сочиненная из доставленных к Казанскому гражданскому губернатору от земских судов об урожае хлеба после жатвы в ... году бывшей»⁴. Этот губернатор подражал заглавию всероссийской «Генеральной ведомости, сочиненной в экспедиции государственного хозяйства из доставленных в оную сведений от гражданских губернаторов об урожае хлеба после жатвы, в ... году бывшей»⁵, но затем его, наверное, поправило начальство.

Более детально этот вопрос прослеживается на материалах региональных архивов. По Московской губернии самые ранние дела с урожайными сведениями относятся к 1816 и 1818 годам⁶. Оба дела содержат рапорты на имя губернатора от всех тринадцати нижних земских судов губернии, за подписями земских исправников или замещавших их лиц, с урожайными ведомостями — таблицами урожая в уезде. Кроме них в делах имеется переписка губернской канцелярии с земскими судами с требованиями что-то уточнить и исправить или ускорить присылку ведомостей. Все урожайные ведомости датированы сентябрем-октябрем соответствующего года. Формуляры уездных ведомостей несколько варьируют в разных уездах, но во всех случаях в них присутствуют данные о населении и разбивка урожая по культурам.

Среди рапортов, предварявших таблицы, выделяется рапорт Московского уездного исправника, прямо ссылавшегося на пробные обмолоты: «Представляется при сем к Вашему Сиятельству ведомость об урожае хлеба по Московской округе, учиненная после жатвы сего 1816 года с собранных сведений по первому опыту обмолота оного...»⁷.

Интересен случай Серпуховского уезда. В сентябре 1818 года губернатор получил из этого земского суда вместо таблицы длинное донесение с описанием общих характеристик урожая и указанием, что ведомость должна быть готова к ноябрю. В ответ губернатор сделал суду выговор: «Серпуховскому земскому суду. На три представления мои о немедленном доставлении ведомости о посеве и урожае хлеба оный суд доставляет вместо оных неосновательные токмо рапорты, отзываясь, что еще от поселян не доставлены таковые сведения и что оные представляются обыкновенно в ноябре месяце, как бы вышнему

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 49. Л. 13–14 и др.

5. Табели к отчету министра внутренних дел за 1804 год. СПб., 1806 (пагинация отсутствует).

6. Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г.) Ф. 17. Оп. 1. Д. 1533; 3868.

7. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1533. Л. 1.

начальству не известно время представления их. Поелику жатва давно уже кончилась, то земский суд пообязыван озаботиться собранием таковых сведений немедленно... ибо все прочие земские суды... давно уже ведомости сии ко мне представили, и составление общей по губернии ведомости остановилось единственно за неприсылкою токмо из сего суда, почему сделав суду строжайший за все вышеписанное выговор, в последний раз подтверждаю, чтобы ведомость о посеве и урожае хлеба доставлена была немедленно и чтобы оный впредь занимался точным и непрременным исполнением предписаний начальства, а не пустыми против оных представлениями»⁸. Здесь следует обратить внимание, как земский суд мотивировал задержку сведений: ему еще не успели доставить сведения «от поселян». То есть уездная администрация ждала сведений с мест. Соответственно, тормозилась и работа губернаторской канцелярии: без сведений по одному из уездов невозможно составить губернскую ведомость.

В обоих делах имеются черновики итоговых урожайных ведомостей по Московской губернии за указанные годы с разбивкой по уездам, и все цифры в них точно соответствуют цифрам уездных ведомостей, а в итогах стоят их суммы (никакого «творчества губернских чиновников»!).

Этот вывод подтверждается на материалах Ряжского уезда Рязанской губернии. В местном архиве хранятся черновики уездных ведомостей о посеве и урожае за 1807–1810 и 1815 годы, составленные в Ряжском земском суде⁹, а в РГИА — отчеты Рязанского губернатора за те же годы, в составе которых имеются соответствующие губернские ведомости с разбивкой по уездам и культурам¹⁰. Цифры оказались идентичными; губернаторская канцелярия лишь воспроизводила данные, ежегодно получаемые из земского суда.

В ряжских материалах сохранились также указы Рязанского губернского правления 1808–1810 годов, которыми от земских судов запрашивались урожайные сведения. Каждый год они ссылались на «предписание господина министра внутренних дел» и указы губернского правления, рассылавшиеся во все земские суды еще в 1804 и 1805 годах, которыми было «велено доставлять в первых числах октября месяца каждого года неупустительно положительные и подробные ведомости о количестве урожая разного рода

8. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3868. Л. 310б.

9. Ведомость, учиненная в Ряжском земском суде об урожае хлеба после жатвы 1807 года: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 755. Оп. 1. Д. 63. Л. 29; То же за 1808 год: Там же. Л. 470б–48; То же за 1809 год: Там же. Л. 1050б–106; То же за 1810 год: Там же. Л. 153; То же за 1815 год: ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 106.

10. Отчет Рязанского губернатора за 1807 год, урожай Ряжского уезда: РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 115. Л. 130; То же за 1808 год: Там же. Л. 1790б; То же за 1809 год: Там же. Л. 2310б.; То же за 1810 год: Там же. Л. 2850б; То же за 1815 год: Там же. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 116. Л. 178.

хлеба по формам в 1800 году разосланным...»¹¹. Каждый год указы-напоминания посылались 15 октября, и из их текстов следует, что почти все земские суды губернии, исключая одного-двух, срывали срок присылки ведомостей. За это губернское правление штрафовало секретарей земских судов, посылая к ним курьеров из губернии за их счет с предписанием немедленно доставить урожайные ведомости: «...Приказываем: во все земские суды... послать нарочных на счет секретарей тех судов, поелику сочинение ведомостей зависит от них, с указами, предписав в них, что в оные суды повеленные ведомости... с получения сих указов непременно на тот же, а по крайней мере, на другой день сочиня, и с теми нарочными доставили в сие правление... причем возвратить непременно и прогонные деньги»¹². Следовательно, составление урожайных ведомостей по уезду было обязанностью секретарей земских судов, которые несли за него личную ответственность.

Итак, во всех рассмотренных случаях канцелярии губернаторов ждали из уездов сведения об урожае в октябре, причем этот срок считался уже давно установленным. В одном из рязанских указов объяснялось: «...А в следующем месяце должно отправить таковую ведомость к господину министру»¹³. Следовательно, срок отправки урожайной ведомости из губернии в столицу — ноябрь. В сопроводительных записках к московским губернским урожайным ведомостям мы находим фактические даты их отправки и адресатов. В 1816 году ведомость из канцелярии Московского губернатора ушла 16 ноября в два адреса: в Министерство полиции и Петербургскому генерал-губернатору¹⁴. За двумя адресами стоял один адресат — А. Д. Балашов, который в это время совмещал должности министра полиции и столичного генерал-губернатора. В 1818 году ведомость об урожае была отправлена 4 ноября также в двух копиях, но теперь в Министерство полиции и в МВД¹⁵. В любом случае к годовому губернаторскому отчету эти документы не имели отношения. Отчеты Московского губернатора за 1816 и 1818 годы не сохранились; отчеты Рязанского губернатора 1807–1810 годов датированы разными числами февраля следующего за отчетным года¹⁶, а отчет за 1815 год был составлен и вовсе 30 ноября 1816 года¹⁷. Очевидно, что ведомости о посеве и урожае отправлялись в столицу в ноябре каждого данного года в виде срочных донесений, а ведомости, прилагавшиеся к годовым отчетам, лишь дублировали эту информацию. Когда

11. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 63. Л. 38, 108.

12. Там же. Л. 38.

13. Там же. Л. 108.

14. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1533. Л. 50.

15. Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3868. Л. 37.

16. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 115. Л. 119, 168, 221, 274.

17. Там же. Д. 116. Л. 168.

губернаторский отчет приходил в Петербург (и даже если он за какой-то год не приходил), сведения об урожае там уже были известны.

Таким образом, если первичные сведения об урожаях существовали в виде письменных документов, их поиск следует вести в фондах нижних земских судов региональных архивов.

Первичные сведения: описание источника

С целью выявления первичной урожайной документации губернской статистики были просмотрены фонды рязанского областного и московского городского архивов. В совокупности там хранятся 25 фондов 24 земских судов: всех 14 уездов, существовавших в Московской губернии, 7 из 12 уездов Рязанской (Егорьевский, Зарайский (два фонда в обоих архивах), Михайловский, Ряжский, Рязанский, Сапожковский, Скопинский), а также двух уездов Тамбовской (Елатомский, Шацкий) и одного уезда Тульской губернии (Каширский). Степень сохранности документов низкая, во многих случаях за все время существования земских судов (1775–1862) отложилось лишь по несколько дел или несколько десятков дел. Сохранившиеся материалы представляют собой нерепрезентативную выборку, поскольку охватывают неравные, подчас малые хронологические периоды и в них, как правило, преобладают документы лишь какого-то определенного рода. Вообще, через канцелярию каждого земского суда проходили дела трех категорий: по уголовной, гражданской и общей части. В архиве же в некоторых фондах хранятся в основном уголовные дела, но в некоторых не сохранилось ни одного уголовного дела; весь фонд Подольского земского суда состоит из книг записей купчих, тогда как в большинстве других фондов дел такого рода не содержится вовсе; фонд Егорьевского земского суда (в ЦГА Москвы) имеет в своем составе подборку дел с указами Рязанского губернского правления, рассылавшимися по всем земским судам, за каждый год с 1802-го до конца 1850-х, тогда как в других фондах таких дел совершенно не имеется, и т.п. В таких условиях мало шансов найти первичные материалы урожайных сведений, однако они обнаружались: из Ряжского уезда Рязанской губернии за 1807–1809, 1815, 1816 годы и из Звенигородского уезда Московской губернии за 1844 год.

В фонде Ряжского земского суда в одном из дел находятся подшивки «сведений» и «рапортов» от старост и управляющих помещичьих имений и однодворческих сел уезда о посевах и сборах хлебов за 1807 год (29 документов), 1808 год (7 документов) и 1809 год (55 документов), а также упомянутые черновики итоговых уездных таблиц о посевах и сборах за 1807–1810 годы, составленных в суде для отправки губернатору¹⁸. В другом деле сохранились 48 анало-

18. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 63.

гичных первичных сведений за 1816 год¹⁹, а в фонде канцелярии Рязанского губернатора нашлось дело, содержащее еще 63 таких же листка за 1815 год и черновик уездной ведомости, вероятно, попавших в этот фонд по ошибке советских архивистов²⁰. Итого 202 первичных «сведения» из одного уезда за 5 лет начала XIX века. Невозможно определить, сохранились ли все полученные в эти годы земским судом сведения, или перед нами только какая-то их часть. Вероятно, документы сохранились фрагментарно, и первичных сведений собиралось гораздо больше.

Большинство этих документов имеют формат листа школьной тетради, с неровными краями, грубой, волокнистой бумаги серо-желтоватого или голубоватого оттенка. Почерки разные, некоторые повторяются, часто это беглые, канцелярские почерки. Меры измерений нередко записывались сокращенно мелкими буквами с подчеркиванием в верхнем регистре строки, как это было принято в казенном делопроизводстве того времени: ^{зе} обозначает четверти и/или четверики (по контексту), ^{ко} — копны, ^{дес} — десятины. Иногда использовались другие единицы: сажени, меры, нивы. Весовые единицы (пуды) не встречаются. Нигде не встречается и оценка урожайности в «самах», только объемы посева и сбора.

Типичный формуляр можно представить на следующем примере: «1807 года октября дня Рязскому земскому суду Рязской округи села Покровского покойного подполковника Федора Ипатьевича (?) Леонтьева староста Степан Лазарев дал сие сведение в том, что в прошлом 1806 году посеино было ржи 500^{зе}, в нынешнем 1807 году овса 500^{зе}, гречи 400, гороху 100^{зе}, семя коноплянова 50^{зе}. Родилось ржи 900^{ко} умолоту по 1^{зе} по 1^{зе}, овса 700^{ко} умолоту по 7^{зе}, гречи 600^{ко} умолоту по 6^{зе}, семя коноплянова вымолочено 200 четвертей, гороху вымолочено 300 четвертей. На посев следует то, что было посеено, а остальное количество на продовольствие. В нашем селении мужеска 620, женска 612 душ. Выход был озимого хлеба хорош. К сему сведению графа Дмитрия Александровича Зубова поверенный Артемий Проходцов вместо вышеписанного старосты Лазарева за неумением ево грамоте писать по прошению ево руку приложил»²¹.

Нередко, как в этом примере, листок подписан кем-то за неграмотного информатора, но при этом почерк основного текста явно отличается от почерка подписи. Следовательно, писали чиновники суда со слов неграмотного старосты или управляющего (для селений однодворцев — сотского или «выборных»), а затем заверял кто-то грамотный из присутствующих при опросе. Если статус заверяющего был указан, зачастую это оказывались дворовые или «служители» тех же помещиков, иногда других помещиков, либо служащие земского суда (копиисты и регистраторы).

19. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 78.

20. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154.

21. ГАРО. Ф. 755. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.

Формуляр урожайных листков 1815–1816 годов имеет некоторые отличия от 1807–1809 годов: 1) во многих из них указывается площадь посевов всех культур в десятинах; 2) в них, как правило, уже не указывается количество душ и не дается словесной характеристики всходов озимых; 3) в них встречаются указания, относятся ли сведения только к господскому хозяйству или к господскому и крестьянскому. Пример такого листка см. приложение рис. 1.

Не все листки соответствуют единому формуляру. Встречаются документы, написанные и подписанные одним лицом, цифры иногда сведены в таблички, на них обычно стоит точная дата, в отличие от большинства листков, где отмечен только месяц (как правило, октябрь). Очевидно, это — документы, заранее подготовленные и переданные в суд управляющими имений. Пример лаконичного нестандартного формуляра см. приложение рис. 2. В двух случаях информаторами значатся сами помещики, которые и расписались.

Имеет смысл сделать количественные подсчеты средней урожайности по первичным листкам 1809 и 1815 годов, поскольку они наиболее многочисленны и в нашем распоряжении есть уездные ведомости за те же годы, с которыми можно сравнить полученные показатели.

Из 118 листков за оба сравниваемых года лишь в 97 удалось уверенно прочитать и название селения, и имя владельца. В 13 случаях они совпали, то есть каждый год часть листков относилась к одним и тем же поместьям/селениям.

Так как уездные ведомости не содержали посевных площадей, а давали объемы посевов и сборов, сопоставимым является только один показатель — урожайность в «самах». Яровые культуры из листков пришлось сгруппировать, так как в ведомости посев яровых указывался в сумме (лишь сборы учитывались по отдельным культурам). Не все листки оказались пригодными для вычислений, в них либо не был указан объем посева, либо урожай дан в четвериках из копны без числа копен, или в копнах с десятины, но не указано число десятин. Листки, в которых отсутствует тот или иной необходимый параметр, были отброшены, поэтому из 118 в подсчете было использовано только 66 (37 за 1809 год и 29 за 1815 год). Степень правдоподобия информации не оценивалась. Четверть считалась стандартной — 8 четвериков (мер). Рассмотрим основные результаты вычислений.

Совокупность листков 1809 года, поддающихся обсчету, охватывает 8,9% объема всех посевов уезда (10 344,3 четверти из 116 259 четвертей, показанных в ведомости земского суда), но лишь 4,7% объема сбора (26 202,1 четверти из 560 487 четвертей по уезду). Сходная картина в 1815 году: листки охватывают 7,0% посевов, но лишь 5,5% сборов. Эта диспропорция означает, что урожайность в первичных листках в среднем ниже, чем в уездной ведомости. Сопоставление урожайности, вычисленной по обоим источникам, приводится в таблице 1.

Таблица 1. Урожайность хлебов в Ряжском уезде в 1809 и 1815 годах по ведомости нижнего земского суда и по первичным данным (без льна и конопли), в «самах»

	1809			1815		
	озимые	яровые	итого	озимые	яровые	итого
Ведомость земского суда	5,3	4,5	4,8	5,0	3,0	3,8
Первичные данные	2,9	2,3	2,5	2,8	3,1	3,0

Итак, информация об урожайности в сохранившихся первичных материалах расходится с той, которая содержится в итоговом документе: урожайность по первичным данным ниже, за исключением показателя яровых в 1815 году.

Тот факт, что урожайность 1815 года по уездной ведомости оказалась выражена целыми числами (озимые «сам»-5 и яровые «сам»-3), склоняет к мысли, что эти коэффициенты были изначально заложены чиновником при расчете валового сбора. Причем урожайность яровых в этом году почти совпадает со средним значением первичных листков, а урожайность озимых чиновником резко повышена.

Соотношение озимых и яровых культур в общем объеме посевов в обоих источниках примерно совпадает. Так, пропорция озимые/яровые в посеве 1809 года составляла: по ведомости — 41/59, по листкам — 43/57; в 1815 году: по ведомости — 41/59, по листкам — 39/61. Соотношение, близкое к 40/60, выглядит адекватным, поскольку среди яровых преобладал овес, густота высева которого традиционно выше, чем у озимой ржи. Однако по отдельным культурам между источниками выявляются примечательные расхождения. Так, в 1809 году в первичных листках зафиксировано наличие озимой пшеницы, составляющей 2,2% от суммы всех озимых посевов, но в итоговой ведомости эта культура вообще не значится; «озимые» в ведомости — это только озимая рожь. В итоговой ведомости того же года сбор гороха по уезду указан в размере всего 750 четвертей, тогда как только по учтенным листкам гороха собрали 768,4 четверти, то есть сбор этой культуры по уезду сильно преуменьшен. Недоучет второстепенных культур, таким образом, очевиден.

Можно утверждать, что имеющиеся в нашем распоряжении первичные данные не могли служить непосредственной основой для урожайных ведомостей, составлявшихся чиновниками нижнего земского суда. Они охватывают лишь малый процент посевов и сборов в уезде, причем относятся только к помещичьим имениям и однодворческим селам, не касаясь казенных земель, тогда как ведомость показывает объемы посевов и сборов по всему уезду, и урожайность, заложенная в цифрах уездной ведомости, существенно

отличается от урожайности, которая рассчитывается по первичным данным.

Можно предположить, что листки собирались лишь для проформы, вне какой-либо связи с сочинением ведомости о посеве и урожае. Но в равной степени правомерно и другое предположение, что они все же могли служить ориентиром для приблизительного определения коэффициентов урожайности основных культур, если чиновник проводил отбор листков, отсеивая те, которые выглядели заведомо неправдоподобными. Так, при наших подсчетах, проведенных без какого-либо отбора, в ряде «сведений» оказалось, что сборы всех (именно всех) культур в селении были меньше посевов, что противоречит здравому смыслу и выдает стремление не слишком грамотных информаторов преуменьшить урожай. При ориентации чиновника только на те данные, которые он считал более правдоподобными, результат мог быть другим. В конце концов, предписание губернаторам вычислять урожайность по выборочным данным («нескольких селений каждого уезда»), узаконенное в 1822 году, вероятно, возникло не на пустом месте, а отражало сложившуюся на местах практику.

Другой блок обнаруженных первичных материалов относится к более позднему времени. Это донесения приставов 1-го и 2-го станом Звенигородского уезда исправнику, к которым прилагались подлинники собранных ими сведений по частновладельческим имениям за 1844 год²². Отметим, что становые приставы, появившиеся в уездах после реформы 1837 года, считались членами земского суда.

В архивном деле сохранились документы двух видов: сведения о посеве яровых, датированные маем, и сведения об урожае и посеве озимых, составленные по той же форме в октябре. Каждый документ представляет собой тетрадку из листов большого формата с многостраничной продолжающейся таблицей, разлинованной чернилами. В строках таблицы на каждое имение отведено три графы: 1) название селения и имя владельца, 2) господская запашка, 3) крестьянская запашка. В столбцах — число душ и культуры. В таблицах со сведениями о посеве на каждую культуру предусмотрен отдельный столбец, в таблицах урожая — только 4 столбца: озимые, яровые, картофель на полях, картофель в огородах. Объемы посевов и урожаев указаны в четвертях. Все записи и цифры в графах проставлены, по-видимому, одной рукой, но каждая запись заверена подписями разных лиц, идущими поперек столбцов во всю ширину страницы: «К сей ведомости староста... руку приложил» или «К сей ведомости вместо старосты... по неграмотности его... руку приложил»; некоторые подписи заверены печатью бурмистров. Формуляр (разворот) такой первичной ведомости см. приложение рис. 3. В конце тетради подшиты

22. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 743. Оп. 2. Д. 62.

еще несколько отдельных малых листков, с таким же формуляром, по одному имени на каждом. Количественные подсчеты по этим документам нами не производились, поскольку не существует итоговой уездной ведомости и здесь не с чем сравнивать значения первичных записей.

Заключение

Обращение к фондам нижних земских судов в региональных архивах позволило обнаружить хранящиеся там документы с первичными и уездными данными для губернаторской урожайной статистики, само существование которых прежде в историографии ставилось под сомнение или даже прямо отрицалось. Вопрос об их наличии можно считать решенным. Причем речь идет не о 20–30 первичных сведениях в год на губернию, как предполагалось некоторыми историками ранее, а о десятках на уезд.

Можно считать установленным фактом, что собирание сведений об урожае производилось губернскими властями не в рамках составления губернаторских годовых отчетов, а представляло собой особый элемент системы контроля со стороны имперской администрации над состоянием урожаев и продовольственной обеспеченностью регионов. Очевидно, система возникла еще в XVIII веке и эволюционировала в течение XIX века. Помимо первичных данных об урожаях в региональных архивах обнаруживаются и другие документы, имеющие отношение к этой системе: сведения о посевах яровых культур, собиравшиеся отдельно от сведений об урожае и посевах озимых, двухнедельные рапорты земских судов о всходах озимых и состоянии посевов в течение весны и лета до начала уборки урожая и др. В силу плохой сохранности документации земских судов в целом, документов такого рода пока выявлено мало и их недостаточно для реконструкции всего механизма собирания сведений и составления статистических данных в масштабе уезда и губернии, тем более что сам этот механизм со временем, по-видимому, претерпевал изменения.

В связи с этим представляется целесообразным отказаться от распространенного в историографии термина «статистика губернаторских отчетов». Более корректным представляется термин «губернаторская урожайная статистика». Думается, он удачно охватывает и те известные историкам сведения конца XVIII — первых лет XIX века, которые возникли до появления губернаторских отчетов, и все те сведения, которые сохранились в составе собственно губернаторских отчетов начиная с 1804 года, и те сведения, которые публиковались губернскими властями в официальных «Обзорах» губерний после 1870 года. При этом позднюю губернаторскую статистику, сохранившуюся во многих губерниях после 1883 года, следует четко отличать от урожайных статистик ЦСК и Департа-

мента земледелия: это были три разные статистики, сосуществовавшие параллельно.

Обнаруженные нами в архивах первичные сведения губернской статистики первой половины XIX века не позволяют сделать однозначные выводы о том, собирались ли они повсеместно и регулярно, или эпизодически и хаотично. Также пока неясно, каким образом собранные сведения использовались при составлении итоговых ведомостей. Поэтому все вопросы о степени достоверности, репрезентативности и полноты статистических данных, создаваемых в системе губернской урожайной статистики, которые ставились предыдущей историографией, остаются открытыми и должны быть предметом дальнейшего изучения. Поиск и систематизация сведений об урожаях, отложившихся в региональных архивах, также должны продолжаться.

И. А. Кузнецов
Урожайная
статистика
в России первой
половины
XIX века: про-
блема первичных
данных

Библиография

- Загайтов И. Б., Воробьева Л. С. (1998). Прогноз колебаний природных условий сельскохозяйственного производства и всемирная статистика урожаяев. Воронеж: ВГАУ.
- Источниковедение (1998): Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ.
- Источниковедение (2015): учебное пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ковальченко И. Д. (1959). Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX века // История СССР. № 1. С. 53–86.
- Литвак Б. Г. (1979). Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука.
- Лященко П. И. (1952). История народного хозяйства СССР. Т. 1. 3-е изд. М.: Госполитиздат.
- Манелла А. И. (2013). Динамика урожайности зерновых культур в России за 1801–2011 годы // Вопросы статистики. № 4. С. 75–80.
- Михайловский В. Г. (1921). Урожай в России 1801–1914 гг. // Бюллетень ЦСУ. № 50. С. 2–4.
- Нифонтов А. С. (1974). Зерновое производство России во второй половине XIX в.: По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. М.: Наука.
- Нефедов С. А. (2012). К дискуссии об уровне жизни крепостных крестьян в середине XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (104). С. 284–291.
- Растяников В. Г., Дерюгина И. В. (2009). Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М.: Институт востоковедения РАН.
- Рубинштейн Н. Л. (1957). Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М.: Госполитиздат.
- Рянский Л. М. (2015). К вопросу о благосостоянии частновладельческих крестьян в середине XIX века (ответ С. А. Нефедову) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. № 4 (17). С. 145–154.
- Сивков К. В. (1959). Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин. С. 21–32.
- Хок С. Л. (1993). Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М.: Прогресс-Академия.
- Яцунский В. К. (1955). К вопросу о сборании и публикации материалов по истории урожаяев и цен в России // Проблемы источниковедения. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР. С. 350–357.

- Яцунский В. К. (1961). Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина. М.: Изд-во АН СССР. С. 113–148.
- Яцунский В. К. (1964). О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.–Л.: Наука. С. 26–36.
- Яцунский В. К. (1973). Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.: Избранные труды. М.: Наука.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018). The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. Vol. 108 (4–5). P. 1074–1117.

Russia's harvest statistics in the first half of the 19th century: The problem of primary data

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: repytwd68@mail.ru

Abstract. The author reports the discovery in the regional archives of the primary documents and *uyezd* data compiled for the governors' harvest statistics in the first half of the 19th century, although historiography used to question or deny their existence. According to the archival data, the primary information about harvest in estates and villages was collected annually in autumn. This information was provided by the elders of peasant communities and the managers of landlords' estates. Since the end of the 18th century, information was collected by the officials of the Lower *Zemstvo* Court: they either wrote it down from what their informants told or collected the already prepared notes. The final report on the *uyezd* harvest was compiled by the secretary of the Lower *Zemstvo* Court and sent to the Governor's Office. The Governor's Office compiled a similar record for the province, in which the *uyezd* data was duplicated and summarized. Provincial reports on sowing and harvest were sent to the government (Ministry of Internal Affairs and/or Ministry of Police) as urgent messages in November. The collection of harvest data was not related to the governors' annual reports which duplicated the previously sent information. The discovered documents do not solve the problem of reliability and representativeness of the governors' crop statistics but correct the historiographic ideas about the functions of the imperial administration in the field of control over harvests and food security in the Russian regions.

Keywords: agrarian history of Russia, crop statistics, governors' reports, Lower *Zemstvo* Court (*nizhny zemsky sud*), Victor Yatsunsky, Boris Litvak

References

- Hoch S. L. (1993) *Krepostnoe pravo i sotsialny kontrol v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoj gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia], Moscow: Progress-Akademiya.
- Istochnikovedenie* (1998): *Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History] (I. N. Danilevsky, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyantseva), Moscow: Russian State University for Humanities.
- Istochnikovedenie* (2015) [Source Studies] (Otv. red. M. F. Rumyantseva), Moscow: Higher School of Economics.

- Kovalchenko I. D. (1959) Dinamika urovnya zemledelcheskogo proizvodstva v Rossii v pervoj polovine XIX veka [Dynamics of the level of agricultural production in Russia in the first half of the 19th century]. *Istoriya SSSR*, no 1, pp. 53–86.
- Litvak B. G. (1979). *Ocherki istochnikovedeniya massovoj dokumentatsii* [Essays on the Source Studies of Mass Documentation], Moscow: Nauka.
- Lyashchenko P. I. (1952) *Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR* [History of the USSR National Economy], vol. 1, Moscow: Gospolitizdat.
- Manelya A. I. (2013) Dinamika urozhajnosti zernovykh kultur v Rossii za 1801–2011 gody [Dynamics of grain yields in Russia in 1801–2011]. *Voprosy statistiki*, no 4, pp. 75–80.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018) The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, vol. 108, no 4–5, pp. 1074–1117.
- Mihajlovsky V. G. (1921) Urozhai v Rossii 1801–1914 gg. [Harvests in Russia in 1801–1914]. *Byulleten CSU*, no 50, pp. 2–4.
- Nifontov A. S. (1974) *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: Po materialam ezhegodnoj statistiki urozhaev Evropejskoj Rossii* [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century: Based on the Annual Harvest Statistics of European Russia], Moscow: Nauka.
- Nefedov S. A. (2012) K diskussii ob urovne zhizni krepostnykh krest'yan v seredine XIX v. [On the discussion about the serfs' standard of living in the middle of the 19th century.]. *Izvestiya UFU. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, no 3, pp. 284–291.
- Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. (2009) *Urozhajnost khlebov v Rossii. 1795–2007* [Grain Yields in Russia. 1795–2007], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
- Rubinshtejn N. L. (1957) *Selskoe khozyajstvo Rossii vo vtoroj polovine XVIII v. (Istoriko-ekonomichesky ocherk)* [Russian Agriculture in the Second Half of the 18th Century (A Historical-Economic Essay)], Moscow: Gospolitizdat.
- Ryansky L. M. (2015) K voprosu o blagosostoyanii chastnovladelcheskikh krest'yan v seredine XIX veka (otvet S. A. Nefedovu) [On the welfare of private peasants in the middle of the 19th century (answer to S. A. Nefedov)]. *Izvestiya YuZGU. Seriya: Istoriya i prav*, no 4, pp. 145–154.
- Sivkov K. V. (1959) Nekotorye itogi zernovogo proizvodstva v Evropejskoj Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [Some results of grain production in European Russia at the turn of the 18th–19th centuries]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy, 1958*, Tallinn, pp. 21–32.
- Yatsunsky V. K. (1955) K voprosu o sobirani i publikatsii materialov po istorii urozhaev i tsen v Rossii [On the collection and publication of materials on the history of harvests and prices in Russia]. *Problemy istochnikovedeniya*, vol. 4, Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 350–357.
- Yatsunsky V. K. (1961) Izmeneniya v razmeshchenii zemledeliya v Evropejskoj Rossii s kontsa XVIII v. do Pervoj mirovoj vojny [Changes in the location of agriculture in European Russia from the end of the 18th century to the World War I]. *Voprosy istorii selskogo khozyajstva, krest'yanstva i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii*, Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 113–148.
- Yatsunsky V. K. (1964) O primenenii statisticheskogo metoda v istoricheskoy nauke [On the application of the statistical method in the historical science]. *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu*, Moscow–Leningrad: Nauka, pp. 26–36.
- Yatsunsky V. K. (1973) *Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv.: Izbrannye trudy* [Social-Economic History of Russia in the 18th–19th Centuries: Selected Works], Moscow: Nauka.
- Zagajtov I. B., Vorobieva L. S. (1998) *Prognoz kolebanij prirodnykh uslovij selskokozyajstvennogo proizvodstva i vseмирnaya statistika urozhaev* [Forecast of Fluctuations in Natural Conditions of Agricultural Production and Global Harvest Statistics], Voronezh.

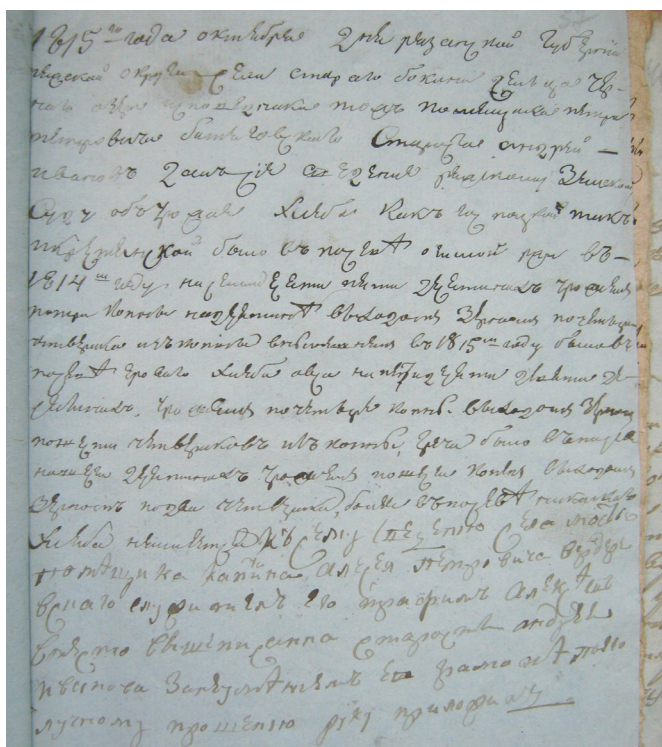

Рис. 1. Листок первичных урожайных сведений, Рязанский уезд, 1815 год (ГАРО).
Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 37).

Текст:

«1815 года октября дня Рязанской губернии Рязской округи села Старого Бокина сельца Черного озера, Исповедники тож, помещика Петра Петровича Битюговского староста Андрей Иванов дал сие сведение Рязскому земскому суду об урожае хлеба. Как господской, так и крестьянской было в посеве озимой ржи в 1814-м году на семидесяти пяти десятинах урожаем по три копны на десятине выходом зерном по четыре четверика из копны. В нынешнем в 1815-м году было в посеве ярового хлеба авса на пятидесяти девяти десятинах, урожаем по четыре копны, выходом зерном по шести четвериков из копны, гречи было в посеве на шести десятинах урожаем по шести копен выходом зерном по два четверика, более в посеве никакого хлеба не имеется. К сему сведению села Мостья помещика капитана Алесея Петровича Вердеревского служитель его Трафим Алексеев вместо вышеписанна старосты Андрея Иванова за неумением ево грамоте по его лучному прошению руку приложил».

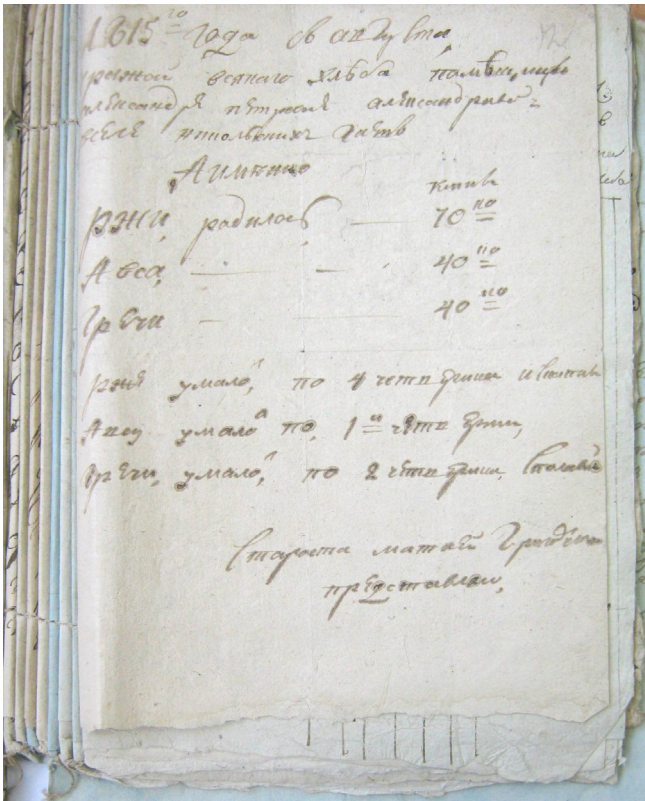

Рис. 2. Листок первичных урожайных сведений, Ряжский уезд, 1815 год (ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 154. Л. 12).

Текст:

«1815-го года с августа урожай всякого хлеба помещицы Александры Петровны Александровой в селе Никольских Гаях

А именно

Ржи родилось 70 ко[пен]

Авса — 40 ко[пен]

Гречи — 40 ко[пен]

Ржи умолот по 4 четверика ис капны, авсу умолот по 1-й четверти, гречи умолот по 2 четверика с половиной.

Староста Матвей Григорьев представил».

«За убитую в Беловежской пуще зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке¹

А. А. Федотова

Анастасия Алексеевна Федотова, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 5/2; f.anastasia.spb@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается выпас скота в лесах как один из ключевых ресурсов для крестьян Восточной Европы в долгом XIX веке. Опираясь на архивные документы, мы демонстрируем, что крестьянские общины последовательно саботировали ограничения лесной администрации на выпас скота в лесах в духе концепции «оружия слабых» Джеймса Скотта. Государство в XIX веке усиливало контроль над многими аспектами экономической жизни деревни, что постепенно приводило к обострению конфликтов между крестьянами и администрацией. На примере Беловежской пущи мы изучили отношения между крестьянами и лесными чиновниками. Уникальность этой территории, ее многовековой заповедный режим, способствовали накоплению и сохранению исторических документов по многим аспектам ее жизни. Наше исследование выявляет мотивы крестьян и лесной администрации в борьбе за лесные ресурсы в условиях, когда последние получили поддержку экспертов «рационального» лесоводства. В XIX — начале XX века в этой борьбе крестьяне использовали все доступные им средства сопротивления: ходатайства властям всех уровней, взятки лесной страже, саботаж и прямые нарушения распоряжений администрации. Конфликты, продолжавшиеся в течение десятилетий, показывают, что крестьянские общины лишь частично следовали правилам, вводимым властями. Последние же пытались изменить принципы управления лесным хозяйством, делая леса более прибыльными для казны, а управление ими — более «рациональным». Администрация тратила значительные средства на контроль за лесными пастбищами, но достигла очень скромных результатов, как с точки зрения сокраще-

-
1. Статья является переработанным и дополненным вариантом англоязычной публикации: Fedotova A., Korchemina E. (2020). Cattle pasturing as a traditional form of forest use and conflicts between peasants and forestry administration in the long 19th century (the case of Białowieża Primeval Forest) // *Global Environment*. Vol. 13. № 2. P. 525–554.
Автор выражает признательность Томашу Самойлику (Tomasz Samojlik, MRI PAN), Марине Лоскутовой (НИУ ВШЭ), Дэвиду Муну (David Moon, University of York, Nazarbayev University) и участникам семинара «Challenging Europe: Technology, Environment and the Quest for Resource Security» (Стокгольм, 13–15 июня 2018 г.), где было представлено это исследование, за полезные комментарии и предложения, а также всем архивистам за их бесценную работу и помощь, особенно Владимиру Берсеневу (РГИА).

ния количества скота, пасущегося в лесу, так и с точки зрения получения компенсаций за ущерб, наносимый лесу. Наиболее важные изменения произошли в последней трети XIX — начале XX века и были связаны с последовательным и строгим контролем над традиционными пользованиями лесными ресурсами, особенно в течение последнего, удельного, периода (1889–1915). Что касается реакции властей на крестьянские ходатайства, мы видим сочувствие им на губернском и министерском уровнях. Терпимость, вероятно, была связана как с нехваткой пастбищ и кормов, так и с общими патерналистскими настроениями российского правительства. Лесная администрация пыталась не столько увеличить доходы от лесных пастбищ, сколько «приучить» крестьян к мысли, что леса являются не общинной, а частной, казенной или удельной собственностью.

Ключевые слова: природные ресурсы, Беловежская пуца, долгий XIX век, лесные пастбища, крестьяне, Российская империя

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-55-88

В конце апреля 1914 года в Ливадию, Крымскую резиденцию царя, пришла телеграмма на Высочайшее имя: «За убитую в Беловежской пуце [браконьером] Янчуком зубрицу [администрацией Беловежской пуцы] запрещена пастьба скота. Янчук [уже] в руках правосудия. Всепокорнейше просим разрешить пастьбу скота в Беловежской пуце. Верноподданные крестьяне деревни Новосады». Телеграмму аналогичного содержания получил начальник Главного управления уделов князь Виктор Сергеевич Кочубей на свой домашний адрес². Какое значение судьба браконьера, убившего зубрицу, имела для принятия решения о выпасе домашнего скота всей деревни? Почему крестьяне деревушки, расположенной на краю заповедного леса, телеграфировали одновременно и царю, и одному из самых влиятельных имперских чиновников, князю Кочубею? Как крестьяне узнали, где будет находиться царь в конце апреля и домашний адрес Кочубея? Как ни странно, поиск ответов на эти вопросы связан не столько с детективной историей о браконьерах и зубрах, сколько с гораздо более прозаическими вещами: экономикой нетоварного крестьянского земледелия, традиционными лесопользованиями и навозом.

Рассуждения о недостаточной развитости восточно-европейского сельского хозяйства часто являются своего рода общим местом в работах по истории долгого XIX века, в особенности — в работах о российской деревне. Как считается, крепостное право в России сдерживало возможности экономического и социального развития как крестьянства, так и всей страны, формируя нерациональный («хищнический») подход к пользованию многими природными ресурсами (Markevich, Zhuravskaya, 2018; Moon, 2014, 1999; Анфилов, 1980; Дружинин, 1978). Обращение к документам о повседневной жизни деревни, в частности, о лесе и лесном выпасе скота, на наш взгляд позволит лучше понять отношение крестьян и кре-

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 80. Д. 1309. Л. 6, 10.

стьянской общины к использованию имевшихся в их распоряжении ресурсов. С одной стороны, этот вид лесопользования был широко распространен на протяжении многих веков, и особенно долго эта практика существовала там, где сохранялись обширные леса (Rotherham, 2013). С другой — пастьба в лесах редко описывалась авторами XIX и XX веков, так как считалась отсталой практикой, мешающей организации рационального лесного хозяйства. Российские авторы изредка упоминали ее в связи с нехваткой кормовых площадей и полуголодным крестьянским скотом (Островский, 2014: 156, 217, 218).

В последние десятилетия специалисты по экологической истории стали обсуждать выпас скота в лесах как важный тип лесопользования, как правило, в связи с его значением для ландшафтов и экосистем (Öllerer et al., 2019; Rotherham, 2013; Ericsson, Östlund, Axeleson, 2000; о конфликтах сельских общин с крупными собственниками лесов в Западной Европе см.: Vivier, 2002; Pourcher, 1984). Некоторые историки упоминают этот вопрос в работах о пользовании общинными землями, другие — сравнивая традиционные крестьянские пользования лесными ресурсами³ с «рациональным» товарным лесным хозяйством, которое в XIX веке завоевывало авторитет у администраторов государственных имуществ и крупных собственников по всей Европе (Matteson, 2015; Hölzl, 2010).

Для обсуждения малоизученного и плохо документированного вопроса о выпасе скота в лесу мы выбрали подход case study, поскольку, по словам Джона Геринга, чем меньше мы знаем об объекте исследования, тем более ценным становится глубокое исследование отдельного примера (Gerring, 2006: 264). Беловежская пушка как объект исследования позволяет решить ряд задач.

Во-первых, о разных сторонах жизни крестьянского населения сохранилось много документов, поскольку Беловежская пушка была убежищем последней популяции равнинных зубров (*Bison bonasus bonasus*) и охотничьим резерватом царя⁴.

Во-вторых, смена правовых режимов на этой территории на протяжении долгого XIX века, а также реакция на эту смену крестьянских общин и лесной администрации позволяет лучше понять мотивы сторон, которые каждый раз вынуждены были артикулировать свои претензии и недовольство. Причудливое сочетание правовых

3. Западные исследователи в последние десятилетия обращаются к проблеме ограничения доступа крестьянских общин к традиционным для них ресурсам со стороны крупных собственников или государства. Сейчас существуют работы о таких узкоспециальных пользованиях, как, например, сбор смолы (Delgado, 2017) или дубовой кошенили (Stockland, 2018: 148–187).
4. Историография Беловежской пушки весьма обширна, классической остается монография удельного чиновника Г. Карцова (Карцов, 1903); в последнее время ряд работ опубликован Томашем Самойликом с соавторами (Samojlik et al., 2020).

режимов характерно для всей западной части Российской империи, а не только Гродненской губернии, где располагалась Беловежская пуща. Мы считаем, что подобное многоголосие было в целом характерно для окраинных территорий, поэтому полученные результаты можно распространить на значительную часть империи.

В-третьих, выявленные документы, описывающие возникавшие споры, позволяют понять мотивацию в первую очередь рядовых пользователей лесными ресурсами, которые, как правило, ускользают от внимания историков. Казалось бы, самым уязвимым участником конфликтов должны были быть крестьяне. Но как показал в своей монографии «Оружие слабых» Джеймс Скотт, крестьянские общины умели сохранять привычный образ жизни и успешно противостоять модернизаторам (Scott, 1985).

Важность лесных пастбищ как ресурса для крестьян связана с тем, что в регионах с бедными почвами скотину держали в том числе для получения навоза. Последний оставался основным удобрением во многих странах Европы, включая Россию, по крайней мере до 1920-х годов⁵. При этом на протяжении большей части XIX века на подавляющей территории Российской империи, включая Гродненскую губернию, крестьяне не имели пастбищ в привычном нам смысле слова. Луга использовались в основном для заготовки сена, а какие-либо способы улучшения кормовых площадей были мало распространены до начала XX века и в целом по империи, и в Гродненской губернии⁶. Правила люстрации для Западных губерний, Высочайше утвержденные 28 декабря 1839 года, определяли размер выгона в $\frac{1}{2}$ десятины на крестьянский двор, а предложения некоторых люстраторов увеличить эту норму до 2–3 десятины не были поддержаны МГИ⁷. Очевидно, что площадь в $\frac{1}{2}$ десятины была крайне недостаточной, и для выпаса использовался любой клочок земли: паровые поля, межи, обочины, но прежде всего — леса и заросли кустарников.

Скотина считалась «необходимым злом»: она обеспечивала навоз и тягловую силу, но требовала больше внимания, чем того стоила. Даже в агрономически и технологически более развитых странах Европы ситуация начала меняться лишь немногим раньше. В немецких землях животноводство считалось подчиненной отраслью сельского хозяйства и, по крайней мере до начала XIX века, фермеры не выделяли земли для выращивания кормов. Немецкие трак-

5. О первых существенных успехах российской промышленности в производстве минеральных удобрений, достигнутых в годы Первой мировой войны, см.: Елина, 2001.

6. О недостаточном внимании как землевладельцев, так и государственной агрономической администрации к вопросу обеспечения скота кормами см.: Департамент земледелия, 1914; РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24580, 24999. Оп. 71. Д. 25804, 26306.

7. РГИА. Ф. 384. Оп. 2. Д. 458.

таты по сельскому хозяйству только в конце XVIII — начале XIX века стали уделять больше внимания домашней скотине, предлагая возможности улучшения трехпольной системы благодаря более интенсивному и продуманному использованию удобрений, в том числе навоза (Matz, 2015).

В нашей статье мы исходим из того, что для крестьян Восточной Европы в целом и для России в особенности вплоть до XX века выпас скота в лесах был одним из ключевых ресурсов. Опираясь на впервые вводимый в научный оборот обширный архивный материал, мы покажем, что крестьянские общины, в духе теории Джеймса Скотта (Scott, 1985), последовательно саботировали запреты на пастьбу в лесу. Государство же на протяжении долгого XIX века усиливало контроль над многими сторонами хозяйственной жизни деревни, что постепенно делало конфликты крестьян с государственной лесной администрацией более острыми (Velychenko, 2001).

Основными источниками нашего исследования стали документы правительственных учреждений, которые отложились в Российском государственном историческом архиве: фонды Лесного департамента Министерства государственных имуществ (Ф. 387) и Главного управления уделов Министерства императорского двора (Ф. 515), что накладывает свой отпечаток на выбор ситуаций, проанализированных в данной работе. В большинстве случаев мы имели дело с острыми конфликтами, которые не смогла разрешить местная администрация. Отчасти мы воспользовались материалами Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (НИ-АБГ): Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия (Ф. 10) и канцелярии Гродненского губернатора (Ф. 1). Были использованы и опубликованные источники: инструкции чиновникам, лесная и сельскохозяйственная периодика, материалы совещаний и съездов.

Краткое описание Беловежской пушчи с точки зрения возможностей выпаса скота

Беловежская пушча сегодня занимает 1450 км² и располагается на границе Польши и Белоруссии. Этот самый старый из равнинных лесных массивов Европы имеет огромное биоразнообразие и небольшую долю открытых пространств (речные долины и болота). Отличительной чертой истории Беловежской пушчи на протяжении нескольких столетий является ее охраняемый статус (Samojlik et al., 2020). Благодаря обилию крупной дичи, в том числе легендарного зубра, уже в XV столетии Пушча стала заповедным охотничьим лесом польских королей и литовских великих князей. К 1510 году здесь была устроена лесная администрация. На протяжении большей части XVIII века лесничему подчинялись 13 стражников, каждый из которых заведовал одной частью леса — стражей, и имел

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

в подчинении нескольких стрельцов⁸. Лесная стража жила в большом селе в центре Пуци — Беловеже и в деревушках на окраинах леса. Основной обязанностью стражи были охрана леса и дичи, контроль за использованием лесных ресурсов и организация королевских или великокняжеских охот. Статус леса не допускал сплошных рубок, расчисток или распашек, что существенно сдерживало рост населения как в самой Пуце, так и на близлежащих территориях. Палинологический анализ показывает наиболее заметные фазы заселения и антропогенного влияния в течение так называемого Римского железного века, а затем — в современную эпоху. Все фазы заселения характеризовались слабой сельскохозяйственной активностью, и открытые пространства не создавали существенных разрывов в лесном покрове Беловежской пуци на протяжении всего голоцена до настоящего времени (Latalowa et al., 2013). Несмотря на заповедный режим, местные жители имели доступ к лесным ресурсам, в частности, могли косить сено на открытых пространствах и пасты скот в лесу (Samojlik, Rotherham, Jędrzejewska, 2013).

В Пуце традиционно разрешалось пасты только крупный рогатый скот и только в светлое время суток. Такое ограничение имело свою логику. Мелкий скот, особенно свиньи, часто становились добычей волков (Карцов, 1903). Козы повсеместно считались наиболее вредной для лесов скотиной, обгрызающей кору деревьев (Классон, 1844)⁹. Запрет пастьбы лошадей имел другие основания. Лошадей обычно пасут ночью, и на каждые две-три лошади нужен пастух. Это связано с подвижностью лошадей и распространенностью конокрадства в регионе. Пуцанская администрация подозревала пастухов в браконьерстве и других нарушениях, поэтому категорически возражала против пастьбы лошадей в лесу¹⁰. Более того, пастьба лошадей в Пуце могла быть опасна, так как зубры иногда атаковали лошадей и убивали их¹¹. Все это не означает, что крестьяне действительно не пасли их в лесу: в конце XIX — начале XX века администрация часто штрафовала крестьян за выпас в Пуце и свиней, и лошадей¹².

Во второй половине XVIII века было предложено ограничить пастьбу скота расстоянием $\frac{1}{4}$ мили (0,4 км) от деревень, так как скот

8. Аналогичная система существовала и в других лесных массивах региона, хотя названия «должностей» могли отличаться.

9. См. также: РГИА. Ф. 1589. Оп. 3. Д. 80. Строгий запрет на выпас коз в лесах существовал в Крыму с 1850 года: РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 22945.

10. Это регулярно подтверждалось распоряжениями администрации: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 723. Л. 23.

11. В удельный период крестьяне иногда требовали компенсаций за лошадей, убитых зубрами, но получали их крайне редко, см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 283, 284.

12. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). Ф. 108. Оп. 3. Д. 23.

повреждал молодые побеги деревьев¹³. Вероятно, попытка введения запрета была вызвана ростом численности скота и обеспокоенностью лесничих его потенциальным негативным влиянием на лес (Samojlik, Kuiper, 2013). Возможно, мы не должны считать эти предложения реальной попыткой введения ограничений, а лишь теоретическими рассуждениями в связи с общими тенденциями в лесном хозяйстве. Так, российские форштмейстерские инструкции конца XVIII века содержали специальные указания на необходимость защиты леса от любого вреда, причиняемого пастьбой скота, и требовали штрафовать владельцев скота в соответствии с причиненным ущербом¹⁴. Фактическое применение этих принципов на практике, однако, находилось за пределами реальных возможностей лесных чиновников (Лупанова, 2017). Конкретные случаи причинения вреда лесу из-за выпаса скота обсуждались лишь в составе более крупных дел¹⁵.

Современные взгляды на ценность лесных материалов малоприменимы ко многим местностям Восточной Европы до развития там сети железных дорог. Вывоз древесины из лесов, располагавшихся вдали от рынков сбыта или сплавных рек, часто делал лесозаготовки невыгодными¹⁶. Поэтому лесные массивы оценивались в связи с их ресурсами для местного, почти натурального, хозяйства: древесина для строений и домашней утвари, дрова, косьба сена на лесных полянах, выпас скота и так далее¹⁷. Именно о таком подходе говорил О. С. Красуский, доцент Ново-Александровского института, характеризуя лесопользование в соседнем с Гродненской губернией регионе — в Царстве Польском: «Выгодность лесоводства усматривалась не в нем самом, но во влиянии его на успехи сельского хозяйства, на пользу которого и обращаемы были произведения лесной почвы» (Красуский, 1878: 4). Описывая отношение помещиков к своим лесам, он писал с осуждением: «Владельцы лесов не только пользовались [лесами] произвольно, но, сверх того, предоставляли крестьянам взамен отработки <...> получать лес на починку строений, изгородей, топливо, пользоваться пастьбой скота, сгребанием подстилки и пр., нисколько не соображаясь <...> с состоянием лесов <...>» (Там же). Беловежская пуца, не имевшая удобных сплавных путей и рынков сбыта, представляла именно такой случай.

13. Harnak G. Summariusz z Podatków Łowieckich (1764): Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. SA 11575.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 25. № 18533–18534; Инструкции Адмиралтейской коллегии лесоискателям, вельдмейстерам и почтмейстерам: РГИА. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 3. Л. 147–148 и др.

15. Например: РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 2655.

16. О понятии timber frontier как территории, заготовка леса на которой является коммерчески выгодной, и о продвижении этой границы в течение XIX века на север и восток см.: Lotz, 2015.

17. Попытку лесничего середины XIX века оценить экономическое значение лесных ресурсов во всем их разнообразии см.: Бульмеринг, 1848.

ИСТОРИЯ

На протяжении первых десятилетий после Третьего раздела Польши (1795) управление присоединенными территориями осуществлялось «на прежнем основании» и в целом ситуация менялась сравнительно медленно (Неупокоев, 1976; Samojlik et al., 2020). Это особенно верно в отношении лесов, перешедших, как Беловежская пуца, в казенную собственность. Заявления о необходимости введения принципов рационального лесного хозяйства оставались в этот период по большей части только на бумаге¹⁸. Многие лесные ресурсы, хотя и считались формально государственной собственностью, фактически находились в общинном пользовании¹⁹.

Вероятно, благодаря славе королевского леса, указу Александра I об охране зубров 1802 года и другим распоряжениям, подтвердившим заповедный режим, Беловежская пуца мало пострадала от вырубок и захватов, последовавших за Третьим разделом Польши. Исключением была ее 13-я стража, подаренная Екатериной II графу Петру Алексеевичу Румянцеву (Samojlik et al., 2020). Вскоре после смерти Румянцева (1796) наследники продали лес, который был вырублен, а земли расчищены²⁰. Хотя в целом в первой половине XIX века Гродненская губерния была по-прежнему богата лесами (Бобровский, 1863; Аноним, 1849), конфликты казны с помещиками могли быть острыми. Иногда они доходили до того, что помещик захватывал часть казенной лесной дачи, грабил и выгонял стрельцов из их казенных усадеб²¹. Разумеется, в такой обстановке российские власти должны были внедрять новые правила с большой осторожностью. Ключевой задачей лесной администрации было остановить самовольную рубку и расчистку казенных лесов. В Гродненской губернии эта задача в целом была выполнена к 1820-м годам²². Следующей задачей стало последовательное размежевание казенных лесов с частными владельцами и крестьянскими общинами, что в целом было сделано к 1830–1840-м годам²³.

В 1830-х годах администрация как в столице, так и в губерниях несколько раз поднимала вопрос о контроле над крестьянскими пользованиями, которые постепенно начали считаться нежелательными для «рационального» лесного хозяйства. Традиционные лесопользования включали (кроме очевидного получения деловой древе-

18. О нехватке персонала и перегруженности форштмейстеров служебными обязанностями в конце XVIII — начале XIX века см.: Лупанова, 2017; Лесной департамент, 1898.

19. В Южной Европе ситуация могла быть похожей, и крестьянская община могла иметь доступ к ресурсам казенных лесов (Ruano, 2013).

20. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 57.

21. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Л. 86–87; Оп. 2. Д. 538. Л. 27–29, 36, 59–61, 77–79, 86, 112, 132–134.

22. РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 832.

23. РГИА. Ф. 379. Оп. 7. Д. 306–314.

сины и дров) бортничество (Лоскутова, Федотова, 2019), вырубание кусков из смолистой нижней части сосновых деревьев для растопки (Samojlik et al., 2019), сдирание липовых лык (Samojlik, 2005) и так далее, но самой важной для крестьян (и вредной, с точки зрения лесничих) практик был выпас скота в лесу. Так, обер-форштмейстер Гродненской губернии уже в отчетах за 1819 и 1820 годы заявлял о необходимости строгого контроля над выпасом скота в лесах и его полного запрета в молодых насаждениях²⁴. Однако эти заявления редко имели реальные последствия: в 1824 году форштмейстер Пружанской дистанции требовал, чтобы Гродненская казенная палата запретила крестьянам пасти скот в соседней с Беловежской пушкой Шерешовской лесной даче. Палата, изучив вопрос, отказалась вводить запрет, заявив, что крестьяне этих казенных селений не имеют достаточных площадей пастбищ, а истребление скота нанесло бы им «большой убыток»²⁵.

Хотя на данном этапе у нас нет возможности оценить численность скота в окрестностях Беловежской пушки в этот период, о важности Пушки как источника кормов для местных жителей говорит аренда лесных полей под покосы. Во второй половине 1820-х годов оброк за сенокосные поляны в Беловежской пушке мог составлять 1/5 от всех казенных лесных доходов Гродненской губернии²⁶.

Документы лесного управления позволяют предположить, что присоединение польско-литовских территорий к Российской империи в первые десятилетия не слишком изменило порядок пользования лесными ресурсами для крестьянских общин в Беловежской пушке. Однако заявления немецкой школы лесного управления о возможностях увеличения казенных доходов от продажи деловой древесины постепенно меняли приоритеты чиновников и в Российской империи. Лесничие, получившие в рамках этой школы подготовку нового, как тогда считалось рационального, лесного хозяйства, были склонны смотреть на выпас скота в лесах как на вредное явление. В лесной периодике появлялись статьи о вреде пастьбы скота для лесной почвы, прироста, семенной продуктивности деревьев и т.п. (Перелыгин, 1833; Семенов, 1836). Другие авторы обсуждали вопрос менее категорично, признавая как катастрофическую нехватку пастбищных площадей в большинстве губерний Европейской России, так и необходимость содержать скот для удобрения полей. Часто появлялись статьи с данными о питательной ценности лесных кормов, в том числе листьев и побегов деревьев разных пород, точные расчеты необходимой площади лесного паст-

24. РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 832. Л. 10, 25.

25. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 538. Л. 158–159.

26. РГИА. Ф. 379. Оп. 7. Д. 302–305. Среднегодовой доход от казенных лесов Гродненской губернии во второй половине 1820-х годов колебался в пределах 15–20 тысяч рублей, из которых более 3 тысяч поступали за сенокосные поляны в Беловежской пушке.

бища на голову скота и т. д. Большая часть таких статей была основана на данных из германоязычных регионов и предлагала самый жесткий контроль над выпасом (Классон, 1844; Ненсберг, 1859 и др.)²⁷. Такое отношение лесной администрации к крестьянским лесопользованиям закладывало основы для будущих конфликтов.

Дореформенный казенный период (1843–1860)

В 1837 году на базе Департамента государственных имуществ Министерства финансов было сформировано Министерство государственных имуществ (МГИ). В 1843 году в нем было образовано специальное подразделение для управления казенными лесами — Лесной департамент. Из губернских казенных палат (губернских представительств Министерства финансов) в 1838–1839 годах были выделены палаты государственных имуществ со специальными Лесными отделениями. Одной из важнейших целей нового министерства стала рационализация управления казенной собственностью, включая леса. Столичные и губернские лесные управления активно пополняли свои ряды специалистами, получившими образование в соответствии с принципами рационального лесного хозяйства. Целью этого нового рационального лесного хозяйства был рост доходов собственника (в данном случае государства) через увеличение производства товарной древесины. Идеальный лес, с точки зрения «рационального» лесничего, представлял собой высокоствольное одновозрастное насаждение одной, двух, редко трех ценных лесных пород; из них в Восточной Европе предпочитали дуб и сосну. Другие деревья, используемые в крестьянском хозяйстве, имели в глазах лесного чиновника значительно меньшую ценность. Многие традиционные лесопользования стали считаться нежелательными и даже вредными для лесного хозяйства, а крестьяне, по возможности, должны быть вытеснены из казенного леса.

Цели МГИ, впрочем, отличались от целей собственно лесной администрации. В ведение МГИ входили государственные крестьяне и забота об уплате ими податей, так что министерство осторожно относилось к инициативам Лесного департамента и лесных отделений губернских палат по ограничению доступа крестьян к привычным ресурсам.

В 1840–1850-х годах Лесной департамент сделал ряд шагов по введению в Беловежской пушце рационального лесного хозяйства. Постепенно вместо польской системы организации лесной охраны в губернии была введена стандартная для всей империи система. В конце 1840-х годов вместо деления на 12 страж Пушца была разделена на четы-

27. Публикации о кормовой ценности разных частей деревьев и кустарников появлялись и в конце XIX — начале XX века, особенно активно после неурожаяев (Дмитриев, 1896).

ре лесничества, каждым из которых управлял лесничий. Лесничества делились на обходы, за которые отвечали семейства постоянной лесной стражи²⁸. Было утверждено первое для Пушчи лесоустройство (т. е. «рациональный» план рубок)²⁹. Прямые просеки поделили ее на аккуратные прямоугольные кварталы по две квадратных версты. Все эти нововведения, однако, мало повлияли на практику выпаса скота. МГИ осознавало, что крестьянское хозяйство зависит от скота и от доступных общине пастбищных площадей. Более того, несмотря на рост населения в губернии, его численность в окрестностях Пушчи оставалась невысокой, и небольшое поголовье скота не могло причинить огромному лесу сколько-нибудь серьезный вред. Крестьяне продолжали использовать лесные ресурсы в соответствии с потребностями своих почти натуральных хозяйств. Годовые отчеты Лесного отделения Гродненской палаты государственных имуществ в 1840–1850-х годах повторяли без особых изменений: «Пастьба скота, производство охоты на мелкую дичь, собиранье разных лесных произведений (орехов, грибов, ягод и т.п.) дозволялась в лесах Гродненской губернии местной лесной страже и государственным крестьянам без всякого платежа»³⁰. В таких случаях палаты государственных имуществ, в том числе и Гродненская, напоминали, что речь идет об удовлетворении только собственных домашних нужд³¹.

Очевидно, что в регионах с более высокой плотностью населения и меньшей площадью лесов ситуация могла отличаться. Нами были найдены документы, обсуждавшие ограничения по выпасу скота в казенных лесничествах Тамбовской, Киевской и других малолесных губерниях³². Плату за выпас уже в этот период могли взимать в казенных лесах губерний Царства Польского, находившихся в ведении Министерства финансов³³. Общеимперские инструкции о правах и обязанностях лесной стражи 1840–1850-х годов специально указывали, что лесная стража имеет право бесплатно пасти свой скот в казенном лесу (Арнольд, 1883), а «Правила о защите лесов,

28. Лесничий был государственным чиновником, желательнее — со специальным образованием. В лесную стражу могли поступать отставные «нижние чины» или воспитанники лесных училищ. В Беловежской пушце постоянная лесная стража была сформирована путем переименования стрелцов, служивших с «польских» времен, и некоторого изменения их должностных обязанностей.

29. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 7057–7059.

30. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1312. Л. 35; Д. 1313. Л. 650б-66. См. также: РГИА. Ф. 387. Оп. 27. Д. 23, 45, 46.

31. У нас, впрочем, нет никаких документов, свидетельствующих о контроле за тем, пасти ли крестьяне Гродненской губернии в казенных лесах только свой скот или, кроме того, откармливали скотину на продажу. В доносах на злоупотребления лесной стражи по разным губерниям крестьяне иногда указывали как на одно из нарушений, что стража берет скотину на откорм и выпасает ее в казенном лесу.

32. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21570, 22125.

33. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 26. Д. 95, 2342, 2343, 2344, 2369, 2371.

лугов и других земель», изданные в середине XIX века, упоминали штрафы за выпас скота без специальных разрешений (Департамент сельского хозяйства, 1856: 14).

Отношения крестьян с лесной администрацией могли отличаться даже на территории одного лесного массива. В 1841 году во главе одной из 12 страж Беловежской пуши, Наревской, был поставлен недавний выпускник Санкт-Петербургского лесного института Ф. Череев. По заданию МГИ он должен был ввести в ней образцовое хозяйство, для чего он дал краткое описание леса и хозяйства в нем. Череев объяснил, что крестьяне деревень, расположенных вблизи усадеб лесной стражи, соблюдали необходимые предосторожности при пользовании огнем и пастьбе скота; крестьяне деревень, расположенных в более отдаленных местах, напротив, пользуясь отсутствием контроля, приносили немалый вред лесу³⁴.

В целом же во многих случаях (и это верно для большинства деревень в окрестностях Беловежской пуши) казенные леса оказывались единственно доступными пастбищами для крестьянской общины. Запрет означал бы невозможность содержать нужное количество скотины и удобрять поля навозом, а следовательно — постоянные неурожаи.

Пореформенный казенный период (1861–1888)

Начало этого периода отмечают два важных события. Первое из них, Великие реформы, имело общеимперский масштаб. Второе, несмотря на местный характер, имело для Пуши не меньшую важность: осенью 1860 года была организована первая беловежская охота русского царя (Карцов, 1903; Фукс, Зичи, 1862). Результатом ее стал огромный интерес Романовых и их окружения к зубру и к Пуще. В 1888 году Беловежская пуща выкуплена в собственность царской семьи и поступила в удельное ведомство Министерства императорского двора.

Одной из важных реформ царствования Александра II стала полная перестройка МГИ. Забота о государственных крестьянах перестала быть задачей этого ведомства (1866), и оно должно было (после наделения бывших государственных крестьян землей) сосредоточиться на максимизации прибыли от эксплуатации государственных имуществ. Одной из целей лесной администрации стало приучение крестьян к мысли о том, что казенные леса не являются общественной собственностью, и доступ к этому ресурсу должен быть ограничен и/или осуществляться за плату. Крестьяне, в свою очередь, использовали все доступные им средства, чтобы заставить лесное управление пойти на уступки (Министерство государственных имуществ, 1888).

34. НИАБГ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4.

В 1864 году после продолжительного обсуждения Лесной департамент издал правила выпаса скота в государственных лесах. Эти правила обозначали, как устанавливать плату за выпас, допустимое количество скота на одну десятину, меры защиты уязвимых насаждений, ответственность крестьян за нарушения и т. д.³⁵ Правила позволяли пастьбу скота в казенном лесу только тем селениям, которые не имели пастбищ или имели их в недостаточном объеме. Они запрещали выпас в молодых насаждениях («не выросших из-под морды скота»), на вырубках, на участках с песчаной почвой и в других условиях, когда лесные сообщества оказываются особенно уязвимы по отношению к пастбищной нагрузке. Чтобы уменьшить вред от скота, требовалось менять места пастьбы каждые несколько лет. Участки молодого леса, особенно лесные культуры, и другие уязвимые площади предписывалось огораживать или окапывать канавами, чтобы скот не имел к ним доступа. В качестве пастуха необходимо было нанимать опытного человека, который в случае нарушений мог отвечать перед судом. Умеренный выпас крупного рогатого скота признавался сравнительно безвредным для зрелых насаждений, но во многих регионах в лесу запрещался выпас свиней, овец и коз, а в некоторых — также и лошадей. Пастуху запрещалось разводить огонь, охотиться, ставить силки, разорять гнезда, похищать лесной материал. Вскоре лесничие разных губерний обнаружили ряд недостатков и неудобств в применении правил; началась подготовка новой редакции, изданной в 1870 году³⁶. Новые правила упрощали выдачу билетов на пастьбу и уплату штрафов за нарушения³⁷.

Крестьянские общины, не имевшие достаточных пастбищных площадей и желавшие получить пастьбу в лесу, должны были подписать специальный контракт с лесничим до начала пастбищного сезона (в Беловежской пуще он обычно длился с 15 апреля по 15 октября), уплатить необходимую сумму, получить специальный билет, а при необходимости — построить изгороди, мостики и пр. На практике оказывалось, что большинство общин не выполняли условия: они не огораживали участки с молодыми деревьями, не подписывали обязательств об ответственности за нарушения на пастбищной территории, выпускали в лес большее количество скота, чем оплачивали, и выгоняли скот в лес без пастухов³⁸.

Плата за выпас определялась в соответствии с местными особенностями и значительно варьировала не только в разных губерниях, но даже в разных частях одного лесничества, в зависимости от качества пастбищ и от состоятельности крестьян. Переписка по обсуждению новой редакции правил показывает, что чиновники, опре-

35. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 37. Л. 114–137.

36. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 52. Л. 42–80.

37. Циркуляр Лесного департамента от 14 октября 1870 г. № 18508 (Вереха, 1877).

38. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1314; Оп. 2. Д. 27825; Оп. 4. Д. 28905.

деляя размер платы, исходили не из ущерба, причиняемого лесам, и не из стоимости кормов, необходимых для скотины на сезон. Сумма рассчитывалась исходя из возможностей крестьянских хозяйств. К примеру, Гродненское управление государственных имуществ в переписке по поводу изменения правил выпаса скота требовало снизить плату с 25 до 10 копеек за десятину пастбищной площади, говоря, что плата в 25 копеек будет слишком тяжелым бременем и крестьяне откажутся платить совсем³⁹. Лесные чиновники подчеркивали, что плата за выпас вводится не для увеличения лесных доходов, а для приучения крестьян к мысли о том, что лес не является общественной собственностью, и основания, на которых рассчитывался размер платы, вполне подтверждают эти заявления.

Имеющиеся в архивном фонде Лесного департамента МГИ документы позволяют предположить, что в 1880-х годах правила пастбы в редакции 1870 года систематически применялись во многих казенных лесах Европейской России, за исключением малонаселенных и богатых лесом губерний северо-востока. В густонаселенных, малолесных и особенно в засушливых местностях лесничие отмечали, что выпас скота причиняет значительный вред лесам, и с разной степенью успеха пытались ограничить или полностью запретить его⁴⁰.

Чиновники хозяйственных отделений губернских управлений государственных имуществ, и особенно канцелярий губернаторов, часто шли навстречу крестьянам в их просьбах освободить от платы за выпас после неурожайного года, понизить плату за выпас бедным крестьянским общинам⁴¹. Лесничие, напротив, жаловались на трудности законного преследования крестьян за нарушения правил выпаса. Штраф обычно составлял от 10 копеек до 1 рубля за голову скота, а общая сумма штрафа редко достигала 15 рублей. Расходы лесничего на поездки в суд были значительно выше, а судьи часто вставали на сторону крестьян⁴². Крестьяне, вероятно, понимали эти особенности судопроизводства, так что лесничим оставалось толь-

39. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 52. Л. 53–53об.

40. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27825, а также материалы Всероссийских съездов лесовладельцев и лесохозяев, обсуждавших этот вопрос: Сборник вводных докладов по вопросам, предложенным к обсуждению членов IV Съезда лесохозяев в г. Варшаве (со 2 по 12 августа 1878 г.). СПб.: Лесное о-во, 1878; Труды IV Всероссийского съезда лесохозяев в г. Варшаве (со 2 по 12 авг. 1878 г.) / Сост. по стеногр. отчету А. П. Тулинова, под ред. Н. С. Шафранова. СПб.: А. Ф. Девриен, 1879; Вводные доклады Пятому Всероссийскому съезду лесохозяев в Москве (с 1 по 10 авг. 1882 г.). СПб.: тип. В. Киршбаума, 1882. Подробное изучение негативного влияния значительной пастбищной нагрузки на лесные экосистемы было предпринято в раннесоветское время (Фальковский, 1928; Фальковский 1929).

41. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 4. Д. 30303; Оп. 26. Д. 2342–2344, 2369, 2417; Ф. 515. Оп. 42. Д. 2936, 3417, 4483; Оп. 80. Д. 874, 881.

42. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27825. Л. 1–7, 38–40.

ко сообщать в Лесной департамент о своих затруднениях⁴³, а также обсуждать их на съездах (Политаев, 1879). Возможность уплаты штрафа на месте, введенная редакцией правил 1870 года, упростила вопрос и для лесничих, и для крестьян. Впрочем, некоторые крестьянские общины накапливали серьезные задолженности⁴⁴.

Доход казны от пастьбы скота и других традиционных землепользований редко достигал значительных сумм в абсолютных цифрах или в относительном выражении. Как показывают собранные чиновниками в ходе подготовки обмена между удельным ведомством и казной сведения, поступления за выпас в Пушце в 1882–1886 годах колебались от 2,5 до 5,3 тыс. рублей в год (от 2,4 до 7,5% валового дохода)⁴⁵. В целом по Гродненской губернии за период 1874–1882 годов они колебались от 13 до 31 тыс. рублей в год, что составляло обычно до 16% от общего дохода от государственных лесов Гродненской губернии, но чаще 6–10%⁴⁶.

Цифровые данные согласуются с нарративными источниками. Внедрение новых правил о выпасе скота шло медленно. В 1870-х годах Лесное отделение Гродненского управления государственных имуществ жаловалось, что «несмотря ни на какие строгости» крестьяне «увертываются, платят штраф, подкупают стражу». «При разрешении пастьбы скота в казенных лесах, <...> имелось в виду, что <...> при <...> соблюдении известных предосторожностей пастьба не может принести лесу особенного вреда. Но <...> большая часть этих предостережений не соблюдается»⁴⁷.

Хотя и лесничие государственных лесов, и помещики считали выпас скота в лесах одним из важнейших препятствий, мешающих организации правильного лесного хозяйства, попытки достигнуть договоренности с крестьянами о выкупе пастбищного сервитута почти никогда не достигали успеха⁴⁸. Крестьяне, по мнению противоположной стороны, запрашивали слишком высокие компенсации (Семашко, 1899; Портен, 1903; Ширяев, 1903), а все меры, предлагаемые властями, сводились к ограничительным. Так, Гродненское управление государственных имуществ, обсуждая меры поощрения крестьян к улучшению лугов и к переходу от трехпольной системы к более сложным севооборотам с травосеянием, в 1879 году делало только

43. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21570, 22125, 22692; Оп. 3. Д. 27825.

44. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 881.

45. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3415. Л. 294–295.

46. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 15. Д. 143; Оп. 16. Д. 591, 965, 1343, 184, 591, 953, 1243; Оп. 17. Д. 204. Доля в целом по Европейской части империи была еще ниже: в конце 1870–1880-х гг. поступления от пастьбы составляли 3–5% от суммы валового дохода казенных лесов (Лесной департамент, 1898; РГИА. Ф. 387. Оп. 27. Д. 110; Оп. 28. Д. 1314).

47. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1314. Л. 18–19.

48. В НИАБГ сохранились многочисленные дела об отказе крестьян Гродненской губернии от ликвидации пастбищных сервитутов: НИАБГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10–32.

одно практическое предложение: увеличить сборы за выпас скота в лесу. По этой логике, крестьяне якобы сами начали бы избегать лесной пастьбы как невыгодной и сами перешли бы к травосеянию⁴⁹. Предложение, впрочем, не было принято, и плата за выпас в государственных лесах осталась прежней, причем в два-три раза ниже, чем в лесах помещиков. Активные меры по развитию травосеяния и улучшению лугов и сенокосов имперская администрация и местные власти стали принимать только в начале XX века⁵⁰.

Параллельно с трансформациями, общими для империи и региона, в Пуще происходили собственные изменения, связанные с тем, что Пуща являлась последним местообитанием зубра. После царской охоты в октябре 1860 года Романовы обратили внимание на Пущу как на потенциальное место для престижной охоты на легендарного зверя (Samojlik et al., 2020). Специалисты Лесного департамента и местные лесничие предложили ряд мер по улучшению условий существования диких копытных (Карцов, 1903; Генко, 1903; Samojlik et al., 2020)⁵¹. В соответствии с новыми приоритетами, крестьянский скот стал считаться вредным не только для лесного хозяйства, но и для диких животных из-за конкуренции за пастбищные площади и опасности эпизоотий⁵². Однако лесное управление не смогло даже слегка потеснить крестьянский скот из Пущи, так как именно в это время люстрационные комиссии наделяли землей бывших государственных крестьян. В итоге значительная часть открытых пространств внутри Пущи перешла в руки крестьян как сенокосы. Более того, население окрестностей Пущи выросло к этому моменту настолько, что люстрационные комиссии не смогли выделить крестьянским общинам положенные пастбищные площади и ограничились указанием на Пущу как на место пастьбы (Samojlik et al., 2020)⁵³. Дальнейший рост численности местного населения и связанный с ним рост численности скота, наряду с новыми приоритетами Управления Пущи (т. е. охрана дичи), стали в ближайшие десятилетия причиной существенных конфликтов.

Некоторые меры, направленные на охрану зубра, впрочем, были приняты. Эксперты очередной лесоустроительной партии (1870 год) потребовали более жесткого контроля над пастьбой. Они предполагали, что зубры держатся в основном в центральной части Пущи, посему требовали огородить ее «прочным забором» (Генко, 1903: 34). Пастьба скота в этих зубровых участках была полностью запрещена. Вполне возможно, что крестьяне и сами избегали зубровых кварталов, так как раздраженные зубры-самцы могли атаковать домашних

49. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1314. Л. 1906-20.

50. См.: Материалы по организации и культуре кормовой площади. Вып. 1–16. СПб.: ГУЗиЗ ДЗ, 1913–1916; Болотоведение: вестник Минской болотной опытной станции. Вып. 1–5. Минск, 1912–1917.

51. См. также: НИАБГ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160. Л. 4–13.

52. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 41. Л. 20.

53. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648. Л. 47.

быков. Забор был построен, хотя его возведение заняло у лесной администрации несколько лет, а сам он довольно быстро пришел в негодность (Генко, 1903; Карцов, 1903). В 1880-х годах стало ясно, что казенное лесное управление не обладает ресурсами, достаточными для надлежащей охраны зубров и организации условий для охоты на них представителей семьи Романовых. Министерство императорского двора начало переговоры о передаче Пущи в удельное управление (Samojlik et al., 2020).

Беловежская пуца как охотничья резервация Романовых: Удельный период (1889–1915)

К концу 1888 года завершился обмен Беловежской пуцы и прилегающей к ней Свислочской казенной лесной дачи на удельные лесные угодья в других губерниях. Пуца стала собственностью царской семьи и ее охотничьей резервацией⁵⁴. Из Лесного департамента МГИ она перешла в ведение Удельного департамента (с 1892 года — Главное управление уделов) Министерства императорского двора. Планы организовать коммерчески выгодное лесное хозяйство в Пуце отошли на второй план, а на первый вышли задачи по организации императорских охот. Это означало, что пуцанская администрация должна была заботиться об увеличении численности диких копытных.

Это повлекло множество изменений для жителей Пуцы и ее окрестностей, в том числе и в организации лесного выпаса скота. Во-первых, вопрос о том, что скот является конкурентом диких копытных в отношении подножного корма перестал быть чисто теоретическим, а получил реальное практическое значение. Во-вторых, изменение статуса лесного массива делало конфликт с крестьянами юридически более обоснованным⁵⁵. В-третьих, визиты высших должностных лиц, членов царской семьи и самого царя давали крестьянам больше возможностей подавать жалобы на пуцанскую администрацию. В-четвертых, строительство царского дворца с его инфраструктурой привело к повышению заработных плат, но также и росту цен на товары и услуги.

Прямым следствием изменения статуса Беловежской пуцы стало изменение отношения к крупному рогатому скоту. Последний теперь рассматривался как конкурент дичи за подножный корм и потенциальный переносчик болезней⁵⁶. С каждым годом количество

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пуце зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

54. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3415.

55. Как мы указывали ранее, конфликт коренился в 1860-х гг., когда при наделении бывших государственных крестьян землей им не были выделены достаточные площади пастбищ, а было указано на Пуцу как на место пастьбы: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648.

56. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3606. Л. 64–65; Д. 3606. Л. 113–126.

дичи в лесу увеличивалось: кроме зубра, популяция которого росла сравнительно медленно, и кабана, которого подкармливали меньше других копытных, значительно выросла численность косули, реинтродуцированного благородного оленя и интродуцированной лани. Был существенно увеличен штат лесной и охотничьей стражи, что позволило лучше контролировать не только браконьеров и самовольные порубки, но и выпас скота (Samojlik et al., 2020).

Новая удельная администрация почти сразу существенно подняла цены на выпас и ограничила его площадь. Из-за этого многие домохозяйства были вынуждены сократить численность скота до необходимого минимума: ранее часть скота держали на откорм и продажу⁵⁷. Усовершенствования в охотничьем и лесном хозяйстве Беловежской пуши требовали рабочих рук, поэтому в 1894 году администрация решила заменить денежные выплаты натуральной повинностью и потребовала, чтобы крестьяне в обмен на право пастбы очищали лес от валежника. Чиновники, однако, некорректно оценили объем работ. Очистка пастбищной площади потребовала бы от крестьянских семейств непосильных трудозатрат. Крестьяне отказались подписывать невыполнимые для них контракты и на волостных сходах, «признавая пастбу скота нашего в Беловежской пуше делом первостепенной важности»⁵⁸, избрали поверенных, которые снова и снова подавали ходатайства во все возможные инстанции в Гродно и в Санкт-Петербурге. Вновь и вновь они напоминали, что в ходе реформы 1860-х годов они не получили положенных им по закону пастбищных наделов, что их «пашни повсеместно требуют навоза, без чего производительность почвы не отплачивает трудов сельского хозяина. Каждый хозяин должен содержать 5–8 голов рогатого скота, и без этого не сможет выплачивать денежные повинности и отбывать натуральные»⁵⁹. Администрация Пуши вынуждена была вернуться к обычному порядку оплаты выпаса⁶⁰, а со временем даже понизить цену за него.

В 1894 году в Пуше была введена специальная должность заведующего охотой. Иосиф Неврли, занимавший этот пост почти 20 лет, был одним из самых активных противников выпаса скота в охотничьих угодьях. Сохранился ряд его докладных записок о мерах к улучшению содержания дичи в Пуше с подробными описаниями негативного влияния крестьянского скота на питание и размножение дичи⁶¹. В 1900-х годах эти рассуждения, а также указания на опасность заноса болезней стали общим местом для ветеринаров, посещавших Пушу (Врублевский, 1912; Эккерт, Феддерс, 1912)⁶².

57. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109.

58. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109. Л. 21.

59. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109. Л. 22.

60. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109.

61. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4002. Л. 31–32; Д. 4583. Л. 80–93.

62. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 409. Л. 21–24.

Пушанская администрация в целом соглашалась с мнением, что большое количество скота негативно сказывается на состоянии леса и популяции диких копытных. И если вред, причиняемый растительным сообществам на большей части Пуши в 1890-х годах, все еще можно было оценить как незначительный⁶³, то конкуренция с дичью за подножный корм и опасность распространения болезней была серьезной (Врублевский, 1908; Эккерт, Феддерс, 1912)⁶⁴. Создание и поддержание огромной популяции диких копытных требовало значительных финансовых ресурсов и персонала. Расходы только на зимнюю подкормку дичи в первые полтора десятилетия XX века колебались от 60 до 150 тысяч рублей в год (Samojlik et al., 2020)⁶⁵. В этих условиях выпас нескольких тысяч голов крестьянского скота, за который крестьяне платили скромные суммы и который значительно сокращал количество подножного корма, доступного для дичи, был серьезной проблемой.

При этом удельная администрация унаследовала обязательства казенного Беловежского лесного управления перед крестьянами. Следовательно, большая часть требований охотничьей администрации по ограничению пастьбы не могла быть удовлетворена. К началу Первой мировой войны администрация Пуши добилась только скромных результатов по ограничению поголовья крестьянского скота, пасущегося в лесу, численность которого колебалась между пятью и десятью тысячами голов (Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016).

В этот период существенно изменились возможности удельной администрации, получившей больше ресурсов для контроля над «правильностью» пастьбы. В билете на выпас точно оговаривалось количество скота, размеры и границы пастбищной площади и ответственность за нарушение правил выпаса. Лесная и охотничья стража действительно наблюдала за пастухами и скотом. Во время эпизоотий, которые случились летом 1910 и 1915 годов, пастьба скота в лесу прекращалась⁶⁶.

Неправильный выпас скота стал параграфом лесного устава, по которому происходили многочисленные нарушения еще в 1870-

63. Ботанико-географ И. К. Пачоский, посещавший Беловежскую пушу в 1890-е годы, писал, что, в отличие от большинства других лесов Полесья и Подляшья, в Пуше почти не заметно пастбищной деградации (Пачоский, 1901; см. также: Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016). Но уже в начале XX века специалисты отмечали подавление естественного возобновления почти всех лесных пород и кустарников по причине совокупного влияния огромного количества диких копытных и выпаса домашнего скота (Paczoski, 1930).

64. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 775; Д. 1501; Ф. 1302. Оп. 8. Д. 252.

65. В начале XX столетия количество зубров колебалось между шестью и семью сотнями, число благородных оленей достигло пяти тысяч, косуль — шести тысяч, ланей — 1200, кабанов — двух тысяч: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 662, 785, 897, 1068, 1194, 1317.

66. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 775, 1501; Ф. 1302. Оп. 8. Д. 252.

1880-е годы, а в удельный период эта категория вышла в лидеры⁶⁷. Так, весной 1896 года управляющий Пущей сопроводил свой рапорт об отношении судебных и полицейских властей к конфликтам крестьян с уделами списком исполнительных листов, по которым решения «оставались без исполнения благодаря индифферентности местных властей»⁶⁸. Из 134 дел в этом списке формулировка «за самовольную пастьбу скота» встречается 84 раза⁶⁹. Такая частая фиксация нарушений правил выпаса скота должна быть связана и с более строгим контролем в удельный период по сравнению с казенным.

Нами был найден только один документ казенного периода, свидетельствующий о том, что лесничие использовали контроль за выпасом скота в качестве инструмента в борьбе с браконьерами⁷⁰. В удельный период этот специфический для Пущи инструмент давления на крестьян использовался довольно широко⁷¹.

Хотя в первое десятилетие удельного периода Пущанская администрация добилась успехов в сокращении браконьерства, до его полного прекращения было еще далеко⁷². Браконьеров было не так много, но соседи и родственники поддерживали и покрывали их. Рост популяции диких копытных привел к тому, что звери стали чаще выходить на поля, а браконьер стал для крестьян избавителем от вредных животных⁷³. Уездная полиция, обремененная обычными обязанностями, редко уделяла внимание расследованию браконьерских дел⁷⁴, а судьи сочувствовали скорее крестьянам, чьи поля страдали от диких копытных, чем удельному управлению⁷⁵. Во многих случаях только угроза оставить деревню без лесного пастбища могла заставить крестьян предпринять меры против своего соседа-браконьера. В силу того, что лесные пастбища были критически важным для крестьян ресурсом, этот инструмент давления оказывался довольно эффективным. Пример того,

67. НИАБГ. Ф. 108. Оп. 3. Д. 23.

68. РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 1163. Л. 35. Взыскание штрафов с крестьян тормозилось также особенностями законодательства, запрещавшего конфискацию имущества крестьянских домохозяйств (Crisp, 1989).

69. РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 1163. Л. 36–46.

70. РГИА. Ф. 387. Оп. 4. Д. 30331.

71. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 38, 442; Оп. 80. Д. 648.

72. См.: РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4346. Л. 21–34; Оп. 80. Д. 897. Л. 35–41.

73. См.: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 897. Л. 35–41.

74. В донесениях Управления Беловежской пущи реальное содействие полиции в расследовании браконьерских дел и судов — в преследовании браконьеров описывалось как исключительные случаи (см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4346. Л. 21–34). В январе 1896 года управляющий Пущей предложил принять на счет Удельного ведомства расходы по содержанию восьми конно-полицейских урядников, которые занимались бы борьбой с браконьерством в Пуще (РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3606. Л. 64–65, 68–84, 91–102). Предложение было реализовано и вскоре дало желаемый эффект.

75. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные случаи против браконьеров, см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 411, 416, 1104, 1163; Оп. 39. Д. 212, 213, 549, 635; Оп. 42. Д. 3359, 3505, 3707, 3999; Оп. 43. Д. 272, 637.

как это могло происходить, мы привели в начале статьи. В ответном рапорте 5 мая 1914 года управляющий Пущей писал в Санкт-Петербург, что ограничение в пастьбе дало свои результаты: крестьяне не только выдали браконьеров, но 30 апреля составили общественный приговор об исключении из своего общества и выселении за пределы Гродненской губернии самого злостного из них. В РГИА сохранились описания и других конфликтов. В декабре 1898 года беловежские крестьяне, собравшиеся на лесные работы, топорами и колыями забили зубрицу, вышедшую на уже замерзшее поле. Удельное управление заявило, что вся деревня останется без пастьбы до тех пор, пока не будут выданы зачинщики⁷⁶. В июне 1909 года Управление Пущи уменьшило площадь пастьбы для деревни Чвирки, так как «крестьяне почти всей деревни не прекращают заниматься браконьерством <...> и <...> опять на днях убили оленя-рогача»⁷⁷. Столичное удельное управление, как правило, поддерживало такие инициативы.

К началу XX века администрация Пущи, закончив строительство дворца и добившись увеличения поголовья диких копытных, обратила внимание на улучшение доступного для них подножного корма⁷⁸. Разумеется, одной из самых эффективных мер был бы обмен крестьянских земель внутри Пущи на другие участки, за ее пределами⁷⁹. Переговоры с крестьянами, однако, шли тяжело, многие не хотели переселяться или требовали слишком больших, по мнению удельного управления, компенсаций. В этих случаях ограничение пастьбы также использовалось как способ давления на них. К примеру, весной 1902 года крестьяне деревни Погорельцы жаловались в столицу, что Управление Пущи не позволяет им наниматься на удельные работы и пасти скот в лесу. Управляющий в своем рапорте объяснял столичному начальству, что хотя жалобы крестьян преувеличены, но некоторые ограничения действительно были введены им из-за того, что крестьяне отказались от договоренностей по переселению из Пущи⁸⁰.

Статус Пущи как царской резиденции давал крестьянам возможности для жалоб, которые поступали в удельное ведомство, в канцелярию Министерства императорского двора и на высочайшее имя. Разумеется, крестьяне других местностей, где имелись удельные имения, также писали ходатайства в столицу и иногда получа-

76. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3707.

77. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648. Л. 43. Крупный самец благородного оленя (рогач) считался самым ценным после зубра охотничьим трофеем.

78. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 785.

79. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 723.

80. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 442. Строго говоря, удельная администрация использовала ограничение пастьбы как инструмент давления на крестьян уже во время строительства Беловежского дворца с его инфраструктурой, чтобы выменять земли, нужные для парка, дорог и спрямления рек; см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 217.

ли просимое⁸¹. Пушанские крестьяне в удельный период были особенно успешны в защите своих интересов благодаря новой близости ко двору. В случаях, подобных новосадскому, описанному в начале статьи, крестьяне не просто подавали прошения, они знали местонахождение царя и домашние адреса чиновников высшего эшелона⁸². Многие ходатайства весьма эмоциональны⁸³. Крестьяне жаловались на пушанское управление в целом и на отдельных служащих⁸⁴. Аргументами в пользу сохранения численности скота и площади лесного пастбища выступали: необходимость удобрять землю навозом, откорм скота на продажу для уплаты податей и необходимость кормить детей; очень часто делался акцент и на давность пользования пастьбой в Пуще. Нередко в своих ходатайствах крестьяне искажали реальное положение дел: как объясняла местная администрация в ответных рапортах в столицу, крестьяне могли занижать размеры пастбищных площадей, преувеличивать проступки лесной стражи и просто фантазировать. В одном из ходатайств просители сетовали, что из-за «оскудения хозяйств» «многие бегут на заработки в Америку, чтобы поддержать своих родных», и «к великому нашему приискорбию возвращаются испорченными»⁸⁵.

В тех случаях, когда местная администрация подтверждала сведения о бедственном положении крестьян, столичная власть предлагала, по возможности, удовлетворять ходатайства⁸⁶. Пушанская удельная администрация, как и государственное лесное управление ранее, признавала, что главной целью платы за выпас является не компенсация убытков, наносимых лесному хозяйству, а приучение крестьян к мысли, что лес не является общинной собственностью. Удельное ведомство соглашалось, что обеспечение крестьян пастбищными площадями в окрестностях Пущи является обязанностью, унаследованной от «казенного» периода. По этой причине Уделы сравнительно легко шли на то, чтобы понизить таксу за выпас. В 1870–1880-х годах обычная плата за выпас в Гродненской губернии составляла 50 копеек за голову крупного рогатого скота в год. В 1890-х годах в Пуще она выросла до 1 руб. 40 коп. В 1900 году была снижена до 1 рубля 20 коп., а в 1905 году — до 1 рубля. В 1912 году новый управляющий Пущи предлагал увеличить таксу и приводил данные о динамике поденной

81. РГИА. Ф. 387. Оп. 4. Д. 30303; Оп. 26. Д. 2342–2344, 2369, 2417; Ф. 515. Оп. 42. Д. 2936, 3417, 4483; Оп. 80. Д. 874, 881.

82. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1309.

83. «Скот наш падает на поле от голоду, потому терпим великую нужду» (РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1192. Л. 8); «Дети голодают без молока» (Там же. Д. 1188. Л. 5); «Пастбищ мы теперь не имеем вовсе и куда нам деться?» (Там же. Д. 1058. Л. 50).

84. См., например, донос на одного из лесных стражников: РГИА. Ф. 515. Оп. 39. Д. 216.

85. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648. Л. 30–31.

86. РГИА. Ф. 387. Оп. 26. Д. 2369, 2344; Ф. 515. Оп. 42. Д. 3417; НИАБГ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 121.

платы в Пуще. На рубеже XIX–XX столетий она составляла 40 копеек для работника (женщинам и подросткам платили $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{2}$ от мужской таксы), для работника с лошадей — один рубль. К 1910-м годам плата работникам выросла в 2–3 раза; зимой цена на конного работника могла достигать 5 рублей в день⁸⁷. Плата в 1 рубль за пастбищный сезон с головы крупного рогатого скота не могла считаться существенной сравнительно со стоимостью кормов. Цены на сено, которое Пуцанская администрация закупала для подкормки дичи в 1905–1910 годах, колебались от 35 до 65 копеек за пуд⁸⁸. Таким образом, заключал управляющий Пущей, плата за выпас превратилась в формальность не только для уделов, но и для крестьян⁸⁹. Столичная удельная администрация, однако, отложила решение вопроса, и к началу Первой мировой войны плата оставалась все той же.

Не менее успешно крестьяне боролись за размер пастбищных площадей. Как показывают данные Самойлика с соавторами, в начале удельного периода пастбищная площадь достигала 52 тысячи десятин (почти половина площади Пущи) (Samojlik, Fedotova, Kuiper, 2016). В конце 1890-х — начале 1900-х годов она постепенно сокращалась, снизившись к 1904 году до 19,5 тысячи десятин. В этом году случился неурожай, что заставило пуцанскую администрацию в следующем году удовлетворить ходатайства крестьян по увеличению пастьбы до 40,5 тысячи десятин⁹⁰. Дополнительным основанием для уступок было нежелание допустить волнений в беспокойный год Первой русской революции вблизи царской резиденции⁹¹.

Документы о взаимодействии крестьян с чиновниками по вопросу пастьбы в лесах других удельных управлений производят сходное впечатление. Управляющие, как правило, старались защитить от выпаса наиболее уязвимые леса, но под давлением крестьянских прошений, поддерживаемых губернаторами и земствами, удельное ведомство часто давало распоряжения идти на уступки как в отношении платы, так и в отношении размера пастбищных площадей. Для принятия решений удельное ведомство запрашивало сведения о материальном положении просителей, а не только о состоянии лесных дач. Уступки делались в годы неурожая и стихийных бедствий: в таких случаях управляющие казенными имуществами и удельными именными разрешали крестьянам бесплатную пастьбу скота в лесных дачах, собр валежника, ягод, грибов и пр.⁹²

Пастьба крестьянского скота в Пуще, как и в целом в лесах Восточной Европы, продолжалась в первой половине XX века, по-

87. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1058. Л. 8.

88. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 897. Л. 14–15.

89. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1058. Л. 8. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 38; Оп. 80. Д. 1188.

90. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 723, 724. Оп. 80. Д. 648.

91. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4572.

92. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 874, 881; НИАБГ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 121.

степенно сокращаясь (Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016). В 1920–1950-х годах специалисты по лесному хозяйству и лесной экологии провели исследования о влиянии пастбы скота по лесохозяйственным и эколого-биологическим параметрам. Они показали негативную роль перевыпаса и сравнительную безвредность умеренного выпаса, то есть подтвердили предположения лесничих второй половины XIX века⁹³.

Заключение

Несколько столетий выпас скота в лесах был важным ресурсом для крестьянских натуральных хозяйств и одним из самых распространенных видов лесопользования. Для его анализа мы использовали подход *case study*, а в качестве объекта — Беловежскую пушу, что было сделано по ряду причин. В Беловежской пушке конфликты были более острыми, чем в большинстве других лесных массивов Европейской части России, так как домашний скот там считался вредным не только для леса, но и для дичи, бывшей объектом царских охот. Администрация Беловежской пушки использовала контроль над выпасом как инструмент давления на крестьян в борьбе с браконьерством и для выселения крестьян из Пушки. Это определило большое количество документов, отложившихся в архивных фондах. Кроме того, история этого леса сама по себе сравнительно хорошо описана, что дает возможность анализировать наш сюжет под разными углами зрения.

Изученный нами материал раскрывает мотивацию в борьбе за контроль над лесными ресурсами между крестьянами и экспертами «рационального» лесного хозяйства. Конфликты крестьян и администрации из-за лесных пастбищ, как критически важного для крестьян ресурса, являются хорошим примером того, что Джеймс Скотт назвал применением «оружия слабых». На всем протяжении долгого XIX века крестьяне использовали все доступные им пути сопротивления: ходатайства во властные структуры всех уровней, включая прошения на высочайшее имя, прямой и скрытый саботаж распоряжений администрации, взятки лесничим и лесной страже. Эти конфликты, тянувшиеся десятилетиями, показывают, что крестьянские общины лишь частично подчинялись правилам, вводимым государственной администрацией. Последняя же, со своей стороны, пыталась изменить принципы лесопользования, сделав их более выгодными для казны, формализованными и рациональными с точки зрения экспертов того времени. Беловежская администрация, особенно в удельный период, тратила существенные ресурсы на контроль за лесопользованиями, в том числе — за выпасом, но добилась очень скромных результатов

93. Библиографию таких исследований по Беловежской пушке см.: Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016.

как в смысле сокращения численности скота в лесу, так и получения компенсации за пользование ресурсом.

В соответствии с изменением принципов управления лесным хозяйством в Пуще мы выделили в долгом XIX веке четыре периода. Самые важные изменения происходили во второй половине XIX — начале XX века и были связаны с более жестким контролем лесной администрации над традиционными лесопользованиями крестьян, особенно в последний, удельный период. Периоды отличаются строгостью контроля со стороны лесной администрации, интенсивностью конфликтов и количеством скота в лесу, так как постепенно происходил рост населения в окрестностях Пущи.

Если рассматривать реакцию администрации на крестьянские ходатайства, то и на среднем (губернском), и на высшем (министерском) уровне мы увидим значительную терпимость к практике пастьбы скота в лесу. Эта терпимость связана как с нехваткой пастбищных и кормовых площадей у крестьян, так и с общими патерналистскими настроениями имперского правительства. Вышшая администрация пыталась не столько повысить доход от лесов за счет пастьбы, сколько «приучить» крестьян к мысли о том, что лес является не общественной собственностью, а частной, государственной или удельной.

В заключение хочется подчеркнуть, что наше исследование было построено почти исключительно на документах правительственных ведомств. Работа с фондами региональных архивов должна дать больше материала. Просмотр двух описей фонда Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия за 1870–1880-е годы (НИАБГ. Ф. 10. Оп. 1, 2) позволил выявить несколько десятков дел о конфликтах из-за пастьбы скота в казенных и частных лесах. Дела по этой теме имеются в фондах Гродненского управления земледелия и государственных имуществ (Ф. 31), Канцелярии гродненского губернатора (Ф. 1), Гродненского губернского присутствия (Ф. 18), Управления Беловежской пущи (Ф. 108) и некоторых других, что открывает перспективы дальнейших исследований.

Библиография

- Аноним (1849). Сведения о состоянии казенных и частных лесов Гродненской губернии // Лесной журнал. С. 277–279; 285–287; 289–292; 298–301.
- Анфимов А. М. (1980). Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука.
- Арнольд Ф. К. (1883). К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. Вып. 9. С. 457–468.
- Бобровский П. О. (1863). Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб.: Тип. Деп-та Генштаба.
- Бульмеринг М. (1848). Указания для определения ценности лесов Европейской России по действительной их ценности // Лесной журнал. Вып. 16. С. 121–127; Вып. 17. С. 129–135; Вып. 18. С. 138–143; Вып. 19. С. 144–150; Вып. 20. С. 153–158; Вып. 21. С. 161–166; Вып. 22. С. 169–175; Вып. 23. С. 177–182; Вып. 24. С. 185–191.

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пуще зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

- Вереха П. Н.* (1877). Систематический сборник действующих циркулярных распоряжений, последовавших по Лесному департаменту с 1838 г. по 15 марта 1877 г. СПб.: тип. В. Киршбаума.
- Врублевский К. О.* (1908). Чума диких кабанов // Архив ветеринарных наук. С. 943–959.
- Врублевский К. О.* (1912). Теоретическая дифференцировка некоторых жвачных на древесноядных (*Fruticivora*) и травоядных (*Herbivora*) и практическое ее значение // Архив ветеринарных наук. С. 746–778.
- Генко Н. К.* (1903). Характеристика Беловежской пуши и исторические о ней данные. СПб.: Лесное общество.
- Департамент земледелия. (1914). Обзор мероприятий по культуре кормовых растений, 1908–1913. СПб.: ГУЗиЗ.
- Департамент сельского хозяйства (1856). Собрание содержащихся в Своде законов и Уложений о наказании постановлений об ограждении лесов, полей и др. угодий от неумышленных и злонамеренных повреждений с присовокуплением предписаний Министерства государственных имуществ по сим предметам. СПб.: МГИ.
- Дмитриев М. А.* (1896). Древесное сено и его употребление в корм скоту // Сельское хозяйство и лесоводство. № 11. С. 771–814.
- Дружинин Н. М.* (1978). Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М.: Наука.
- Елина О. Ю.* (2001). Мир, война и «туковый вопрос»: (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. С. 3–37.
- Карцов Г.* (1903). Беловежская пуца. Ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и Высочайшие охоты в Пуще. СПб.: А. Ф. Маркс, 1903.
- Классон* (1844). В каких случаях и в какой степени пастьба скота и сенокосение могут быть допускаемы в лесах без вреда для оных // Лесной журнал. Вып. 1. С. 43–75.
- Крассуский С. О.* (1878). Частное лесное хозяйство в Царстве Польском в связи с крестьянскими сервитутами // Сборник вводных докладов по вопросам, предложенным к обсуждению членов IV съезда в г. Варшаве. СПб.: Лесное общество. С. 1–14.
- Лесной департамент (1898). Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб.: тип. Римана.
- Лоскутова М. В., Федотова А. А.* (2019). Правительственная политика в отношении бортного пчеловодства в Российской империи XVIII–XIX вв. // Известия Русского географического общества. Т. 151. № 2. С. 78–95.
- Лупанова Е. М.* (2017). История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб.: Европейский ун-т в СПб.
- Министерство государственных имуществ (1888). Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ, 1837–1887. Часть 3. Государственные имущества. СПб.: Яблонский и Перрот.
- Ненсберг В.* (1859). Замечание о пастьбе скота в лесах // Газета лесоводства и охоты. Вып. 3. С. 28–30.
- Неупокоев В. И.* (1976). Крестьянский вопрос в Литве во второй трети XIX века. М.: Наука.
- Островский А. В.* (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторацк.
- Пачоский И. К.* (1901). Флора Полесья и прилежащих местностей. СПб.: Демаков.
- Перельгин П. А.* (1833). Об охранении леса от вреда, причиняемого домашним скотом // Лесной журнал. Ч. 1. Кн. 2. С. 82–89.
- Политаев В. О.* (1879). Пастьба скота в казенных лесах Виленской губернии // Труды IV Всероссийского съезда лесохозяев в г. Варшаве со 2 по 12 августа 1878 г. СПб.: Девриен. С. 181–185.
- Портен Р. А.* (1903). О лесных и земельных сервитутах в Прибалтийских губерниях // Сборник вводных докладов по вопросам, предложенным к обсуждению на X Всероссийском лесохозяйственном съезде в г. Риге с 6 по 15 авг. 1903 г. СПб.: Лесное об-во. С. 27–38.

- Семашко З. И. (1899). Пастбищный сервитут в Западных губерниях. СПб.: Общественная польза.
- Семенов В. С. (1836). О повреждении лесов домашним скотом // Лесной журнал. Ч. 4. Кн. 12. С. 301–307.
- Фальковский П. К. (1928). Вплив випасування худоби на фізичну властивість лісового ґрунту // Труды по лесному опытному делу Украины. Вып. 8. Харьков. С. 155–180.
- Фальковский П. К. (1929). Досліджування впливу випасання худоби в дібровах Тростянецького лісництва на ріст і продукційність лісу (Попереднє повідомлення) // Труды по лесному опытному делу Украины. Вып. 12. Харьков. С. 3–78.
- Фукс В. Я., Зичи М. А. (1862). Охота в Беловежской пушче. СПб.: МГИ.
- Ширяев А. В. (1903). Лесной пастбищный сервитут в Северо-Западных губерниях // Сборник вводных докладов, по вопросам, предложенным к обсуждению на X Всероссийском лесохозяйственном съезде в г. Риге с 6 по 15 авг. 1903 г. СПб.: Лесное общество. С. 39–42.
- Эккерт Н. И., Феддерс В. В. (1912). Пастереллез Боллингера у диких и домашних животных в районе Беловежской пушчи // Сборник в память проф. М. И. Садовского и воспоминания о нем. СПб.: Вестник общественной ветеринарии. С. 260–343.
- Crisp O. (1989). Peasant Land Tenure and Civil Rights before 1906 // Crisp O., Edmondson L. (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press. P. 33–64.
- Delgado J. L. (2017). Construir la tecnología: el caso de la resina de pino en Francia (siglos XVI-II y XIX) // Llull, Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas. Vol. 40. № 84. P. 53–81.
- Ericsson S., Östlund L., Axeleson A.-L. (2000). A Forest of Grazing and Logging: Deforestation and Reforestation History of a Boreal Landscape in Central Sweden // *New Forests*. Vol. 19. P. 227–240.
- Gerring J. (2006). *Case Study Research: Principles and Practices*. New York: Cambridge University Press.
- Hözl R. (2010). Forests in Conflict: Rural Populations and the Advent of Modern Forestry in Pre-Industrial Germany, 1760–1860 // *Common Ground, Converging Gazes: Integrating the Social and Environmental in History*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 198–223.
- Latalowa M., Zimny M., Pedziszewska A., Kupryjanowicz M. (2016). Postglacialna historia Puszczy Białowieskiej — rośliność, klimat i działalność człowieka // *Parki Narodowe i Rezerваты Przyrody*. Vol. 35. № 1. P. 3–49.
- Lotz C. (2015). Expanding the Space for Future Resource Management: Explorations of the timber frontier in Northern Europe and the rescaling of sustainability during the 19th Century // *Environment and History*. Vol. 21. № 2. P. 257–279.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018). The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. Vol. 108. No. 4–5. P. 1074–1117.
- Matteson K. (2015). *Forests in Revolutionary France: Conservation, Community, and Conflict, 1669–1848*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matz B. (2015). Nutrition Science and the Practice of Animal Feeding in Germany, 1850–1880 // Kingsland Sh., Phillips D. (eds.). *New Perspectives on the History of Life Sciences and Agriculture*. New York: Springer. P. 163–181.
- Moon D. (1999). *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*. London: Routledge.
- Moon D. (2001). The Inventory Reform and Peasant Unrest in Right-Bank Ukraine in 1847–48 // *Slavonic and East European Review*. Vol. 79. № 4. P. 653–697.
- Moon D. (2014). *The Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford: Oxford University Press.
- Öllerer K., Varga A., Kirby K., Demeter L., Biró M., Bölöni J., Molnár Z. (2019). 'Beyond the obvious impact of domestic livestock grazing on temperate forest vegetation — A global review' // *Biological Conservation*. Vol. 237. Pp. 209–219.

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

- Paczoski J. (1930). Lasy Białowieży. Poznań: Państwowa Rada Ochrony Przyrody.
- Pourcher Y. (1984). La forêt : espace global et espace conflictuel. La Lozère au XVIIIe et XIXe siècle // Actes du congrès de la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. Montpellier: Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. P. 95–107.
- Pravilova E. (2014). A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Rotherham I. D. (ed.) (2013). Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals: A European Perspective on Woodlands and Grazed Treescapes. London, New York: Routledge.
- Ruano A. Á. (2013). Guided Pollards and the Basque Woodland during the Early Modern Age // Rotherham, I. D. (ed.). Cultural Severance and the Environment. The Ending of Traditional and Customary Practice on Commons and Landscapes Managed in Common. Dordrecht: Springer. P. 147–160.
- Samojlik T. (2005). Drzewo wielce użyteczne — historia lipy drobnolistnej (*Tilia cordata*) w Puszczy Białowieskiej // Rocznik Dendrologiczny. Vol. 53. S. 55–64.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I. (2020). Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture. Cham, Springer.
- Samojlik T., Fedotova A., Kuijper D. (2016). Transition from Traditional to Modern Forest Management Shaped the Spatial Extent of Cattle Pasturing in Białowieża Primeval Forest in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Ambio*. Vol. 45. No 8. P. 904–918
- Samojlik T., Fedotova A., Niechoda T., Rotherham I. (2019). Culturally-modified trees or wasted timber: Different approaches to marked trees in Poland's Białowieża Forest // *PLoS ONE*. Vol. 14. No. 1. E0211025.
- Samojlik T., Kuijper D. (2013). Grazed Wood Pasture versus Browsed High Forests: Impact of Ungulates on Forest Landscapes from the Perspective of the Białowieża Primeval Forest // *Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals*. London, New York: Routledge. P. 139–158.
- Samojlik T., Rotherham I., Jędrzejewska B. (2013). Quantifying Historic Human Impacts on Forest Environments: A Case Study in Białowieża Forest, Poland // *Environment and History*. Vol. 18. № 3. P. 576–602.
- Scott J. C. (1985). Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance (New Haven: Yale University Press).
- Stockland P.-E. (2018). Statecraft and Insect Oeconomies in the Global French Enlightenment (1670–1815). PhD Thesis. Columbia University.
- Velychenko S. (2004). The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 49. H. 3. P. 346–362.
- Vivier N. (2002). The Management and Use of the Commons in France in the 18th and 19th Centuries // *The Management of Common Land in North West Europe, c. 1500–1850*. Turnhout: Brepols Publishers. P. 143–171.

“Cattle grazing is prohibited after the bison was killed in Białowieża Forest”: Woodland grazing as a traditional form of the peasant forest management in the long 19th century

Anastasia A. Fedotova, PhD (Biology), Senior Researcher, Saint Petersburg Branch, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences; Universitetskaya Nab., 5/2, Saint Petersburg, 199034, Russia. E-mail: f.anastasia.spb@gmail.com

Abstract. The article considers one of the key resources for peasants in Eastern Europe — wood pastures. Based on the new archival materials, the author shows that peasant communities, in the spirit of James Scott, consistently sabotaged the state efforts to ban woodland grazing. During the long 19th century, the state was strengthen-

ing control over many aspects of the rural economic life, which gradually made peasant conflicts with the state forest administration more acute. The author applies the case-study approach to the relationships of peasants and local and metropolitan administration in Białowieża Forest. Its unique feature is a long history of the effective protection measures which facilitated finding sources on the topic. The research revealed the struggle for the control over forest resources between peasants and officials as experts in the 'rational' forestry. In the long 19th century, peasants used all available means of resistance: petitions to the authorities of all levels, sabotage of administrative orders, bribes to forestry personnel, and direct violations of orders. The decades of conflicts prove that peasant communities only partially followed the rules introduced by the state administration which tried to change the principles of forestry management to make forests more profitable and 'rational'. The administration spent significant resources to control wood grazing but achieved very modest results in terms of both reducing the number of livestock in forests and collecting compensation for the damage from ungulates. In the second half of the 19th — early 20th century, there were the most important changes associated with the more consistent and strict control over traditional forest resources, especially in 1889–1915. The administration's reactions to the peasant petitions were sympathetic and positive at the provincial and ministerial levels, which can be explained by the shortage of pasture and fodder and the general paternalistic sentiments of the government. The administration tried not so much to increase income from wood grazing as to 'accustom' peasants to the idea that forests were rather private or state than public property.

Keywords: natural resources, Białowieża Forest, long 19th century, wood pastures, peasants, Russian Empire

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

References

- Anfimov A. M. (1980) *Krestijanskoe khozjajstvo Evropejskoj Rossii, 1881–1904* [Peasant Economy in European Russia, 1881–1904], Moscow: Nauka.
- Anonymous (1849) Svedeniya o sostojanii kazennyh i chastnyh lesov Grodnenskoj gubernii [Data on the state and private forests in the Grodno Province]. *Lesnoj zhurnal*, no 35, pp. 277–279; no 36, pp. 285–287; no 37, pp. 289–292; no 38, pp. 298–301.
- Arnold F. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravlenija [On the history of the Russian state forest management]. *Lesnoj zhurnal*, no 9, pp. 457–468.
- Bobrovsky P. (1863) *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami generalnogo shtaba. Grodnenskaya Guberniya* [Materials for Geography and Statistics of Russia Collected by Officers of the General Staff. Grodno Province], Saint Petersburg: Department of the General Staff.
- Bulmering M. (1848) Ukazaniya dlja opredelenija tsennosti lesov Evropejskoj Rossii po dejstvitelnoj ih tsennosti [Instructions for assessing the value of forests in European Russia according to their actual value]. *Lesnoj zhurnal*, no 16, pp. 121–127; no 17, pp. 129–135; no 18, pp. 138–143; no 19, pp. 144–150; no 20, pp. 153–158; no 21, pp. 161–166; no 22, pp. 169–175; no 23, pp. 177–182; no 24, pp. 185–191.
- Crisp O. (1989) Peasant land tenure and civil rights before 1906. *Civil Rights in Imperial Russia*. O. Crisp, L. Edmondson (Eds.), Oxford: Oxford University Press, pp. 33–64.
- Delgado J. L. (2017) Construir la tecnología: el caso de la resina de pino en Francia (siglos XVIII y XIX). *Llull, Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas*, vol. 40, no 84, pp. 53–81.
- Departament selskogo hozjajstva [Department of Agriculture] (1856) *Sobranie soderzhashchihsj v Svode zakonov i v Ulozhenii o nakazanii postanovlenij ob ogradzhenii lesov, polej i drugih ugodij ot neumyslennyh i zlonamerennyh povrezhdenij* [Collection of Decisions from the Code of Laws and Regulations on Punishment for Protecting

- Forests, Fields and Other Lands from Unintentional and Malicious Damage], Saint Petersburg: Ministry of Public Domains.
- Departament zemledelia [Department of Farming] (1914) *Obzor meroprijatij po kulture kormovykh rastenij, 1908–1913* [Overview of Measures for Fodder Plants, 1908–1913], Saint Petersburg: GUZiZ.
- Dmitriev M. (1896) Drevsnoe seno i ego upotreblenie v korm skotu [Wood hay and its use for livestock feeding]. *Selskoe khozjajstvo i lesovodstvo*, no 11, pp. 771–814.
- Druzhinin N. M. (1978) *Russkaja derevnja na perelome 1861–1880 gg.* [Russian Village at the Turning Point 1861–1880], Moscow: Nauka.
- Ekkert N., Fedders V. (1912) Pasterelloz Bollingera u dikih i domashnih zhivotnyh v rajone Belovezhskoj pushchi [Bollinger pasteurellosis in wild and domestic animals of Białowieża Forest]. *Sbornik v pamjat M. I. Sadovskogo i vospominanija o nem*, Saint Petersburg: Vestnik obshhestvennoj veterinarii, pp. 260–343.
- Elina O. (2001) Mir, vojna i ‘tukovy vopros’ (iz istorii proizvodstva mineralnyh udobrenij v Rossii, 1900–1920-e gg.) [Peace, war and the ‘fertilizer question’ (from the history of the production of mineral fertilizers in Russia, 1900–1920s)]. *Voprosy istorii estestvoznanija i tekhniki*, no 3, pp. 3–37.
- Ericsson S., Östlund L., Axelesson A.-L. (2000) A forest of grazing and logging: Deforestation and reforestation history of a boreal landscape in Central Sweden. *New Forests*, vol. 19, pp. 227–240.
- Falkovsky P. (1928) Issledovanija vlijanija pastby na fizicheskie svojstva dubravnoj pochvy v Trostjanetskom opytnom lesnichestve [Study of the impact of livestock grazing on the physical features of the oak forest soil in the Trostyanets experimental forestry]. *Trudy po lesnomu opytному delu Ukrainy*, vol. 8, pp. 178–180.
- Falkovsky P. (1929) Issledovanie vlijanija pastby skota v dubravah Trostjanetskogo lesnichestva na rost i proizvoditelnost lesa [Study of the impact of livestock grazing in the oak forests of the Trostyanets forestry on the forest growth and productivity]. *Trudy po lesnomu opytному delu Ukrainy*, vol. 12, pp. 62–71.
- Fuchs V., Zichy M. (1862) *Okhota v Belovezhskoi Pushche* [Hunting in Białowieża Forest], Saint Petersburg: Ministry of Public Domains.
- Genko N. (1903) *Kharakteristika Belovezhskoi Pushchi i istoricheskie o nei dannye* [Features of Białowieża Forest and Historical Data on It], Saint Petersburg: Forestry Society.
- Gerring J. (2006) *Case Study Research: Principles and Practices*, New York: Cambridge University Press.
- Hölzl R. (2010) Forests in conflict: Rural populations and the advent of modern forestry in pre-industrial Germany, 1760–1860. *Common Ground, Converging Gazes: Integrating the Social and Environmental in History*, Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, pp. 198–223.
- Kartsov G. (1903) *Belovezhskaya Pushcha. Ee istorichesky ocherk, sovremennoe okhotnichie khozaistvo i Vysochaishie okhoty v Puchche* [Białowieża Forest. Its History, Today’s Hunting Industry, and the Highest Hunts], Saint Petersburg: A. F. Marx.
- Klasson (1844) V kakih sluchajah i v kakoj stepeni pastba skota i senokoshenie mogut byt dopuskaemy v lesah bez vreda dlja onyh [In what cases and to what extent grazing and haymaking can be allowed in forests without damaging them]. *Lesnoj zhurnal*, no 1, pp. 43–75.
- Krassusky S. (1878) Chastnoe lesnoe khozjajstvo v Tsarstve Polskom v svjazj s krestjanskimi servitutami [Private forestry in the Kingdom of Poland in relation to peasant servitudes]. *Sbornik vodnyh dokladov po voprosam, predlozhennym k obsuzhdeniju chlenov IV s’ezda lesokhosyaev v g. Warshawe*, Saint Petersburg: Forestry Society, pp. 1–14.
- Latalowa M., Zimny M., Pedziszewska A., Kupryjanowicz M. (2016) Postglacialna historia Puszczy Białowieckiej — roslinnosc, klimat i dzialalnosc czlowieka. *Parki Narodowe i Rezerваты Przyrody*, vol. 35, no 1, pp. 3–49.
- Lesnoj Departament [Forestry Department] (1898) *Stoletie uchrezhdenija Lesnogo departamenta. 1798–1898* [Centenary of the Forest Department], Saint Petersburg: Yu. Riman.

- Loskutova M., Fedotova A. (2019) Pravitelstvennaja politika v otnoshenii bortnogo pchelovodstva v Rossijskoj imperii XVIII–XIX vv. [State policy on the forest beekeeping in the Russian Empire in the 18th–19th centuries]. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 151, no 2, pp. 78–95.
- Lotz C. (2015) Expanding the space for future resource management: Explorations of the timber frontier in Northern Europe and the rescaling of sustainability during the 19th century. *Environment and History*, vol. 21, no 2, pp. 257–279.
- Lupanova E. (2017) *Istorija zakreposhchenija prirodnogo resursa. Lesnoe hozjajstvo v Rossii 1696–1802 gg.* [History of the Natural Resources Enslavement. Forestry in Russia 1696–1802], Saint Petersburg: European University.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018) The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, vol. 108, no 4–5, pp. 1074–1117.
- Matteson K. (2015) *Forests in Revolutionary France: Conservation, Community, and Conflict, 1669–1848*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Matz B. (2015) Nutrition science and the practice of animal feeding in Germany, 1850–1880. Sh. Kingsland, D. Phillips (Eds.). *New Perspectives on the History of Life Sciences and Agriculture*, New York: Springer, pp. 163–181.
- Ministerstvo gosudarstvennyh imushchestv [Ministry of Public Domains] (1888). *Istoricheskoe obozrenie 50-letnej dejatelnosti Ministerstva gosudarstvennyh imushhestv, 1837–1887. III. Gosudarstvennyye imushhestva*, Saint Petersburg: Yablonsky and Perrot.
- Moon D. (1999) *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*, London: Routledge.
- Moon D. (2001) The inventory reform and peasant unrest in right-bank Ukraine in 1847–48. *Slavonic and East European Review*, vol. 79, no 4, pp. 653–697.
- Moon D. (2014) *The Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*, Oxford: Oxford University Press.
- Nensberg V. (1859) Zamechanie o pastbe skota v lesah [A note on wood grazing]. *Gazeta lesovodstva i okhoty*, no 3, pp. 28–30.
- Neupokoev V. (1976) *Krestjansky vopros v Litve vo vtoroj treti XIX veka* [Peasant Question in Lithuania in the Second Third of the 19th Century], Moscow: Nauka.
- Öllerer K., Varga A., Kirby K., Demeter L., Biró M., Bölöni J., Molnár Z. (2019) Beyond the obvious impact of domestic livestock grazing on temperate forest vegetation — A global review. *Biological Conservation*, vol. 237, pp. 209–219.
- Ostrovsky A. V. (2014) *Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.* [Animal Husbandry of European Russia in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg: Poltorak.
- Paczoski J. (1901) *Flora Polessia i prilozhashchih miestnostei* [Flora of Polessia and Adjacent Areas], Saint Petersburg: Demakov.
- Paczoski J. (1930) *Lasy Białowieży*, Poznań: Państwowa Rada Ochrony Przyrody.
- Perelygin P. (1833) Ob okhranении леса от вреда, prichinjaemogo domashnim skotom [On the protection of forests from the cattle damage]. *Lesnoj zhurnal*, no 2, pp. 82–89.
- Politaev V. O. (1879) Pastba skota v kazennyh lesah Vilenskoj gubernii [Grazing in the state forests of the Vilna Province]. *Trudy IV Vserossijskogo S'ezda lesokhozjaev v g. Warszawe so 2 po 12 avgusta 1878 g.*, Saint Petersburg: Devrien, pp. 181–185.
- Porten R. A. (1903) O lesnyh i zemelnyh servitutah v Pribaltijskih gubernijah [On forest and land servitudes in the Baltic Provinces]. *Sbornik vvodnyh dokladov po voprosam, predlozhenym k obsuzhdeniju na X Vserossijskom lesokhozjajstvennom s'ezde v g. Rige s 6 po 15 avgusta 1903 g.*, Saint Petersburg: Forestry Society, pp. 27–38.
- Pourcher Y. (1984) La forêt: espace global et espace conflictuel. La Lozère au XVIIIe et XIXe siècle. *Actes du congrès de la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon*, Montpellier: Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon, pp. 95–107.

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушке зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

- Pravilova E. (2014) *A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia*, Princeton: Oxford: Princeton University Press.
- Rotherham I. D. (Ed.) (2013) *Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals: A European Perspective on Woodlands and Grazed Treescapescapes*, London–New York: Routledge.
- Ruano A. Á. (2013) Guided pollards and the Basque woodland during the early modern age. I. D. Rotherham (Ed.). *Cultural Severance and the Environment. The Ending of Traditional and Customary Practice on Commons and Landscapes Managed in Common*, Dordrecht: Springer, pp. 147–160.
- Samojlik T. (2005) Drzewo wielce użyteczne — historia lipy drobnolistnej (*Tilia cordata*) w Puszczy Białowieskiej. *Rocznik Dendrologiczny*, vol. 53, pp. 55–64.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I. (2020) *Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture*, Cham: Springer.
- Samojlik T., Fedotova A., Kuijper D. (2016) Transition from traditional to modern forest management shaped the spatial extent of cattle pasturing in Białowieża Primeval Forest in the nineteenth and twentieth centuries. *Ambio*, vol. 45, no 8, pp. 904–918.
- Samojlik T., Fedotova A., Niechoda T., Rotherham I. (2019) Culturally-modified trees or wasted timber: Different approaches to marked trees in Poland's Białowieża Forest. *PLoS ONE*, vol. 14, no 1.
- Samojlik T., Kuijper D. (2013) Grazed wood pasture versus browsed high forests: Impact of ungulates on forest landscapes from the perspective of the Białowieża Primeval Forest. *Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals*, London–New York: Routledge, pp. 139–158.
- Samojlik T., Rotherham I., Jędrzejewska B. (2013) Quantifying historic human impacts on forest environments: A case study in Białowieża Forest, Poland. *Environment and History*, vol. 18, no 3, pp. 576–602.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Semashko Z. (1899) *Pastbishchny servitut v Zapadnykh gubernijakh* [Pasture Servitude in the Western Provinces], Saint Petersburg: Obshchestvennaja polza.
- Semenov V. (1836) O povrezhdenii lesov domashnim skotom [On the damage to forests by livestock]. *Lesnoj zhurnal*, no 12, pp. 301–307.
- Shirjaev A. (1903) Lesnoj pastbishchny servitut v Severo-Zapadnykh gubernijakh [Forest pasture servitude in the North-Western provinces]. *Sbornik vvodnykh dokladov po voprosam, predlozhenym k obsuzhdeniju na X Vserossijskom lesokhozjajstvennom s'ezde v g. Rige s 6 po 15 avgusta 1903 g.*, Saint Petersburg: Forestry Society, pp. 39–42.
- Stockland P.-E. (2018) *Statecraft and Insect Oeconomies in the Global French Enlightenment (1670–1815)*, New York: Columbia University.
- Velychenko S. (2001) The size of the Imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 49, H. 3, pp. 346–362.
- Verekha P. (1877) *Sistematičeskij sbornik dejstvujushchih tsirkuljarnykh rasporzjazenij, posledovavshih po Lesnomu departamentu s 1838 g. po 15 marta 1877 g.* [A Systematic Collection of Current Circular Orders for the Forest Department From 1838 to March 15, 1877], Saint Petersburg: Kirshbaum.
- Vivier N. (2002) The management and use of the commons in France in the 18th and 19th centuries. *The Management of Common Land in North West Europe, 1500–1850*, Turnhout: Brepols Publishers, pp. 143–171.
- Wróblewski K. (1908) Chuma dikih kabanov [Plague of wild boars]. *Arkhiv veterinarnykh nauk*, vol. 8, pp. 746–778.
- Wróblewski K. (1912) Teoreticheskaia differentsirovka nekotorykh zhvachnykh na drevesnogradnykh (Fruticivora) i travojadnykh (Herbivora) i praktičeskoe ee značenie [Theoretical differentiation of some ruminants into carnivores (Fruticivora) and herbivores (Herbivora), and its practical significance]. *Arkhiv veterinarnykh nauk*, vol. 8, pp. 746–778.

Для покупателя.

Билетъ на побочное пользование въ удѣльныхъ дѣсахъ *42 руб.*

Выданъ Управляющимъ *5 Ковалевъ* *20* дня

имѣніемъ Бѣловѣжскаго Удѣльнаго *Ву 1911*

№ *1800* *д. пр. ул. Бабкина* года.

Родъ побочнаго пользованія, основанія и условия сдачи.

Общая сумма условленной платы *30* руб. *К.*

Имя *С. Сидоровъ*

Дача *Бѣловѣжск. волост. Б. ул. Бабкина № 11*

Обгъздъ № *II* на основаніи *увѣдѣніи д. пр. ул. Бабкина № 11*

Обходъ № *8* *Бѣловѣжск. волост. ул. Бабкина № 11*

Кварталы №№ *583* *д. пр. ул. Бабкина № 11*

Сдано въ побочное пользование пространство *20* дес. — кв. *сученикъ*

саж. *увѣдѣніи*

къ побочнаго пользованія съ *20* руб. *30*

по *1800* *1911*

счетъ условленной платы поступило въ кассу *5 20*

Бокванск. имѣнія *20* руб. *1911* г.

пр. *30* всего *увѣдѣніи*

Удѣльн. Рублей

отсрочено платежемъ по *189* г.

руб. кон.

Управляющій имѣніемъ *Удѣльн.*

А. А. Федотова
«За убитую в Бѣловѣжской пуше зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

Рис. 1. Билет на право пастьбы, 1911 год (РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1058. Л. 180б).

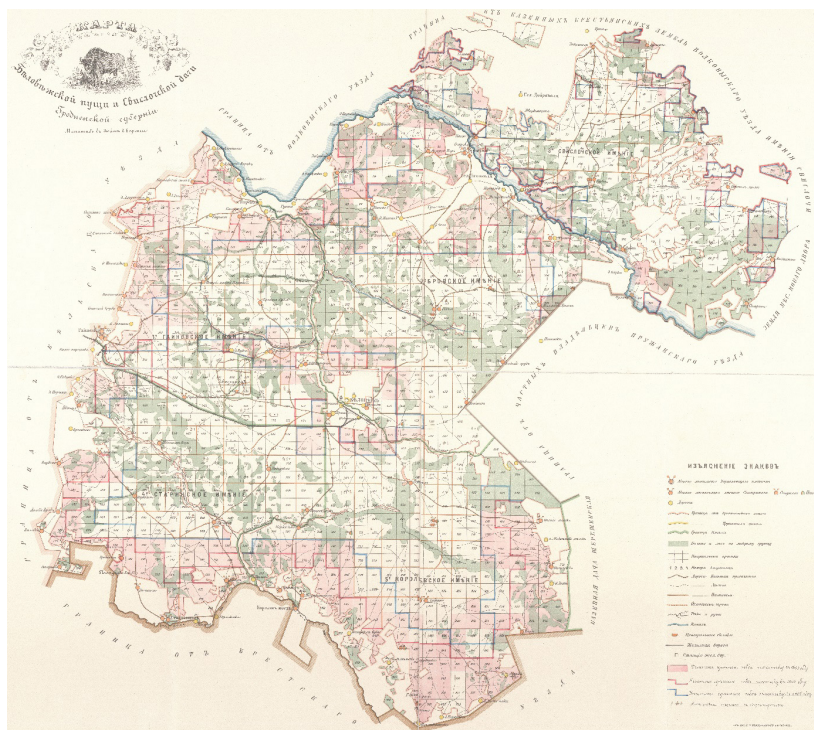

Рис 2. Карта Беловежской пущи с показанием пастбищных площадей в 1897, 1904, 1905 годах. (РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4572. Л. 28).

Цветная версия доступна на сайте журнала: 1897 год — розовая заливка, 1904 год — розовая граница, 1905 год — голубая граница.

«Целинный проект» 1954 года в Казахстане и Сибири: динамика производства зерна

С. Н. Андреенков

Сергей Николаевич Андреенков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8. E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития производства зерна в Сибири и Казахстане в период проведения кампании по освоению целинных и залежных земель (вторая половина 1950-х годов) и в последующие десятилетия советской и постсоветской эпохи. Выделяются объективные и субъективные факторы, влиявшие на принятие и осуществление целинной программы, а также общее и особенное в практике распашки новых земель, динамике посевных площадей зерновых культур, урожайности и валового производства зерна, его качественных характеристик в Сибири и Казахстане. Обосновывается тезис о том, что кампания по освоению целинных и залежных земель являлась одним из инструментов борьбы Н. С. Хрущева за власть, именно с этим были связаны ее чрезмерно большие масштабы и сравнительно продолжительные сроки проведения. Показано также, что Целина является более значимым событием для истории Казахстана, чем для истории Сибири. Благодаря освоению новых земель в Казахстане существенно увеличились посевные площади зерновых культур, в первую очередь пшеницы, расширилась сеть крупных сельскохозяйственных предприятий, стала развиваться инфраструктура аграрного производства. Эти производственные мощности стали одним из оснований современной экономики республики. В Сибири посевные площади зерновых культур с середины 1960-х годов сокращались при росте валовых сборов зерна, что свидетельствует о больших возможностях интенсивного хозяйствования, которые постепенно реализуются.

Ключевые слова: Целина, производство зерна, посевные площади, урожайность, зерновые совхозы, сельское хозяйство, Казахстан, Сибирь

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-89-105

Интерес к теме вызван актуализацией в настоящее время вопросов развития взаимоотношений между Россией и странами бывшего СССР, от динамики и качества которых во многом зависят темпы и перспективы евразийской интеграции. Одним из факторов, способствующих углублению этих взаимосвязей, может являться историческая память народов бывшего СССР о совместной реализации крупных экономических проектов. Таким их большим общим делом стало освоение целинных и залежных земель южных районов Урала и Сибири и Северного Казахстана (Целина). Осуществление «целинного проекта» 1954 года оказало существенное влияние на развитие сельского хозяйства этих территорий, их экономики в целом,

определило вектор развития межнациональных, межрегиональных и позднее межгосударственных отношений. Причины, ход и последствия проведения целинной кампании в настоящее время активно изучают как российские, так и казахстанские историки (см., напр.: Алпыспаева, Саяхимова, 2017; Сактаганова, Абылхожин, 2018; Томилин, 2009; Андреенков, Ильиных, 2015; Наухацкий, 2018; Пахомова, 2020).

В нашем исследовании анализируется динамика производства зерна в Сибири и Казахстане в годы массовой распашки целинных и залежных земель и в последующие десятилетия советской и постсоветской истории этих территорий. Выбор данной темы из множества других сюжетов, связанных с Целиной, не нуждается в особой аргументации: быстрое увеличение объемов производства зерна без больших затрат для немедленного и окончательного решения продовольственной проблемы являлось главной целью «целинного проекта». Мы попытаемся проанализировать факторы, влиявшие на принятие и целинной программы, и ее реализацию, а также впервые сопоставить данные по распашке новых земель, динамике посевных площадей зерновых культур, их урожайности и валового производства зерна в Казахстане и Сибири в обозначенный период, что позволит сформировать объективное представление о влиянии целинной кампании на развитие зернового хозяйства этих регионов, конкретизировать ее последствия и историческое значение. При изучении темы опорными источниками стали данные официальной сельскохозяйственной статистики, извлеченные как из опубликованных справочников, так и из архивных материалов.

Разработка и цели «целинного проекта»

Выдвинутая Н. С. Хрущевым идея массовой распашки целинных и залежных земель востока СССР для немедленного увеличения объемов производства зерна и другой сельскохозяйственной продукции была не нова. Первое масштабное наступление на целину проводилось в рамках массового переселения крестьян в годы стальной аграрной реформы. Основными районами их водворения стали плодородные земли Алтая и северной части Степного края. Планировалось также перенаправить часть потока переселенцев в «киргизские степи» (ныне Северный Казахстан). Казахская интеллигенция выступила тогда против заселения своих кочевий русскими землепашцами. Пришедшие к власти в России большевики пошли казахам навстречу и переселение крестьян остановили (Андреенков, Ильиных, 2015: 200–201).

В советский период целину впервые в сравнительно больших объемах пытались распахивать в 1940-е годы. Происходившее тогда массовое внедрение травопольной системы земледелия вело к сокращению посевов зерновых культур, поскольку травополье

предполагало существенное расширение в севообороте клина сеяных трав, которые должны были способствовать восстановлению естественного плодородия почвы. В апреле 1940 года в целях компенсации этого сокращения была разработана масштабная общесоюзная программа освоения целинных и залежных земель на востоке страны¹. В 1940–1942 годах в степных районах Южного Урала, Южной Сибири и Северного Казахстана площадь пашни должна была возрасти на 4,3 млн га. И переход к травополью, и осуществление «целинного проекта» 1940 года прервала Великая Отечественная война.

После Победы руководство СССР вернулось к реализации целинной программы. В декабре 1946 года было принято решение о распашке в 1947–1949 годах в восточных районах страны целинных и залежных земель для увеличения посевов зерновых культур на 6,5 млн га². К 1950 году должно было завершиться и введение в Сибири травопольных севооборотов. Однако в силу дефицита материально-технических и трудовых ресурсов эти задачи в полной мере решены не были.

На начало 1950-х годов идея проведения очередной масштабной целинной кампании стала особенно актуальной. В 1953 году стране требовались дополнительные объемы хлеба как минимум по четырем причинам.

Во-первых, неурожайные 1951–1952 годы и малоурожайный 1953 год заставили правительство «распечатать» стратегические запасы зерна, которые в условиях разворачивавшейся холодной войны и роста числа потребителей продовольствия необходимо было быстро и существенно наращивать. Однако низкий уровень продуктивности колхозов и ориентация земледелия на травополье не позволяли решить эту задачу в необходимые сроки.

Во-вторых, заявления главы правительства Г. М. Маленкова об использовании материальной заинтересованности в работе сельян в качестве средства подъема сельского хозяйства (август 1953 года) привели к замедлению темпов хлебозаготовок: колхозники восприняли эти установки как разрешение оставлять на собственное потребление больше зерна, чем обычно. Кризис хлебозаготовок

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): сборник документов / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: 1967. Т. 2. С. 749–752.
2. Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 г. «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР» // Там же. Т. 3. С. 368–379.

1953 года, напоминавший «хлебную стачку», неминуемо повторялся бы каждый год. Преодолеть его по-сталински, то есть путем репрессивного подавления «саботажников», в новых общественно-политических реалиях не представлялось возможным. Поэтому необходимо было получить большое количество хлеба, достаточное для удовлетворения потребностей и государства, и селян, и горожан.

В-третьих, без дополнительных объемов зерна невозможно было поднять животноводство и обеспечить граждан мясом, молоком, яйцами. Именно о повышении качества питания населения как об одной из важнейших задач государства постоянно говорило постсталинское «коллективное руководство». Использование в качестве кормов одних только трав, корнеплодов, бахчевых и силосных культур, значительно уступавших зерну в питательности, рыбок в развитии отрасли точно не обеспечило бы.

В-четвертых, в условиях набравшей обороты политики десталинизации работа по решению продовольственных проблем являлась для руководителей страны средством упрочения своего властного положения. Для партийного лидера Хрущева инструментом борьбы за власть стала целинная программа. Добиться принятия ее к реализации было крайне сложной задачей, но глава КПСС смог ее решить.

Предложения Хрущева осваивать целину, озвученные им сразу после окончания сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года, посвященного вопросам развития сельского хозяйства, многие центральные и региональные функционеры восприняли скептически. С сомнением к ней отнеслось руководство Казахской ССР, к которому Хрущев обратился в первую очередь. В ноябре 1953 года на пленуме республиканской компартии ее первый секретарь Ж. Ш. Шаяхметов, отстаивая интересы скотоводческих хозяйств, предложил увеличить только посевы зернофуражных культур для укрепления кормовой базы. Главы Талды-Курганского, Кызыл-Ординского и Кокчетавского обкомов партии сообщали о том, что урожайность зерновых на целине быстро теряет устойчивость и колеблется от полутора до пяти центнеров с гектара, поэтому осваивать ее нецелесообразно и следует использовать интенсивные технологии (Пивоваров, 2016: 316).

Против проведения целинной кампании выступили и многие региональные комитеты партии РСФСР. В то же время в ноябре 1953 года с мест в ЦК КПСС стали поступать предложения начать массовую распашку целинных и залежных земель при условии предоставления необходимых для этого материально-технических и трудовых ресурсов. За проведение кампании одним из первых выступило руководство Алтайского края в лице руководителя крайкома Н. И. Беляева и председателя крайисполкома К. Г. Пысина. Они подготовили развернутую записку о перспективах освоения алтайской целины. Записки с целинными программами, написанными по поручению Хрущева, направили в ЦК КПСС министр сель-

ского хозяйства РСФСР П. П. Лобанов и министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов.

Предложения Лобанова, Бенедиктова и Беляева имели общие положения, которые в целом учитывали риски ведения хозяйства в засушливой степной зоне и необходимость рационального использования средств. Распахивать предполагалось плодородные и удобные для возделывания почвы, не требующие проведения дорогостоящих мелиоративных работ. Для восстановления и увеличения продуктивности почвы рекомендовалось применять пары и травопольные севообороты. Вовлечение новых земель в пашенный оборот должны были осуществлять главным образом колхозы с помощью хорошо подготовленных кадровых и технических ресурсов машинно-тракторных станций, дополнительно наращиваемых государством (Андреенков, Ильиных, 2015: 208–214).

Следующим этапом разработки «целинного проекта» стала подготовка в январе 1954 года Хрущевым собственной записки «Пути решения зерновой проблемы» (Хрущев, 1962: 85–100). Изложенная в ней программа освоения пустующих земель востока СССР, положенная в последующем в основание знаменитого постановления февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 года, отличалась от рассмотренных выше планов по ряду следующих моментов.

Во-первых, предлагалось отдать под посевы зерновых культур малопродуктивные сенокосы и пастбища, что знаменовало собой фактический отказ от травопольной системы земледелия. В качестве кормов для скота следовало использовать более питательные, чем травы, культуры, в первую очередь кукурузу.

Во-вторых, выдвигались более масштабные планы распашки и более высокие показатели производства зерна. В 1954–1955 годах посевные площади зерновых культур за счет подъема целины и залежей предлагалось увеличить на 13 млн га и получить с них дополнительно 18–19 млн т хлеба. Средняя урожайность зерновых на целине должна была составлять 14 ц/га. (Бенедиктов предлагал, например, в течение трех лет распашать только 11 млн га и рассчитывать на урожайность в 10–11 ц/га.)

В-третьих, важнейшим фактором развития сельского хозяйства в районах освоения целинных и залежных земель считалось формирование широкой совхозной сети, как это было в годы сплошной коллективизации. Крупные государственные хозяйства, как полагал глава партии, могли дать более дешевый, чем колхозы, хлеб.

В-четвертых, нехватку производственных кадров на новых землях намечалось восполнить как путем привлечения на работу в целинные хозяйства сельскохозяйственных переселенцев, так и за счет организованного набора добровольцев, в первую очередь из числа молодежи и комсомольцев, в том числе горожан. На новых землях им предполагалось создать все необходимые условия. Таким образом, существенную роль в подъеме новых земель дол-

С. Н. Андреенков
«Целинный проект» 1954 года
в Казахстане
и Сибири: динамика
производства
зерна

жны были играть морально и материально мотивированные к труду молодые работники без специального образования и необходимого опыта.

После февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 года борьба вокруг «целинного проекта» не утихла. С критикой выдвинутых Хрущевым планов освоения новых земель выступала так называемая антипартийная группа во главе с Г. М. Маленковым и В. М. Молотовым. Хрущев в ответ добивался продления сроков и увеличения объемов распашки новых земель. Их освоение превратилось в сравнительно продолжительную по времени, шумную и масштабную хозяйственно-политическую кампанию, имевшую существенные последствия.

«Натиск на целину»

Целину и залежи распахивали в течение семи лет в рамках привычной «ударной кампании» с выполнением и перевыполнением заданий партии и правительства. В авангарде «всенародного движения за освоение целинных и залежных земель» стояла комсомольская молодежь. По путевкам ВЛКСМ на неосвоенные земли страны приехали порядка 500 тыс. человек, из них 350 тыс. — в первые три года кампании. На сибирскую целину, в Алтайский край, Омскую, Новосибирскую, Иркутскую, Читинскую области, Красноярский край и др. регионы в этот период было направлено 126 тыс. юношей и девушек. Десятки тысяч людей прибыли на новые земли в рамках государственного сельскохозяйственного переселения. В Казахстан с 1954 по 1962 год из европейской части СССР в порядке оргнабора и переселения приехали около 2 млн человек (Андреенков, Ильиных, 2015: 222; Кан, 2011: 216).

На целинных и залежных землях развернулось строительство крупных зерновых совхозов. Подавляющее их большинство было организовано в 1954–1955 годах. В эти годы в стране появилось 425 зерносовхозов, в том числе в Казахской ССР — 337, в РСФСР — 88, из них в Сибири — 46 (Богденко, Зеленин, 1976: 184–185). Совхозы и машинно-тракторные станции, осваивавшие новые земли, получили необходимые технические ресурсы. Этим предприятиям было отгружено более 200 тыс. тракторов, или треть от их поставок всему сельскому хозяйству за указанный период (Волков, 1988: 222).

Всего за семилетие в СССР было распашано 41,8 млн га целинных и залежных земель, в том числе в Казахстане — 25,4 млн (60,7%), в Сибири — 10,3 млн га (24,6%). Покорители казахстанской целины наибольшие земельные площади распашали в 1955 году (9,4 млн га). Сибирские первоцелинники самых больших успехов на «целинном фронте» добились в 1954 году (5,3 млн га) (табл. 1).

Таблица 1. Вспашка целинных и залежных земель в 1954–1960 годах (в хозяйствах всех категорий), тыс. га

Регион/годы	1954	1955	1954–1955	1956–1960	1954–1960
СССР	17 198	12 555	29 753	12083	41 836
Казахская ССР	8531	9436	17 967	7517	25 484
РСФСР	8667	3119	11 786	4566	16 352
Урал	1827	681	2508	417	2925
Поволжье	1203	695	1898	431	2329
Сибирь	5303	1570	6873	3433	10 306
Западная Сибирь	4337	1057	5394	1560	6954
Восточная Сибирь	966	513	1479	1873	3352
Амурская область	203	82	285	507	792

Источники: Народное хозяйство СССР в 1956 г.: стат. сб. М., 1957. С. 127; Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. М., 1957. С. 182; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: стат. ежегод. М., 1961. С. 195; Волков, 1979: 418.

Примечание. В данной и последующих таблицах Западная Сибирь включает Алтайский край, Омскую, Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую и Тюменскую области; Восточная Сибирь — Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области, Бурятию, Туву.

Однако далеко не все распаханное земли отличались высоким уровнем продуктивности и устойчивости к почвенным эрозиям. Кроме того, большие земельные участки, распаханное в первые годы целинной кампании, оказались неудобными для возделывания из-за излишней увлажненности, засоренности камнями и расположения на крутых склонах и возле оврагов.

Возделывание малопродуктивных и подверженных эрозиям земель было рискованным и экономически невыгодным делом, отвлекало существенные людские и технические ресурсы от работы на плодородных участках. При этом средств и сил для повышения продуктивности низкокачественных почв у колхозов и совхозов не было. В связи с этим большие земельные массивы переставали обрабатывать. В Алтайском крае в 1954–1962 годах из обработки вывели 632 тыс. га, в 1963–1965 годах — около 1 млн га³.

В начале 1960-х годов целинные хозяйства уже испытывали существенный кадровый голод, так как значительная часть первоцелинников отбыла в прежние места жительства. Условия для жизни и труда на целине оказались очень тяжелыми и тенденции к их улучшению почти не просматривались. Средств на строитель-

3. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-569. Оп. 11. Д. 132. Л. 219–220.

ство жилья и объектов социально-бытовой инфраструктуры в целинных поселках не хватало. В 1957 году во всех организованных на целине совхозах на 1 человека приходилось в среднем 3 м² жилой площади⁴. Первыми с целины отбывали выходцы из городов, вслед за ними стали уезжать и селяне. Из-за нехватки квалифицированных механизаторов и хозяйственных помещений производительность машинного парка оставалась невысокой.

Целину осваивали, игнорируя почвозащитные технологии. Многие хозяйства применяли глубокую вспашку почвы, отказывались от севооборотов и паров, переходили к бессменной пшеничной монокультуре. В начале 1960-х годов по требованию Хрущева началась кампания по окончательному искоренению паров и посевов трав, которая получила название «вторая целина». Отводимые под них площади засеивали пропашными культурами. «Тремя китами» навязываемой хозяйствам пропашной системы земледелия являлись кукуруза, свекла и бобовые культуры. Эти и многие другие эксперименты в полеводстве не имели достаточного научного обоснования и приносили больше вреда, чем пользы. Без применения средств агрохимии и поливных систем выращивания пропашных культур в зонах с неблагоприятным для их возделывания климатом приводило к частой гибели посевов, быстрому истощению почвы, распространению на полях вредоносной флоры и фауны. После отставки Хрущева в 1964 году сомнительные в научном плане эксперименты прекратились.

Изменение посевных площадей зерновых культур

Посевные площади зерновых культур за семь лет целинной кампании выросли в Казахстане в три раза, в Западной Сибири — на 45%, в Восточной Сибири — на 40%. В первой половине 1960-х годов в Сибири они почти не увеличились, а в Казахстане расширились еще на 10% (табл. 2), что в значительной степени было связано с севом зерновых по парам и на землях, занятых посевами трав.

Изменилась структура посевных площадей. В Сибири доля посевов зерновых культур с 1953 по 1965 год уменьшилась с 76 до 69% в основном из-за увеличения посадок кукурузы на силос и других кормовых культур. В структуре зерновой нивы с 58 до 72% возрос удельный вес пшеницы. В Казахстане удельный вес зерновых культур в структуре всех посевов за этот период поднялся с 72 до 80%, а доля пшеницы в зерновом поле — с 66 до 73%⁵.

4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 53.

5. Посевные площади СССР: стат. сб. М., 1957. Т. I. С. 173, 182–185, 199, 208–211, 337, 346–349; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 506–508, 510–511, 514–516, 518; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 114–115, 117–118.

Казахстан стал одним из крупнейших поставщиков продовольственного зерна в СССР. С 1965 года и до конца советской эпохи под зерновые культуры здесь отводили в среднем 23–25 млн га пашни (табл. 2). Из них 16–17 млн га (64–68%) занимали посевы пшеницы⁶. Существенное сокращение посевов зерновых наблюдалось в Казахстане в 1990-е годы, что было в первую очередь связано с кризисными явлениями переходного периода. В 2000-е годы объемы выращивания зерна стали расти. В 2010-е годы в Казахстане под зерновые культуры отводили 14–16 млн га пашни, или примерно 60% к уровню 1970–1980-х годов и в два раза больше, чем в 1953 году (табл. 2). Доля пшеницы составляла $\frac{3}{4}$ посевов зерновых (Есайдар, 2015: 88). Казахстан, таким образом, оставался крупнейшим производителем продовольственного зерна.

В Сибири с 1965 года началось сокращение посевных площадей зерновых культур, обусловленное увеличением доли паров и посевов кормовых культур. В Западной Сибири удельный вес зерновых посевов с 1965 по 1990 год уменьшился с 70 до 57%. В их структуре с 52 до 32% сократилась доля пшеницы (Орлов, Ильиных, Андреевков, 2018: 148). Таким образом, в Сибири зерновое хозяйство больше обслуживало нужды животноводства, развитию которого стали уделять значительное внимание.

На постсоветском этапе посевы зерновых культур в Сибири по-прежнему сокращались. В настоящее время они меньше, чем в 1953 году. Площадь зернового поля стала ниже этого уровня уже в конце 1990-х годов. В Восточной Сибири посевы зерновых сокращались более высокими темпами, чем в Западной. За 2000-е годы в восточных районах Сибири они уменьшились почти наполовину (табл. 2).

Доля зерновых культур в структуре посевов в Западной Сибири выросла, поскольку животноводство на постсоветском этапе долгое время находилось в глубочайшем кризисе и кормовых культур требовалось меньше, их посевы сокращались. С 1990 по 2000 год удельный вес зерновой нивы здесь поднялся с 57 до 61%, а доля посадок кормовых уменьшилась с 39 до 32%. В структуре посевов зерновых с 56 до 68% увеличился пшеничный клин и заметно уменьшилась доля фуражных хлебов. В течение 20 лет нового века в Западной Сибири ситуация принципиально не изменилась. Так, в Новосибирской области в 1990, 2000 и 2015 годах зерновое поле в общих посевах составило 57, 64, 64%, посадки кормовых культур — 39, 32, 30%, удельный вес пшеницы в зерновой ниве — 59, 72, 70% соответственно⁷.

6. Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 117.

7. Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1995. С. 169, 178, 202; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 2002. С. 199–200, 221, 233–234; Регионы России: стат. сб. М., 2001. Ч. 2. С. 476, 481, 483; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998. С. 186, 203, 209, 223; Сельское хозяйство Новосибирской области в 1996–2000 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2001. С. 9; Сельское хозяйство Новосибирской области в 2010–2015 гг.: стат. сб. Новосибирск, 2016. С. 17.

В Восточной Сибири в настоящее время две трети сельскохозяйственных угодий отведены под сенокосы и пастбища, так как ставка сделана на развитие животноводства. Зерновое хозяйство здесь в значительной степени ориентировано на удовлетворение его потребностей. Трудовых ресурсов для сохранения и тем более наращивания зернового поля здесь недостаточно.

Таблица 2. Посевные площади зерновых и зернобобовых культур в Казахстане и Сибири в 1953–2019 годах (в хозяйствах всех категорий), млн га

Годы/регион	Казахстан	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1953	7,02	9,37	3,50
1960	21,93	13,59	4,89
1965	24,29	13,35	5,03
1975	25,56	12,02	5,38
1985	25,12	10,74	4,55
1990	23,35	9,96	4,12
1997	15,65	8,81	3,00
2010	16,62	8,28	1,57
2015	14,98	8,56	1,66
2019	15,40	7,91	1,61

Источники: Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 147; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 115; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 64; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998. С. 203; Народное хозяйство СССР в 1975 г.: стат. ежег. М., 1976. С. 352; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: стат. ежег. М., 1986. С. 208; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежег. М., 1991. URL: <http://istmat.info/node/486> (дата обращения: 03.03.2017); Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: стат. ежег. М., 1976. С. 171; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 15.03.2022); Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/8> (дата обращения: 15.03.2022).
Примечание. Посевы зерновых и зернобобовых в Казахстане за 1997, 2010, 2015 и 2019 годы представлены вместе с посевами риса.

Динамика производства зерна

Объемы производства зерна за период целинной кампании значительно увеличились. В Западной Сибири за первые пять лет освоения новых земель они выросли относительно предшествующего периода в 2,2 раза, в Восточной — в 1,5 раза, в Казахской ССР — в 3,5 раза (табл. 3). Сверхурожайные годы сменялись неурожай-

ными. Падению продуктивности пашни помимо неблагоприятных погодных условий способствовало нарушение основ почвозащитной агротехники. Ощутимый вред пашне наносили так называемые черные бури. В начале 1960-х годов их ежегодное количество и интенсивность заметно увеличились. Для Западной Сибири неурожайными и малурожайными были 1955, 1962, 1963 и 1965 годы, для Казахстана — 1955, 1957, 1962, 1963, 1965 годы. В 1961–1965 годах в Западной Сибири в среднегодовом исчислении валовые сборы зерна сократились на 35%. В Казахстане падение урожайности компенсировало упомянутое выше десятипроцентное увеличение площади посева зерновых. В Восточной Сибири производство хлебов в первой половине 1960-х годов колебалось незначительно (табл. 3).

Недостаточно высокая урожайность целинных полей (вместо ожидаемых 14 ц/га она составила в районах Северного Казахстана 6 ц, в Южной Сибири — 8 ц/га) не позволила государству быстро компенсировать расходы на строительство больших зерновых совхозов на новых землях. В 1954–1957 годах в Казахстане вложения в их создание окупались на 17%, в РСФСР — на 52%, в том числе в Омской области — на 59%, в Новосибирской — на 85%, в Красноярском крае — на 56%, в Алтайском — на 105%⁸. Сравнительно более высокие показатели окупаемости строительства совхозов в Сибири были связаны не только с большей урожайностью полей, но и с повышением для сибирских хозяйств сдаточной цены на зерно. Увеличивая ее, правительство полагало, что продуктивность пашни в Сибири будет ниже, чем в Казахстане, но в реальности ситуация оказалась обратной.

Низким было качество хлеба. Значительная часть поступившего государству зерна не соответствовала установленным стандартам качества по уровню влажности, степени сорности, поражения паразитами, количеству дефектных зерен. Снизилась доля содержания в пшенице клейковины. Некондиционное зерно было мало пригодным для выработки высших сортов муки, отгрузки на экспорт, закладки в государственные резервы и семенные фонды. Дефицит пригодной для хлебопечения пшеницы ставил под угрозу нормальное снабжение населения хлебной продукцией. Так, в Новосибирской области в начале 1957 года из общего объема пшеницы, необходимой для производства сортовой муки, пригодной по качеству было только 38% (84 тыс. из 220 тыс. т), в связи с чем хлебопекарни Новосибирска недовыполнили план по ассортименту продукции почти на 50%. С прилавков магазинов города практически исчезли наиболее востребованные сорта хлебных и кондитерских изделий⁹.

Понижение качественных характеристик зерна было вызвано острой нехваткой зернохранилищ и элеваторов, оснащенных совре-

8. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 50.

9. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 46. Д. 166. Л. 2; Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1721. Л. 80–82.

менными машинами для сушки, сортировки и очистки зерна, а также порчей урожая зерновых культур при транспортировке, проведение которой в целинных районах осложнялось неразвитостью дорожной сети. В середине 1950-х годов в районах освоения новых земель широкое распространение получила практика временного размещения урожая в помещениях, специально для этого не предназначенных, а также под открытым небом (в буртах).

В последующие годы советской эпохи и в Казахстане, и в Западной Сибири валовые сборы зерна и его качественные характеристики были выше, чем в период активной распашки новых земель (табл. 3). Причем в Западной Сибири посевные площади зерновых, как было сказано выше, сокращались, что свидетельствует о большей роли здесь факторов интенсификации — повышению урожайности полей благодаря использованию минеральных удобрений и ядохимикатов, мелиорации, развитию механизации, внедрению передовых приемов агротехники (размещение посевов по наилучшим предшественникам, безотвальная вспашка и другие методы защиты почвы от эрозий и вредоносной флоры и фауны). Существенные средства были вложены в развитие машинного парка, складского и элеваторного хозяйства.

На динамику производства зерна значительно влияли погодные условия. В Алтайском крае в целом урожайными выдались восьмая (1966–1970) и особенно девятая (1971–1975) пятилетки. Недородными в этот период были только 1967, 1969, 1974 годы. Зато все годы десятой (1976–1980) пятилетки и первые три года одиннадцатой (1981–1985) были неурожайными или малоурожайными. Наименьшими показатели продуктивности зерновых полей были в 1976, 1977, 1981 годах. В 1984 году начался очередной период сравнительно высоких урожаев зерновых, который закончился в 1990-е годы (Ильиных, Орлов, 2017: 230–241). В Казахстане наиболее урожайной оказалась десятая пятилетка. Показатели валового производства зерна в эти годы были самыми высокими за всю историю республики (табл. 3).

В постсоветский период после провала 1990-х годов производство зерна в Казахстане и Западной Сибири набирало обороты и в настоящее время почти достигло показателей советской эпохи (табл. 3), что связано с существенным прогрессом в технике и технологии выращивания и уборки зерна, с уменьшением его потерь, повышением качественных характеристик, благоприятными погодными условиями. Влияние последних на продуктивность пашни ввиду усиления технической оснащенности хозяйств стало меньше. Урожайность полей в целом повысилась. Так, во второй половине 1960-х годов в Новосибирской области с каждого гектара в среднем в год собирали 10 ц зерна, в 1970–1980-е годы — 11, в 1990-е годы — 12, в 2000–2010-е годы — 15 ц (Орлов, Ильиных, Андреенков, 2018: 152)¹⁰. В Казахстане в среднем производят

10. Российский статистический ежегодник. М., 1998. С. 464; Сельское хозяйство России. М., 1998. С. 248; Народное хозяйство Новосибирской обла-

на 25–30% больше зерна, чем в Западной Сибири (табл. 3), и больше именно пшеницы. На рубеже 2010–2020-х годов на внешние рынки Казахстан ежегодно поставлял 40–45% собранного в стране зерна¹¹.

Таблица 3. Валовое производство зерновых культур в Казахстане и Сибири в 1949–2020-х годах по пятилетиям (в хозяйствах всех категорий), в среднем за год, тыс. т

Годы/регион	Казахстан		Западная Сибирь	
	В весе до доработки	В весе после доработки	В весе до доработки	В весе после доработки
1949–1953	3942	—	5987	—
1954–1958	13 760	—	13 567	—
1959–1963	15 768	—	11 205	—
1956–1960	13 928	—	14 707	—
1961–1965	14 502	—	9588	—
1966–1970	20 652	—	13 415	—
1971–1975	21 662	—	15 409	14 315
1976–1980	27 497	—	15 204	13 928
1981–1985	21 321	—	13 531	12 330
1986–1990	—	24 100	—	13 031
1991–1995	—	17 870	—	10 714
1996–2000	—	11 180	—	9075
2001–2005	—	14 556	—	11 752
2006–2010	—	15 048	—	12 812
2011–2015	—	18 777	—	11 573
2016–2020	—	19 797	—	13 100

Источники: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 226–227; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 154–155; Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 129, 132; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. сб. URL: <http://istmat.info/node/486> (дата обращения: 09.03.2017); Российский статистический ежегодник. 2000 г. М., 2000. С. 375; Российский статистический ежегодник. 2001 г. М., 2001. С. 408; Российский статистический ежегодник. 2010 г. М., 2010. С. 434; Российский статистический ежегодник. 2011 г. М., 2011. С. 420; Российский статистический ежегодник. 2014 г. М., 2014. С. 382; Российский статистический ежегодник. 2016 г. М.,

- сти в 1971–1975 гг.: стат. сб. Новосибирск, 1976. С. 60–61; Сельское хозяйство Новосибирской области в 2000–2005 гг. С. 21; Сельское хозяйство Новосибирской области в 2005–2010 гг. С. 21; Сельское хозяйство Новосибирской области в 2010–2015 гг. С. 21.
11. Реалии казахстанского зернового экспорта 2020 г. URL: <https://www.zakon.kz/5048125-realii-kazahstanskogo-zernovogo.html> (дата обращения: 16.03.2022).

С. Н. Андреевков
«Целинный про-
ект» 1954 года
в Казахстане
и Сибири: динами-
ка производства
зерна

2016. С. 391; Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. 2021 г. М., 2021. С. 668. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 15.03.2022); Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/8> (дата обращения: 15.03.2022). *Примечания.* 1) Валовое производство зерна в Казахстане за 1991–2020 годы представлено вместе с рисом и бобовыми культурами. 2) Фактически до конца советской эпохи в таблицах официальных статистических справочников, демонстрирующих развитие зернового хозяйства, данные о собранном зерне подавались в весе до его подработки, то есть до очистки от примесей и сушки, так как это позволяло несколько «увеличивать» реальные сборы хлеба. В настоящее время в статистических публикациях валовые сборы зерна представлены только в весе после подработки.

Выводы

Вклад целинной кампании в укрепление экономического потенциала страны и благосостояния граждан оказался весомым, но все же не столь значительным, как ожидалось и как о нем официально сообщалось, о чем, в частности, свидетельствует низкое качество зерна, полученного с новых земель. Целина являлась инструментом борьбы Хрущева за власть, и поэтому приобрела такие большие масштабы. В целом при более взвешенном подходе и учете опыта прошлого вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых плодородных земель в тех хозяйственных условиях, на наш взгляд, было вполне целесообразным начинанием.

В краткосрочной перспективе результаты реализации «хрущевской» целинной программы оказались впечатляющими: огромные массивы целинных и залежных земель распахали в кратчайшие сроки, дополнительный объем хлеба был получен немедленно. Но в среднесрочной (десятилетней) перспективе «натиск на целину» обернулся кризисом земледелия на Целине. Полученная экстенсификация сельского хозяйства имела весьма ограниченный производственный потенциал. В долгосрочной перспективе «целинный проект» 1954 года принес пользу стране: на востоке СССР была создана мощная база по производству зерна.

В истории Казахстана Целина — более значимое событие, чем в истории Сибири. Благодаря освоению новых земель в республике существенно увеличились посевные площади зерновых культур, в первую очередь пшеницы, расширилась сеть сельхозпредприятий, стала развиваться инфраструктура сельхозпроизводства. Эти немалые производственные мощности в 1991 году достались независимому Казахстану и стали одним из оснований его современной аграрной экономики. В Сибири посевные площади зерновых культур с середины 1960-х годов сокращались при росте валовых сборов зерна, что свидетельствует о больших возможностях интенсивного хозяйствования, которые постепенно реализуются.

- Алпыспаева Г. А., Саяхимова Ш. Н. (2017). Экологические проблемы в годы освоения целинных и залежных земель в Казахстане // Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 11. С. 92–102.
- Андреенков С. Н., Ильиных В. А. (2015). Натиск на целину (Программа освоения целинных и залежных земель) // Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Отв. ред. А. А. Николаев. Новосибирск: Сибпринт. С. 200–229.
- Богденко М. Л., Зеленин И. Е. (1976). Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975) / Под ред. И. М. Волкова. М.: Политиздат.
- Волков И. М. (ред.). (1979). Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель: сб. документов и материалов. М.: Наука.
- Волков И. М. (ред.) (1988). История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 1950-х гг. М.: Наука.
- Есайдар У. С. (2015). Развитие зернового производства в Казахстане // Проблемы агро-рынка. № 4. С. 86–92.
- Ильиных В. А., Орлов Д. С. (2017). Зерновое хозяйство Алтайского края в 1950–1980-е гг.: динамика, структурные изменения, факторы развития // Сибирская деревня: сб. научных трудов / Отв. ред. В. А. Ильиных. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. Новосибирск: Сибпринт.
- Кан Г. В. (2011). История Казахстана. Алматы: Алматыкітап баспасы.
- Наухацкий В. В. (2018). Целинная кампания Н. С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ).
- Орлов Д. С., Ильиных В. А., Андреенков С. Н. (2018). Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х — 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт.
- Пахомова Е. В. (2020). Целинный фронт: особенности освоения целины в Оренбуржье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 19. № 3. С. 625–640.
- Пивоваров Н. Ю. (2016). Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 — феврале 1954 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М.: РОССПЭН. С. 311–320.
- Сактаганова З. Г., Абылхожин Ж. Б. (2018). «Целинный проект»: достижения и проблемы (социально-экономические и экологические аспекты освоения целины) // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. Т. 92. № 4. С. 92–114.
- Томилин В. Н. (2009). Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. № 9. С. 81–93.
- Хрущев Н. С. (1962). Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат. Т. 1: Сентябрь 1953 года — январь 1955 года.

С. Н. Андреенков
«Целинный про-
ект» 1954 года
в Казахстане
и Сибири: динами-
ка производства
зерна

Virgin Project of 1954 in Kazakhstan and Siberia: Dynamics of grain production

Sergey N. Andreenkov, PhD (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Akademika Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru.

Abstract. The article aims at identifying features of grain production in Siberia and Kazakhstan during the campaign for developing virgin and fallow lands (second half of the 1950s) and subsequent decades of the Soviet and post-Soviet era; such features deter-

mined the results and consequences of the Virgin Project in 1954. The author identifies objective and subjective factors affecting the adoption and realization of the virgin land program; considers general and particular practices of plowing new lands; describes the dynamics of sown areas for crops, grain productivity and gross production, its qualitative characteristics in Siberia and Kazakhstan. The author argues that the campaign for developing virgin and fallow lands was a means of N. S. Khrushchev's struggle for power, which explains its excessively large scale and relatively long duration. The author shows that the virgin land campaign is more significant for the history of Kazakhstan than for the history of Siberia. Due to the new land development in Kazakhstan, the sown areas of crops, primarily wheat, significantly increased; the network of large agricultural enterprises expanded; the infrastructure of agricultural production started to develop. In 1991, these production capacities became the foundations of the contemporary economy of independent Kazakhstan. In Siberia, the sown area of crops has decreased since the mid-1960s, but the gross grain harvest has grown, which indicates opportunities for intensive farming, and such opportunities are gradually realized.

Keywords: Virgin Project, campaign for developing virgin and fallow lands, grain production, acreage, yield, grain farms, agriculture, Kazakhstan, Siberia

References

- Alpyspaeva G. A., Sajakhimova Sh. N. (2017) *Ekologicheskie problemy v gody osvoeniya tselinnyh i zaleznyh zemel v Kazahstane* [Environmental issues during the development of virgin and fallow lands in Kazakhstan]. *Sborniki konferentsij NITs Sotsiosfera*, no 11, pp. 92–102.
- Andreenkov S. N., Il'inykh V. A. (2015) *Natisk na tselinu* (Programma osvoeniya tselinnyh i zaleznyh zemel) [Onslaught on the virgin land (Program for the development of virgin and fallow lands)]. *Proekty preobrazovanija agrarnogo stroja Sibiri v XX v.: vybor putej i metodov modernizatsii*. A. A. Nikolaev (Ed.), Novosibirsk: Sibprint, pp. 200–229.
- Bogdenko M. L., Zelenin I. E. (1976) *Sovkhozy SSSR. Kratky istorichesky ocherk (1917–1975)* [State Farms of the USSR. A Brief Historical Sketch (1917–1975)]. I. M. Volkov (Ed.), Moscow: Politizdat.
- Volkov I. M. (Ed.). (1979) *Velikiy podvig partii i naroda — massovoe osvoenie tselinnyh i zaleznyh zemel* [Great Feat of the Party and the People — the Mass Development of Virgin and Fallow Lands], Moscow: Nauka.
- Volkov I. M. (Ed.) (1988) *Istorija sovetskogo krestjanstva* [History of the Soviet Peasantry]. Moscow: Nauka, vol. 4: *Krestjanstvo v gody uprochenija i razvitija sotsialisticheskogo obshchestva. 1945 — konets 50-h gg.*
- Esaidar U. S. (2015) *Razvitie zernovogo proizvodstva v Kazahstane* [Development of grain production in Kazakhstan], *Problemy agrorynka*, no 4, pp. 86–92.
- Il'inykh V. A., Orlov D. S. (2017) *Zernovoe khozjajstvo Altajskogo kraja v 1950–1980-e gg.: dinamika, strukturnye izmeneniya, faktory razvitija* [Grain farming of the Altai Region in the 1950s–1980s: Dynamics, structural changes, factors of development]. *Sibirskaja derevnja*. V. A. Il'inykh (Ed.), Novosibirsk: Sibprint, Issue 4: *Zernovaja problema v XX v.*
- Kan G. V. (2011) *Istorija Kazakhstana* [History of Kazakhstan], Almaty: Almatykitap baspasy.
- Naukhatsky V. V. (2018) *Tselinnaja kampanija N. S. Khrushcheva: razmyshlenija o diskussionnyh voprosah istoriografii* [Virgin Campaign of N. S. Khrushchev: Reflections on the Controversial Issues of Historiography], Rostov-on-Don: RSEU (RINH).
- Orlov D. S., Il'inykh V. A., Andreenkov S. N. (2018) *Selskoe khozjajstvo Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine 1960-h — 1980-e gg.: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaja i otraslevaja struktura* [Agriculture of Western Siberia in the Second Half of the

- 1960s — 1980s: Dynamics, Organization-Production and Branch Structure], Novosibirsk: Sibprint.
- Pakhomova E. V. (2020) Tselinnyy frontir: osobennosti osvoenija tseliny v Orenburzhie [Virgin frontier: Features of the virgin land development in the Orenburg Region]. *Vestnik RUDN. Serija: Istorija Rossii*, vol. 19, no 3, pp. 625–640.
- Pivovarov N.Yu. (2016) Strasti po tseline: politicheskaja borba vokrug tselinnogo proekta v ijule 1953 — fevrale 1954 gg. [The virgin land passion: Political struggle around the virgin land project in July 1953 — February 1954]. *Posle Stalina. Reformy 1950-h gg. v kontekste sovetskoj i postsovetskoj istorii*, Moscow: ROSSPEN, pp. 311–320.
- Saktaganova Z. G., Abylkhozhin Zh.B. (2018) 'Tselinnyy proekt': dostizhenija i problemy (sotsialno-ekonomicheskie i ekologicheskie aspekty osvoenija tseliny) ['Virgin Land Project': Achievements and challenges (social-economic and environmental aspects of the virgin land development)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija: Istorija. Filosofija*, vol. 92, no 4, pp. 92–114.
- Tomilin V. N. (2009) Kampanija po osvoeniju tselinnyh i zaleznyh zemel v 1954–1959 gg. [Campaign for the development of virgin and fallow lands in 1954–1959]. *Voprosy istorii*, no 9, pp. 81–93.
- Khrushchev N. S. (1962) *Stroitelstvo kommunizma v SSSR i razvitie selskogo khozjajstva* [Construction of Communism in the USSR and the Development of Agriculture], Moscow: Gospolitizdat, vol. 1: September 1953 — January 1955.
- Chernenko K. U., Smirtyukova M. S. (Comp.) (1967) *Reshenija partii i pravitelstva po khozjajstvennym voprosam (1917–1967 gg.)* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917–1967)], Moscow: Politizdat, vol. 3: 1941–1952.

С. Н. Андреевков
«Целинный про-
ект» 1954 года
в Казахстане
и Сибири: динами-
ка производства
зерна

Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население¹

Т. Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Аннотация. Текущая социально-экономическая ситуация в России формирует новые вызовы отраслям промышленности, сельскому хозяйству и сфере услуг. Одним из таких вызовов является поиск альтернативных источников обеспечения продовольствием различных регионов и усиление продовольственной безопасности в рамках политики импортозамещения. В сельском хозяйстве упор делается как на развитие основных отраслей, так и на те сферы, что ранее рассматривались в качестве рудиментарных, дополнительных. Параллельно с этим предпринимаются попытки диверсификации экономик монопрофильных регионов для придания «устойчивости» их развитию. Одним из регионов, где поддержку получили оба направления, является Ямало-Ненецкий автономный округ. Федеральные и региональные власти работают над снижением зависимости бюджета округа от нефтегазовой ренты, а также активно инвестируют в традиционные отрасли заполярного сельского хозяйства — оленеводство и рыболовство. Статья является результатом полевых исследований лета 2021 года и призвана осветить социально-экономическую ситуацию Ямала. Особое внимание уделяется рассмотрению сельского хозяйства и проживающим на территории округа коренным малочисленным народам Сибири. Проанализированы история и основные тенденции развития кочевого и полукочевого населения Ямала. В итоге определены перспективные направления развития сельского хозяйства и основные барьеры, которые ему препятствуют.

Ключевые слова: региональное развитие, география населения, коренные малочисленные народы Сибири, миграция населения, нефтедобывающие регионы, сельское хозяйство, оленеводство

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-106-150

Хотя с момента опубликования Римским клубом доклада группы Д. Медоуза о «пределах роста» прошло полвека и его прогнозы во многом не оправдались, проблема ограниченности и истощенности нефтегазовых ресурсов в ближайшие десятилетия остается на повестке дня. В современных условиях возрастает необходимость задумываться о развитии альтернативных секторов экономики в газо- и нефтедобывающих регионах и странах. При-

---

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

меры усилий в этом направлении демонстрируют Объединенные Арабские Эмираты, Катар и другие страны ОПЕК, пытающиеся диверсифицировать свою экономику и снижающие роль доходов от нефтяной ренты. Существуют и отрицательные примеры того, как зависимость экономики от динамики котировок на энергетическом рынке создавала серьезные трудности для социально-экономического развития и провоцировала кризисные ситуации, — это СССР в 1980-х годах и Россия в конце 1990-х.

В данный момент в России насчитывается 85 регионов, среди которых существуют пространственные различия хозяйственной специализации. Есть регионы с развитой металлургией, с преобладанием отраслей агропромышленного комплекса, с развитой сферой услуг и т. д. Отдельно выделяются нефтегазодобывающие — автономные округа Тюменской и Архангельской областей. Причем если в других регионах экономика более-менее диверсифицирована, то в этих округах основной источник налоговых поступлений — добывающие компании. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) — яркий представитель подобных российских регионов, сидящих на нефтегазовой игле. На его территории находится ряд крупнейших месторождений нефти и природного газа.

ЯНАО необходимо решение целого ряда региональных проблем — снижение нефтегазовой зависимости экономики, продовольственного снабжения отдаленных поселений, сохранение традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера (КМНС²), улучшение продовольственной безопасности и проч., особенно актуально развитие агропромышленного сектора. В условиях технологического прогресса аграрный путь развития в экстремальном климате уже не кажется таким абсурдным и труднообозримым, как несколько десятилетий назад.

Безусловно, можно способствовать переходу этнического населения из традиционных отраслей хозяйствования в более доходные, но будет ли достигнут желаемый результате форсированного *осовременивания* КМНС — большой вопрос. Существует масса примеров, когда вмешательство более развитых цивилизаций в архаичные сообщества приводило не к формированию современного хозяйственного комплекса, а к разрушению традиционного уклада, ментальной деградации и увеличению депопуляции этносов. Кроме того, российские власти не заинтересованы в оттоке населения

2. Согласно тексту Федерального закона от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

из полярных слабозаселенных районов, а, наоборот, содействуют их новому освоению и увеличению населенности. Пожалуй, можно согласиться с одним из выводов фильма «Великий северный путь» (Великий..., 2019), что жизнь в Арктике хрупка, очень легко разрушить традиционный быт, а заменить его ничем.

Но демографические проблемы некоторых КМНС (Соколова, 2008: 72) и отказ от традиционного жизненного уклада в России наметились уже давно. В советское время коллективизация оленеводов и их централизованное снабжение продовольствием во время касланий³ создало их сильную зависимость от государства. Поэтому во время системного кризиса 1990-х годов КМНС словно осиротели и страдали от острого товарного дефицита, не были гарантированы их права на образование, здравоохранение и пр.

Схожие проблемы депопуляции северных народов характерны и для других северных государств — в Канаде⁴, на Аляске (США)⁵, в Гренландии (Дания)⁶, Норвегии, Финляндии и Швеции⁷, хотя они имеют различную природу и особенности. В Канаде и США коренное население проживает в основном в резервациях и долгие годы было ограничено в своих гражданских правах (Соколов, 2002), народы европейского севера сильнее всего подвержены ассимиляции и принятию современных благ цивилизации.

В современности многие северные народы имеют свои автономные образования (резервации, округа, культурные автономии и пр.), работают неправительственные общественные организации по защите прав и свобод их представителей (например, саамские парламенты, Циркумполярный совет инуитов). До 2022 года функционировал Арктический совет (Arctic Council) — межправительственный форум, содействующий сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами, коренными общинами и остальными жителями Арктики (в него входят государства, обладающие территориями Арктического региона).

Научная изученность вопроса

Дисциплинарная фронтирность и комплексность темы позволили накопить большой багаж изысканий из различных областей науки. Проблема взаимодействия экономики и традиционного общества

3. Каслание — перекочевка стойбища (бригады) оленеводов, при этом оленья стада может и не перемещаться.

4. Коренные народы Канады (First nations of Canada), инуиты и метисы.

5. Северные народы из перечня коренных американцев (Natives Americans) и Аляски (Alaska Natives) — эскимосы, алеуты, юпики, эяки, тлинкиты, хайда, цимшианы и др.

6. Интуиты.

7. В скандинавских государствах проживают саамы и квены.

синтезирует три блока — сельское хозяйство, КМНС и региональное развитие арктических регионов.

Изучению аграрного сектора в экстремальных природно-климатических условиях посвящено большое количество статей и монографий как российских, так и зарубежных ученых. Тему принято рассматривать с трех сторон. Во-первых, в фокус исследований попадает аграрный сектор как составная часть экономики той или иной территории (Батугина, 2009; Торговкина, 2009), в нашем случае — аграрный сектор как отрасль экономики ЯНАО. Во-вторых, сельское хозяйство рассматривается в качестве одного из традиционных типов хозяйствования отдельных этнических групп (Квашнин, 2009; Клоков, 2006). Также встречаются работы, посвященные сугубо анализу аспектов и компонентов отрасли, пространственных особенностей, барьеров и перспектив развития сельского хозяйства (Иванов, 2014) и пр.

Исследование КМНС также насчитывает большое количество работ этнографической, антропологической, экономической, географической, исторической, культурологической и других направленностей. Это в основном ученые из научных центров Сибири и Урала (Квашнин, 2012). Они рассматривают демографические (Клоков..., 2008; Оруджиева, 2005; Klovov..., 2010) и пространственные процессы внутри этнических групп (Lyarskaia, 2008), историю существования и развития институтов (Волжанина, 2010), трансформацию систем хозяйствования (Артюхова..., 2004) и экономических отношений, культурные и религиозные процессы (Харючи, 2001; Головнёв, 2004), а также особенности взаимодействия с другими культурами (Павленко..., 2019), представителями власти и бизнеса (Новикова, 2014).

Третий блок охватывает работы, посвященные изучению проблем регионального развития (Пилясов..., 2017). Для ЯНАО — это в первую очередь переход на инновационный путь развития региональной экономики (Деттер, 2016), развитие *недобывающих* отраслей (Бакланов, 2015; Пилясов, 2020), городской среды и оптимизации поселенческой сети (Пилясов, 2011), решение экологических проблем (Павленко..., 2018), сохранение жизненного уклада и традиционной культуры северных народов (Южаков..., 2001).

Несмотря на многообразие научных исследований, комплексных работ, рассматривающих проблематику аграрного сектора Ямала и его перспектив для развития региональной экономики, немного.

Методика исследования

В основу нашего исследования легли материалы полевых выездов лета 2021 года в западные районы Ямало-Ненецкого округа — Шурышкарский муниципальный район, Приуральский и Ямальский муниципальные округа. Нами были проведены беседы с представителями окружных и муниципальных властей, местными жителями и предпринимателями. К сожалению, не удалось получить ин-

Т. Ю. Гусаков
Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население

формацию от оленеводов, поскольку в летний период они касаются в труднодоступных районах Ямальской тундры. Материалы качественных исследований подкреплены анализом доступных статистических данных и аналитических трудов.

Выбор этих трех районов в качестве полигона исследования не случаен. Они репрезентируют основные природные зоны округа — таежную (Шурышкарский МР), тундрово-таежную горную (Приуральский МО), зону тундры и арктических пустынь (Ямальский МО), этносоциальный состав и экономико-географическое положение. В трех муниципальных образованиях проживает более 90% хантов и около 50% ненцев. При этом полуостров Ямал является одним из основных районов выпаса скота оленеводческих хозяйств региона.

Результаты и их обсуждение

Следует начать с краткой характеристики социально-экономической ситуации региона. Ямало-Ненецкий автономный округ расположен на севере Западно-Сибирской равнины и вместе с соседним Ханты-Мансийским автономным округом входит в состав Тюменской области. Он обладает достаточно большой площадью и объемом валового регионального продукта (5-е и 7-е место в России соответственно), но в округе проживает всего 552,1 тыс. чел. (2022) (Оценка..., 2022). Крупнейший город Новый Уренгой — центр газодобычи России, столица же региона — г. Салехард по населенности занимает лишь 3-е место.

Из-за экстремальных природно-климатических условий регион все еще разделен на две части — западную и восточную, их соединяет автодорога Салехард — Надым (Ездить по ..., 2021). Естественным барьером между двумя полюсами (Салехардом и Новым Уренгоем) служит густая речная сеть, заболоченность центральной части округа и многолетняя мерзлота. Связь городов с отдаленными поселениями обеспечивается авиатранспортом, речными маршрутами — в период навигации, и по автозимникам — в зимний период.

Активное развитие экономики региона началось в 1970-е годы, когда были разведаны и начали разрабатываться крупные газовые месторождения. До этого времени территории были не освоены, служили пастбищами для выпаса оленьего стада, а реки были районами рыболовства. Население региона являлось поставщиком пушнины, белорыбицы, мамонтовой кости, меховой одежды и других товаров (История Ямала, 2019). В отличие от соседнего Ненецкого автономного округа, для Ямала характерен поселенческий тип основания — вместе с ростом добычи углеводородов строились и разрастались города и поселки, куда устремился мощный миграционный приток населения.

До 1972 года единственным городом округа был Салехард, получивший этот статус еще в 1938 году. Сегодня происходит переход к более эффективному и менее затратному вахтовому типу освоения новых месторождений — так, в последние годы возникла сеть корпоративных вахтовых поселков, где временно размещаются работники месторождений. А удаленные поселки закрываются, власти оказывают поддержку по переселению их населения в города и даже другие регионы страны. В развитии региона прослеживается некоторая цикличность — периоды активного наращивания добычи чередуются с периодами стабилизации (табл. 1).

Таблица 1. Этапы развития ЯНАО⁸

Этап развития	Характеристика	Преобразования поселенческой сети
Этап традиционного развития (до 1970-х гг.)	Оленеводство, торговля пушниной и рыбой — основные отрасли экономики, преобладают КМНС, каслающие с оленьими стадами и проживающие в мелких рыбацких поселках по берегам рек	Появление первого города Обдорск (ныне Салехард), преобладание в поселенческой сети мелких рыбацких поселков
Этап активной газодобычи (1970–1990-е гг.)	Геологоразведка, первичное освоение месторождений, мощный приток населения из других регионов СССР, ежегодное наращивание газодобычи, строительство транспортной и социальной инфраструктуры, характерен поселенческий тип освоения	Основаны города Новый Уренгой, Надым, Ноябрьск, Муравленко, Лабытнанги и крупные поселки
Этап стабилизации (1990–2010-е гг.)	Стабилизация показателей добычи углеводородов, миграционный отток населения из отдаленных поселений в города и другие регионы, реформирование системы управления газодобычи	Оптимизация поселенческой сети региона, закрытие нерентабельных поселений

8. Составлено автором.

Этап развития	Характеристика	Преобразования поселенческой сети
Этап инновационного развития (с 2010 г.)	Реализация ПАО «Газпром» и «Новатэк» стратегических инвестиционных и инновационных проектов, осуществляется комплексное освоение месторождений полуостровов Ямал и Гыдан, поддержка КМНС и увеличение поголовья оленей, модернизация инфраструктуры поселений	Строительство порта Сабетта и сети вахтовых поселков для размещения рабочих месторождений

Большой объем ВРП ЯНАО объясняется тем, что на его территории сосредоточено 77,6% российских запасов природного газа и 18% — нефти и газового конденсата (Быковский, 2011: 281). В структуре валового регионального продукта более 70% приходится на добывающую промышленность (рис. 1). Несмотря на высокие доходы, Ямал сохраняет статус сырьевого придатка России из-за неизменности вектора социально-экономического развития страны по сохранению накопленного потенциала за счет увеличения зависимости от нефтегазовых доходов.

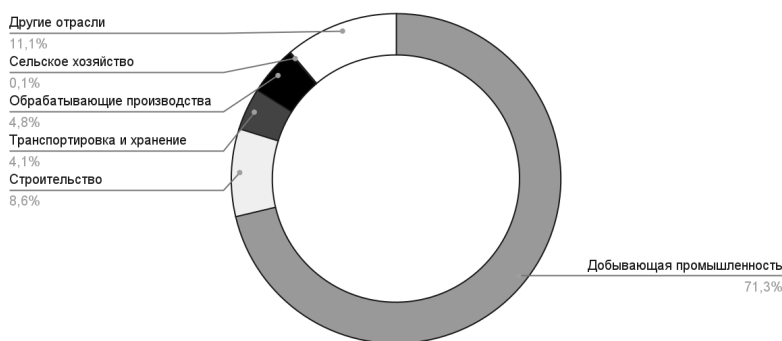

Рис. 1. Структура экономики ЯНАО (2019)

Источник: составлено автором по данным Росстата (Регионы..., 2021: 464–465)

Впрочем, именно сырьевая ориентация экономики Ямала стала основным фактором развития в последние два десятилетия. Происходит модернизация имеющейся инфраструктуры, близится к завершению проект транспортного соединения двух обособленных

частей региона автомобильной и железнодорожной магистралями, реализуются проекты по поддержке представителей КМНС, благоустройству поселений и пр. Но монопрофильная экономика, суровые природно-климатические условия и удаленность от центральной части страны делает социально-экономическое развитие Ямала менее устойчивым и способно снизить значимость ресурсного потенциала и промышленной освоенности (Ларченко..., 2016: 83).

Главными же рисками регионального развития являются неизбежность истощения минерально-сырьевой базы, снижение качества нефти и газа на уже эксплуатируемых месторождениях в районах основного расселения населения (вокруг Нового Уренгоя) (Колесников..., 2017). Подобная ситуация обусловлена неспособностью других отраслей экономики заместить добывающую промышленность даже частично. Также слабо развиты обрабатывающие производства, торговля и малый бизнес (Кучмаева, 2021: 58), которые могли бы стать «подушкой безопасности» в периоды кризисов.

Этнические особенности

Как указано выше, регион обладает низкой численностью населения, несоразмерной площади территории. Плотность населения составляет менее 1 чел. на км², при этом население расселено крайне неравномерно и сосредоточено в основном в городах юго-западной и центральной частей округа. А на территории площадью более 715 тыс. км² проживает менее 20% населения, некоторые ведут кочевой либо полукочевой образ жизни. Они имеют формальную регистрацию в поселках, но фактически проживают в тундре, сезонно перемещаясь по ней.

Большая часть территории вообще не заселена и практически не имеет населенных пунктов, за исключением мелких поселков по берегам крупных рек и морей. При этом территории без поселений используются в качестве мест калашения и выпаса оленьего стада, а также для разработки месторождений и размещения сопутствующей инфраструктуры. Например, на полуострове Ямал ОАО «Газпром» построил железнодорожную линию Обская — Бованенково — Карская длиной 572 км, которая не проходит ни через одно поселение и используется исключительно для перевозки грузов. Однако на ней расположено несколько факторий, снабжение которых осуществляется транспортом «Газпрома».

Численность населения Ямало-Ненецкого автономного округа стремительно увеличивается, в первую очередь за счет естественного прироста, за последние полвека оно выросло почти в 10 раз (рис. 2). И в данном случае всему причиной является развитие добывающей промышленности и сопровождающий его приток населения репродуктивного возраста (преимущественно в советский период) (Корнилов, 2014). При этом население городов росло стремительнее сельских поселений, их населенность увеличилась в 5 и 1,5 раза соответственно (Корнилов, 2010).

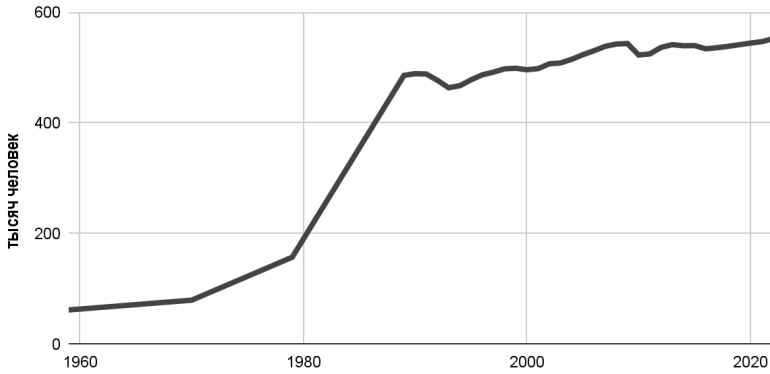

Рис. 2. Динамика численности населения ЯНАО

Источник: составлено автором по данным Росстата

Но демографическая ситуация неустойчива из-за снижения естественного прироста почти вдвое и сохранения миграционной убыли. Переход на вахтовый тип освоения территории не предполагает наличия современной численности постоянного населения, поэтому в дальнейшем округ может столкнуться с депопуляцией не только поселков, но и городских поселений (Быковский..., 2011: 281).

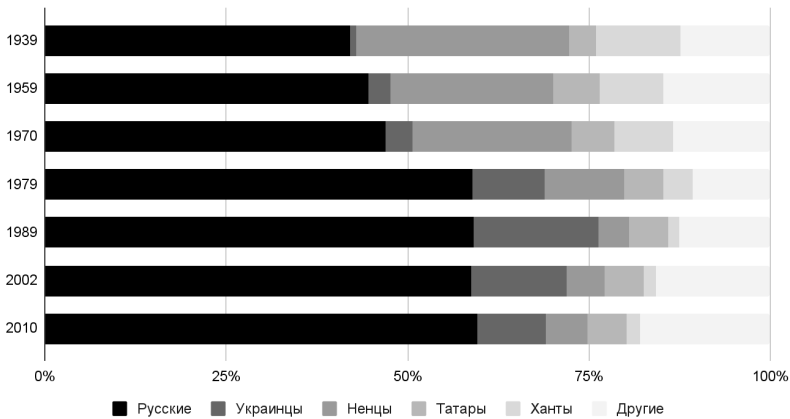

Рис. 3. Динамика этнического состава Ямало-Ненецкого округа

Источник: составлено автором по материалам переписей населения (Переписи..., 2015)

В этнической структуре также произошли изменения. За последние полвека русское население закрепилось в качестве доминирующего этноса в большинстве муниципалитетов округов, оно наиболее представлено в городской местности. Второй по ве-

личине этнической группой являются украинцы, активно переселявшиеся в регион в советское время в поисках заработка (повышенные зарплаты из-за «северного коэффициента») (Соколова, 2016: 170). После образования независимого Украинского государства, уравнивания покупательской способности внутри России и снижения роли надбавок их численность сократилась на 40%.

Представители КМНС, проживающие на территории региона, ненцы, ханты и селькупы также увеличивают свою численность. И если прирост русского населения обеспечивался прежде всего за счет мигрантов, то для северных народов характерен высокий уровень рождаемости и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. КМНС — жители преимущественно сельских и межселенных территорий (например, у некоторых ненцев в метриках в графе место рождения можно встретить «*Паютинская тундра*» или другие географические объекты).

Ненцы расселены преимущественно в западных и северных неурбанизированных муниципалитетах — Приуральском (20,3% от всего населения), Пуровском (6,7%), Тазовском (53,6%) и Ямальском муниципальных округах (61,1%), ханты проживают в Шурышкарском районе (44,6%) и Приуральском округе (16%), а селькупы — в Красноселькупском муниципальном округе (21,7%). Причем доля КМНС постепенно растет на фоне оттока представителей других этносов из районов присутствия (в первую очередь русских и украинцев). Но отражает ли статистика реальную картину этнического состава ЯНАО? Лишь приблизительно, поскольку более 17 тыс. жителей региона воспользовались правом не указывать свою национальную принадлежность.

Некоторые исследователи высказывают гипотезу, что резкое увеличение численности КМНС может иметь и демографические причины: искусственное причисление метисного населения к народам Севера для получения льгот и субсидий, становление и рост этнического самосознания у отдельных этнических групп (Богоявленский, 2005). Схожие процессы «демографического» прироста наблюдались и на Аляске (США) в 1970–1990-е годы (Eshbach, 1998: 35).

В постсоветский период наметился тренд постепенного увеличения представленности других этносов, в основном за счет переселенцев из кавказских республик (азербайджанцев, кумыков, ногайцев, чеченцев) и Средней Азии (гастарбайтеры — узбеки, таджики). Причем их рост столь стремителен, что, например, азербайджанцы практически перегнали коренных хантов. Численность хантов за период с 1989 по 2010 год увеличилась на 2,2 тыс. чел., а азербайджанцев — на 5,9 тыс. чел. В регионе идет процесс повышения этнического разнообразия, который характерен и для других северных регионов России.

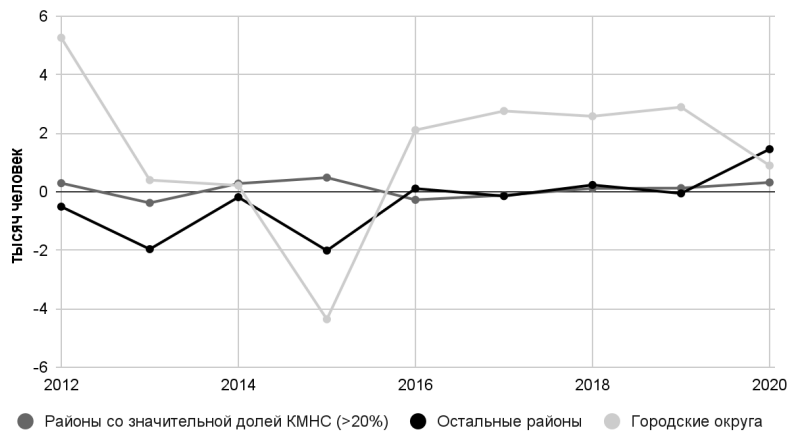

Рис. 4. Общий прирост населения муниципалитетов ЯНАО
 Источник: составлено автором по данным Росстата (База..., 2022)

Муниципалитеты ЯНАО, согласно особенностям этнического состава, можно условно разделить на негородские районы со значительной долей представителей КМНС (их доля составляет более 20% — Красноселькупский, Приуральский, Тазовский, Ямальский округа и Шурышкарский район), остальные негородские районы автономного округа (Надымский и Пуровский округа) и городские округа. Наиболее стабилизированная демографическая ситуация наблюдается в районах проживания ненцев, хантов и селькупов, что связано с высоким уровнем рождаемости. А наиболее динамична численность населения городских округов, экономика которых уязвимее перед кризисами и конъюнктурными изменениями на рынке углеводородов.

Миграционная ситуация

На этапе активной газодобычи основным источником прироста населения являлось его механическое движение (Усманова, 2019). В современности же его значение снизилось и даже наблюдается миграционный отток в рамках так называемого «западного дрейфа»⁹. Население переселяется как внутри округа — из удаленных сельских поселков в города, так и в другие регионы — юга России, Москву, Санкт-Петербург, Тюменскую, Московскую и Свердловскую области и регионы рождения мигрантов.

9. См. подробнее: Зайончковская, 1999; Мкртчян, Карачурина, 2013: 447.

Правительством ЯНАО реализуются жилищные программы по переселению жителей Севера из аварийного жилья в другие регионы России, а также отдельная программа «Сотрудничество» — по переселению в Тюменскую область. Более 70% жилого фонда сельских поселений округа признано аварийным (Север..., 2012: 71–72). Только по программе «Сотрудничество» в 2020 году в Тюменскую область было переселено более 1 тыс. человек. В структуре международной миграции основными странами-донорами выступают Украина и Белоруссия, а странами выбытия — Узбекистан и Украина (Ямало-Ненецкий..., 2020: 20–21). Это в основном трудовые мигранты (вахтовики), приезжающие в регион с целью заработка на определенный срок и не имеющие намерений переезда на постоянное место жительства.

Около половины представителей КМНС ведут традиционный кочевой или полукочевой образ жизни, перемещаясь по территории в зависимости от сезона года. Зимой они вместе с оленями находятся в южной части округа (на зимних пастбищах), а лето проводят на севере, вдали от постоянных населенных пунктов. Абсолютное большинство номадов имеет регистрацию и собственность в поселках, но проживают там только отдельные члены семьи (пожилые люди, дети). Кочевое и полукочевое население постепенно увеличивается. Например, в Ямальском округе, где проживает треть кочевников ЯНАО, в период с 2007 до 2021 год их численность возросла на 10%, хотя средняя численность хозяйства уменьшилась с 5,5 до 4,6 чел. (Стратегия..., 2018; Доклад..., 2021б). Однако престижность кочевого образа жизни для молодежи постепенно снижается и сдерживается, в том числе из-за дефицита мест приложения труда в поселках (Попков..., 2007).

В советский период власти осуществляли перевод кочевых представителей КМНС на оседлость. Для этого была оптимизирована поселенческая сеть, упразднены малолюдные поселки и подготовлена основа для размещения «бывших» кочевников в перспективных поселениях. Но процесс седентаризации не увенчался успехом из-за удаленности пунктов размещения от пастбищ, рыболовных участков и охотничьих угодий, неудовлетворительного материально-технического обеспечения. В конце 1960-х годов в регионе кочевало 12,6 тыс. чел., а в 1984 году — 10,6 тыс. чел. Политика властей спровоцировала кратковременную депопуляцию КМНС из-за снижения рождаемости и роста смертности, но полностью ямальские кочевники не перевелись. При этом в соседнем Ханты-Мансийском автономном округе переход на оседлость был завершен в 1973 году (Карпов, 2014: 108).

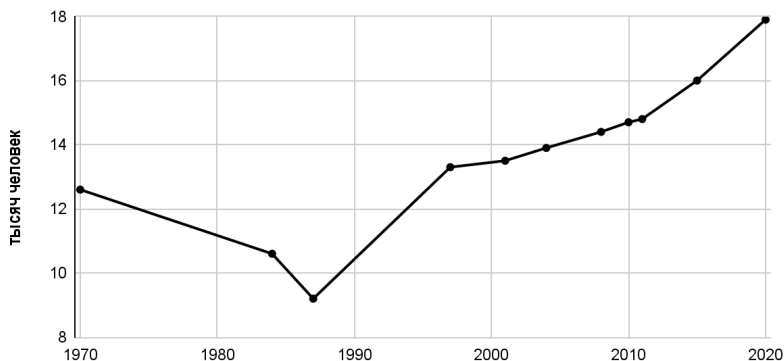

Рис. 5. Динамика численности кочевого населения ЯНАО

Источник: составлено автором по данным статистики

Аграрный сектор и его основные отрасли

Вся территория ЯНАО относится к оленеводческому типу сельского хозяйства. Это наиболее распространенный в России по площади тип, где развиты оленеводство, охота и различные промыслы КМНС (в первую очередь рыболовство). Но несмотря на это, доля сельскохозяйственного производства в структуре ВРП составляет менее 1%, в сельском хозяйстве занято 1,4% от общей численности занятых (2020). Важность этой отрасли для региона бесспорна в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения обеспечения региональной продовольственной безопасности, декларируемой Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации. Налаживание стабильных поставок оленины позволит региону стать более устойчивым и состоятельным в сфере обеспечения себя продовольствием.

А во-вторых, виды сельского хозяйства, развитые в округе, представляют собой культурную ценность, являясь частью традиционного жизненного уклада КМНС, находящегося под защитой государства. Многие навыки, умения и промыслы, составляющие культуру народов Севера, в советский период игнорировались и считались пережитками, и поэтому в современности оказались утрачены либо на грани исчезновения. Необходимо учитывать, что сельское хозяйство округа нерентабельно априори и является инструментом решения социальных проблем.

Оленеводство

Сегодня крупностадное оленеводство развивается в 19 регионах России. На их территориях содержится 60% мирового поголовья домашних оленей (Михайлова, 2021). Наибольшее поголовье до-

машных оленей приходится на хозяйства всех категорий Ямало-Ненецкого автономного округа (около 50%), при этом численность оленепоголовья стабильна на протяжении всего постсоветского периода. Регионы других оленеводческих зон более остро реагировали на экономические кризисы, ослабление позиций государства и другие изменения (Клюков, 2012). Заметим, что в конце XX века по разным причинам наблюдалось снижение поголовья домашнего оленя во всех оленеводческих регионах мира (Антонов..., 2018: 23).

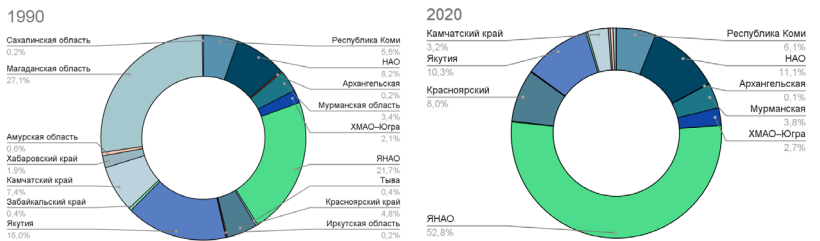

Рис. 6. Распределение поголовья оленей по регионам России в 1990 и 2020 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата и Минсельхоза (Отраслевая..., 2013)

Наиболее интенсивным видом сельского хозяйства округа является отгонное крупнотабунное (крупностадное) оленеводство, распространенное по всей территории. В оленеводстве занято более 17,1 тыс. человек (Традиционная деятельность, 2019), в основном ненцев, ведущих кочевой образ жизни. Уже несколько столетий именно для этого этноса характерно занятие оленеводством, а их культуру считают *оленной*. Оленеводство является одной из поздних отраслей животноводства (скотоводства), оно появилось в конце I тыс. до н. э. у южных самодийцев (Вайнштейн, 1970), предков ныне живущих ненцев, энцев, нганасан, селькупов.

По поводу времени зарождения крупностадного оленеводства на территории округа нет единого мнения. И. И. Крупник утверждает, что до XVIII века олени использовались в качестве транспорта, а позднее, из-за природно-климатических изменений и сокращения популяции дикого оленя, появились предпосылки для развития оленеводства (Крупник, 1976: 63–64). Исследователь Е. Е. Сыроечковский считает, что изменение численности поголовья дикого оленя циклично и постоянно приходит к прежнему значению (Сыроечковский, 1986: 181).

В пользу гипотезы развития крупностадного оленеводства не позднее XVIII века высказывается наш современник Ю. Н. Квашнин, приводя в качестве аргумента изменение социально-экономической ситуации в Западной Сибири (Квашнин, 2009). Налаживание торгово-экономических связей между русской администрацией и ненцами позволило последним снизить воинственный

характер сопротивления уплате ясака. К середине XVIII века домашнее оленеводство приобретает товарное значение (Хомич, 1995: 51), но все равно оленеводы редко употребляют их в пищу, добывая дикого оленя и занимаясь рыболовством (Крупник, 1976: 61).

С ростом поголовья оленей в хозяйствах ненцев постепенно сокращалась роль охоты на дикого оленя. Наиболее интенсивным этот процесс был после коллективизации в 1930–1950-е годы, организации факторий и перехода на централизованное снабжение продовольствием оленеводов. После 1991 года процесс сокращения популяции диких оленей усилился. В результате этого в 2015 году был введен мораторий на убой оленей, что позволило увеличить их численность с 17 453 (2013 г.) до 20 262 особей (2020 г.). Полярно-уральская, Гыданская и Белоостровская популяции северного оленя внесены в Красную книгу ЯНАО (Красная книга..., 2010: 24–25).

Как ни парадоксально, но стада диких оленей являются серьезной угрозой для домашнего оленеводства. В разных регионах мира встречаются случаи, когда в результате встречи диких и домашних стад дикие олени безвозвратно уведили в тундру крупные стада домашних особей. В 1998 году на Чукотке диких северных оленей признали стихийным бедствием и собирались их отстреливать с помощью вооруженных отрядов МЧС, если бы не протесты общественности (Рожков, 2002). Для Ямала также характерна эта проблема, поскольку оленеводам запрещено отстреливать диких оленей, и они обходятся только малоэффективным их отпугиванием (Тундровики..., 2017).

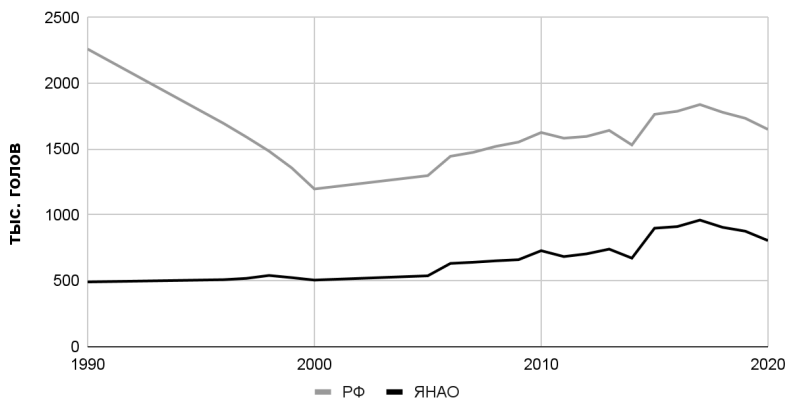

Рис. 7. Динамика численности поголовья домашнего северного оленя в России и ЯНАО (1990–2020 гг.)

Источник: составлено автором по данным Росстата (Сельское..., 2021)

Относительная стабильность и устойчивость оленеводства ЯНАО связаны с тем, что и в советское время значительная часть оленьего стада находилась в домашних хозяйствах населения (34% — в начале 1970-х годов (Народы..., 1991: 49)). Процесс приватизации сельхоз-

предприятий проходил более плавно и при поддержке региональных властей. Коллективные хозяйства, сформированные в довоенные периоды, в начале 2000-х годов реорганизованы в акционерные общества и сельскохозяйственные производственные кооперативы (с сохранением бригадного выпаса оленьего стада предприятия) и национальные общины (объединения нескольких личных хозяйств).

Сейчас на территории округа функционируют как крупные оленеводческие предприятия национальные общины, сельскохозяйственные кооперативы, крестьянские фермерские хозяйства, хозяйства населения, самостоятельно выпасающие личные стада. В регионе насчитывается 22 сельскохозяйственных предприятия, 22 национальные общины КМНС и 3978 оленеводческих хозяйств, в том числе и личных (2019) (Традиционная деятельность, 2019).

Рис. 8. Виды оленеводческих хозяйств в ЯНАО

Источник: составлено автором на основе полевых исследований

Сельскохозяйственные предприятия

Крупные хозяйства осуществляют забой как особей собственного стада, так и принимают через свои убойные комплексы особей от оленеводов-частников, имеющих необходимые документы. В 2021 году выплаты за килограмм мяса участникам убойно-заготовительной кампании составляли 450 рублей, из которых 170 рублей выплачиваются из регионального бюджета (До конца..., 2021). Работают 15 убойно-холодильных комплексов, осуществляющих непрерывную жизнедеятельность отрасли. Они принимают сырье в осенне-зимний сезон и выступают посредниками между оленеводами и перерабатывающими

ми предприятиями, избавляя первых от необходимости поиска рынков сбыта, а последних — от рисков дефицита сырья. Многие убойные комплексы полифункциональны — также занимаются глубокой переработкой мяса оленей и выпуском готовой продукции (например, мясоперерабатывающий комплекс «Паюта» в Приуральском округе).

До введения санкций 2022 года экспорт продукции оленеводства в страны Евросоюза (Германия, Финляндия) осуществляли МП «Ямальские олени», МУП «Мясоперерабатывающий комплекс «Паюта»», ООО «Возрождение». Объем экспорта в 2020 году составил 390 тонн оленины, 8,4 тыс. оленьих шкур, 33 тонны «боевских» отходов, используемых в производстве кормов для животных (Доклад..., 2021б).

Крупные сельскохозяйственные предприятия часто являются градообразующими и единственными для поселков, в которых находятся. Это особенно ощутимо в удаленных поселках автономного округа, не имеющих регулярного транспортного сообщения с городами, в них занята значительная доля трудоспособного поселкового населения. Подобная ситуация характерна для сельских поселений Ямальского, Тазовского и Красноселькупского муниципальных округов.

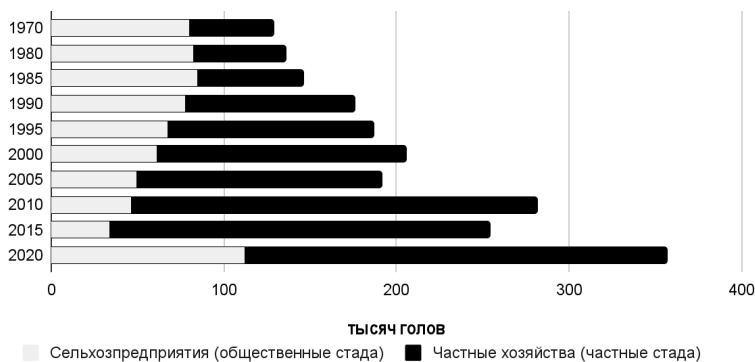

Рис. 9. Динамика общественного и частного поголовья северных оленей на территории Ямальского района ЯНАО

Источник: составлено автором по данным статистики (Департамент..., 2022)

На сельскохозяйственных предприятиях принято характерное для коллективных хозяйств разделение пастухов оленьего стада на бригады. Пастухи при этом обладают как общим стадом, так и личным, которое выпасается совместно. В совхозе «Байдарацкий» (п. Белоярск, Приуральский район), например, 11-тысячное оленьее стадо предприятия разделено между 7 оленеводческими бригадами (Совхоз..., 2021). В последние годы именно сокращение пастухов сельхозпредприятий привело к снижению общей численности оленеводов, несмотря на увеличение численности кочевого населения. В период 2017–2021 годов численность пастухов сократилась на 200 человек, при этом

кочевое население выросло на 4,8 тыс. чел. (На Ямале..., 2021). Этот процесс обусловлен ликвидацией муниципальных предприятий и переходом оленеводов к частной и коллективной собственности.

Рис. 10. Схема инфраструктуры ямальских оленеводов (Головнёв..., 2016: 19)
(МОП «Панаевское» на данный момент официально ликвидировано)

Для регулирования выпаса оленей по территории округа и оленеводы сельхозпредприятий, и частники имеют примерные маршруты перемещений по региону (касланий). Каслания составляют до 800 км, а скорость перемещений может достигать 50 км в день (Квашнин, 2009: 88). В летний период стада движутся практически круглосуточно благодаря полярному дню. Оленеводы каслают вместе с семьями — обычно несколькими семьями для обеспечения постоянного присмотра за очагом и стадами. Примерные маршруты для возможности оказания помощи в экстренных ситуациях оговариваются с властями муниципалитетов, к которым прикреплены кочевники. В ЯНАО наблюдается один из самых высоких уровней кочевания — 41,8%. Например, в Таймырском Долгано-Ненецком районе он составляет на Чукотке — менее 5%, в Якутии и Эвенкийском районе — менее 1% (Василькова..., 2011: 50).

В зимний период стада находятся в южной части региона, в лесотундре. После Дня оленевода, проходящего весной во многих поселениях, оленеводы каслают через Обскую губу и замерзшие реки на север Ямальского и Гыданского полуостровов к хорошо продуваемым берегам Карского моря, где концентрация кровососущих насекомых (оводов, гнуса) меньше. Оленеводство лесной зоны отличается от тундрового. Выпас стада осуществляется по кругу на имеющихся пастбищах и в основном мужчинами. При этом женщины и старики отправляются на пески (временные стоянки рыбаков по берегам рек и озер) для добычи рыбы. Таким образом, семьи лесных жителей совмещают оленеводство с рыболовством. Безусловно, тундровики также промышляют рыболовством, но в их жизни это имеет гораздо меньшее значение.

«Там, где человек находит жизнь»

Для обеспечения доступа оленеводов к социальным благам на территории тундры функционируют принадлежащие частным предпринимателям фактории. Изначально фактории служили для кочевников торгово-обменными пунктами, расположенными в местах их касланий, и являлись «культурными оазисами» в первые десятилетия советской власти. Через фактории осуществлялась заготовка мяса и пушнины, а также обеспечение кочевников продовольствием. Из-за организованного сопротивления номадов плановой экономике в 1930-е годы государство устанавливало твердые задания по заготовкам для многооленных хозяйств и нормы отоваривания на факториях.

Сегодня фактории трансформировались в пункты социального обслуживания тундровиков, в которых расположены магазины, кочевые школы и детские сады, врачебные и ветеринарные пункты, пекарни и другие объекты социальной инфраструктуры. На некоторых факториях осуществляется прием и убой скота. Их деятельность регулируется региональным законодательством

и субсидируется правительством ЯНАО. Большинство факторий функционируют круглогодично, но есть и сезонные, работающие в периоды нахождения оленеводов в этих краях. За последнее десятилетие численность факторий сократилась почти вдвое в результате оптимизации. Некоторые фактории существовали лишь формально, но фактически не работали. В 2018 году их насчитывалось 58 (Реестр..., 2018), а в начале 2022 года — всего 26 (Распоряжение..., 2022).

Рис. 11. Схема расположения факторий на территории ЯНАО (2021)
Источник: составлено автором по данным правительства ЯНАО (Фактории КМНС, 2022)

Роль факторий для современных оленеводов велика. За годы советской власти они утратили некоторые навыки традиционного жизненного уклада за ненужностью, а модернизация хозяйств сделала их зависимыми от технических средств, поэтому обеспечение продовольствием и топливом стало ключевым фактором для стабильного существования кочевого населения тундры и его ком-

муникации с внешним миром. Фактории позволяют облегчить экономические и торговые отношения, получение социальных благ и необходимого оснащения для осуществления календарных. Они позволили наладить быстроту реакции во время вспышек заболеваний среди оленей. Так, летом 2016 года на Ямале разразилась эпидемия сибирской язвы, что вызвало падеж 2,5 тыс. оленей (Ясюевич, 2018).

К числу основных проблем, с которыми сталкиваются фактории, относятся необходимость организации вахтового режима работников, увеличение набора услуг на некоторых факториях (комнаты отдыха, бани). Хотя большинство факторий находятся в частной собственности, но их рентабельность минимальна, они выполняют в основном социальные функции, нежели занимаются коммерческой деятельностью.

«Частники»

Частные хозяйства населения — наиболее устойчивый вид оленеводческих хозяйств в округе. В современный период в них сосредоточено около 70% оленьего стада округа (среднероссийский показатель — 37%) (Итоги..., 2018: 102–103). Даже репрессивные усилия советской власти не смогли уничтожить личные стада населения, их доля в период максимального расцвета совхозной экономики не опускалась ниже трети (Север..., 2012: 46–47). Семьи частников состоят из нескольких поколений и могут достигать 17–20 человек. Поголовье стада у частников отличается меньшей долей маточного стада (важенок). К другим отличиям частных хозяйств относятся сложности получения господдержки, поскольку на оформление субсидий необходимо время и правовая грамотность, которые у nomадов в дефиците.

Если говорить о поддержке, то с 2004 года все кочевое население получает ежемесячные «кочевые» выплаты из бюджета ЯНАО. С 2020 года их размер составляет 5 тыс. рублей (На Ямале увеличат..., 2019). Чтобы стать кочевником официально, нужно подать заявление в органы власти, это возможно даже при наличии собственности в поселке. Кроме «кочевых» выплат реализуется стандарт минимальной материальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни, который включает в себя предметы первой необходимости для тундровиков — чум и комплектующие к нему, печи, брезент, сукно, медицинские аптечки и др. предметы быта.

Семьи кочевников также обеспечиваются средствами спутниковой связи. *«Им выдают спутниковые телефоны, дается лимит минут... они все проговаривают сразу, а потом сидят без связи... но есть тревожная кнопка, случись что, они могут послать сигнал бедствия»*, — сообщил один из чиновников регионального правительства. Среднее образование дети кочевников получа-

ют в интернатах в поселках либо в кочевых школах на факториях. Обязательное среднее образование в интернатах для детей кочевников было введено в 1950-е годы, при этом согласие родителей не требовалось.

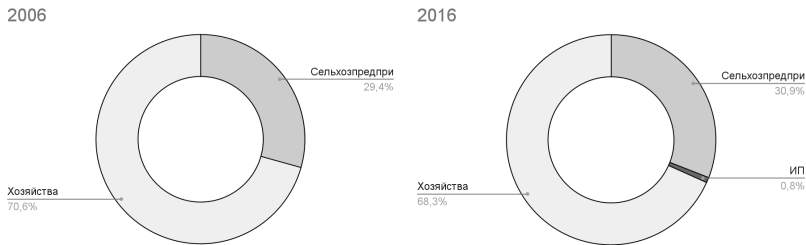

Рис. 12. Структура поголовья северных оленей по категориям хозяйств
Источник: составлено автором по данным сельскохозяйственных переписей (Итоги..., 2008: 33–34; Итоги..., 2018: 102–103)

Хозяйства частных, согласно численности стада, делятся на многооленные и малооленные. В *многооленных* хозяйствах насчитывается от 300 до нескольких тысяч голов оленей. Они постепенно наращивают поголовье, более независимы от властей и факторий, не получают субсидий и иных видов господдержки из-за отсутствия на это прав, снабжают себя продовольствием в поселках и там реализуют значительную долю сырья через социальные связи. Местные власти обычно винят их в деградации пастбищ в результате неконтролируемого увеличения стада и перевыпаса. Хотя намного больше в этой ситуации вредят добывающие компании, занимающие пастбища буровыми установками, трубопроводами и прочей инфраструктурой.

Второй тип — *малооленные* (бедные) хозяйства насчитывают от 100 до 250 оленей, что немного превышает прожиточный минимум одной семьи в тундре. В Ямальской тундре таких хозяйств около 70%. Для них характерны зависимость от льгот, получаемых от властей, опора на фактории и сдачу всего сырья на убойные комплексы, где нет возможности оказывать влияние на цену реализации, а также ориентация на сохранение поголовья в настоящих пределах. Именно малооленные хозяйства чаще становятся членами национальных общин и нанимаются пастухами на сельхозпредприятия округа.

Основной доход семей оленеводов составляет продажа мяса (рис. 13). Но современная численность оленьего стада ЯНАО не приносит ожидаемых объемов производства мяса. Дело в том, что некоторые оленеводы-частники занимаются разведением оленей для продажи пантов и костяных рогов, получая от этого занятия дополнительный доход, поэтому после обрезки рогов и пантов особи оставляются на следующий год.

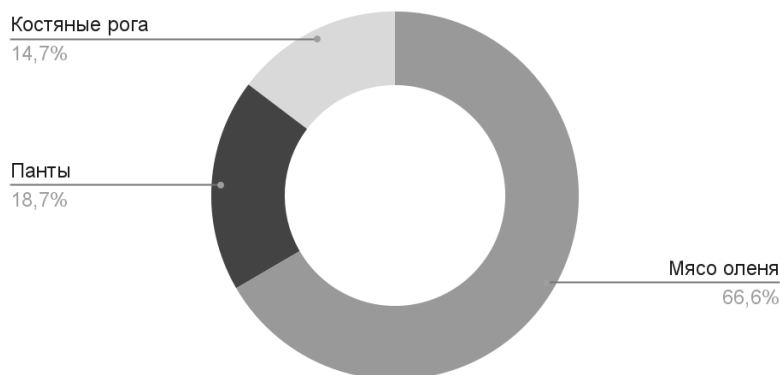

Рис. 13. Структура доходов семьи оленевода Ямальского округа ЯНАО от реализации продукции

Источник: составлено автором по материалам статистики (Стратегия..., 2020)

Ориентация на сдачу мяса или продажу пантов формирует и структуру стада. Для «мясных» хозяйств, распространенных в Ямальском округе, характерно значительное количество важенок, необходимых для воспроизводства стада. «Пантовые» хозяйства Приуральского и Тазовского округов больше заботятся о наращивании численности самцов, которые служат источником пантов и костяных рогов, реализуемых на нелегальном рынке.

Кроме того, у оленеводов-частников отсутствуют стимулы для обращения за господдержкой. В случае ее получения оленевод становится «зависимым» от властей региона и должен следовать всем их предписаниям, иначе лишится всех льгот. Из-за невозможности влиять на закупочные цены оленеводы вынуждены обращаться к теневым схемам реализации оленины. По состоянию на 2018 год при численности оленей 1,9 млн особей и 2 тыс. хозяйств в России и 0,8 млн оленей и 1,7 тыс. хозяйств в Новой Зеландии — последняя производила вдвое больше оленины и пантов, а новозеландский экспорт превышал российский в 26 раз (Стратегия..., 2020).

Это свидетельствует о значительности теневой составляющей в российском оленеводстве. Часто оленеводы реализуют свою продукцию среди вахтовиков, на рынках, среди родственников и приезжих, что не регистрируется органами власти. Уход от учета и участия в официальной заготовительной кампании — вынужденный шаг и своего рода протест частников против политики властей, которые в одностороннем порядке устанавливают план заготовок оленины и регулируют закупочные цены.

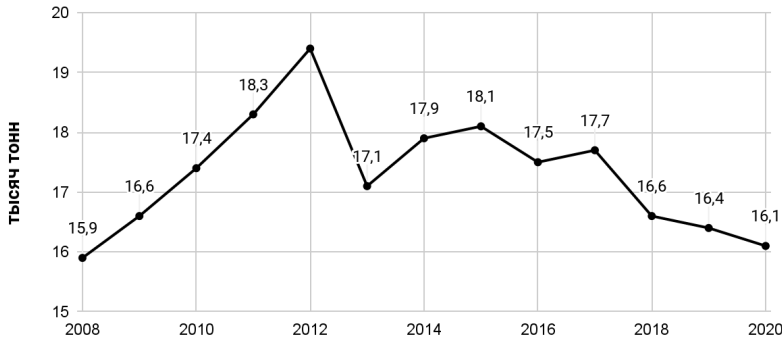

Рис. 14. Производство оленины

Источник: составлено автором по данным Росстата

«Манифест об устойчивом оленеводстве»

В результате полевых исследований был выявлен ряд уязвимых мест, которые ограничивают развитие регионального оленеводства. Среди них наиболее ощутимы следующие проблемы:

Деградация кормовой базы — наиболее острый вопрос, о котором заявляли все респонденты. Неконтролируемое увеличение поголовья, отсутствие четких маршрутов калсаний, расширение добычи полезных ископаемых и нерациональное природопользование пастбищ — неполный перечень причин деградации кормовой базы. Бывший зоотехник одного из совхозов округа так характеризовал ситуацию: «*Частники оговаривают примерные маршруты, а сами ленятся, не идут в тундры, пасут недалеко от поселков на ягельных пастбищах... олень все лето выест, а зимой другим ничего не остается... ягель не восстанавливается, олени маловесные, раньше меньше 70 кг не было, а сейчас нормально...*» Нужна рекультивация поврежденных пастбищ и их засеивание кормовыми травами, поскольку из-за неконтролируемости выпаса восстановительный «отдых» угодий невозможен. Также при общей площади оленьих пастбищ автономного округа 48,5 млн гектаров оптимальная оленеемкость позволяет выпасать стадо в 370 тысяч голов (Об утвержении..., 2018), однако в современный период нагрузка на пастбища вдвое больше оптимальной.

Отсутствие учета поголовья оленей. Точная численность поголовья оленей не известна, учет осуществляется со слов оленеводов, что осложняет планирование эффективного использования пастбищ и установления их предельной оленеемкости. Необходимо строительство коралей¹⁰ для корализации (пересчета) и мечения

10. Кораль — загон для зооветеринарных обработок северных оленей и других сельскохозяйственных животных.

стада, создания выходного ядра по масти, генетическому составу, проведения оценки качества потомства для племенной работы.

Перезапуск научных исследований оленей. Последние серьезные исследования проводились в 1990-е годы. Необходима селекционная работа и восстановление племенных хозяйств для сохранения местных пород северных оленей. Сейчас в регионе функционируют 4 племенных хозяйства с 46 тыс. особей — АО «Совхоз “Байдарацкий”», МСП «Мужевское», АО «Салехардагро» и МОП «Ярсалинское». Актуально исследование возбудителей основных заболеваний, поражающих северных оленей, — сибирской язвы, бруцеллеза, некробактериоза (копытки), эдемагеноза и др. для эффективной борьбы с ними и локализации в случае вспышек.

Легализация этнологической экспертизы жизни коренного населения в местах промышленного освоения. Освоение новых месторождений и добывающей инфраструктуры приводит к изъятию части пастбищ из мест выпаса. Если ранее объекты инфраструктуры (трубопроводы, железнодорожное полотно) являлись серьезными препятствиями для касланий, которые необходимо было обходить, преодолевая десятки километров, то проведение этнологической экспертизы позволило организовать перегоны через промышленную зону Бованенково в местах касланий ярсалинских оленеводов (Головнёв..., 2014). Однако сейчас экспертиза проводится на общественных началах и не является общепринятой процедурой разрешения споров между газовиками и КМНС. Строительство транспортной инфраструктуры до порта Сабетта может ограничить для свободного доступа треть пастбищ полуострова Ямал. И не зря один из респондентов задается вопросом: «А с чем останусь я, ненец?!»

«Молодые девушки не готовы выходить замуж за малооленных» — хоть гендерной асимметрии на Ямале, в отличие от других северных районов, нет (Лярская, 2010: 21), но в тундре наблюдается дефицит молодежи, в первую очередь женского пола. Один из респондентов охарактеризовал эту проблему следующим образом (нецензурная брань опущена): «Молодой парень хочет пойти в тундру своим стадом, у него мало оленей, кто за него пойдет замуж?! А у нас 72% малооленные... в тундре без семьи никак, не справишься... если уйдет парень каслать, оставит невесту в поселке, то как вернется, а она уже с киргизом гуляет... нужна какая-то госпрограмма по поставке молодых девушек в тундру... сами не хотят идти... государство должно помочь». Впрочем, Е. В. Лярская в ходе своих исследований опровергает существование этой проблемы в Ямальской тундре (Лярская, 2010: 26).

Решение этих проблем позволит оленеводческой отрасли ЯНАО стать более устойчивой к различного рода угрозам, а также добиться рационального использования пастбищ и разрешения территориальных споров между добывающими компаниями и оленеводами Ямала.

Второй по значимости традиционной отраслью хозяйства региона является рыболовство. Этот промысел был развит у местного населения еще до освоения Ямала русскими, а рыба остается важным элементом рациона КМНС. По состоянию на 2022 год промышленным выловом рыбы на речных объектах занимаются 52 предприятия различных видов хозяйствования, на озерах — 11 предприятий. Согласно квотам, выделенным региональными властями, в текущем году в реках разрешено выловить: 1,2 тыс. т пеляди, 1,5 т тугуна, 40,5 т чира, 0,7 тыс. т сига и 76,2 т омуля, а в озерах: 98,7 т пеляди и 20,4 т чира (О распределении..., 2021).

В начале XX века из Обдорского края вывозилось более 3 тыс. т рыбы ежегодно. Пресные водные объекты округа и сегодня являются основным местом добычи ценных сиговых видов рыб. Вылавливаемые в регионе виды рыб по народной классификации делятся на:

- «белую» (муксун, сырок, нельма, пыжьян, щокур, обская сельдь);
- «красную» (осетр);
- «черную» (налим, ерш, щука, карась, окунь, язь).

Рыболовство имеет большее значение для экономики таежных и тундрово-таежных районов, в которых оленеводство ограничено немногочисленностью пастбищ. Именно рыбацкие хозяйства были первыми коллективизированы и подчинены выполнению планов социалистического строительства в 1930-е годы. В 1939 году в округе уже функционировало 7 рыбозаводов, которые принимали сырье от 76 рыболовецких колхозов (Алексеева, 2011: 101). Объем добычи рыбы округа в 1941 году составлял 11,6 тыс. тонн (Алексеева, 2015: 38). Современная рыбодобыча осуществляется государственными и муниципальными предприятиями, возникшими из коллективных хозяйств, и общинами, организованными по территориальному признаку. В отрасли ЯНАО занято 2–2,3 тыс. человек на 19 рыбодобывающих и 12 сельскохозяйственных предприятиях, примерно на 80 малых предприятиях и общинах КМНС (Традиционная деятельность, 2019). В регионе производится вылов пресноводных видов «белой» и «черной» (сорной) рыбы. Объем вылова водных биоресурсов растет и в 2020 году составил 11,1 тонны (Информация..., 2021), притом что рыбопродуктивность водных объектов ЯНАО низка. Например, для бассейна реки Юрибей она составляет 2–3 кг/га, для озер — от 3–6 до 8–12 кг/га. Для сравнения, в соседнем ХМАО-Югра рыбопродуктивность рек — 45 кг/га, озер — до 49 кг/га (Антонов, 2021: 22).

Все рыболовные угодья (промысловые участки) в регионе закреплены за предприятиями, общины могут взять их во временное пользование на 10 лет. В Шурышкарском районе рыбодобычей занимаются три крупных предприятия с 113 рыбаками, 1 крестьянское фермерское хозяйство и 3 общины, рыбопереработку осуществляет АО «Горковский рыбозавод». В Приуральском округе в рыболовец-

Т. Ю. Гусаков
Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население

кой отрасли работают 1 муниципальное и 3 частных предприятия, 1 община КМНС (хантыйская). В Ямальском округе размещены 10 различных рыболовецких хозяйств, в том числе МП «Новопортовский рыбозавод» и ООО «Салемальский рыбозавод», на которых занято 154 чел. (Стратегия..., 2018).

Единоличный вылов рыб регулируется властями и разрешен в объеме, необходимом для личного потребления рыбака и его семьи. Власти ежегодно устанавливает квоты на вылов различных видов рыб для представителей КМНС в рамках сохранения их традиционного жизненного уклада. Предоставление квот осуществляется путем приема заявок от населения. При этом регулированию подвержен в основном вылов белорыбицы. Сокращения популяций сиговых рыб в реках округа происходит из-за загрязнения водных объектов добывающими предприятиями и интенсивной эксплуатации водных ресурсов. Объем вылова «черной» рыбы одобряется в размере, необходимом заявителю. В 2021 году было подано 1674 заявки от представителей КМНС и их общин, в результате одобрен вылов до 2,5 тонны рыбы на каждого заявителя (На Ямале..., 2021).

Квоты устанавливаются и для предприятий, жизнеспособность которых иногда подвергается угрозе из-за резкого снижения разрешенных объемов вылова. Например, в 2021 году произошло резкое сокращение квот на промышленный вылов с 1495 до 766 тонн в пользу увеличения лова КМНС, что вызвало ухудшение экономического положения предприятий (Рыболовам..., 2021).

Для промышленного лова и реализации рыбы население объединяется в общины, которые могут получить необходимые разрешения. В общинах централизованно осуществляется охлаждение, ветеринарный контроль и сдача на перерабатывающие предприятия. Руководители общины прежде заключают договоры с предприятиями, в которые будут сдавать рыбу. Общины владеют оборудованием для добычи рыбы, транспортом и холодильными установками, с чем чаще всего наблюдаются трудности. Однако для их решения региональные власти выделяют финансовую помощь. Кроме того, членам общины выплачивается зарплата и засчитывается трудовой стаж. Общины создаются не только для рыболовства, но и для сдачи оленины, решения социальных вопросов.

Рыболовство как основной источник доходов характерен для хантов и частично для коми и ненцев, проживающих на юге ЯНАО, в районах, граничащих с Республикой Коми и Ханты-Мансийским автономным округом. Более 90% хантов и коми сосредоточено в Шурышкарском районе и Приуральском округе. Население поселков тундрово-таежной и таежной зоны вне зависимости от этнической принадлежности занимается рыболовством при отсутствии альтернативных вариантов занятости. В поселках проживает полукочевое население, которое некоторое время года проживает на удаленных от населенного пункта стоянках (песках), где занимается рыбодобычей.

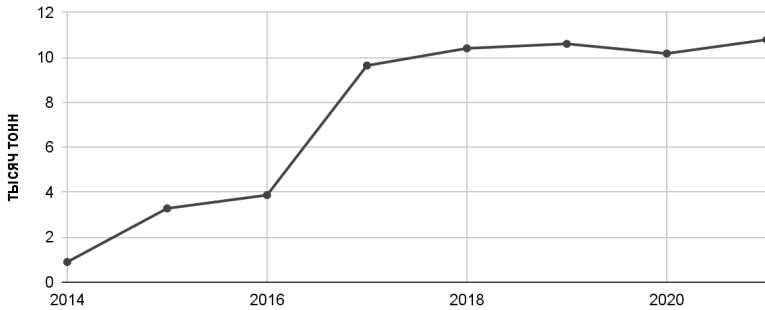

Рис. 15. Динамика вылова рыбы предприятиями агропромышленного комплекса ЯНАО

Источник: составлено автором по данным Департамента АПК ЯНАО (Департамент..., 2022)

Хозяйственная деятельность представителей КМНС ЯНАО исторически носит комплексный характер. Оленеводство всегда сочеталось с рыболовством, охотой, сбором дикоросов, собирательством. Малооленные семьи часто совмещают рыболовство с выпасом небольшого стада оленей в таежной зоне, в тундре они занимались охотпромыслом. Эта особенность придает хозяйствам большую устойчивость в случае природно-климатических катаклизмов и техногенных катастроф.

Пушной промысел

Добыча пушныны — некогда основная отрасль экономики Ямала, постепенно потеряла свою актуальность. Исторически столь стремительное приращение к России восточных территорий было обусловлено добычей пушныны (в первую очередь песца и соболя). И по мере истребления пушного зверя колонизаторы продвигались далее на восток, вскоре достигнув берегов Аляски. Жители Ямальского севера также были отменными охотниками и поставщиками пушныны. Охотпромысел до развития крупностадного оленеводства служил для них основным источником пропитания.

Развитие торгово-экономических отношений и производства товаров народного потребления послужило причиной снижения актуальности охоты для населения. В советское время из-за дефицита синтетических материалов, изолированности внутреннего рынка и повсеместном использовании натурального меха в изготовлении одежды существовала необходимость добычи шкур. «Раньше всех мехом одевали, сейчас же вам, русским, куртки, пуховики подавай, не хотите шапки меховые носить!» — сетовал один из респондентов.

Но с переходом к свободному рынку и появлением технологичных искусственных материалов пушнына сохранила свои позиции

только в среде КМНС в северных районах России, где привыкли использовать натуральные материалы для обустройства жилищ (чумов) и изготовления одежды. Незначительная доля добытой пушнины используется для изготовления сувенирной продукции. Да к тому же, в отличие от рыболовства и оленеводства, охотпромысел не может обеспечить полноценную занятость населения. В 1990-е годы были разрушены производственные цепочки, исчезли и так и не восстановились заготовительные предприятия.

В современности клеточным выращиванием соболя, голубого и серебристо-черного песца занимаются ООО «Совхоз “Верхне-Пуровский”» (Пуровский округ) и АО «Совхоз “Байдарацкий”» (Приуральский округ). поголовье песца и соболя в 2020 году составляло 0,4 тыс. и 2,4 тыс. соответственно (Информация..., 2021), добыто было 4,3 тыс. шкурок (Доклад, 2021б). Также охотпромысел прописан в перечне видов деятельности у некоторых общин региона. В 2008 году объем заготовок в ЯНАО составлял 600 шкурок (Север и..., 2012: 69). На некоторых предприятиях работают цеха по изготовлению изделий из шкур оленя, пушно-мехового сырья. В приморских районах осуществляется сбор клыков моржей, шкур нерпы и пр. Добыча шкурок и их реализация сегодня происходит в нелегальном поле, когда охотники продают необработанное сырье скупщикам с Большой земли. В среднем охотники могут заготовить от 15 до 100 шкурок в год в зависимости от колебаний популяции зверя (Мартынова, 2018: 710).

Сбор дикоросов

Сбор дикоросов (грибов и ягод), растущих в таежных и тундрово-таежных районах, является одним из традиционных промыслов КМНС. Ежегодно в регионе заготавливают более 60 тонн сырья, которое перерабатывается как внутри региона (например, ПФ «Ныда-ресурс»), так и поставляется в другие регионы. В 2020 году только в Пуровском округе предпринимателями было заготовлено 58,7 тонны дикоросов (Развитие АПК, 2021). Наибольшие объемы сбора ягоды у общин «Еты-Яля», «Сугмутско-Пякутинская» и «Харампуровская». На фактории «Кар-Нат» осуществлялся прием дикоросов от населения.

Люди, живущие в тундрово-таежной и таежной зоне, во время сезона сбор ягод и грибов самостоятельно собирают и сдают сырье либо на предприятия, либо «коммерсантам». Сборщики редко реализуют собранный товар самостоятельно.

Другие виды сельского хозяйства

Традиционные для средней полосы России виды сельского хозяйства практически не распространены ввиду природно-климатиче-

ских особенностей и экономической нецелесообразности, но попытки их развития активно предпринимались в советское время. Впервые овощеводство и мясо-молочное скотоводство появились в регионе в 1930-е годы с прибытием репрессированного населения из различных регионов СССР и необходимостью их снабжения. В 1936 году в Обдорске (ныне Салехард) был создан овощеживотноводческий совхоз, построен тепличный комплекс, подсобные помещения приспособлены под фермы, но хозяйство было малопродуктивным. Средний надой на одну корову не превышал 1215 кг молока (к примеру, в 2020 году данный показатель составлял 2370 кг (Доклад..., 2021б)). В 1940 году поголовье скота округа составляло 2,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 0,5 тыс. свиней и столько же овец. Тепличные и парниковые комплексы появились и в других хозяйствах. В 1941 году насчитывалось 634 м² теплиц и 1,4 тыс. рам парников. В Салехарде, Приуральском, Шурышкарском районах выращивались различные овощные культуры, в том числе картофель. В 1941 году посевная площадь увеличилась до 212,9 га, из которых 77,5 га были заняты под картофель (Алексеева, 2011).

В современный период растениеводство слабо развито. Из общей площади сельхозугодий ЯНАО на пашни приходится 0,2%. В основном выращивается картофель — 87,7% посевной площади, остальное — овощные и бахчевые культуры (Всероссийская..., 2016). Животноводство представлено разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней и птиц. Развито в пригородных зонах и на сельхозпредприятиях, реорганизованных из коллективных хозяйств. Совокупная численность окружного поголовья скота составляет менее 0,1% общероссийского объема.

Таблица 2. Структура поголовья сельскохозяйственных животных ЯНАО

	Всего (голов)	из них:		
		сельхозорганизации	КФХ	хозяйства населения
КРС	1185	81%	12%	7%
из них: коровы	545	86,6%	8,6%	5%
Свиньи	1157	66,1%	14%	19,9%
Овцы	94	–	49%	51%
Козы	184	5,4%	21,2%	73,4%
Птица	22 228	39,5%	18,4%	42,1%

Источник: составлено автором по данным сельскохозяйственной переписи 2016 г.

Судя по современной структуре сельскохозяйственного производства округа, перспективными для жителей являются традиционные отрасли — оленеводство и рыболовство, которые максимально используют природно-ресурсный потенциал территории. Прочие столь незначительны по двум причинам: либо из-за невозможности обеспечения полноценной занятости заинтересованного в них населения (охотпромысел, сбор дикоросов), либо из-за сложных природно-климатических условий, не позволивших развиваться нехарактерным для региона отраслям (мясо-молочное животноводство, растениеводство). Последняя группа отраслей остается актуальной потому, что представлены они в бывших колхозах, по инерции существующих с советских времен, или в современных сельскохозяйственных комплексах, построенных в пригородах с использованием современных технологий.

Учет опыта прошлого

Нужно не забывать и еще об одном немаловажном аспекте развития — о последствиях вмешательства в традиционные виды хозяйствования, сформированные естественным путем. Любые, даже мелкие, вмешательства в хозяйство других народов могут нарушить баланс и запустить процесс его деградации и разрушения. При разработке стратегических документов необходимо проанализировать исторический опыт реформирования традиционного хозяйства округа.

Существенный вклад в перестройку хозяйства был внесен в советский период, когда имели место перегибы и ошибки. Нужно повторить, что ямальские оленеводы до 1950-х годов оказывали организованное сопротивление коллективизации и подчинению собственного «свободного» хозяйства командному управлению властей. Об этом свидетельствует деятельность неформальной организации «Мандалада» в тундре Ямала в 1930–1940-е годы (Алексеева, 2011). Но власти не оставляли попыток покорить своенравное население Обского Севера (Гриценко, 2019). Создание коллективных хозяйств, привнесение новых отраслей сельского хозяйства, попытки перевода кочевников на оседлость так и не были приняты представителями КМНС, но изменили их отношение к седентаризации. В результате внутренних (выбора личных жизненных стратегий, интересов) и внешних факторов (политики властей и рыночной конъюнктуры) сообщество КМНС Ямала разделилось на две группы — кочевое и поселковое население. Осевшее население не теряет своих корней, что позволяет сохранять тесные социально-экономические связи поселков и тундры (Лярская, 2016).

Несмотря на то что бригадная форма выпаса была сохранена на сельхозпредприятиях, особого энтузиазма у коренного населения в работе на них не наблюдается. Пастухами обычно нанима-

ются малооленные оленеводы, которые ищут возможность улучшить свое материальное положение. Вместе с общественным стадом они выпасают и своих оленей, нередко отбирая из «общественных» оленей лучших в свое стадо. Многооленные оленеводы вообще не испытывают желания взаимодействовать с властью даже ради получения поддержки. Это связано не только со строптивостью оленеводов, но и с отношением власти к ним, которая спускает планы по заготовке оленины и требует их выполнения, угрожая лишить господдержки и не учитывая экономических рисков для хозяйств.

Седентаризация на Ямале в советское время была малоэффективной, и после 1991 года ее результаты были перечеркнуты естественным ростом кочевого населения округа. Оседание части населения в поселках привело к их аккультурации и маргинализации части *поселкового* населения КМНС. Отрыв от оленеводства лишил *осевших* ненцев оленной культуры и способствовал их ассимиляции с русским населением. Безусловно, экономическая эффективность хозяйствования должна учитываться, но культурным аспектом малых этносов тоже нельзя пренебрегать. Низкий уровень образованности, потеря культурных связей, занятость в «неквалифицированной» сфере поселков способствует маргинализации оседлых ненцев и прогрессированию их алкоголизации (Опарин, 2016: 120). Это, в свою очередь, влечет рост числа завершенных и незавершенных самоубийств среди них. А как известно, для народов Севера ввиду религиозных и культурных особенностей характерен один из самых высоких уровней суицидального индекса в мире (Дуткин, 2018: 67–68).

Принудительное навязывание «экономически эффективных» видов деятельности иногда приводит к катастрофическим (невосполнимым) потерям для мировой культуры. Например, массовый перевод властями нганасанов в 1970-е годы на охотпромысел и отказ от домашнего оленеводства привели к потере сегментов их оленей культуры и оседанию представителей этноса в поселках Красноярского края (Клоков, 1997: 16–17). *Поселковая* жизнь нганасанов способствует еще большему отходу от традиционного уклада этноса, поскольку значение охотпромысла в современности многократно снизилось. Нганасаны постепенно превращаются в русскоязычных метисов, растворяясь в среде русского населения (Бичеоло, 2009). Навыки и приемы нганасанского оленеводства исчезли бесследно и уже никогда не будут возрождены. В бассейне реки Дудышты в центральной части Таймыра живут последние семьи нганасанов-тундровиков, занимающихся охотничьим и рыболовным промыслами.

У представителей КМНС, проживающих в российском обществе, меняется отношение к своей собственной культуре и наблюдается «культурно-психологическая травма» (Дуткин, 2018: 70–71), то есть отчуждение от собственной культуры. В результате этого

усиливаются тенденции, особенно среди молодежи, соответствовать основным трендам российского общества и адаптироваться к полноценной жизни в нем. Незаинтересованность младших поколений в сохранении традиций и обычаев может привести к потере некоторых из них в будущем.

Но переходу некоторых представителей КМНС из тундры в поселки способствует и сокращение их жизненного пространства в результате промышленного освоения территорий. Активное развитие добывающей промышленности приводит к нарушению сложившихся маршрутов сезонных касланий оленеводческих хозяйств. Маршруты отклоняются в сторону, отодвигая других оленеводов. В итоге нарушается вся схема выпаса. Особенно остро проблема стоит на Ямальском полуострове, где расширение добывающей инфраструктуры уже отняло у оленеводов 6% пастбищ. Со временем площадь добычи будет только увеличиваться, хотя уже сейчас пастбищ не хватает, а имеющиеся угодья перегружены вдвое. Расширение промышленного рыболовства и вызванный этим дефицит биоресурсов вытесняют представителей КМНС и из традиционного для них промысла.

Заключение

В ближайшие годы федеральной и региональной власти необходимо выработать сбалансированную стратегию развития региона с учетом современных и исторических особенностей. Дуальный путь развития Ямала заключается в том, что в свете наращивания добычи нефти и газа необходимо не пренебрегать традиционными видами хозяйства, важными для гармоничной жизнедеятельности представителей КМНС.

За последний век из-за внешних усилий структура хозяйства Ямала полностью перестроилась. Пушной промысел потерял свою актуальность, появилось городское население, а вместе с ним и новые отрасли промышленности и сельского хозяйства. Ведущим сектором экономики стала добывающая промышленность, но весомость традиционных отраслей для местного населения сохранилась.

Сельское хозяйство хоть и вносит незначительный вклад в формирование валового регионального продукта ЯНАО, но является основным средством приложения труда в сельских поселениях и на межселенных территориях. Существующий объем производства явно ниже потенциально возможного и необходимого для формирования продовольственной безопасности региона.

Оленеводство имеет большой потенциал наращивания объема производства, но на данном этапе испытывает ряд довольно принципиальных трудностей. Это и деградация пастбищ, и значительность теневой экономики, и необходимость племенной ра-

боты. Первоочередной задачей на сегодня становится налаживание коммуникации между «частниками» и региональными властями на условиях паритета, а не стратегии «мы лучше знаем, что вам нужно».

Командная политика показала свою неэффективность в советский период. И как только давление государства ослабло, развиваемые свыше сектора сельского хозяйства сжались до минимума, а традиционные виды хозяйства восстановили свои позиции. В советское время произошло изменение отношения кочевников к оседлости с негативного (временного, маргинального) до нормального (обыденного). Это позволило дать представителям КМНС возможность самим выбрать, как им жить — в поселках или в тундре.

Библиография

- Алексеева Л. В.* (2011). Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. — июнь 1941 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та.
- Алексеева Л. В.* (2015). Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та.
- Антонов А. И.* (2021). Современное состояние ихтиофауны водных объектов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области: обзор // Рыбное хозяйство. № 6. С. 18–24.
- Антонов Е. В., Литвиненко Т. В., Нувано В. Н.* (2018). Полномасштабный анализ динамики домашнего оленеводства в арктических регионах: территориальные сдвиги, внутрорегиональные и локальные различия // Известия РАН. Сер. географическая. № 5. С. 22–36.
- Артюхова И. Д., Пириг Г. Р.* (2004). О демографической ситуации и сохранении традиционного образа жизни коренного населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестн. Тюм. нефтегаз. ун-та. Региональные социальные процессы. С. 64–70.
- База данных показателей муниципальных образований (2022) // Росстат. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 18.02.2022).
- Бакланов П. Я., Мошков А. В.* (2015). Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России // Экономика региона. № 1. С. 53–63.
- Батугина Н. С., Ноговицын Р. Р.* (2009). Возможные и допустимые направления диверсификации в хозяйственном комплексе РС (Я) // ГИАБ. № 4. С. 62–71.
- Бичеюл В. К.* (2009). Современное состояние культуры нганасан // Вестник ЧГАКИ. № 4 (20). С. 49–53.
- Богданов В. Д., Головатин М. Г., Морозова Л. М., Эктова С. Н.* (2012). Социально-экологические условия промышленного освоения полуострова Ямал // Экономика региона. № 3. С. 141–150.
- Богоявленский Д. Д.* (2005). Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. № 8. С. 55–61.
- Быковский В. А., Кобылкин Д. Н.* (2011). Ямал от настоящего к будущему: рубежи модернизации // Экономика региона. № 3. С. 281–287.
- Вайнштейн С. И.* (1970). Проблема происхождения оленеводства в Евразии. (1. Саянский очаг одомашнивания оленя) // Советская этнография. № 6. С. 3–14.
- Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И.* (2011). Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг

- в Ямало-Ненецком автономном округе). М.—Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати».
- Великий северный путь (2019). Через 400 лет по следам Дежнёва. Документальный фильм / Режиссер Л. Круглов. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/958530/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Волжанина Е. А. (2009). Современные этносоциальные процессы среди ненцев Ямала в условиях промышленного освоения // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (25). С. 355–358.
- Волжанина Е. А. (2011). Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (15). С. 218–227.
- Волжанина Е. А. (2010). Численность, расселение и традиционное хозяйство вынгапуровских ненцев в условиях промышленного освоения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (12). С. 174–184.
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года (2016) // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат). URL: https://tumstat.gks.ru/perepis_sh (дата обращения: 11.02.2022).
- Головнёв А. В. (2004). Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН.
- Головнёв А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А. (2016). Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). Екатеринбург: УрО РАН.
- Головнёв А. В., Лезова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. (2014). Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд-во АМБ.
- Гриценко В. Н. (2019). Ямальские олени и эксперименты власти (1920–1960-е гг.) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. № 1 (102). С. 35–43.
- Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа (2022). URL: <https://dapk.yanao.ru/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Деттер Г. Ф., Константинова Т. С. (2016). Ямал — прошлое, настоящее, будущее // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. № 3 (92). С. 125–131.
- Доклад (2021а) о социально-экономической ситуации муниципального образования Ямальский район за 9 месяцев 2021 года // Ямальский район. Официальный интернет-портал. URL: <https://www.mo-yamal.ru/load/trk1d2gg1> (дата обращения: 11.02.2022).
- Доклад (2021б) о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы ЯНАО «Развитие агропромышленного комплекса, рыбного хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2020 годы» за 2020 год // Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/103059/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Дуткин М. П. (2018). Этнокультуральные факторы суицидального поведения у коренных народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер. Медицинские науки. № 4 (13). С. 64–75.
- Ездить по трассе Салехард — Надым с завтрашнего дня можно легально (2021) // ЯМАЛ PRO — информационный портал. URL: <https://vk.cc/csrpC3> (дата обращения: 11.02.2022).
- Зайончковская Ж. А. (1999). Россия: миграции в разном масштабе времени. М.: Центр проблем изучения вынужденной миграции.
- Иванов В. А., Лаженцев В. Н. (2014). Модернизация аграрного сектора экономики северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) // Экономика региона. № 2. С. 220–230.
- Информация о состоянии отраслей животноводства и рыболовства ЯНАО по состоянию на 01.01.2021 // Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://dapk.yanao.ru/documents/other/116816/> (дата обращения: 11.02.2022).

- История Ямала (2019) // Официальный сайт правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/region/about/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (2008). Ч. VI (II). Поголовье сельскохозяйственных животных в Тюменской области. Тюмень. 146 с.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (2018). Т. 5. Кн. 1. Поголовье сельскохозяйственных животных. М.: ИИЦ «Статистика России». 450 с.
- Карпов В. П. (2014). Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень. С. 108.
- Квашнин Ю. Н. (2006). Оленеводство сибирских тундровых ненцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6.
- Квашнин Ю. Н. (2005). Этнические процессы и хозяйство у коренного населения Надымского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 5. С. 120–130.
- Квашнин Ю. Н. (2009). Ненецкое оленеводство в XX — начале XXI века. Салехард; Тюмень: Колесо.
- Квашнин Ю. Н. (2012). Этнические и демографические процессы у тазовских ненцев в начале XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3. С. 141–152.
- Клоков К. Б. (1997). Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития в современных условиях // Этногеографические и этноэкологические исследования / Под ред. Е. Е. Сыроечковского, А. И. Чистобаева. Вып. 5. СПб.
- Клоков К. Б., Хрущев С. А. (2006). Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия. С. 13–33.
- Клоков К. Б., Хрущев С. А. (2008). Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов России и ее региональные особенности // Региональные исследования. № 5. С. 39–51.
- Корнилов Г. Е. (2010). Население Ямала в 1959–1989 гг. Автореф. ... канд. истор. наук. ИИА УО РАН. Екатеринбург.
- Корнилов Г. Е. (2014). Население Ямала в XX в.: процесс формирования // Уральский исторический вестник. № 2 (43). С. 136–142.
- Красная книга Ямало-Ненецкого автономного округа (2010): животные, растения, грибы / Отв. ред. Эктова С. Н., Замятин Д. О. Екатеринбург: Изд-во «Баско».
- Крупнейшие месторождения природного газа ЯНАО (2017). Рейтинг // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3360726> (дата обращения: 18.02.2022).
- Кучмаева О. В. (2021). Специфика и перспективы рынка труда Ямало-Ненецкого автономного округа в контексте тенденций экономико-демографического развития // Население и экономика. № 5 (1). С. 49–71.
- Ларченко Л. В., Колесников Р. А. (2016). Развитие ресурсных центров Ямало-Ненецкого автономного округа, специализирующихся на добыче углеводородов // Инновации. № 1 (207). С. 79–84.
- Лярская Е. В. (2010). Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. № 13. С. 3–38.
- Лярская Е. В. (2016). «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. № 1. С. 54–70.
- Максимова Д. Д., Соколов В. И. (2010). Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США–Канада. Экономика, политика, культура. № 12 (492). С. 55–71.
- Мартынова Е. П. (2018). «Куда рыбу и мясо сдаете?»: экономические практики на Обском Севере // Вестник угроведения. № 4. С. 705–715.
- Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. (2013). Внутрироссийские миграции // Население России 2010–2011: Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. Вишневский А. Г. М.: ИД ВШЭ. Гл. 9. С. 444–473.

- На Ямале увеличат «кочевые» выплаты тундровому населению (2019) // Официальный сайт правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/presscenter/news/18377/> (дата обращения: 11.02.2022).
- На Ямале увеличены квоты на традиционное рыболовство (2021) // Официальный сайт правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/presscenter/news/57764/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Народы Советского Севера (1960–1980-е гг.) (1991) / Отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М. С. 49.
- Новикова Н. И. (2014). Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М.: Наука.
- О распределении квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов для осуществления промышленного рыболовства на 2022 год (2021) // Департамент агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://dark.yanao.ru/documents/active/135406/> (дата обращения: 11.02.2022).
- О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года (2011) // Официальный сайт правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/documents/all/73111/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Об утверждении Народной программы коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе (2018) // Официальный сайт правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/documents/rla/15221/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Опарин Д. А. (2016). «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 108–130.
- Оруджиева А. Г. (2005). Население Ямала от переписи до переписи: (Историко-демографический очерк). Екатеринбург; Салехард: Банк культурной информации. 88 с.
- Отраслевая программа «Развитие северного оленеводства в Российской Федерации на 2013–2015 годы» (2013) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз РФ). URL: http://www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/21960.htm (дата обращения: 22.11.2021).
- Оценка численности постоянного населения на 1 января 2022 г. и в среднем за 2021 г. и компоненты ее изменения (2022) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_Comp2022_Site.xls (дата обращения: 11.03.2022).
- Павленко В. И., Куценко С. Ю. (2018). Обеспечение комфортной жизнедеятельности человека в Арктике: проблемы и задачи // Экология человека. № 2. С. 51–58.
- Павленко В. И., Петров А., Куценко С. Ю., Деттер Г. Ф. (2019). Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития) // Экология человека. № 1. С. 26–33.
- Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств (2015) // Демоскоп.Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 11.02.2022).
- Пилясов А. Н. (2011). Города Российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 4. С. 64–69.
- Пилясов А. Н., Гальцева Н. В., Атаманова Е. А. (2017). Экономика арктических «Островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) // Экономика региона. № 1. С. 114–125.
- Пилясов А. Н., Кибенко В. А. (2020). Феномен предпринимательства в оленеводстве Ямало-Ненецкого автономного округа: оценка ситуации, парадоксы и противоречия, выбор будущего // Арктика: экология и экономика. № 1 (37). С. 122–137.
- Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. (2007). Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: этносоциальный аспект. Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации.

- Развитие АПК (2021) // Официальный сайт администрации Пуровского района. URL: <https://puradm.ru/deyatelnost/agropromyshlennyy-kompleks/razvitie-apk.php> (дата обращения: 11.02.2022).
- Распоряжение правительства ЯНАО от 20.01.2020 №23-РП «Об утверждении реестра факторий в Ямало-Ненецком автономном округе» (2022) (с изменениями на 03.02.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/570954714> (дата обращения: 11.03.2022).
- Регионы России (2021). Социально-экономические показатели 2021: Стат. сб. / Росстат. М. 1112 с.
- Реестр факторий в Ямало-Ненецком автономном округе на 01.01.2018 (2018) // Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://dkmns.yanao.ru/documents/other/7079/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Рожков Е. (2002). Кому мешает дикий северный олень? // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/ecology/2002-09-30/15_chukotka.html?id_user=Y (дата обращения: 11.02.2022).
- Рыболовам ЯНАО грозит разорение из-за решения властей (2021) // ИА URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052473195> (дата обращения: 11.02.2022).
- Север и северяне (2012). Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН.
- Сельское хозяйство в России (2021) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 11.02.2022).
- Соколов В. И. (2002). Глобализация и аборигенное население Канады // США–Канада. Экономика, политика, культура. № 5. С. 47–59.
- Соколова З. П., Степанов В. В. (2008). Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблема статистического учета // Этнические категории и статистика / Под ред. Е. Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформагротех».
- Соколова Ф. Х. (2016). Миграционные процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. № 25. С. 158–172.
- Стратегия развития северного оленеводства Российской Федерации до 2030 года (проект) (2020). С. 63. URL: <https://vk.cc/c2pLua> (дата обращения: 11.02.2022).
- Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Ямальский район на период до 2030 года (2018) // Ямальский район. Официальный интернет-портал. URL: <https://www.mo-yamal.ru/load/g4ij18xsa> (дата обращения: 11.02.2022).
- Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года (2021) // Департамент экономики Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://de.yanao.ru/activity/24/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Торговкина О. В. (2009). О кооперативных и интеграционных процессах в сельском хозяйстве Якутии // Региональная экономика: теория и практика. № 14. С. 103–105.
- Традиционная деятельность (2019) // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Ямал — потомкам!». URL: <https://yamal-potomkam.yanao.ru/activity/5896/> (дата обращения: 11.02.2021).
- Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. (2013) / Ред.-сост. Е. М. Главацкая, Ю. В. Клюкина-Боровик. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Харючи Г. П. (2001). Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во ТГУ.
- Южаков А. А., Мухачев А. Д. (2001). Этническое оленеводство Западной Сибири. Ненецкий тип / РАСХН. Сибирское отделение. Новосибирск.
- Ямало-Ненецкий автономный округ в цифрах: Крат. стат. сб. (2020) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Тюмень.

- Ясюкевич В. В. (2018). Ямальская эпидемия 2016 года: причины вспышки // Экспертный центр ПОРА. URL: <https://goarctic.ru/work/yamalskaya-epidemiya-2016-goda-prichiny-vspyshki/> (дата обращения: 11.02.2022).
- Eshbach K., Supple K., Mathew Snipp C. (1998). Changes in Racial Identification and the Educational Attainment of American Indians, 1970–1990 // *Demography*, Vol. 35, no 1, February, pp. 35–43.
- Klokov K. B. (2012). Changes in reindeer population numbers in Russia: An effect of the political context or of climate? // *Rangifer*, no 32 (1), pp. 19–33.
- Klokov K. B., Khrushchev S. A. (2010). Demographic Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian North, 1897–2002 // *Ibid*, pp. 41–65.
- Lyarskaia E. V. (2008). Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? Available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> (accessed 11 March 2022).

Agrarian alternative for Yamal: Agriculture and indigenous population

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. The current social-economic situation in Russia poses new challenges for industries, agriculture, and services. One of these challenges is the search for alternative sources of food supply in regions and the strengthening of food security under the import substitution policy. In agriculture, the emphasis is placed on the development of both main branches and those previously considered additional. At the same time, there are attempts to diversify economies of the single-industry regions in order to ensure their 'sustainable' development. One of the regions representing all the above trends is the Yamalo-Nenets Autonomous Region. Federal and regional authorities strive to reduce its budget dependence on the oil and gas rent and to invest in the traditional sectors of polar agriculture such as reindeer breeding and fishery. The article is based on the results of the author's field studies in the summer of 2021 and describes the social-economic situation in Yamal. The author pays particular attention to agriculture and indigenous peoples of Siberia, to the history and main trends in the development of the nomadic and semi-nomadic groups of Yamal — to identify promising directions and main barriers for the development of regional agriculture.

Key words: regional development, human geography, Siberian indigenous nations, migration, oil-producing regions, agriculture, reindeer breeding

References

- Alekseeva L. V. (2011) *Yamalo-Nenetsky avtonomny okrug v pervoe desyatiletie svoei istorii (Dec. 1930 g. — June 1941 g.)* [Yamalo-Nenets Autonomous Region in the First Decade of Its History (December 1930 — June 1941)], Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta.
- Alekseeva L. V. (2015) *Rybnoe khozyaistvo Yamalo-Nenetskogo natsionalnogo okruga v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Fisheries of the Yamalo-Nenets National Region during the Great Patriotic War (1941–1945)], Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta.
- Antonov A. I. (2021) *Sovremennoe sostoyanie ikhtiofauny vodnykh ob'ektov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga Tyumenskoi oblasti: obzor* [The current state of the ich-

- thyofauna in water bodies of the Yamalo-Nenets Autonomous Region of the Tyumen Region: A review], *Rybnoe khozyaistvo*, no 6, pp. 18–24.
- Antonov E. V., Litvinenko T. V., Nuvano V. N. (2018) Polnomasshtabny analiz dinamiki domashnego olenevodstva v arkticheskikh regionah: territorialnye sdvigi, vnutriregerionalnye i lokalnye razlichiya [A multiscale analysis of the reindeer breeding dynamics in the Arctic regions: Territorial shifts, intraregional and local differences], *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 5, pp. 22–36.
- Artyukhova I. D., Pirig G. R. (2004) O demograficheskoi situatsii i sokhranении traditsionnogo obraza zhizni korennoogo naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [On the demographic situation and preservation of the traditional way of life of the indigenous population in the Yamalo-Nenets Autonomous Region], *Vestnik Tyum. neftegaz. un-ta, Regionalnye sotsialnye protsessy*, pp. 64–70.
- Baklanov P.Yu., Moshkov A. V. (2015) Prostranstvennaya differentsiatsiya struktury ekonomiki regionov Arkticheskoi zony Rossii [Spatial differentiation of regional economy in Arctic zone of Russia], *Ekonomika regiona*, no 1, pp. 53–63.
- Batugina N. S., Nogovitsyn P. P. (2009) Vozmozhnye i dopustimye napravleniya diversifikatsii v khozyaistvennom komplekse PC (Ya) [Possible and permissible directions of diversification in the economic complex PC (Ya)], *GIAB*, no 4, pp. 62–71.
- Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovaniy (2022) [Database of municipalities' indicators]. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst71/DBInet.cgi#1>.
- Bicheool V. K. (2009) Sovremennoe sostoyanie kultury nganasan [The current state of the Nganasan culture], *Vestnik ChGAKI*, no 4, pp. 49–53.
- Bogdanov V. D., Golovatin M. G., Morozova L. M., Ektova S. N. (2012) Sotsialno-ekologicheskoe usloviya promyshlennogo osvoeniya poluostrova Yamal [Social-ecological conditions of the industrial development of the Yamal Peninsula], *Ekonomika regiona*, no 3, pp. 141–150.
- Bogoyavlensky D. D. (2005) Vymirayut li narody Severa? [Are the peoples of the North dying out?], *Sotsiologicheskoe issledovaniya*, no 8, pp. 55–61.
- Bykovsky V. A., Kobylnik D. N. (2011) Yamal ot nastoyashchego k budushchemu: rubezhi modernizatsii [Yamal from the present to the future: Frontiers of modernization], *Ekonomika regiona*, no 3, pp. 281–287.
- Departament agropromyshlennogo kompleksa Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga (2022) [Department of the Agro-Industrial Complex of the Yamalo-Nenets Autonomous Region]. URL: <https://dapk.yanao.ru>.
- Detter G. F., Konstantinova T. S. (2016) Yamal — proshloe, nastoyashchee, budushchee [Yamal — past, present, future], *Nauchny vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no 3, pp. 125–131.
- Doklad o khode realizatsii i otsenke effektivnosti realizatsii gosudarstvennoi programmy YaNAO “Razvitie agropromyshlennogo kompleksa, rybnogo khozyaistva i regulirovaniye rynkov selskohozyaistvennoi produkcii, syriya i prodovolstviya na 2014–2020 gody” za 2020 god (2021b) [Report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program for the YaNAO “Development of the agro-industrial complex, fisheries and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2014–2020” for 2020]. URL: <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/103059>.
- Doklad o sotsialno-ekonomicheskoi situatsii munitsipalnogo obrazovaniya Yamalsky raion za 9 mesyatsev 2021 goda (2021a) [Report on the social-economic situation at the municipality of the Yamal district for 9 months of 2021]. URL: <https://www.moyamal.ru/load/trk1d2gg1>.
- Dutkin M. P. (2018) Etnokulturalnye faktory suitsidalnogo povedeniya u korennykh narodov [Ethnocultural factors of suicidal behavior among indigenous peoples], *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Meditsinskie nauki*, no 13, pp. 64–75.

Т. Ю. Гусаков
Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население

- Eshbach K., Supple K., Mathew Snipp C. (1998) Changes in racial identification and the educational attainment of American Indians, 1970–1990, *Demography*, vol. 35, no 1, pp. 35–43.
- Ezdit po trasse Salekhard — Nadym s zavtrashnego dnya mozno legalno (2021) [It is legal to drive on the Salekhard — Nadym highway from tomorrow]. URL: <https://vk.cc/ccpvC3>.
- Golovnev A. V. (2004) *Kochevniki tundry. Nentsy i ih folklor* [Tundra Nomads. Nenets and Their Folklore], Ekaterinburg: UrO RAN.
- Golovnev A. V., Garin N. P., Kukanov D. A. (2016) *Olenevody Yamala (materialy k Atlasu kochevyh tekhnologiy)* [Reindeer Herders of Yamal (Materials for the Atlas of Nomadic Technologies)], Ekaterinburg: UrO RAN.
- Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. (2014) *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kocheviya i gazovye mestorozhdeniya* [Ethnoexpertise on Yamal: Nenets Nomad Camps and Gas Fields], Ekaterinburg: Izd-vo AMB.
- Gritsenko V. N. (2019) Yamalskie oleni i eksperimenty vlasti (1920–1960-e gg.) [Yamal deers and experiments of power (1920–1960s)], *Nauchny vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no 1, pp. 35–43.
- Haryuchi G. P. (2001) *Traditsii i innovatsii v kulture nenetskogo etnosa* [Traditions and Innovations in the Culture of Nenets], Tomsk: Izd-vo TGU.
- Informatsiya o sostoyanii otraslei zhivotnovodstva i rybolovstva YaNAO po sostoyaniyu na 01.01.2021 goda [Information on the state of animal husbandry and fishery in the YaNAO as of January 1, 2021]. URL: <https://dapk.yanao.ru/documents/other/116816>.
- Istoriya Yamala (2019) [History of Yamal]. URL: <https://www.yanao.ru/region/about>.
- Itogi Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 2006 goda (2008) [Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006]. Vol. VI (II): Pogolovie sel'skokhozyaistvennykh zhiivotnykh v Tyumenskoj oblasti, Tyumen.
- Itogi Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 2016 goda (2018) [Results of the All-Russian Agricultural Census 2016]. Vol. 5 (I): Pogolovie sel'skokhozyaistvennykh zhiivotnykh. Struktura pogoloviya sel'skokhozyaistvennykh zhiivotnykh, Moscow: IITS "Statistika Rossii".
- Ivanov V. A., Lazhentsev V. N. (2014) Modernizatsiya agrarnogo sektora ekonomiki severnykh i arkticheskikh territorii (na primere Respubliki Komi) [Modernization of the agrarian sector of the Northern and Arctic territories (on the example of the Komi Republic)], *Ekonomika regiona*, no 2, pp. 220–230.
- Karpov V. P. (2014) *Anatomiya podviga. Chelovek v sovetskoj modeli industrializatsii Tyumenskogo Severa* [Anatomy of the Feat. Man in the Soviet Model of Industrialization of the Tyumen North], Tyumen.
- Klokov K. B. (1997) Traditsionnoe prirodopolzovanie narodov Severa: kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya v sovremennykh usloviyakh [Traditional nature management of the peoples of the North: The concept of conservation and development in contemporary conditions], *Etnogeograficheskie i etnoekologicheskie issledovaniya*. E. E. Syroechkovsky, A. I. Chistobaev (Eds.), vol. 5, Saint Petersburg.
- Klokov K. B. (2012) Changes in reindeer population numbers in Russia: An effect of the political context or of climate? *Rangifer*, vol. 32, no 1, pp. 19–33.
- Klokov K. B., Khrushchev S. A. (2006) Olenevodcheskoe khozyaistvo korennykh narodov Severa Rossii [Reindeer herding of the indigenous peoples of the Russian North], *Mezhetnicheskije vzaimodeistviya i sotsiokulturnaya adaptatsiya narodov Severa Rossii*, Moscow: Strategiya, pp. 13–33.
- Klokov K. B., Khrushchev S. A. (2008) Dinamika demograficheskogo vosproizvodstva populyatsii korennykh malochislennykh narodov Rossii i ee regionalnye osobennosti [Dynamics of the demographic reproduction of the Russian indigenous peoples and its regional features], *Regionalnye issledovaniya*, no 5, pp. 39–51.

- Klokov K. B., Khrushchev S. A. (2010) Demographic dynamics of the indigenous small-numbered peoples of the Russian North, 1897–2002, pp. 41–65.
- Kornilov G. E. (2010) Naselenie Yamala v 1959–1989 gg. [Population of Yamal in 1959–1989]. Avtoref. k.i.n., Ekaterinburg.
- Kornilov G. E. (2014) Naselenie Yamala v XX v.: protsess formirovaniya [Population of Yamal in the 20th century: The process of formation], *Uralsky istorichesy vestnik*, no 2, pp. 136–142.
- Krasnaya kniga Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga (2010): zhivotnye, rasteniya, griby* [Red Book of the Yamalo-Nenets Autonomous Region: Animals, Plants, Fungi], S. N. Ektova, D. O. Zamyatin (Eds.), Ekaterinburg: Izd-vo “Basko”.
- Krupneishie mestorozhdeniya prirodnogo gaza YaNAO (2017) [The largest natural gas fields of the YaNAO]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3360726>.
- Kuchmaeva O. V. (2021) Spetsifika i perspektivy rynka truda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v kontekste tendentsij ekonomiko-demograficheskogo razvitiya [Specifics and prospects of the labor market of the Yamalo-Nenets Autonomous Region under the trends of the economic-demographic development], *Naselenie i ekonomika*, no 5, pp. 49–71.
- Kvashnin Yu. N. (2005) Etnicheskie protsessy i khozyaistvo u korennoogo naseleniya Nadymskogo raiona Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Ethnic processes and economy of the indigenous population of the Nadymsky district in the Yamalo-Nenets Autonomous Region], *VAAE*, vol. 5, pp. 120–130.
- Kvashnin Yu. N. (2006) Olenevodstvo sibirskih tundrovyyh nentsev [Reindeer breeding of the Siberian tundra Nenets], *VAAE*, vol. 6, pp. 1–21.
- Kvashnin Yu. N. (2009) *Nenetskoe olenevodstvo v XX — nachale XXI veka* [Nenets Reindeer Breeding in the 20th — Early 21st Century], Salekhard–Tyumen: Koleso.
- Kvashnin Yu. N. (2012) Etnicheskie i demograficheskie protsessy u tazovskikh nentsev v nachale XXI v. [Ethnic and demographic processes among the Taz Nenets at the beginning of the 21st century], *VAAE*, vol. 3, pp. 141–152.
- Larchenko L. V., Kolesnikov R. A. (2016) Razvitie resursnykh tsentrov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga, spetsializiruyushchihsya na dobyche uglevodorodov [Development of the resource centers of the Yamalo-Nenets Autonomous Region, which specialize in extracting hydrocarbons], *Innovatsii*, no 1, pp. 79–84.
- Lyarskaia E. V. (2008) Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf>.
- Lyarskaya E. V. (2010) Zhenshiny i tundra. Genderny sdvig na Yamale? [Women and the tundra. A gender shift in Yamal?], *Antropologicheskyy forum*, no 13, pp. 3–38.
- Lyarskaya E. V. (2016) “Komu-to tozhe nado i v gorode zhit...”: nekotorye osobennosti transformatsii sotsialnoi struktury nentsev Yamala [“Somebody has to live in the city too...”: Some features of the transformation of social structure of the Yamal Nenets], *Etnograficheskoe obozrenie*, no 1, pp. 54–70.
- Maksimova D. D., Sokolov V. I. (2010) Korennye narody Canady: evolyutsiya otnoshenij s gosudarstvom [Indigenous peoples of Canada: Evolution of relations with the state], *USA–Canada. Ekonomika, politika, kultura*, no 12, pp. 55–71.
- Martynova E. P. (2018) “Kuda rybu i myaso sdayote?”: ekonomicheskie praktiki na Obskom Severe [“Where do you sell fish and meat?”: Economic practices in the Ob North], *Vestnik ugrovedeniya*, no 4, pp. 705–715.
- Mkrtychyan N. V., Karachurina L. B. (2013) Vnutrirossijskie migratsii [Internal Russian migrations], *Naselenie Rossii 2010–2011: 18–19 ezhegodny demografichesky doklad*. A. G. Vishnevsky (Ed.), Moscow: ID VShE, vol. 9, pp. 444–473.
- Na Yamale uvelichat “kochevye” vyplaty tundrovomu naseleniyu (2019) [Yamal will increase “nomadic” payments to the tundra population]. URL: <https://www.yanao.ru/presscenter/news/18377>.
- Na Yamale uvelicheny kvoty na traditsionnoe rybolovstvo (2021) [Quotas for traditional fishery were increased in Yamal]. URL: <https://www.yanao.ru/presscenter/news/57764>.

- Narody Sovetskogo Severa (1960–1980-e gg.)* (1991) [Peoples of the Soviet North (1960–1980s)]. I. S. Gurvich I. S., Z. P. Sokolova (Eds.), Moscow.
- Novikova N. I. (2014) *Okhotniki i neftyaniki: issledovanie po yuridicheskoi antropologii* [Hunters and Oilmen: A Study in Legal Anthropology], Moscow: Nauka.
- O raspredelenii kvot dobychi (vylova) vodnykh biologicheskikh resursov dlya osushchestvleniya promyshlennogo rybolovstva na 2022 god (2021) [On the distribution of quotas for the production (catch) of aquatic biological resources within industrial fishery for 2022]. URL: <https://dapk.yanao.ru/documents/active/135406>.
- O strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga do 2020 goda (2011) [On the strategy of the social-economic development of the Yamalo-Nenets Autonomous Region until 2020]. URL: <https://www.yanao.ru/documents/all/73111>.
- Ob utverzhdenii Narodnoi programmy korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge (2018) [On the approval of the People's Program for the Indigenous Minorities of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Region]. URL: <https://www.yanao.ru/documents/rla/15221>.
- Oparin D. A. (2016) “Mestnye” i “Priezhzhie” na Yamale: sotsialnye granitsy i variativnost migratsionnogo opyta [“Locals” and “Newcomers” in Yamal: Social boundaries and variability of the migration experience], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no 4, pp.108–130.
- Orudzhieva A. G. (2005) *Naselenie Yamala ot perepisi do perepisi (Istoriko-demografichesky ocherk)* [Population of Yamal from Census to Census (A Historical-Demographic Essay)], Ekaterinburg– Salekhard: Bank kulturnoi informatsii.
- Otraslevaya programma “Razvitie severnogo olenevodstva v Rossiiskoi Federatsii na 2013–2015 gody” (2013) [Sectoral program “Development of the Northern reindeer husbandry in the Russian Federation for 2013–2015”]. URL: http://www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/21960.htm.
- Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2022 g. i v srednem za 2021 g. i komponenty ee izmeneniya (2022) [Estimates of the number of the resident population as of January 1, 2022, and its average for 2021, and components of its change]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_Comp2022_Site.xls.
- Pavlenko V. I., Kutsenko S. Yu. (2018) Obespechenie komfortnoi zhiznedeyatelnosti cheloveka v Arktike: problemy i zadachi [Ensuring comfortable human life in the Arctic: Problems and tasks], *Ekologiya cheloveka*, no 2, pp. 51–58.
- Pavlenko V. I., Petrov A., Kutsenko S. Yu., Detter G. F. (2019) Korennye malochislennye narody Rossiiskoi Arktiki (problemy i perspektivy razvitiya) [Indigenous peoples of the Russian Arctic (problems and prospects for the development)], *Ekologiya cheloveka*, no 1, pp. 26–33.
- Perepisi naseleniya Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv (2015) [Population censuses of the Russian Empire, USSR, and 15 new independent states]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6.
- Pilyasov A. N. (2014) Goroda rossiiskoi Arktiki: sravnenie po ekonomicheskim indikatoram [Cities of the Russian Arctic: A comparison of economic indicators], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 64–69.
- Pilyasov A. N., Galtseva N. V., Atamanova E. A. (2017) Ekonomika arkticheskikh “Ostrovov” (na primere Nenetskogo i Chukotskogo avtonomnykh okrugov) [Economics of the Arctic “Islands” (on the example of the Nenets and Chukotka Autonomous Regions)], *Ekonomika regiona*, no 1, pp. 114–125.
- Pilyasov A. N., Kibenko V. A. (2020) Fenomen predprinimatelstva v olenevodstve Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: otsenka situatsii, paradoksy i protivorechiya, vybor buduschego [Entrepreneurship in reindeer breeding of the Yamalo-Nenets Autonomous Region: Assessment of the situation, paradoxes and contradictions, choice of the future], *Arktika: ekologiya i ekonomika*, no 1, pp. 122–137.

- Popkov Yu.V., Tyugashev E. A. (2007) *Sovremennoe sostoyanie traditsionnoi kultury samodiskogo i finno-ugorskogo naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: etnosotsialny aspekt* [The Current State of the Traditional Culture of the Samoyed and Finno-Ugric Population in the Yamalo-Nenets Autonomous Region: An Ethnic-Social Aspect], Novosibirsk–Salekhard: Bank kulturnoi informatsii.
- Rasporyazhenie Pravitelstva YaNAO ot 20.01.2020 goda No.23-RP “Ob utverzhenii reestra faktorij v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge” (2022) [Decree of the YaNAO Government of January 20, 2020 No. 23-RP “On the approval of the trading posts register in the Yamalo-Nenets Autonomous Region”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570954714>.
- Razvitie APK (2021) [Development of the agro-industrial complex]. URL: <https://puradm.ru/deyatelnost/agropromyshlennyy-kompleks/razvitie-apk.php>.
- Reestr faktorij v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge na 01.01.2018 goda (2018) [Register of trading posts in the Yamalo-Nenets Autonomous Region as of January 1, 2018]. URL: <https://dkmns.yanao.ru/documents/other/7079>.
- Regiony Rossii (2021) [Regions of Russia]. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli 2021, Moscow: Rosstat.
- Rozhkov E. (2002) Komu meshaet diki severny olen? [Whom does the wild reindeer bother?]. URL: https://www.ng.ru/ecology/2002-09-30/15_chukotka.html?id_user=Y.
- Rybolovam YaNAO grozit razorenje iz-za resheniya vlastei (2021) [Fishermen of the Yamalo-Nenets Autonomous Region are in danger of ruin due to the authorities' decision]. URL: <https://ura.news/news/1052473195>.
- Selskoe khozyaistvo v Rossii (2021) [Agriculture in Russia]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/132226>.
- Sever i severjane (2012) [North and Northerners]. *Sovremennoe polozhenie korenyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii*. N. I. Novikova, D. A. Funk (Eds.), Moscow: IEA RAN.
- Sokolov V. I. (2002) Globalizatsiya i aborigennoe naselenie Canady [Globalization and the aboriginal population of Canada], *USA–Canada. Ekonomika, politika, kultura*, no 5, pp. 47–59.
- Sokolova F. Kh. (2016) Migratsionnye protsessy v Rossiiskoi Arktike [Migration processes in the Russian Arctic], *Arktika i Sever*, no 25, pp. 158–172.
- Sokolova Z. P., Stepanov V. V. (2008) Kategorija “korenyje malochislennye narody Severa” i problema statisticheskogo ucheta [The term “indigenous peoples of the North” and statistical issues], *Etnicheskie kategorii i statistika*. E. Filippova (Ed.), Moscow: Rosinformagrotekh.
- Strategiya razvitiya severnogo olenevodstva Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda (proekt) (2020) [Strategy for the Development of Reindeer Breeding in the Russian Federation until 2030 (draft)]. URL: <https://vk.cc/c2pLua>.
- Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya Yamalskogo raiona na period do 2030 goda (2018) [Strategy for the social-economic development of the municipality of the Yamal district until 2030]. URL: <https://www.moyamal.ru/load/g4ij18xsa>.
- Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga do 2035 goda (2021) [Strategy for the social-economic development of the Yamalo-Nenets Autonomous Region until 2035]. URL: <https://de.yanao.ru/activity/24>.
- Torgovkina O. V. (2009) O kooperativnyh i integratsionnyh protsessah v selskom khozyaistve Yakutii [On cooperative and integration processes in the agriculture of Yakutia], *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no 14, pp. 103–105.
- Traditsionnaya deyatelnost (2019) [Traditional activities]. URL: <https://yamal-potomkam.yanao.ru/activity/5896>.
- Uralskaya ekspeditsiya na Obdorskome Severe: Pripolyarnaya perepis, 1926–1927 gg. (2013) [Ural Expedition to the Obdorsk North: Circumpolar Census, 1926–1927]. E. M. Glavatskaya, Yu. V. Klyukina-Borovik (Eds.), Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

- Vainshtein S. I. (1970) Problema proiskhozhdeniya olenevodstva v Evrazii (1. Sayansky ochag odomashniviya olenya) [The problem of the origin of reindeer breeding in Eurasia. 1. Sayan hearth of the deer domestication], *Sovetskaya etnografiya*, no 6, pp. 3–14.
- Vasilkova T. N., Evai A. V., Martynova E. P., Novikova N. I. (2011) *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennoe razvitiye Arktiki (etnologichesky monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)* [Indigenous Peoples and the Industrial Development of the Arctic (Ethnological Monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous Region)], Moscow–Shadrinsk: Izd-vo “Shadrinsky dom pečhati”.
- Veliky severnyy put (2019) Cherez 400 let po sledam Dezhneva. A documentary directed by L. Kruglov [Great Northern Road. Following the path of Dezhnev 400 years later]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/958530>.
- Volzhanina E. A. (2009) Sovremennyye etnosotsialnyye protsessy sredi nentsev Yamala v usloviyakh promyshlennogo osvoeniya [Contemporary ethnic-social processes among the Nenets of Yamal under the industrial development], *Problemy istorii, filologii, kultury*, no 3, pp. 355–358.
- Volzhanina E. A. (2010) Chislennost, rasselenie i traditsionnoe khozyaistvo vyngapurovskikh nentsev v usloviyakh promyshlennogo osvoeniya [The number, resettlement and traditional economy of the Vyngapur Nenets under the industrial development], *VAAE*, vol. 12, pp. 174–184.
- Volzhanina E. A. (2011) Naselenie i olenevodstvo Yamala v materialakh perepisi 1932–1933 gg. [Population and reindeer breeding of Yamal in the census of 1932–1933], *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, no 2, pp. 218–227.
- Vserossiyskaya selskokhozyaistvennaya perepis 2016 goda (2016) [All-Russian Agricultural Census of 2016]. URL: https://tumstat.gks.ru/perepis_sh.
- Yamalo-Nenetsky avtonomnyy okrug v tsifrah (2020) [Yamalo-Nenets Autonomous Region in Figures], Tyumen.
- Yasyukevich V. V. (2018) Yamalskaya epidemiya 2016 goda: prichiny vspyshki [Yamal epidemic of 2016: Causes of the outbreak]. URL: <https://goarctic.ru/work/yamalskaya-epidemiya-2016-goda-prichiny-vspyshki>.
- Yuzhakov A. A., Mukhachev A. D. (2001) *Etnicheskoe olenevodstvo Zapadnoi Sibiri. Nenetskiy tip* [Ethnic Reindeer Breeding in Western Siberia. A Nenets Type], Novosibirsk: RASKhN.
- Zayonchkovskaya Z. A. (1999) *Rossiya: migratsii v raznom masshtabe vremeni* [Russia: Migrations in Different Timescales], Moscow: Tsentr problem izucheniya vyzhdennoy migratsii.

Городское население Еврейской автономной области в исторической динамике конца 1980-х — 2010-х годов¹

А. С. Бреславский

Анатолий Сергеевич Бреславский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета. 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 23. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Аннотация. В фокусе внимания статьи — вопросы текущего демографического развития сети городских поселений Еврейской автономной области РФ (ЕАО) в контексте продолжающейся деиндустриализации региона и переосмысления стратегии его социально-экономического развития. Опираясь на итоги всесоюзной переписи 1989 года, данные всероссийских переписей и специальных обследований, автор описывает общую проблемную ситуацию демографического кризиса в развитии всех 14 городских населенных пунктов области: двух городов и 12 поселков. Внутренние противоречия в развитии урбанизационных процессов в регионе были заметны уже в последние советские десятилетия. Это проявилось в уменьшении населения более чем в половине рабочих поселков. Высокая зависимость поселений от местных градообразующих промышленных предприятий при недостаточном инфраструктурном развитии самих поселений в советский и постсоветский период напрямую предопределила ситуацию их текущего демографического кризиса. В изучаемый период население 8 из 12 рабочих поселков области уменьшилось более чем на треть (в каждом), в 4 из 12 — более чем наполовину. На треть сократилось число жителей г. Облучье, на 15% — столичного Биробиджана. В основе этого демографического кризиса сегодня лежат уже устойчивые тенденции естественной убыли и механического выбытия населения в 1990–2010-е годы, преодолеть которые область самостоятельно в ближайшие десятилетия не сможет. Немногочисленные крупные инвестиционные проекты, в основном связанные с добычей полезных ископаемых и развитием транспортной инфраструктуры, реализованные в регионе в последние 10–15 лет, также не позволили переломить ситуацию. Несмотря на попытки региональной власти в 2000–2010-е годы реализовать новые стратегии в развитии ЕАО, вся структура населенных пунктов области продолжает переживать демографический кризис.

Ключевые слова: Дальний Восток, Еврейская автономная область, городская история, урбанизация, города, городское население, Биробиджан

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-151-173

Еврейская автономная область — один из самых малонаселенных субъектов РФ. При этом доля городского населения региона ниже

---

1. Автор благодарит старшего научного сотрудника ИКАРП ДВО РАН И. В. Калинину (г. Биробиджан) за ценные рекомендации по доработке статьи.

общероссийской (74,8%) и составляет 68,1 %². Располагаясь на юге Дальнего Востока — на границе с КНР, регион не оторван от основных транспортных магистралей, сохраняет потенциал развития сельского хозяйства, пищевой промышленности, добычи полезных ископаемых, приграничной торговли. Между тем в научных и — шире — общественных дискуссиях за регионом закрепилась характеристика «проблемного», «дотационного». За последние 30 лет область потеряла более четверти своего населения³ в результате выездной миграции и стабильного превышения смертности над рождаемостью (Регионы России, 2010: 83; Регионы России, 2018: 72; Еврейская автономная область в цифрах, 2020: 13). Естественная убыль населения приобрела здесь устойчивый и длительный характер.

В абсолютных показателях наибольшие потери населения были зафиксированы именно в городах и поселках городского типа региона. Часть из них пережила пик своего территориального и демографического роста еще в 1960-е годы, и с этого времени утрачивая потенциал промышленного развития, теряла свое население. Остальные городские поселения (уже без исключения) вошли в ситуацию кризиса сразу после начала общегосударственных перемен 1990-х годов. Как же изменилась структура городских населенных пунктов области с конца 1980-х? Какую роль города и поселки городского типа ЕАО играют в развитии региона сегодня? Как перемены в экономической жизни, социально-бытовом обеспечении этих поселений повлияли на их демографическое развитие в последние 30 лет? Для ответа на эти вопросы обозначим основные итоги советской урбанизации региона и проследим, что происходило в развитии сети городских поселений в межпереписные периоды с конца 1980-х по конец 2010-х годов (1989–2002, 2002–2010, 2010-е).

Надо отметить, процессы урбанизации в регионе в целом в 1980–2010-е годы не становились предметом комплексных исследований ученых, в том числе сотрудников местного Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. В то же самое время отдельные аспекты развития городских территорий, конкретных населенных пунктов области получили освещение в публикациях и частично упомянуты в настоящей статье.

2. Доля городского населения в общей численности населения РФ и ее субъектов на 01.01.2022 г. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278932/> (дата доступа: 01.07.2022).

3. Рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022); Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.07.2022 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_MO_Site_01-01-2022.xlsx (дата доступа: 01.07.2022).

Урбанизация территории Еврейской автономной области исторически напрямую связана с формированием этого региона в 1930-е годы. В это время в составе Дальневосточного края был создан Биро-Биджанский национальный район (1930 г.), а через несколько лет на карте СССР появилось новое национально-территориальное образование евреев — автономная Еврейская национальная область (1934 г.). Область была создана в целом искусственно, поскольку на территории региона ранее евреи компактно не проживали. Одно из последствий этого — за советские десятилетия проект национально-государственной автономии евреев не получил здесь существенного развития. Прибывавшие в регион еврейские мигранты преимущественно покидали его. Так, к 1989 году евреи составляли всего 4,1% от населения области⁴. В то же время все административно-государственные структуры национальной автономии были созданы и функционировали. С 1938 по 1991 год область находилась в составе Хабаровского края. С 1991 года — самостоятельный субъект РФ.

К концу советского периода на территории слабозаселенной ЕАО сложилась линейная сеть городских поселений, напрямую связанная с Транссибирской железнодорожной магистралью. Привязка к Транссибу вполне понятна, так как не индустриализация и урбанизация формировали транспортную сеть области, а наоборот: Транссиб и его региональные ответвления напрямую определяли возможности индустриализации и урбанизации ЕАО с момента ее учреждения в 1930-е годы. И именно железная дорога, ее предприятия во многом позволили области поддерживать жизнедеятельность своих городских поселений в период острых социально-экономических перемен 1990–2000-х годов. Схожая ситуация на Дальнем Востоке имеет место в обследованных нами Забайкальском крае, Амурской области (Бреславский, 2020, 2021).

Сеть городских поселений региона включала в себя 14 населенных пунктов, 13 из них были выстроены в двух промышленных районах области (на северо-западе в Облученском и на востоке в Смидовичском районе) вдоль основной линии железнодорожной магистрали (табл. 1). К концу 1980-х годов городское население в этих районах существенно превышало сельское и составляло в Облученском районе в 1989 году 86,4% всего населения, а в Смидовичском районе — 73%⁵.

4. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=12 (дата доступа: 13.07.2022).

5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022).

В трех оставшихся районах региона (Биробиджанском — в центральной части области, Ленинском и Октябрьском, расположенных на юге и имеющих преимущественно сельскохозяйственный профиль) не было образовано ни одного городского населенного пункта, за исключением г. Биробиджан, формально не входящего в границы одноименного пристольичного района. Как и сеть городских поселений, поселения этих сельских районов размещены полосой, но уже не вдоль Транссиба, а вдоль рек Бира (от столицы до границы с КНР) и Амур (вдоль границы с КНР).

Среди городских поселений региона демографически и с точки зрения промышленного потенциала к концу 1980-х годов выделялся административный центр — г. Биробиджан, вошедший на рубеже 1960–1970-х годов в категорию средних городов с населением более 50 тыс. чел., и малый город Облучье с населением чуть более 12 тыс. чел. (табл. 1).

Основной экономической площадкой советской урбанизации в регионе с 1930-х годов стала именно столица — Биробиджан, сложившийся в 1960–1980-е годы как один из центров легкой промышленности на Дальнем Востоке. Одновременно в городе получили развитие и другие отрасли промышленности, в том числе обрабатывающая, машиностроение и др. История города начинается в 1912 году, еще до образования области, когда Государственной думой Российской империи было принято решение о заселении территорий вдоль Амурской железной дороги и, в частности, об основании железнодорожной ст. Тихонькая. Бурный рост поселения начался в 1928 году, когда на станцию прибыла первая партия евреев-переселенцев (Еврейская автономная область, 1999: 61). При станции стал формироваться поселок, который в 1931 году был отнесен к категории «рабочих поселков» СССР и получил новое имя — «Биро-Биджан». В 1937 году постановлением Президиума ВЦИК поселок был преобразован в город. Уже с начала 1930-х годов благодаря промышленному строительству, обеспеченному переселенческой политикой советского правительства, Биробиджан стал активно разрастаться, территориально и демографически. Так, с 1933 по 1989 год его население выросло с 7 до 83 тыс. человек (Административно-территориальное деление..., 1934: 175)⁶. С 1930-х годов в городе началось строительство небольших предприятий деревообрабатывающей, металлообрабатывающей промышленности (производство мебели, обоев, фанеры и пр.), трикотажной и обувной фабрик, на которых работали в основном переселенцы. Первым крупным предприятием города стала швейная фабрика (1936 г.), на которой к концу 1980-х трудились свыше 2 тыс. человек. В 1937-м начал работу завод силовых трансформаторов, уже после войны —

6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022).

открыты обувная, кондитерская фабрика, фабрика валяной обуви, радиотехнический завод, мебельная фабрика. В 1960 году на базе обзостроительного завода был создан завод «Дальсельмаш» (производил комбайны, в том числе на импорт), в конце 1960-х годов построена чулочно-трикотажная фабрика. Централизованное теплоснабжение города обеспечивала Биробиджанская ТЭЦ, активное строительство которой началось только в 1954 году и продолжалось до начала 1980-х. Несколько лет ТЭЦ работала как котельная и теплоэлектростанция, а с 1982 года стала функционировать только в режиме котельной. Одновременно росли функции города как образовательного центра: к 1939 году здесь начали работу железнодорожный, педагогический и медицинский техникумы. В 1973 году на базе Биробиджанской обувной фабрики открыто городское профессионально-техническое училище. В 1989 году в столице области начало работу первое местное государственное учреждение высшего образования — Биробиджанский государственный педагогический институт (ныне — Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема), в 1990 году — научно-исследовательское учреждение Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИКАРП ДВО РАН). В целом к концу 1980-х годов столица ЕАО, в которой проживало чуть более 80 тыс. человек, выполняла роль многофункционального административно-управленческого, образовательного, медицинского и культурного центра региона с развитой промышленной базой.

Облучье — второй город области, «западные железнодорожные ворота» на границе с Амурской областью, важный железнодорожный узел, административный центр Облученского района. Начал формироваться, как и Биробиджан, при строительстве Амурской железной дороги в 1911–1915 годах. Собственно поселок был основан в 1911 году для строительства железнодорожной станции, в 1914-м получил свое нынешнее наименование. Статус «рабочего поселка» приобрел в 1928 году, статус города — в 1938 году. Пик развития поселок пережил в конце 1950-х годов, когда его население превысило 15 тыс. человек. Однако к 1989 году оно снизилось до 12 тыс., и впоследствии продолжило сокращаться. Основой экономики города были и остаются предприятия железнодорожного транспорта, на которых традиционно было занято более половины самодельного населения. При этом в городе действовали предприятия по производству хлебобулочных изделий, молочных продуктов, пошиву и ремонту одежды, обуви, типография, спецселекхоз, госпромхоз, пчелосовхоз, строительные организации (Еврейская автономная область, 1999: 221).

Рабочие поселки Облученского района поддерживали индустриальное развитие региона в горнодобывающей, цементной, лесной промышленности, а также в сфере железнодорожного транспорта. В промышленном плане к концу 1980-х годов в районе выделялись п. Хинганск (комбинат «Хинганолово» — рудник олова и обогащательная фабрика), п. Теплоозерск, выросший вокруг еще одного

крупного предприятия области — Теплоозерского цементного завода (Мишук, Петренко, 2018), п. Известковый (строительные материалы, добыча брусита), п. Лондоко-завод (известковый завод), п. Биракан (заготовка и переработка леса). Функцию важнейших железнодорожных станций выполняли к этому времени помимо г. Облучье п. Бира, п. Известковый (ответвление на Байкало-Амурскую магистраль). Поселок Кульдур, возникший из населенного пункта при минеральном источнике на севере района, вырос благодаря формированию в нем к концу 1980-х годов крупного одноименного санитарно-курортного комплекса.

Основу экономики второго «городского» района области — Смидовичского — также составляло промышленное производство. Наиболее крупным рабочим поселком района к 1970–1980 годам стал п. Николаевка на границе с Хабаровском. Градообразующие предприятия поселка — Тунгусский деревообрабатывающий комбинат и связанная с ним Тунгусская мебельная фабрика — дали необходимые ресурсы для его инфраструктурного развития. К 1989 году в этом самом крупном поселке области проживало 8188 человек⁷. Поселок Смидович — административный центр района. В нем функционировал завод автоспецоборудования, асфальтобетонный завод, небольшие предприятия пищевой промышленности. В п. Приамурский действовал одноименный завод силикатного кирпича. Поселок Волочаевка-2 сформировался при одноименной узловой станции Дальневосточной железной дороги: здесь располагается ее ответвление на северо-восток — на г. Комсомольск-на-Амуре.

Из 12 рабочих поселков области три в 1989 году имели население от 1 до 3 тыс. человек, 7 поселков — 3–6 тыс. человек, еще 2 — население от 6 до 8 тыс. (табл. 1). В отличие от крупных регионов Дальнего Востока на территории области не появились городские поселения с населением 9–12 и тем более 12–15 тыс. человек (за исключением г. Облучье), которые могли бы войти в категорию малых городов.

Здесь важно отметить, что в 7 из 12 рабочих поселков области еще до начала радикальных общественных трансформаций 1990-х годов статистические службы фиксировали снижение численности населения. Так, в период с 1979 по 1989 год уменьшилось население поселков Смидович, Теплоозерск, Бира, Известковый, п. Лондоко-завод, поселка им. Тельмана. Все они пережили пик своего демографического развития в основном на рубеже 1950–1960-х годов. В начале 1980-х, достигнув максимальной численности, стал терять население п. Николаевка. Среди рабочих поселков области к концу 1980-х годов устойчивой положительной демографической динамикой отличался лишь курортный Кульдур. Постепенно, но со спадами росло население небольших поселков Волочаевка-2, Приамурский.

7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022).

Таблица 1. Динамика численности населения городских населенных пунктов ЕАО в 1989–2020 годы⁸

Поселение	Перепись 1989	Перепись 2002	Перепись 2010	01.01. 2020	Относительное убы- тие населения в 1989–2019 гг.	
					чел.	%
г. Биробиджан	83 667	77 250	75 413	71 843	-11 824	-14,13
г. Облучье (рц)	12 016	11 069	9379	8365	-3651	-30,38
Облученский район ЕАО						
рп Бира	4111	4311	3167	2611	-1500	-36,49
рп Биракан	3089	2543	2151	1781	-1308	-42,34
рп Известковый	3025	2229	1809	1532	-1493	-49,36
рп Кульдур	4132	1957	1609	1318	-2814	-68,10
рп Лондоко-завод	1902	1340	1067	865	-1037	-54,52
рп Теплоозерск	5775	5124	4311	3548	-2227	-38,56
рп Хинганск	3157	2161	1459	1197	-1960	-62,08
Смидовичский район ЕАО						
рп Смидович (рц)	6646	5905	5120	4255	-2391	-35,98
рп Волочаевка-2	2060	2035	1937	1654	-406	-19,71
рп Николаевка	8188	7650	7912	6401	-1787	-21,82
рп Приамурский	3697	3675	4047	3311	-386	-10,44
рп им. Тельмана ⁹	1096	1110	-	-	-	-

8. Рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата доступа: 01.07.2022); Оценка численности постоянного населения РФ на 01.01.2020 г. и в среднем за 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата доступа: 01.07.2022).

9. Преобразован в сельский населенный пункт в 2004 году.

Общегосударственный экономический кризис 1990-х годов незамедлительно повлиял на развитие сети поселений региона, в том числе и городских. Сокращение объемов деятельности, закрытие отдельных государственных предприятий, консервация и отказ от части и без того незначительных инфраструктурных проектов, рост безработицы и задержек в выплате заработной платы уже в середине 1990-х годов остро поставили вопрос о перспективах территориального и демографического развития городских населенных пунктов области.

С 1992 года ЕАО стала стабильно терять свое население, в том числе за счет выездной миграции евреев за пределы области, усилившейся в 1990-е годы. Забегая вперед, отметим, что численность евреев в регионе, и без того незначительная (с 1989 по 2010 год снизилась с 4,1% (8887 чел.) до 0,9% (1628 чел.))¹⁰, остается до настоящего времени незначительной и продолжает сокращаться. В целом активный выезд евреев из области в 1990–2000-е годы, в т.ч. в Израиль, не оказал, как представляется, определяющего влияния на численность населения региона и кризис урбанизационных процессов. В то же время он, учитывая уровень образования и профессиональный опыт уехавших, повлиял на ее кадровый потенциал и особенно столицы, где и было сконцентрировано еврейское население.

Разрыв народно-хозяйственных связей в общесоюзном масштабе в 1990-е годы серьезно сказался на деятельности предприятий ЕАО, многие из которых планомерно обеспечивали своими товарами потребителей не только Дальнего Востока, но и регионов Европейской части РСФСР, стран социалистического блока (Платонова, 2020). В новых условиях отмены государственных заказов, рыночной конкуренции существовавшие на местных предприятиях и в советские десятилетия проблемы качества выпускаемой продукции, износа основных фондов, недостатка квалифицированных кадров и пр. встали особенно остро. Постепенно к ним добавились и новые, связанные с нехваткой оборотных средств, низкой инвестиционной активностью предприятий и др. (Мишук, Аносова, 2013: 49–50). Как результат, часть предприятий приостановили свою деятельность, ушли в длительный простой, сократили объемы производства, другие были закрыты уже в 1990-е годы. Впро-

10. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=12 (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=89 (дата доступа: 01.07.2022).

чем, одновременно открывались и новые небольшие предприятия, ориентированные на местный рынок.

Уже в 1992 году в Биробиджане закрылся радиотехнический завод. Государственная мебельная фабрика преобразована в ОАО и продолжила работу как «Биробиджанская мебельная фабрика». Тогда же городская швейная фабрика стала ОАО «Надежда» и просуществовала до своего банкротства в 1998 году, а созданное на ее базе в 1999 году новое ОАО «Элегант» проработало до 2003 года, после чего она окончательно закрылась. Основанная в 1967 году чулочно-трикотажная фабрика была преобразована в АО и сегодня носит название «Виктория». В 1998 году начало работу новое ООО «Мебельный комбинат «Фома»». Созданный в 1960 г. завод «Дальсельхозмаш» (строил зерно- и силосоуборочные комбайны на гусеничном ходу) продолжал работу до 2006 года, пока не был признан банкротом и с тех пор не функционирует. В 1992 году в городе открылось небольшое производственное предприятие «Шанс», которое и сегодня выпускает металлокаркасную и металлокорпусную мебель. Итак, мы видим, как многие предприятия города, возникшие в командно-административной системе при содействии отраслевых министерств, выполнявшие заказы и доставку продукции за сотни и тысячи километров, оказались беспомощны и уже в начале 1990-х годов хотя и продолжили работу, но реализуют свою продукцию только в самой области и соседних регионах. При этом уже во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов открытие границ и ввоз китайской продукции широкого потребления поставили местные предприятия в еще более сложные условия.

На фоне общегосударственного и регионального социально-экономического кризиса 1990-х годов население Биробиджана в межпереписной период (с 1989 по 2002 год) сократилось на весомые 7,7% (6,4 тыс. чел.). Еще больших потерь городу удалось избежать благодаря получению статуса столицы субъекта РФ в 1991 году и сохранению привлекательности для части внутренних сельских мигрантов, поскольку усилились его функции в качестве многофункционального центра региона. Важно отметить: в 1990-е годы в Биробиджане продолжили свою деятельность открытые на исходе советского периода крупные учреждения образования и науки — педагогический институт и ИКАРП ДВО РАН. К концу 1990-х в городе действовали и средние специальные учреждения: педагогическое училище, медицинский колледж и колледж культуры, промышленно-гуманитарный колледж, механико-технологический и сельскохозяйственный техникумы. Это позволило «закрепить» в регионе часть молодежи, ориентированной на специальное и высшее образование.

С 1989 по 2002 год на 7,9% (947 чел.) уменьшилось население второго города области — Облучье. В 10 из 12 рабочих поселков области в этот период также было зафиксировано сокращение насе-

ления. Наиболее значительное в абсолютных и относительных показателях — в курортном поселке Кульдур (на 52,6% — 2157 чел.), несмотря на относительную завершенность его инфраструктурного развития в качестве санаторно-курортного центра области в 1970–1980-е годы. Почти на треть сократилось население двух поселков, связанных с добычей и переработкой извести на Лондоковском известковом заводе: Известковый — на 26,3% (796 чел.), Лондокозавод — 29,5% (562 чел.). Уже в первое постсоветское десятилетие на треть сократилось население важнейшего промышленного поселка области Хинганска (31,5% — 996 чел.), градообразующим предприятием которого оставался комбинат «Хинганолово», переживавший в этот период производственные трудности. На 17,6% (546 чел.) сократилось население п. Биракан, на 11,2% (651 чел.) — п. Теплоозерск. Все названные поселки расположены в Облученском районе области. Отдельный случай в районе — п. Бира, население которого выросло в 1989–2002 годы на 200 человек (4,8%). Это, однако, не повлияло на общий негативный демографический тренд: с начала 1960-х годов по настоящее время его население только убывает.

В двух из пяти рабочих поселков Смидовичского района области в 1989–2002 годы было зафиксировано сравнительно низкое, но все же заметное убытие населения: в районном центре п. Смидович — на 11,4% (741 чел.) и в п. Николаевка на границе с Хабаровским краем — на 6,6% (538 чел.). Оба поселка — одновременно и самые крупные в этом районе ЕАО. Неподалеку от п. Николаевка расположены еще три поселка района. Численность их населения в этот период практически не изменилась: в поселках Волочаевка-2 и Приамурский она сократилась лишь на 25 и 22 чел. соответственно, а в поселке им. Тельмана даже возросла на 14 человек, что можно связать, вероятно, с близостью к Хабаровску и отсутствием в этих поселках крупных предприятий, вошедших в кризисное состояние. По существу, все четыре поселка (Николаевка, Волочаевка-2, Приамурский, им. Тельмана) входят в пригородную зону Хабаровска, и в 1990-е годы начали испытывать влияние растущей хабаровской агломерации, особенно после обновления мостового перехода через р. Амур в 1990–2000-е годы.

В целом за 1989–2002 годы городское население области, судя по данным официальных статистических обследований, сократилось на 10% (14,2 тыс. чел.). Более 40% этих потерь пришлось на столицу региона. Город Облучье с большей частью поселков Облученского и Смидовичского районов также начали, а в отдельных случаях продолжили (Смидович, Николаевка, Теплоозерск, Бира, Известковый, п. Лондокозавод, п. им. Тельмана) терять свое население в результате выездной миграции и отрицательных показателей естественного движения населения. Наибольшие потери в относительных показателях продемонстрировали именно рабочие

поселки, что прямо свидетельствовало об их глубокой связи с добывающими и обрабатывающими производствами и уязвимости, которая из этого следует.

2002–2010 годы

Стабилизация общественно-политической и экономической ситуации в стране к середине 2000-х годов, рост финансирования дотационных регионов, к которым относится и ЕАО, старт национальных программ в области образования, здравоохранения и пр., появление инвестиций в инфраструктурное и промышленное развитие территорий позволили замедлить отток населения из области и улучшить миграционное сальдо. Рост числа въезжающих в ЕАО во многом произошел за счет китайских мигрантов, работавших в основном в сельском хозяйстве и строительстве (Стратегия социально-экономического развития, 2012: 60–62). Особенно эти демографические перемены — замедление в процессах естественной и механической убыли — были заметны в 2007–2009 годы. В то же время сужение возможностей трудоустройства на местных рынках труда, продолжающийся спад производства, рост безработицы, длительное время не решавшиеся проблемы инженерного и социально-бытового развития территорий — по этим и другим причинам миграционный баланс в регионе оставался в основном отрицательным (Мищук, Аносова, 2013). Коренные жители продолжали покидать область, охранялась естественная убыль населения в связи с высокой смертностью, особенно мужской, и низкой рождаемостью (Регионы России, 2010: 83). В отдельных поселках прекратили свою деятельность предприятия, образованные в советские годы. Так, в 2006 году обанкротился и был закрыт комбинат «Хинганолово» — градообразующее предприятие Хинганска. До строительства нового предприятия на месторождении во второй половине 2010-х годов часть местных жителей была вынуждена покинуть поселок, трудиться на вахтах в других районах Дальнего Востока, сменить область деятельности.

Дополнительным фактором, негативно влияющим на самочувствие населения в городских населенных пунктах, стала усилившаяся проблема ветхого и аварийного жилья и общий низкий уровень благоустройства жилого фонда. К середине 2000-х годов около 30% жилищного фонда в городах и поселках городского типа оставалось не оборудованным водоснабжением, канализацией, центральным отоплением (Стратегия, 2012: 129).

С 2002 по 2010 год население городов и поселков городского типа области сократилось на 7% (8,97 тыс. чел.; в 1989–2002 годах, напомним, этот показатель составлял 14,2 тыс. человек). Небольшой поселок им. Тельмана в 2004 году был преобразован в село. Это стало первым и единственным в современной истории об-

ласти преобразованием городского населенного пункта в сельский (в расчетах городского населения после 2004 года он уже не учитывался).

Население Биробиджана и Облучья в межпереписной период уменьшилось на сопоставимые 1837 чел. и 1690 чел. соответственно. По сравнению с предыдущим периодом (6417 и 947 чел.) демографическая ситуация в Биробиджане хоть и осталась негативной, но уже не столь обвальной, а вот в Облучье, наоборот, усилились негативные тенденции в движении населения, влияющие на внутренний спрос, развитие малого предпринимательства и пр.

В 2003 году в результате общероссийской муниципальной реформы город Биробиджан получил статус городского округа. В нем продолжили работу «Биробиджанская мебельная фабрика», «Мебельный комбинат «Фома»», отдельные предприятия легкой и пищевой промышленности. Пройдя череду реорганизаций, сохранили производство трикотажная фабрика города («Виктория»), обувная фабрика (ЗАО «Восток-Холдинг») и некоторые другие. Одновременно часть предприятий, образованных в советские годы, пройдя через приватизацию, организационные преобразования, простои, в 2000-х — начале 2010-х годов были ликвидированы (швейная и кондитерская фабрики, завод силовых трансформаторов и др.). В первой половине 2000-х годов был закрыт единственный в области аэропорт «Биробиджан» у с. Желтый Яр, связывавший ранее областной центр с районными и Хабаровском, а в 2006-м авиакомпания «Восток» передала летное поле аэропорта Дальневосточной базе охраны лесов. Основу экономики города все более стала формировать сфера услуг и торговли. Одновременно Биробиджан сохранил за собой статус основного местного производителя пищевых продуктов (70–90% от всего рынка): колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, кондитерских изделий, молочной, рыбной и пр. продукции. Биробиджан не утратил и роль лидера области по числу промышленных предприятий. Так, например, в 2006 году в городе размещалось 178 предприятий, в Облученском районе — 66, Смидовичском — 39, Октябрьском — 16, Биробиджанском — 15, а в Ленинском — 12 (Стратегия, 2012: 182).

В городе были открыты помимо местного университета (в 2005 году пединститут стал академией, а с 2011-го — университетом) и средних специальных учреждений еще четыре филиала вузов Хабаровского края и Амурской области.

Среди поселков городского типа области сопоставимые в абсолютных показателях потери населения понес п. Бира (1144 чел.). Это поддержало сложившийся с начала 1960-х годов тренд на снижение численности жителей этого поселка. Население еще пяти поселков из 11 сократилось менее чем на 450 чел. в каждом (табл. 1). Еще в трех — на более значительные 700–850 чело-

век (Теплоозерск, Хинганск, Смидович). В 2009 году в составе АО «Теплоозерский цементный завод» появилось новое подразделение — Дробильно-сортировочный комплекс (Лондоковский известковый завод, получивший новое наименование). Два поселка городского типа ЕАО в 2002–2010 годах показали демографический прирост: это расположенные на востоке региона, рядом с Хабаровском, п. Николаевка (3,4% — 262 чел.) и п. Приамурский (10% — 372 чел.) Смидовичского района. При этом уже в следующем десятилетии оба поселка потеряли 1511 и 736 человек соответственно, а п. Николаевка стал «антилидером» в демографическом «падении» среди остальных поселков. Одна из причин этого — оба поселка попали под влияние масштабного наводнения в результате разлива Амура в 2013 году. Наводнение создало и «поддержало» миграционные настроения у тысяч жителей области, проживавших вдоль Амура от с. Амурзет до с. им. Тельмана (Кутовая, 2015).

2010–2019 годы

Развитие региона с 2012 по 2018 год осуществлялось в соответствии с задачами и приоритетами Стратегии социально-экономического развития (СЭР) региона до 2020 г., принятой в 2012 году (Стратегия, 2012: 444). Однако учитывая, что многие индикаторы и ключевые мероприятия этой стратегии, которую начали разрабатывать во второй половине 2000-х годов, оказались слишком оптимистичны и недостижимы, в 2018 году была принята новая стратегия развития региона до 2030 г.¹¹ При этом к концу 2010-х годов область опустилась на последние места по всем основным показателям экономической активности в Дальневосточном федеральном округе. В частности, сегодня ЕАО — остается одним из последних субъектов РФ в рейтинге регионов по качеству жизни¹².

Стратегия СЭР ЕАО, принятая в 2012 году, предполагала реализацию нескольких крупных инфраструктурных проектов, способных оживить экономическую активность в области. В частности, с 2007 по 2016 год шло строительство Кимкано-Сутарского ГОКа по разработке железорудных месторождений неподалеку от п. Известковый в Облученском районе. В 2019 году ГОК вышел на проектную мощность, обеспечивая область дополнительными налоговыми поступлениями и рабочими местами. Одновременно

11. Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550248947> (дата доступа: 01.07.2022).

12. Рейтинг регионов по качеству жизни в РФ-2020 / URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2020.pdf (дата доступа: 01.07.2022).

к настоящему времени при ГОКе так и не был построен Дальневосточный металлургический комбинат, который должен был заниматься переработкой добываемых руд в чугуны. В итоге руду отправляли в другие перерабатывающие центры России и соседнего Китая.

С запозданием по срокам, но был реализован проект строительства международного железнодорожного моста через р. Амур в Ленинском районе на юге области (достроен в 2022 году, но не введен в эксплуатацию). Район не получил пока особых ресурсов для промышленного развития, а приграничные села, в том числе с. Ленинское — административный центр Ленинского района, — оснований для смены статуса с «сельского» на «городской».

Расширив ассортимент и оптимизировав производственные процессы, продолжило свою работу крупнейшее предприятие и работодатель области — ОАО «Теплоозерский цементный завод», поддерживающий функционирование поселков Теплоозерск и Лондоко-завод. Однако к началу 2020-х годов так и не были реализованы планы по внедрению в местное производство «сухих» технологий, хотя такие задачи неоднократно обсуждались и ставились еще в 2010-х годах.

В 2017–2018 годы после длительного простоя возобновлена деятельность на Хинганском месторождении олова, но уже нового комбината, что позволило оставшимся в поселке Хинганск специалистам вновь приступить к работе на местном предприятии.

В 2000-е годы благодаря китайским инвестициям было построено несколько жилых объектов (в т.ч. отдельные многоэтажные дома) в Биробиджане и других населенных пунктах области (Стратегия, 2012: 179), что частично решило жилищные вопросы местного населения.

В то же самое время эффекты от инвестиций, в том числе иностранных, в крупные экономические проекты на территории области в основном оказывались не заметны с точки зрения инженерного и социально-бытового развития ее городских поселений. Причина этого — вложения шли в основном на строительство инфраструктуры в непосредственной близости к производственным объектам и не распространялись на нематериальные сферы (здравоохранение, культуру, образование). В конечном итоге эти инвестиции не оказали ощутимого воздействия на социально-экономическое развитие региона (Мищук, Калинин, 2017). Одновременно такие государственные программы, как «Жилище», «Формирование комфортной городской среды» и др., пока не позволили решить основные, наиболее острые проблемы в благоустройстве городов и поселков городского типа области, среди которых наиболее привлекательный вид сохраняет, пожалуй, только Биробиджан.

Как следствие, с момента переписи 2010 года по конец 2019 года городское население области сократилось еще на 10,7 тыс. человек

(9%). На 4,8% (3,5 тыс. чел.) уменьшилось число жителей Биробиджана, на 11% (1 тыс. чел.) — Облучья. Необходимо отметить, что основные предприятия Биробиджана в этот период продолжили свою работу. Кроме этого, в городе открывались новые производственные площадки в пищевой промышленности, строительной индустрии: в 2012 году Биробиджанский завод металлоконструкций, в 2014 году предприятие ООО «Синтез» по производству строительного бетона и других строительных материалов, в 2015 году — ООО «ДВ Чугунлите», специализирующееся на производстве изделий из чугуна и других металлов. В то же самое время бюджет города остается высокозависимым от дотаций из бюджетов более высокого уровня (Кулагина, Аверина, 2020), что не позволяет городским властям добиться высокого качества благоустройства территории.

На миграционные настроения населения продолжали влиять такие неблагоприятные факторы, как низкий уровень доходов, неразвитость рынка труда, проблемы в системе здравоохранения и образования города, организации досуга. Выезд молодежи из областной столицы, не говоря уже об остальных поселениях, связан еще и с тем, что к 2016 году единственным действующим в регионе вузом остался Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

Все 11 поселков городского типа также показали негативную демографическую динамику (табл. 1): численность их жителей сократилась от 14,6 до 19%. Наиболее значительные изменения произошли помимо п. Николаевка в п. Смидович (на 865 чел.), Теплоозерске (763 чел.), Приамурском (736 чел.), Бире (556 чел.). Все эти данные указывают на формирование устойчивого тренда по сокращению численности городского населения области, причем как в городах, так и в поселках городского типа.

Заключение

За тридцатилетний период с 1989 по 2019 год структура городских поселений ЕАО, как мы видим, не претерпела изменений (табл. 2). За исключением небольшого п. им. Тельмана, преобразованного в 2004 году в село, все городские населенные пункты сохранили свой административный статус (города, поселка городского типа). Одновременно каждое из поселений пережило значимые экономические, инфраструктурные и демографические трансформации, в основном связанные с полной или частичной утратой основных градообразующих факторов. Преимущественно эти трансформации получили характер «отката» от достигнутых в советский период показателей, как и в целом урбанизационные процессы в регионе.

Год	Всего городов	Крупные города (250–500 тыс. чел.)	Большие города (100–250 тыс. чел.)	Средние города (50–100 тыс. чел.)	Малые города (50 тыс. и менее)	Всего рабочих и поселков/пгт	Рабочие и курортные поселки/поселки городского типа			
							до 1 тыс. чел.	1–3 тыс. чел.	3–6 тыс. чел.	6–9 тыс. чел.
1989	2	-	-	1	1	12	-	3	7	2
2002	2	-	-	1	1	12	-	7	4	1
2010	2	-	-	1	1	11	-	6	4	1
2020	2	-	-	1	1	11	1	6	3	1

В последние три десятилетия в области ни один сельский населенный пункт не был преобразован в городской, ни один поселок — в город. В то же время отдельные инициативы в этой связи обсуждались, например, создание промышленной, транспортно-логистической зоны вблизи железнодорожного перехода у с. Ленинское в Стратегии социально-экономического развития ЕАО до 2020 г. (Стратегия, 2021: 444).

Города и поселки городского типа области достаточно быстро потеряли ключевые источники своего демографического и терри-

13. Рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата доступа: 01.07.2022); Оценка численности постоянного населения РФ на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата доступа: 01.07.2022).

ториального роста и развития — расширяющиеся производства, предприятия, в советский период выполнявшие социальные обязательства по развитию своих поселений. Вслед за кризисом производства, ослаблением социального обеспечения населения, ухудшением инженерно-бытовых условий жизни города и поселки начали терять население в результате выездной миграции и естественного убытия.

Городское население области с 1989 по 2019 год сократилось на 33,88 тыс. человек (табл. 3), т. е. почти на четверть (23,76%), что представляется вполне естественным ответом общественной системы на изменившиеся условия жизни в регионе. Важно учитывать, что небольшой рост доли городского населения в общей структуре (с 66 до 68,65% в изучаемый период) был связан с опережающими темпами сокращения сельского населения — на 32,37%, или 23,75 тыс. человек (табл. 3). А это не только снизило потенциал возобновления урбанизационных процессов, но и социально-демографическую безопасность ЕАО — приграничного региона (Калинина, Комарова, 2013).

При этом если доля городского населения в Облученском районе с 1989 года по конец 2019-го практически не изменилась (86,4% и 85,7% соответственно), то в Смидовичском районе она снизилась на 7,2% (с 73 до 65,8%), поскольку сельское население района осталось прежним по своей численности, в какой-то мере за счет перехода п. им. Тельмана в статус села в 2004 году.

В отличие от большинства столиц регионов Дальнего Востока Биробиджану не удалось стать основным центром притяжения для внутрирегиональных мигрантов. Одна из причин — наличие в 190 км более крупного и привлекательного центра — Хабаровска. Как результат, с конца 1980-х годов по начало 2020 года город потерял 14% своего населения. Не стал Биробиджан и значимым генератором для развития своих пригородных территорий — поселений Биробиджанского района ЕАО, за исключением села Птичник, примыкающего к городу с юго-востока. Важно отметить, численность населения пристольничного Биробиджанского района с момента всесоюзной переписи 1989 года по начало 2020 года сократилась на 29%¹⁴, в том числе за счет переезда части жителей в Биробиджан. Большой отток населения из пристольничных муниципальных образований фиксировался на Дальнем Востоке только в Магадане и Анадыре (Григоричев, 2018: 183). Обратные «потоки» из Биробиджана в пригородный район были заметно ниже и ограничены несколькими людьми (семьями) в год (Чучкалов, Мищук, Греля, 2021:

14. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022); Оценка численности постоянного населения РФ на 01.01.2020 г. и в среднем за 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата доступа: 13.07.2022).

151). В этой связи и о сколь-нибудь серьезном развитии субурбанизационных процессов в границах города и его пристоличного района также говорить не приходится, что свидетельствует об историческом кризисе урбанизационных процессов в регионе.

Сохранив отдельные промышленные предприятия, Биробиджан в большей мере стал выполнять функции торгового и сервисного центра, а также предоставлять жителям региона уже традиционные для столицы административно-управленческие, медицинские, образовательные услуги. В этой связи крайне значимым для его дальнейшего существования остается сохранение областью статуса самостоятельного субъекта РФ.

За последние тридцать лет на 30% сократилось население второго города области — Облучье (табл. 1). Показательно, что Биробиджан и Облучье не попадали в списки российских городов с благоприятной городской средой, ежегодно обновляемые Министерством строительства и ЖКХ РФ с 2018 года¹⁵. К слову, в этот список включались отдельные города соседних регионов — Амурской области и Хабаровского края.

Сопоставимые демографические потери в результате кризиса градообразующих предприятий, инфраструктурных и пр. проблем понесли поселки городского типа области. В изучаемый период население 8 из 12 поселков уменьшилось более чем на 30% (в каждом), а в 4 из 12 — более чем на 50% (табл. 1). В относительных показателях наибольший откат произошел в п. Хинганск и п. Кульдур Облученского района, число жителей которых сократилось на 62 и 68% соответственно.

Доля населения городов (Биробиджан, Облучье) в общей структуре городского населения области в результате обозначенных трансформаций с 1989 по 2019 год увеличилась незначительно — с 67,1 до 73,8% (табл. 3). При этом если в 1989 году в Биробиджане проживало 58,68% всех городских жителей региона, то в начале 2020 года их, по нашим расчетам, стало 66,1%.

Длительная деградация и закрытие части промышленных предприятий, низкие доходы населения и слабый внутренний спрос, устойчивость негативных тенденций в области естественного движения населения в области в целом, ускоренное сокращение сельского населения по сравнению с городским, резкое снижение показателей благоустройства городов и поселков городского типа в 1990–2000-е годы, слабая их привлекательность для внутрирегиональных мигрантов — все это предопределило кризис всей сети городских поселений ЕАО в последние 30 лет. Преодолеть этот кризис, дать городам и поселкам импульс для экономического и демографического «разворота» не смогли и инвестиционные проекты, получившие реализацию на территории области в последнее десятилетие.

15. Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/regions/439> (дата доступа: 01.07.2022).

Таблица 3. Динамика демографических параметров урбанизации ЕАО в 1989–2019 годы¹⁶

Показатели	Перепись 1989	Перепись 2002	Перепись 2010	01.01.2020	Относи- тельный прирост/ убытие на- селения в 1989– 2019, %
Общее население ре- гиона, чел.	215 937	190 915	176 558	158 305	57 632 (-26,68%)
Городское население в целом, чел.	142 561	128 359	119 381	108 681	33 880 (-23,76%)
Сельское население в целом, чел.	73 376	62 556	57 177	49 624	23 752 (-32,37%)
Удельный вес город- ского населения, %	66,01	67,23	67,61	68,65	2,6
Удельный вес сельско- го населения, %	33,98	32,76	32,38	31,34	-2,6
Население городов в целом/доля в город- ском населении, %	95 683 (67,1%)	88 319 (68,8%)	84 792 (71%)	80 208 (73,8%)	-15 475
Население рабочих поселков (поселков городского типа) в це- лом, чел./доля в го- родском населении, %	46 878 (32,9%)	40 040 (31,2%)	34 589 (29%)	28 473 (26,2%)	-18 405

Перспективы развития промышленных поселков и городов области сдерживаются слабым развитием перерабатывающих производств, вывозом продукции за пределы области и ее обработ-

16. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата доступа: 01.07.2022); Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата доступа: 01.07.2022); Оценка численности постоянного населения РФ на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата доступа: 01.07.2022).

кой в других, в т.ч. соседних регионах Дальнего Востока России и в КНР. Оптимизация и закрытие части предприятий лишили поселки значимой части их занятого населения. С другой стороны, сдерживающим фактором для реализации новых проектов в последние годы стало отсутствие необходимых трудовых ресурсов и невозможность в короткие сроки обеспечить в поселках условия проживания, соответствующие современным стандартам и способные привлечь на длительный период специалистов из других регионов.

Важнейшим фактором, поддерживающим сложившуюся в советские годы структуру городских поселений региона, жизнедеятельность каждого из поселений, как и 100 лет назад, остается Транссибирская железнодорожная магистраль. Инвестиции ОАО «РЖД» в развитие инфраструктуры дороги, в том числе станций, депо, мастерских, путей и пр., сохранение коллективов железнодорожников в поселках и городах не только поддерживают жизнедеятельность самих поселений, но и дают необходимые инфраструктурные условия для реализации проектов добычи полезных ископаемых и других экономических идей на территории области.

Преодолеть кризис урбанизационных процессов в регионе в текущих условиях без деятельного участия государства не представляется возможным. Для этого у области нет ни финансовых, ни демографических ресурсов. Естественный ход развития ситуации говорит нам о том, что все без исключения городские поселения в ЕАО в ближайшие годы, вероятно, продолжают терять свое население и миграционную привлекательность, а их значение в региональной и дальневосточной экономике будет уменьшаться в пользу других, более крупных центров. Изменить ситуацию может только пресловутый «геополитический фактор», сохранявший свою значимость на протяжении всей истории ЕАО (Калинина, Комарова, 2013: 49).

Библиография

- Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 г. (1934). М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК.
- Бреславский А. С. (2021). Урбанизация российского Дальнего Востока: Амурская область в 1989–2019 гг. // *Oriental Studies*. Т. 14. № 1. С. 87–102.
- Бреславский А. С. (2020). Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989–2019) // *Гуманитарный вектор*. № 6. С. 44–53.
- Григоричев К. В. (2018). Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // *Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития* / Отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 175–189.
- Еврейская автономная область (1999). *Энциклопедический словарь* / Отв. ред. В. С. Гуревич, Ф. Н. Рянский. Хабаровск: Риотип.
- Еврейская автономная область в цифрах (2020). Хабаровскстат. Биробиджан.
- Калинина И. В., Комарова Т. М. (2013). Формирование расселения и социально-демографическая безопасность в Еврейской автономной области // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 6. С. 48–58.

- Кулагина О. В., Аверина О. В. (2020). Оценка бюджетной устойчивости муниципальных образований (на примере муниципального образования «Город Биробиджан» Еврейской автономной области) // *Власть и управление на Востоке России*. № 1(90). С. 16–23.
- Кутювая С. В. (2015). Наводнение на Юге Дальнего Востока России: социальное самочувствие пострадавших // *Фундаментальные исследования*. № 8–3. С. 572–575.
- Мищук С. Н., Калинина И. В. (2017). Современная социально-экономическая ситуация в Еврейской автономной области в период реализации инвестиционных проектов // *Региональные проблемы*. Т. 20. № 4. С. 95–102.
- Мищук С. Н., Аносова С. В. (2013). Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // *Уровень жизни населения регионов России*. № 1(179). С. 47–54.
- Мищук С. Н., Петренко Р. Е. (2018). История формирования и перспективы развития Теплоозерска в Еврейской автономной области // *Муниципалитет: экономика и управление*. № 2. С. 11–19.
- Платонова Н. М. (2020). Социально-экономическое развитие Еврейской автономной области в 1965–1985 гг.: исторический обзор // *Чтения памяти проф. А. А. Сидоренко*. № 7. С. 202–214.
- Регионы России (2010). Социально-экономические показатели. М.
- Регионы России (2018). Социально-экономические показатели. М.
- Стратегия (2012) социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2020 г. Биробиджан.
- Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К. (2021). Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) // *Крестьяноведение*. Т. 6. № 4. С. 136–163.

Urban population of the Jewish Autonomous Region in the historical dynamics of the late 1980s–2010s

Anatoly S. Breslavsky, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory for Historical Geography and Regionalistics, Tyumen State University; Lenina St., 23, Tyumen, 625003, Russia. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Abstract. The article focuses on the current demographic development of the urban settlements network in the Jewish Autonomous Region under its ongoing deindustrialization and the revision of the strategy of its social-economic development. Based on the results of the All-Union census of 1989, data of the All-Russian censuses and special surveys, the author describes the demographic crisis of all urban settlements in the region: 2 cities and 12 workers' settlements. The high dependence of settlements on the local city-forming industrial enterprises and their insufficient infrastructural development in the Soviet and post-Soviet periods determined the current demographic crisis. During the period under study, the population in 8 workers' settlements decreased by more than a third (in each), in 4 — by more than a half. The population of the city of Obluchye decreased by a third, of the capital city Birobidzhan — by 15%. Today, this demographic crisis is determined by the sustainable trends of the natural population decline and by the out-migration in the 1990s–2010s, which the region will not be able to overcome on its own in the coming decades. Despite the attempts of the regional authorities to implement new development strategies, regional settlements continue to experience a demographic crisis.

Keywords: Far East, Jewish Autonomous Region, urban history, urbanization, cities, urban population, Birobidzhan

- СОБРЕМЕННОСТЬ *Administrativno-territorialnoe delenie Soyuza SSR na 15 iyulya 1934 g.* (1934) [Administrative-Territorial division of the USSR as of July 15, 1934], Moscow: Izd-vo "Vlast Sovetov" pri Prezidiume VTSIK.
- Breslavsky A. S. (2021) Urbanizatsiya rossijskogo Dalnego Vostoka: Amurskaja oblast v 1989–2019 gg. [Urbanization in the Russian Far East: Amur Region, 1989–2019], *Oriental Studies*, vol. 14, no 1, pp. 87–102.
- Breslavsky A. S. (2020) Dinamika urbanizatsionnyh protsessov v Zabajkalskom krae (1989–2019) [Dynamics of urbanization in the Zabaikalsk Region (1989–2019)]. *Gumanitarny vector*, no 6, pp. 44–53.
- Chuchkalov A. S., Mishhuk S. N., Grelja N. K. (2021) Faktory transformatsii prigorodnoj sel'skoj mestnosti depressivnogo regiona (na primere Birobidzhanskogo rajona Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Factors of the transformation of the suburban rural areas in the depressed region (on the example of the Birobidzhan district in the Jewish Autonomous Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 136–163.
- Evrejskaya avtonomnaya oblast* (1999) *Entsiklopedichesky slovar* [Jewish Autonomous Region. Encyclopedic Dictionary]. V. S. Gurevich, F. N. Ryansky (Eds.), Khabarovsk: Riotype.
- Evrejskaya avtonomnaya oblast v tsifrah* (2020) [Jewish Autonomous Region in Numbers], Birobidzhan.
- Grigorichev K. V. (2018) Suburbanizatsija na vostoке Rossii: regionalnaja mozaika globalnogo trenda [Suburbanization in the Russian East: Regional mosaic of the global trend]. *Respubliki na vostoке Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorialnogo razvitiya*. A. Breslavsky (Ed.), Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 175–189.
- Kalinina I. V., Komarova T. M. (2013) Formirovanie rasselenija i sotsialno-demograficheskaja bezopasnost' v Evrejskoj avtonomnoj oblasti [Settlement patterns and social-demographic security in the Jewish Autonomous Region], *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, no 6, pp. 48–58.
- Kulagina O. V., Averina O. V. (2020) Otsenka bjudzhetnoj ustojchivosti munitsipalnyh obrazovanij (na primere munitsipalnogo obrazovanija 'gorod Birobidzhan' Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Assessment of the municipalities' fiscal sustainability (on the example of the municipality 'Birobidzhan city' in the Jewish Autonomous Region)]. *Vlast i upravlenie na Vostoке Rossii*, no 1, pp. 16–23.
- Kutovaja S. V. (2015) Navodnenie na Yuge Dalnego Vostoka Rossii: sotstialnoe samochuvstvie postradavshih [Flooding in the South of the Russian Far East: Social well-being of victims]. *Fundamentalnye issledovanija*, no 8–3, pp. 572–575.
- Mishchuk S. N., Kalinina I. V. (2017) Sovremennaja sotsialno-ekonomicheskaja situatsija v Evrejskoj avtonomnoj oblasti v period realizatsii investitsionnyh proektov [Current social-economic situation in the Jewish Autonomous Region duering the implementation of investment projects]. *Regionalnye problemy*, vol. 20, no 4, pp. 95–102.
- Mishchuk S. N., Anosova S. V. (2013) Migratsionnaja situatsija kak otrazhenie sotsialno-ekonomicheskikh protsessov v Evrejskoj avtonomnoj oblasti [Migration situation as a reflection of the social-economic processes in the Jewish Autonomous Region]. *Uroven zhizni naselenija regionov Rossii*, no 1, pp. 47–54.
- Mishchuk S. N., Petrenko R. E. (2018) Istorija formirovanija i perspektivy razvitiya Teploozerska v Evrejskoj avtonomnoj oblasti [History and prospects for the development of Teploozersk in the Jewish Autonomous Region]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, no 2, pp. 11–19.
- Platonova N. M. (2020) Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Evrejskoj avtonomnoj oblasti v 1965–1985 gg.: istorichesky obzor [Social-economic development of the Jewish

Autonomous Region in 1965–1985: A historical review]. *Chtenija pamjati prof. A. A. Sidorenko*, no 7, pp. 202–214.

Regiony Rossii (2010) *Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Social-Economic Indicators], Moscow.

Regiony Rossii (2018) *Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Social-Economic Indicators], Moscow.

Strategiya (2012) *sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Evrejskoj avtonomnoj oblasti na period do 2020 g.* [Strategy for the Social-Economic Development of the Jewish Autonomous Region until 2020], Birobidzhan.

А. С. Бреславский
Городское население
Еврейской автономной
области в исторической
динамике конца
1980-х —
2010-х годов

Особенности восприятия населением репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия»¹

Н. Н. Розанова

Нина Николаевна Розанова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента Смоленского государственного университета. 214000 Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: rozznina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению репутации губернаторов регионов Российской Федерации на основе социологического исследования — массового анкетного опроса населения. Репутация рассматривается как ресурс регионального управления, внутривнутриполитической консолидации. Ставится задача выявления особенностей реального и идеального репутационных портретов губернаторов, наполнения их содержательными характеристиками с учетом модели «центр–периферия», рассматриваемой на внутривнутрирегиональном уровне (особенности восприятия жителями областных центров и районов — городских и сельских территорий). Выявлена преимущественно положительная направленность реальной репутации губернаторов, с более позитивным восприятием ее содержания жителями периферии, установлено единство характеристик, наполняющих как реальный, так и идеальный портреты губернаторов. Идеальный репутационный портрет по сравнению с реальным, мозаичным, более целостен в части характеристик, имеющих существенное значение. Определены наиболее значимые из них, составляющие репутационное ядро, которое является принципиально единым для репутации губернаторов исследуемых регионов. Рассмотрены ценностные разрывы между реальным и ожидаемым — запросом населения на «идеального» губернатора. Выявлены зоны расхождения в восприятии репутации жителями областных центров и районов. Прикладной потенциал результатов исследования связан с приданием процессу управления репутацией губернаторов более целенаправленного характера, на основе учета общественного мнения, ожиданий населения от власти.

Ключевые слова: репутация губернатора, репутационные характеристики, репутационное ядро, репутационный портрет, реальный/идеальный губернатор, ценностный разрыв, регион, «центр–периферия», общественное мнение

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-174-189

-
1. Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, в рамках государственного задания: исследовательские проекты в сфере социально-политических наук. Тема проекта «Репутационное ядро российской власти: региональные особенности и факторы формирования». Код (шифр) научной темы — FEMF-2022-0002, рег. номер 102201600080-0-5.4.1;5.6.2. Соглашение № 075-03-2022-181/2.

Курс на укрепление внутреннего единства и политической стабильности, определенный Стратегией национальной безопасности Российской Федерации², сопряжен с поиском ресурсов внутривластной консолидации, особенно в условиях фиксируемого исследователями отчуждения власти от общества, разрыва между социально-экономическими и политическими ожиданиями населения и реальностью выполнения властью своих обещаний, что актуализирует проблему доверия населения к власти (Ильичева, 2021: 163–164), сопряженного с категорией репутации. Доверие к политическим институтам рассматривается как ресурс репутационного капитала государства (Tolochko, 2019). Положительная репутация является бесценным активом, поскольку позволяет идентифицировать субъект с помощью ценностей/идентичностей, обладающих сильной социальной легитимностью (Vjørgå, 2021). Таким образом, прочная репутация позволяет *использовать официальные полномочия без злоупотребления ими*, помогает применять власть, не нарушая сложившегося взаимного доверия (Васон, 2011).

Развитие консолидационных процессов в России во многом зависит от степени взаимодействия общества и органов власти. Ключевую роль в решении этой задачи может сыграть отечественная социологическая наука (Морев, 2014: 78). Исследование репутации власти социологическими методами позволяет вывить ценностный разрыв между «реальным» и «идеальным», ожидаемым запросом к власти со стороны общества. Его преодоление, способствуя развитию режима сотрудничества (взаимореализации) власти и общества, который является наиболее благоприятным как для общественного мнения, так и для власти в условиях демократической политической системы (Гавра, 1998: 68–69), формирует потенциал внутривластного доверия по оси взаимодействия «власть — общество».

Исследуя концепты «репутация российской власти» (официальной государственной и муниципальной власти РФ) и «репутация региональной исполнительной власти» (как пример репутации различных уровней и ветвей власти), в рамках данной статьи мы останавливаемся на изучении репутации губернаторов как глав государственной исполнительной власти субъектов РФ, и в силу учета фактора персонификации власти. Персонифицированное лидерство является особенностью современного политического процесса (см., напр.: Mazzoleni, 2000), в российском политическом пространстве все заметнее выступают черты персонификации политики (Казаков, 2018: 59). По мнению Ю. С. Пивоварова, русская власть априори предполагает режим персонификации (Пивоваров, 2006: 26). Персонификация власти связана с ее восприятием не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается (Романович, 2009: 26).

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

В отечественной науке социально-политические аспекты категории «репутация» начали исследоваться в рамках теории политического лидерства, теории политического восприятия (А. Г. Блудова, Е. В. Егорова-Гантман, А. Р. Галлямов, А. Ю. Кошмаров, С. В. Нестерова, Б. Д. Парыгин, А. М. Цуладзе, Е. Б. Шестопал и др.). Научные исследования, посвященные категории репутации политических субъектов, особенностям реализации в социально-политической коммуникации, отражены в работах А. Р. Галлямова, Е. В. Коган, А. Ю. Кошмарова, Э. Р. Мингазовой, А. Ю. Трубецкой, Н. В. Устинова, И. Г. Харламова и др.; предметом рассмотрения становится репутационный капитал политических субъектов (И. В. Варламова, К. Великанов, Н. Е. Гранкин, О. Е. Гришин, А. Ю. Кравчук, А. Э. Рудакова, Е. С. Тихомирова и др.). Собственно исследования, посвященные вопросам изучения губернаторского корпуса в контексте репутационного измерения, немногочисленны (см., напр.: Недыхалов, 2021).

Особую роль в рамках настоящего исследования играют работы по изучению образа российской власти, образа политика и лидера, в том числе на региональном уровне (Зуева, 2015; Романович, 2019; Шестопал, 2019), используемый Е. Б. Шестопал нормативный подход анализирующий «лидера, каким он должен быть» (Шестопал, 2020: 167). Репутация (применительно к личности) представляет совокупность когнитивных конструкторов и рефлексивных оценок Других о той или иной личности, образующих специфическую когнитивно-оценочную систему мнений о ней (Рягузова, 2014: 75). Соответственно, в силу сущности самой репутации как преимущественно рациональной категории репутационный образ власти становится отражением ее реальной деятельности.

Исследование репутации российской власти осуществляется в соответствии с положениями семантико-когнитивного подхода, выделяющего в структуре концептуального поля три основных компонента: информационное содержание, образное и интерпретационное. В рамках данной статьи мы останавливаемся на рассмотрении результатов изучения информационного компонента репутации губернаторов шести регионов Центрального федерального округа (далее — ЦФО)³ — выявления содержательно-

3. В силу того что при изучении репутации власти была поставлена задача определения влияния социально-экономического фактора на ее формирование, в качестве пилотных были выбраны регионы, сопоставимые по основным социально-экономическим параметрам развития (на основе рейтингов субъектов РФ), и с учетом единства их территориального расположения в рамках одного федерального округа: Белгородская, Калужская и Липецкая области (высокий уровень развития; высокая динамика) и Смоленская, Брянская, Орловская области (средний и низкий, по ряду параметров, уровень развития; низкая динамика). Соответственно, при рассмотрении особенностей репутации губернаторов сохранена логика выделения двух групп разноуровневых регионов.

го ядра репутации — основных характеристик, ее наполняющих. Заметим, что в силу сложности самого феномена репутации, специфики восприятия репутации губернаторов с учетом фактора персонификации власти информационный компонент сопряжен с образным — чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода (Попова, 2007: 74–81). Принимая во внимание вышеизложенное и для простоты восприятия, будем далее наряду с «репутацией губернатора» оперировать терминами «репутационный портрет губернатора», «реальный/идеальный портрет».

Основной метод исследования репутации губернаторов — комплексный концептуальный анализ, в эмпирической части — метод массового анкетного опроса⁴, в том числе метод «цепочного» ассоциативного эксперимента, используемый в психолингвистическом анализе семантики речи. Респондентам было предложено в трех словах (сочетаниях слов) дать характеристику репутации губернатора, сначала его реального, затем идеального портрета.

Задаче определения наиболее значимых, приоритетных характеристик репутации губернаторов (репутационного ядра), особенностей репутации на уровне отдельных регионов, степени единства наполнения ее содержания (общее — особенное) дополнены задачей выявления их специфики с учетом региональной модели «центр–периферия», рассматриваемой в качестве наиболее операциональной в методологии политической регионалистики. Руководящими из всего многообразия подходов к моделированию отношений «центр–периферия» в данном исследовании являются положения управленческой концепции, актуальной для российского политического пространства (Цветкова, 2014: 73), которая рассматривает административную иерархию и считает центрами столицы разного уровня и статуса. Центр ассоциируется с местом, из которого осуществляется управление политическими процессами. Существует формальная управленческая структура: каждое государство имеет столицу, административные центры регионов и управляемую «провинцию», т. е. периферию (Удалов, 2011: 299). Пространственная дихотомия рассматривается в данном исследовании на внутрорегиональном уровне. В качестве «центра» выступает столица (областной центр) региона, «периферии» — районы (городские и сельские территории), результаты изучения общественного мнения о репутации губернаторов регионов ЦФО структурированы в соответствии с обозначенной логикой.

Заметим также, что актуальность учета дихотомии «центр–периферия» связана в том числе с рассмотрением репутации

4. Анкетный опрос населения указанных регионов, октябрь–ноябрь 2021 г. N = 1500 человек, выборка гнездовая, квотирована по полу, возрасту, территории проживания, по данным Росстата, на 1 января 2021 г. ошибка выборки — 2,53%.

власти как ресурса внутривластной консолидации, а также с необходимостью выявления критической поляризации мнений, что может быть причиной роста социальной напряженности. Исследователи обозначают данный аспект в контексте образа и уровня жизни населения, при важности грамотного управления пространственным развитием — недопущения возникновения дифференциации в уровне развития между различными территориями (Дворядкина, 2017: 62). В нашем случае дифференциация общественного мнения является проявлением степени удовлетворенности своим уровнем жизни, связанным с эффективностью деятельности региональной власти, изучение репутации позволяет выявить мнение о власти, дать субъективную оценку ее деятельности.

Перейдем непосредственно к результатам исследования. Прежде всего рассмотрим картину общественного мнения для определения принципиальной направленности восприятия репутации губернаторов. На рисунке 1 представлено соотношение положительных, нейтральных и отрицательных характеристик в репутационных портретах губернаторов в разрезе «центр–периферия». За 100% взято общее количество ответов респондентов, отдельно по столицам регионов и их районам.

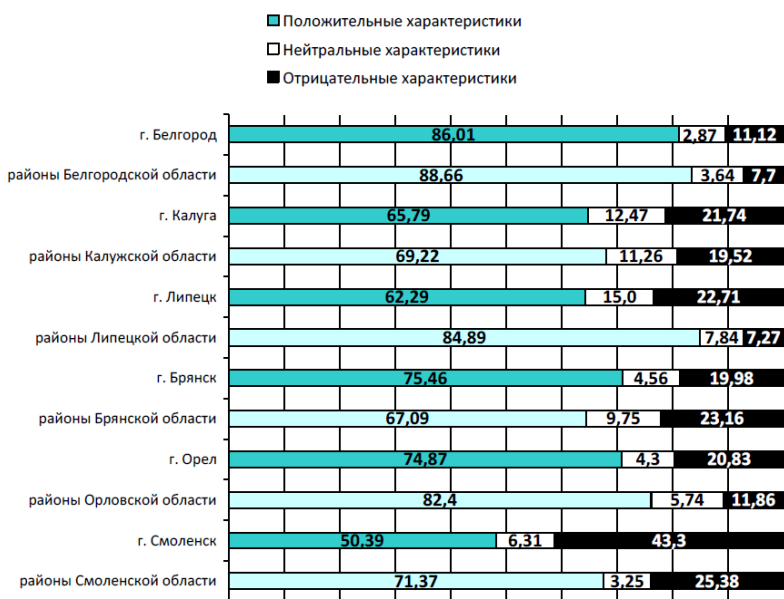

Рис. 1. Соотношение характеристик разной направленности в реальных репутационных портретах губернаторов регионов ЦФО, в разрезе «центр–периферия», в %

Источник: Данные массового анкетного опроса населения регионов ЦФО, 2021 г.

Мы видим, что в целом репутационные портреты губернаторов имеют преимущественно позитивную окраску в оценке жителей как столиц регионов, так и их районов⁵. В то же время доля отрицательного блока значительна, особенно для жителей областных центров (за исключением г. Белгорода), где она составляет от (в среднем) одной пятой всех характеристик до почти половины (для г. Смоленска). Явное лидерство как по доле положительных характеристик, так и степени единства мнения населения области, имеет белгородский губернатор.

В целом жители периферии (за исключением Брянской области) по сравнению с жителями областных центров более склонны к наполнению репутации глав своих регионов положительными характеристиками, особенно явно это наблюдается в портрете высшего должностного лица Смоленской области.

Перейдем к рассмотрению наполнения характеристиками реальных портретов губернаторов. Нами было проведено незначительное укрупнение характеристик, целенаправленно мы отказались от их объединения в смысловые блоки, чтобы не потерять полноты палитры восприятия населения репутации губернаторов, и с учетом того, что респонденты были ограничены тремя словами (сочетаниями слов), т. е. должны были сделать акцент на самом главном. Таким образом, в реальном портрете губернаторов населением выделялись следующие характеристики, набравшие совокупно более 3% ответов респондентов хотя бы в одном регионе (менее 3% — уровень погрешности):

- ответственный (выполняет обещания, держит слово/человек слова и дела, надежный);
- честный (добросовестный, порядочный);
- открытый (коммуникабельный, общительный, взаимодействует с народом, доступный);
- умный (мудрый, опытный, рассудительный, интеллектуальный);
- активный/деятельный (инициативный, предприимчивый, энергичный, пытающийся);
- близкий к народу (заботится, думает о людях; помогает народу; учитывает интересы, решает проблемы населения; народный);
- отзывчивый (чуткий, понимающий, доброжелательный, внимательный, вежливый, уважительный, приветливый, воспитанный);
- справедливый (объективный);
- лидер/сила (харизматичный, главенство, власть, лучший, авторитет, успешный);

5. Нейтральные характеристики включали преимущественно указание на имя/фамилию, должность губернатора, его статус, партийную принадлежность (глава, политик, менеджер, единокороль и т.п.) или раскрывали особенности внешнего вида/социального статуса, в т.ч. «человек» (очки, лысый, высокий, богатый и т.п.), или были представлены абстрактными категориями, определить положительную/отрицательную окраску которых не представлялось возможным.

— целеустремленный (решительный, уверенный, упорный, амбициозный, настойчивый, смелый);

— добрый;

— исполнительный (выполняющий обязанности, дисциплинированный, старательный);

— компетентный (профессионал, знающий дело, грамотный);

— хороший/молодец (здорово, класс, мы рады, нам нравится и т. п.).

Представим содержание реальных репутационных портретов губернаторов (табл. 1). Характеристики выстроены по убыванию среднего показателя по всем исследуемым регионам ЦФО. Жирным шрифтом выделены наиболее значимые репутационные характеристики. Заливкой — зоны рассогласования во мнении жителей областных центров и районов, превышающие 5%.

Таблица 1. Реальные репутационные портреты губернаторов регионов ЦФО, в разрезе «центр–периферия», в %

Характеристики репутации губернаторов	Средний показатель регионов ЦФО		Белгородская область		Калужская область		Липецкая область		Брянская область		Орловская область		Смоленская область	
	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия
Ответственный	9,15	12,04	11,57	13,25	6,74	11,28	6,36	13,41	10,86	12,72	10,7	9,2	8,66	12,38
Честный	7,83	9,83	7,02	12,27	3,11	4,51	4,09	14,53	12	9,48	14,44	6,13	6,3	12,06
Открытый	6,39	5,64	8,26	4,32	5,19	6,77	6,36	2,79	2,29	2,99	12,3	11,11	3,94	5,86
Умный	4,42	4,94	4,55	4,32	4,15	4,51	5,91	8,38	3,43	3,24	3,74	4,98	4,72	4,23
Активный/деятельный	4,32	3,50	2,06	2,93	12,44	4,76	4,09	4,47	2,28	2,24	2,67	4,98	2,36	1,63
Близкий к народу	3,92	4,35	5,78	4,61	5,18	4,01	1,36	6,15	4,57	2,24	2,67	4,21	3,94	4,89
Отзывчивый	2,87	3,68	3,72	5,44	1,04	3,26	0,91	2,79	5,71	1,5	4,28	6,13	1,57	2,93
Справедливый	2,73	4,07	3,72	5,58	1,55	3,01	0,91	3,91	5,14	2,74	2,67	4,6	2,36	4,56
Лидер/сила	2,62	3,29	1,65	5,16	2,59	2,01	3,18	5,03	5,14	4,24	1,6	2,3	1,57	0,99
Целеустремленный	2,30	3,72	1,24	4,46	3,63	3,51	4,09	3,91	1,14	3,24	2,14	4,59	1,57	2,61
Добрый	2,04	2,50	4,55	4,46	0,52	1,25	0,91	2,79	2,29	1,5	0	3,07	3,94	1,95
Исполнительный	1,82	3,05	1,24	2,37	1,04	2,26	1,36	2,79	1,71	4,49	1,6	3,45	3,94	2,93
Компетентный	1,78	2,41	4,13	1,81	2,59	2,51	1,82	2,79	0,57	3,99	1,59	2,68	0	0,65
Хороший/молодец	4,99	3,62	10,33	5,3	4,15	4,26	4,54	2,24	7,43	6,37	2,67	1,92	0,79	1,63

Анализируя результаты, представленные в таблице, отметим следующее:

1. В целом во всех исследуемых субъектах РФ реальный портрет губернатора включает одинаковый набор характеристик, принципиально совпадает выделение наиболее значимых из них (ответственный, честный, открытый), с известной долей условности (в силу того, что они не набрали существенного процента) их можно отнести к ядру репутации губернаторов. Таким образом, можно говорить о наличии репутационного ядра, единого для губернаторов регионов ЦФО. При этом степень значимости характеристик отличается в зависимости от региональных особенностей (особенно явно — на примере «активности» калужского губернатора, по мнению жителей областного центра). Так, например, своего губернатора считают более ответственным жители г. Белгорода (11,57%) по сравнению с жителями г. Липецка (6,36%) или г. Калуги (6,74%). Наиболее часто упоминаемой жителями районов характеристикой губернатора Орловской области оказывается открытость (11,11%), в то время как для репутации губернаторов других регионов, особенно Липецкой (2,23%) и Брянской области (2,99%) она редка.

Особенности репутации также видны на данном примере: единственная характеристика, набравшая более 3%, но не вошедшая в таблицу, — «молодой». Таковым считают своего губернатора калужане (в соотношении «центр–периферия»: 3,11% / 3,76%) и орловцы (1,6% / 4,6%).

2. Присутствует разница в степени значимости тех или иных характеристик репутации губернаторов, по мнению жителей центра и периферии. При этом в целом выделение жителями районов характеристик репутации губернаторов более явное (характеристики имеют более высокий процент) по сравнению с жителями областных центров. Ярче всего это проявляется на примере Липецкой области в части таких лидирующих черт, как ответственность и честность. Единство в восприятии репутации губернатора преобладает в Брянской области, в то время как в Липецкой проявляется наибольшая разница. В то же время зона рассогласования не настолько значительна, чтобы можно было говорить о наличии принципиально иного восприятия репутации губернаторов жителями региональных столиц по сравнению с жителями районов. Также не наблюдается каких-то единых особенностей восприятия, характерных для населения двух групп равноуровневых регионов.

3. В целом можно констатировать, что реальные портреты губернаторов достаточно «размыты», своего рода мозаичны, поскольку даже самые ярко выраженные характеристики имеют небольшой вес (13,7% имеет наиболее значимая из них — честность, по мнению жителей районов Липецкой области), и это притом что характеристики были частично сгруппированы.

Н. Н. Розанова
Особенности восприятия населением репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия»

В таблицу 1 не внесены отрицательные характеристики реальных репутационных портретов губернаторов. Они преимущественно не имеют яркой выраженности и представляют собой очень «разношерстный набор» (преобладающий вес — менее 3%). При этом есть слова/сочетания слов с яркой эмоциональной окраской (например, «скользкий тип», «напыщенный индюк», «идиот», «позор»), в т.ч. метафорические («бездна», «мгла», «мрак» и др.).

Для белгородского губернатора характерна наиболее высокая «размытость» негативных характеристик (до 2%). В репутации других губернаторов отрицательные характеристики имеют вес преимущественно до 5%, самые существенные их группы в основном противопоставлены положительным (далее в скобках представлены характеристики, набравшие более 5% в том или ином регионе):

— безответственный, ненадежный, пустослов, делает вид, «игра на людях», «показушник», «потемкинские деревни» (Калужская область: 4,67% — центр / 5,26% — периферия; Липецкая область: 5,9% / 1,12%; Орловская область: 5,88% / 4,98%);

— нечестный, лгун, обманщик, вор, коррупционер (Брянская область: 5,15% / 3,25%);

— безразличный, безучастный, далек от народа, чуждый (Смоленская область: 5,51% / 2,28%);

недеятельный, пассивный, медленный, «топчется на месте» (Смоленск 5,51% / 4,24%);

— некомпетентный, нехозяйственный, бездарный, малоэффективный;

— зависимый (в т.ч. «ставленник Кремля»), несамостоятельный;

— слабый, незнакомый, безликий («ни рыба ни мясо»).

Таким образом, даже при незначительности отрицательных характеристик и здесь проявляются особенности регионального восприятия.

Перейдем к рассмотрению содержания идеальных репутационных портретов губернаторов (табл. 2). Последовательность представленных характеристик для удобства дальнейшего сравнения аналогична характеристикам реального портрета.

Заметим, что в реальный портрет была включена характеристика «хороший», поскольку в четырех из шести регионов она имеет вес более 3%. В идеальном портрете вес данной характеристики крайне незначителен, в т.ч. в Белгородской области (2,39% / 2,16%), в отличие от реального портрета (10,33% / 5,3%), что, на наш взгляд, — свидетельство более предметных ожиданий населения.

Жирным шрифтом выделены приоритетные репутационные характеристики. Заливкой — зоны рассогласования во мнении жителей столиц и районов, превышающие 5%.

Таблица 2. Идеальные репутационные портреты губернаторов регионов ЦФО, в разрезе «центр–периферия», в %

Характеристики репутации губернаторов	Средний показатель регионов ЦФО		Белгородская область		Калужская область		Липецкая область		Брянская область		Орловская область		Смоленская область	
	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия
Ответственный	12,12	15,11	14,34	11,86	10,26	15,35	10,55	16,27	11,94	13,98	14,06	16,54	11,57	16,66
Честный	20,89	21,59	16,73	19,13	13,85	19,18	23,63	18,07	25,38	26,07	23,44	21,33	22,32	25,78
Открытый	5,97	5,15	7,17	5,39	4,1	7,43	4,22	4,48	4,48	0	6,77	6,99	9,09	6,6
Умный	6,51	5,95	6,77	7,27	8,72	5,76	11,39	5,42	3,48	5,21	2,08	6,99	6,61	5,03
Активный/деятельный	3,51	2,68	3,99	2,56	6,16	4,08	3,38	4,82	1,5	1,9	1,04	1,47	4,96	1,26
Близкий к народу	9,18	7,86	3,59	4,58	9,23	9,83	7,59	4,22	16,42	9,96	8,33	8,82	9,92	9,75
Отзывчивый	4,54	3,53	5,98	5,12	7,69	3,6	1,69	2,41	3,98	4,99	6,25	2,21	1,65	2,83
Справедливый	5,66	7,15	3,59	6,87	5,64	5,28	6,75	8,43	6,97	8,53	5,21	6,25	5,79	7,55
Лидер/сила	2,88	3,85	1,99	4,17	2,56	3,84	2,95	7,83	2,49	4,03	3,13	0,37	4,14	2,83
Целеустремленный	4,94	3,97	5,98	3,49	8,72	3,6	2,95	3,01	1,99	2,14	8,33	8,09	1,65	3,46
Добрый	2,23	1,96	4,78	2,83	0,51	0,96	3,38	1,81	1,99	0,71	1,04	2,94	1,65	2,52
Исполнительный	1,65	2,49	1,99	3,1	2,05	1,44	0	2,41	1,49	2,61	1,04	2,21	3,31	3,14
Компетентный	5,1	5	6,38	5,64	4,61	4,56	3,38	3,61	3,48	5,22	7,81	6,25	4,96	4,71

Из данных таблицы 2 можно сделать следующие основные выводы:

1. Идеальный репутационный портрет губернаторов имеет более яркую выраженность в силу характеристик, доля которых значительна: честность, ответственность и близость к народу (репутационное ядро), при этом наблюдается полное единство в восприятии населением всех регионов приоритетной характеристики — честности.

2. Преобладает принципиальное единство в выделении характеристик идеального губернатора как жителями центра, так и периферии (за исключением единичных случаев), несколько большее по сравнению с реальным портретом.

Отметим также любопытную, на наш взгляд, уникальную особенность восприятия репутации губернатора жителями Липецкой области, хотя вес данных характеристик и незначителен. Жители Липецка пожелали видеть своего губернатора похожим на определенного государственного деятеля: как Путин, Николай II, Сталин,

Кеннеди, Рузвельт, Трамп (2,53%), при этом жители периферии, наоборот, подчеркнули, что идеальным для них является действующий губернатор: «как есть, он и так самый лучший» (4,22%).

Теперь сравним реальный и идеальный портреты для выявления степени ценностного разрыва в восприятии репутации губернаторов (табл. 3).

Знак минус говорит о разрыве ожиданий населения по сравнению с реальностью, плюс — превышение реальности над ожиданиями. Жирным шрифтом выделен наибольший разрыв в соотношении характеристик реального и идеального портретов. Темно-серой заливкой — наибольшие разрывы в оценке соотношения «реальный–идеальный» между центром и периферией, светло-серой — наименьшие.

Таблица 3. Ценностные разрывы «реальный–идеальный» в репутационных портретах губернаторов регионов ЦФО, в разрезе «центр–периферия», в %

Характеристики репутации губернаторов	Средний показатель регионов ЦФО		Белгородская область		Калужская область		Липецкая область		Брянская область		Орловская область		Смоленская область	
	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия	Центр	Периферия
Ответственный	-2,97	-3,07	-2,77	1,39	-3,52	-4,07	-4,19	-2,86	-1,08	-1,26	-3,36	-7,34	-2,91	-4,28
Честный	-13,06	-11,76	-9,71	-6,86	-10,74	-14,67	-19,54	-3,54	-13,38	-16,59	-9,00	-15,20	-16,02	-13,72
Открытый	+0,42	+0,49	+1,09	-1,07	+1,09	-0,66	+2,14	-1,69	-2,19	+2,99	+5,53	+4,12	-5,15	-0,74
Умный	-2,09	-1,01	-2,22	-2,95	-4,57	-1,25	-5,48	+2,96	-0,05	-1,97	+1,66	-2,01	-1,89	-0,80
Активный/деятельный	+0,81	+0,82	-1,93	+0,37	+6,28	+0,68	+0,71	-0,35	+0,78	+0,34	+1,63	+3,51	-2,60	+0,37
Близкий к народу	-5,26	-3,54	+2,19	+0,03	-4,05	-5,82	-6,23	+1,93	-11,85	-7,72	-5,66	-4,61	-5,98	-4,86
Отзывчивый	-1,67	+0,15	-2,26	+0,32	-6,65	-0,34	-0,78	+0,38	+1,73	-3,49	-1,97	+3,92	-0,08	+0,10
Справедливый	-2,93	-3,08	+0,13	-1,29	-4,09	-2,27	-5,84	-4,52	-1,83	-5,79	-2,54	-1,65	-3,43	-2,99
Лидер/сила	-0,26	-0,56	-0,34	+0,99	+0,03	-1,83	+0,23	-2,80	+2,65	+0,21	-1,53	+1,93	-2,57	-1,84
Целеустремленный	-2,64	-0,25	-4,74	+0,97	-5,09	-0,09	+1,14	+0,90	-0,85	+1,10	-6,19	-3,50	-0,08	-0,85
Добрый	-0,19	+0,54	-0,23	+1,63	+0,01	+0,29	-2,47	+0,98	+0,30	+0,79	-1,04	+0,13	+2,29	-0,57
Исполнительный	+0,17	+0,56	-0,75	-0,73	-1,01	+0,82	+1,36	+0,38	+0,22	+1,88	+0,56	+1,24	+0,63	-0,21
Компетентный	-3,32	-2,59	-2,25	-3,83	-2,02	-2,05	-1,56	-0,82	-2,91	-1,23	-6,22	-3,57	-4,96	-4,06

Мы видим, что ценностный разрыв в ряде случаев существенен, наиболее значим он в восприятии приоритетной характеристики —

честности, где ожидания отстают от реальности от 3,5% (в районах Липецкой области) до почти 20% (в г. Липецке). В определенной степени применительно к данной репутационной характеристике, можно говорить о наличии критической зоны рассогласования. Также значительный ценностный разрыв наблюдается в реальном и идеальном соотношении характеристики «близость к народу» жителями Брянской области. Если проанализировать степень центр-периферийного контраста, то наиболее существенен он в Липецкой области, в большинстве же своем он не превышает 5%.

Подводя итог, можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, реальная репутация (репутационный портрет) губернаторов регионов ЦФО преимущественно положительна, при существенной доле отрицательных характеристик в большей части регионов, особенно на уровне восприятия жителей областных центров. Население районов более позитивно воспринимает репутацию губернаторов.

Во-вторых, существует принципиальное единство в выделении одних и тех же характеристик, наполняющих как реальный, так и идеальный портреты губернаторов. Реальная репутация губернаторов мозаична, отсутствуют ярко выраженные характеристики (условное репутационное ядро составляют такие из них, как ответственность, честность и открытость). Идеальный репутационный портрет более целостен в части характеристик, выделяемых существенно большей частью респондентов (репутационное ядро: честность, ответственность и близость к народу), при абсолютном единстве восприятия населением всех регионов репутационной характеристики «честность» как приоритетной.

В-третьих, есть особенности восприятия репутации, степени значимости тех или иных репутационных характеристик как на уровне разных регионов, так и во внутрорегиональной модели «центр–периферия», при этом зоны рассогласования в соотношении «реальный–идеальный» репутационный портрет не носят критический характер, за исключением приоритетной характеристики — честности, значительного разрыва в восприятии репутации жителей областных центров и районов не выявлено.

В целом содержательное наполнение репутации губернаторов свидетельствует о возрастании запроса граждан на моральность в политике (Руженцев, 2016), поскольку отражает явное преобладание морально-этических качеств над профессиональными, деловыми. Результаты исследования позволяют сделать процесс управления репутацией губернаторов более целенаправленным, с учетом более тонкой настройки под общественные ожидания, конструирование образов будущего выступает в качестве инструмента стратегического управления массовым политическим поведением (Шестопап, 2021: 99). В ряду перспективных задач исследования — выявление особенностей репутационного ядра как российской власти в целом, так и региональной исполнительной власти (в т.ч. глав

регионов), с учетом влияния национального, религиозного и фактора дихотомии «столица–провинция».

Библиография

- Гавра Д. П. (1998). Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 4. С. 53–77.
- Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И., Гончарова Н. И. (2017). Управление пространственным развитием региона: опыт, наследие и задачи на будущее // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. № 4. С. 60–67.
- Зуева Т. М. (2015). Образ власти: социальные конструкты повседневного дискурса современных россиян. Зерноград: Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВПО ДГАУ.
- Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. (2021). Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 162–185.
- Казаков М. А. (2018). Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (49). С. 54–61.
- Морев М. В., Короленко А. В. (2014). Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (35). С. 78–98.
- Недыхалов Л. А. (2021). Оценка эффективности *semt*-технологий в формировании имиджа и репутации (на примере губернатора Краснодарского края В. И. Кондратьева) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Т. 1. № 1 (34). С. 170–179.
- Пивоваров Ю. С. (2006). Русская власть и публичная политика // ПОЛИС. № 1. С. 12–32.
- Попова З. Д., Стернин И. А. (2007). Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад.
- Романович Н. А. (2019). Образ власти в России и его базовые характеристики // Вестник Томского государственного университета. № 444. С. 110–119.
- Романович Н. А. (2009). Образ власти: противоречия традиционной и современной моделей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 23–31.
- Руженцев С. Е. (2016). Нравственное сознание российского общества и демократизация политической системы // Общество: философия, история, культура. № 12. С. 41–46.
- Рягузова Е. В. (2014). Репутация личности как кредит доверия другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 71–76.
- Удалов В. С., Колобов А. О. (2011). Система «центр–периферия» в современном политическом процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2-1. С. 297–301.
- Цветкова О. В. (2014). Политическое пространство в региональном измерении: центр и периферия // Власть. Т. 22. № 12. С. 70–74.
- Шестопап Е. Б. (2021) Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. № 424. С. 99–112.
- Шестопап Е. Б. (2019). Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. № 1. С. 9–20.
- Шестопап Е. Б., Рогач Н. Н. (2020). Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. № 4. С. 166–180.

- Bacon Terry R. (2011). *The Elements of Power. Lessons on Leadership and Influence*. New York: AMACOM American Management Association.
- Bjørnå H. (2021). Reputational assets for local political leadership. *Heliyon*. Vol.7. Iss. 8: e07800.
- Mazzoleni G. A. (2000). Return to Civic and Political Engagement by Prompted by Personalized Political Leadership? // *Political Communication*. Vol. 17. Iss. 4. P. 325–328.
- Tolochko A. V., Grishin O. E., Levashova O. V., Goricheva V. L. (2019). Trust in political institutions as a resource of reputation capital of the state // *Revista San Gregorio*. No. 36. P. 7–18.

Н. Н. Розанова
 Особенности восприятия населением репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия»

Public perception of governors' reputation in the regional model 'center–periphery'

Nina N. Rozanova, PhD (Pedagogics), Associate Professor, Department of Management, Smolensk State University; Przhivalskogo St., 4, Smolensk, 214000, Russia. E-mail: roznina@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the sociological study (survey) of the reputation of Russian governors. Reputation is considered as a resource of regional governance and internal political consolidation. The study aimed at identifying the features of the real and ideal reputational 'portraits' of governors based on the model 'center–periphery' at the intra-regional level (perception by residents of regional centers and districts — urban and rural areas). The survey revealed a predominantly positive orientation of the real reputation of governors with even more positive perception by the residents of the periphery, and the unity of characteristics that constitute both real and ideal portraits of governors. The ideal reputational portrait compared with the real, mosaic one is more integral in terms of the presence of significant characteristics. The author identifies the most important of them, which constitute the governors' reputation core in the regions under study. The article considers the value gaps between the real and expected combinations of reputational elements focusing on the population's request for an 'ideal' governor; and shows the differences in the perception of governors' reputation in regional centers and districts. Thus, the study provides some reference points for a more effective governors' reputational management — as based on the public opinion and expectations.

Keywords: governor's reputation, reputation features, reputation core, reputation portrait, real/ideal governor, value gap, region, 'center-periphery', public opinion

References

- Gavra D. P. (1998) Obshchestvennoe mnenie i vlast: rezhimy i mekhanizmy vzaimodeystviya [Public opinion and power: Regimes and mechanisms of interaction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 4, no 3, pp. 109–130.
- Dvoryadkina E. B., Kaibicheva E. I., Goncharova N. I. (2017) Upravlenie prostranstvennym razvitiem regiona: opyt, nasledie i zadachi na budushchee [Management of the regional spatial development: Experience, heritage and objectives for the future]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, no 4, pp. 60–67.
- Zueva T. M. (2015) *Obraz vlasti: sotsialnye konstrukty povsednevnogo diskursa sovremennoy rossiyan* [Image of Power: Social Constructs in the Everyday Discourse of Today's Russians], Zernograd: Azovo-Chernomorsky inzhenerny institute.

- Il'yicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin A. V. (2021) Doverie kak most nad propastyu neuverennosti mezhdou vlastoyu i obshchestvom [Trust as a bridge over the uncertainty abyss between government and society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 2, pp. 162–185.
- Kazakov M. A. (2018) Personifikatsiya kak tendentsiya sovremenennogo politicheskogo liderstva: osobennosti proyavleniya i vospriyatii [Personification as a trend of the contemporary political leadership: Some features of manifestation and perception]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, no 149, pp. 54–61.
- Morev M. V., Korolenko A. V. (2014) Sub'ektivny faktor obshchestvennogo razvitiya kak klyuchevoj resurs konsolidatsii rossijskogo obshchestva [Subjective factor of social development as a key resource for the Russian society consolidation]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no 5, pp. 54–61.
- Nedykhalov L. A. (2021) Otsenka effektivnosti SERM-tekhnologij v formirovanii imidzha i reputatsii (na primere Gubernatora Krasnodarskogo kraja V. I. Kondratieva) [Estimate of the serm technologies' efficiency in the formation of image and reputation (on the example of V. I. Kondratiev, Governor of the Krasnodar Region)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, vol. 1, no 1, pp. 170–179.
- Pivovarov Yu. S. (2006) Russkaya vlast i publichnaya politika [Russian power and public policy]. *Politicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 12–32.
- Popova Z. D., Sternin I. A. (2007) *Cognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics], Moscow: AST.
- Romanovich N. A. (2019) Obraz vlasti v Rossii i ego bazovye kharakteristiki [Image of power in Russia and its basic characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 444, pp. 110–119.
- Romanovich N. A. (2009) Obraz vlasti: protivorechiya traditsionnoj i sovremennoj modelej [Image of power: Contradictions of the traditional and contemporary models]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no 2, pp. 23–31.
- Ruzhentsev S. E. (2016) Nravstvennoe soznanie rossijskogo obshchestva i demokratizatsiya politicheskoy sistemy [Moral consciousness of the Russian society and democratization of the political system]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, no 12, pp. 41–46.
- Ryaguzova E. V. (2014) Reputatsiya lichnosti kak kredit doveriya drugogo [Personal reputation as a credit of the other's trust]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, vol. 14, no 1, pp. 71–76.
- Udalov V. S., Kolobov O. A. (2011) Sistema "centr–periferiya" v sovremennom politicheskom processe ["Center–periphery" system in the contemporary political process]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no 2–1, pp. 297–301.
- Tsvetkova O. V. (2014) Politicheskoe prostranstvo v regionalnom izmerenii: tsentr i periferiya [Political space in the regional dimension: Centre and periphery]. *Vlast*, vol. 22, no 12, pp. 70–74.
- Shestopal E. B. (2021) Obraz idealnogo budushchego: normativnye predstavleniya rossijskih grazhdan o vlasti [Image of the ideal future: Russians' normative representations of power]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 424, pp. 99–112.
- Shestopal E. B. (2019) Proekt dlinoj v chetvert veka. Issledovanie obrazov vlasti i liderov v postsovetsoj Rossii (1993–2018) [A quarter of a century long project: A study of the images of power and leaders in post-Soviet Russia (1993–2018)]. *Politicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 9–20.
- Shestopal E. B., Rogach N. N. (2020) Idealnye predstavleniya kak faktor vospriyatija realnogo politicheskogo lidera [Ideal representations as a factor in the perception of the real political leader]. *Politicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 166–180.

- Bacon T. R. (2011) *The Elements of Power. Lessons on Leadership and Influence*, New York: AMACOM.
- Bjørnå H. (2021) Reputational assets for local political leadership. *Heliyon*, vol. 7, no 8.
- Mazzoleni G. A. (2000) Return to civic and political engagement prompted by personalized political leadership? *Political Communication*, vol. 17, no 4, pp. 325–328.
- Tolochko A. V., Grishin O. E., Levashova O. V., Goricheva V. L. (2019) Trust in political institutions as a resource of reputation capital of the state. *Revista San Gregorio*, no 36, pp. 7–18.

Н. Н. Розанова
Особенности восприятия населения репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия»

Жизнь Ивана и Ганса в XXI веке: Волчихинский район, Алтайский край¹

О. Е. Прусихин, Е. Д. Жуковский, О. Д. Крутов, А. И. Алексеев

Олег Евгеньевич Прусихин, студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Евгений Денисович Жуковский, студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: judgin_z@mail.ru

Олег Дмитриевич Крутов, студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: bigoleg911@yandex.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. В статье на примере Волчихинского района Алтайского края описывается образ жизни сельских жителей степной части Юга Сибири. Используемый авторами подход вдохновлен книгой О. П. Семеновы-Тян-Шанской «Жизнь Ивана», его суть — в составлении портрета типичного, «коллективного» сельчанина. Для этого авторами вводится ряд персонажей, отражающих особенности, типичные для различных социальных групп.

Происхождение местных жителей связано с двумя ключевыми событиями: крестьянскими переселениями столыпинской эпохи (для русских) и депортацией поволжских немцев в период Великой Отечественной войны; на численность последних также повлияла волна переселения в Германию, начавшаяся после распада Советского Союза. Разрушение закрытых общин и расселение их представителей по русским поселениям Алтая привело к сближению этих групп и стиранию этнокультурных границ между ними. Отмечены различия в образе жизни жителей райцентра и прочих сел района. Основные работодатели в Волчихе — пивоваренный завод и бюджетная сфера, жители в массе своей не держат скота, занимаясь только огородничеством, у них больше свободного времени. Для жителей других сел района личное подсобное хозяйство, основой которого зачастую является корова, — главный источник средств к существованию, что почти лишает их свободно-

---

1. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внешних и внутренних факторов в современных социально-экономических условиях».

го времени. Впрочем, способы свободного препровождения у всех жителей района схожи. Отдельно описан еженедельный рынок в Волчихе, служащий местом не только торговли, но и других социальных взаимодействий, притяжения и встреч жителей всего района. Авторы приходят к выводу, что современные различия в образе жизни связаны не с этничностью, а со степенью урбанизованности села и возрастом.

Ключевые слова: сельская местность, образ жизни, Алтайский край, Южная Сибирь, занятия сельских жителей, российские немцы

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-190-209

*О. Е. Прусихин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

Образ жизни сельских жителей Алтайского края за последние 100 лет претерпел множество изменений. Коллективизация, электрификация, освоение Целины — все это оставило свой отпечаток. В постсоветский период начинаются новые трансформации, вызванные депопуляцией, ликвидацией колхозной системы, изменением функций сельской местности. Это ставит вопрос об изучении современного образа жизни в сельской местности Алтайского края.

Более ста лет назад был написан очерк О. П. Семеново-Тянь-Шанской «Жизнь Ивана». Среди народоведческих работ эта наиболее полно описывает быт крестьян юга Рязанской губернии на рубеже XIX и XX века. В данных очерках автор рисует портрет современного ей «коллективного крестьянина», типичные черты образа жизни сельских жителей «одной из черноземных губерний». Вдохновившись этой классической работой, авторы данного исследования решили применить аналогичный подход для изучения современной жизни сел степного Алтая.

Изученность проблемы

Классической работой в этой области можно считать произведение «Жизнь Ивана» (Семенова-Тянь-Шанская, 1914). Опыт бытоописания на селе впервые шагнул от «микроуровня» (Семенов-Тянь-Шанский, 1880) к «наноуровню», подкрепляющему все предшествующие исследования с помощью простых примеров, определяющих сходства и отличия жизни в сопредельных поселениях одного района. Для работы Ольги Петровны характерна привязка к отдельным героям и краткое раскрытие их биографий, в первую очередь — перечисление жизненных этапов, во вторую очередь — описание отдельных характерных ситуаций. Работа четко фиксирует обязанности жителей того периода, их обыденные радости и горести. Из этого делается вывод, что развитие территорий может быть ограничено не только имущественными факторами, но и факторами «человеческого капитала» (понятие, которое появится спустя несколько десятилетий после написания произведения).

К тому же периоду можно отнести работу «Вымирающая деревня» (Шингарев, 1907). Произведение, вышедшее из-под пера земского врача, отсылает ко множеству проблем сельской медицины начала XX века, с помощью отдельных локальных примеров санитарного характера описываются ситуации и пути решения отдельных проблем.

Более современные работы по этой тематике также выдержаны в духе «описания проблем», однако утрачивается компонента «поиска пути их решения». Для конца XX — начала XXI века подобные работы чаще всего написаны Валерием Георгиевичем Виноградским (Виноградский, 1998, 1999, 2015, 2017; Виноградская, Виноградский, Фадеева, 2002). Эти произведения охватывают моменты хозяйственной жизни отдельных семей: особенности экономического существования семей и дворов, описание процессов вторичного и третичного использования отдельных элементов хозяйства, неформальных знакомств в своих интересах, соотношение денежных и натуральных доходов, взаимоотношения современных держателей подсобных хозяйств и фермеров, разграничение индивидуального и коллективного в хозяйственной жизни. Тем не менее основная слабость этих работ очевидна — все они сконцентрированы на изучении кубанских сел, много полевого материала практически нет.

Существуют и работы, совмещающие исследование сельской местности на уровне отдельных семей с их локализацией в Нечерноземье. Исследования середины XX века (Анохина, Шмелева, 1964) отличались фокусом внимания на наиболее развитых сельских населенных пунктах, однако в конце XX века и позднее от этого недостатка удалось избавиться, охватив исследованиями отдельных семей множество иных сельских населенных пунктов Нечерноземья (Чистобаев, 1989; Ткаченко, Фомкина, 2012; Смирнов, Виноградов, Алексеев, 2021). В них акцент делался на миграционных процессах в современной сельской местности и их отражении на межличностном уровне, а также на изучении информационных связей современных городских и сельских жителей. Отдельно также стоит отметить исследования малых пригородных СНП (Алексеев, Васильева, Удовенко, 2020), в ходе которых упор делался на выделении категорий дачников и описании их образа жизни.

Наконец, в сельской местности Сибири также проводились свои локальные исследования. Однако в отличие от предыдущих примеров, локальность здесь выражена слабо и лишь дополняет картину более высокого масштабного ранга (Заславская, 1970). Как следствие, этот пробел мы попытались закрыть, в том числе и данной работой.

Объект, материалы и методы

Цель данного исследования — описать современный образ жизни сельских жителей Алтайского края, «сделать снимок» их типично-

го дня, недели, характерных занятий. Отдельно рассматривался вопрос о том, как люди попадают в село, т. е. типичных черт биографии сельчан. Материал был собран в ходе экспедиции в августе 2021 года. Объектом изучения выступили шесть сел Волчихинского района (Волчиха (районный центр), Бор-Форпост, Усть-Волчиха, Малышев Лог, Правда, Березовский). Район расположен в Кулундинской степи, на востоке Алтайского края, в 100 километрах к северо-западу от города Рубцовска. Он играет роль «ключа» — типичной территории, на которой протекают процессы, характерные для западной сухостепной части Алтая.

Основным методом сбора данных стали глубинные интервью: всего в ходе работы было проинтервьюировано 20 респондентов (средняя продолжительность интервью составила 1,5 часа). Отбор респондентов производился по принципу «снежного кома»: каждому задавался вопрос о том, с кем бы он посоветовал провести следующее интервью. Полученные данные были дополнены включенными и визуальными наблюдениями. Отдельно было проведено «мониторинговое» наблюдение в Волчихе в течение рыночного дня (воскресенья): отмечено 7 точек вблизи ключевых объектов потенциального скопления людей (Рыночная площадь, проходная завода «Волчихинские напитки», стадион и т. д.), наблюдения на которых проводились ежедневно в период с 7:00 до 23:00.

Для систематизации собранного материала использован метод составления «коллективных» портретов: описания типичных жителей Волчихинского района и их занятий, для чего был введен ряд собирательных образов-персонажей.

А. Семья Волковых (с. Волчиха):

1. Иван Семенович Волков, 45 лет, житель села Волчиха, сотрудник Волчихинского пивоваренного завода.
2. Анна Оттовна Волкова (урожденная Вульф), 43 года, жительница села Волчиха, жена Ивана Волкова, учительница в школе.
3. Павел Иванович Волков, 16 лет, житель села Волчиха, сын Ивана и Анны Волковых.
4. Елена Ивановна Волкова, 11 лет, жительница села Волчиха, дочь Ивана и Анны Волковых.

Б. Семья Вольфов (с. Усть-Волчиха):

1. Иван (Ганс) Францевич Вольф, 56 лет, житель села Усть-Волчиха, двоюродный брат Анны, тракторист.
2. Мария Анатольевна Вольф (урожденная Шмидт), 55 лет, жительница села Усть-Волчиха, жена Ивана Вольфа, фельдшер.

Персонажи вводились таким образом, чтобы быть типичными для следующих социальных групп:

*О. Е. Прусигин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

- по возрастной категории: молодежь (дети Волковых), средний возраст (Волковы), предпенсионный возраст (Вольфы);
- по этнической принадлежности: русские (Волковы), немцы (Вольфы); в том числе отражена типичная для местного населения ситуация «смешанного брака»;
- по месту проживания: жители урбанизированного районного центра (Волковы), жители неурбанизированной сельской местности (Вольфы).

Основной упор в исследовании был сделан на описании типичных занятий сельчан, особенностях их сезонной смены, распорядка дня и недели, а также происхождения волчихинцев и истории заселения исследуемой территории. В то же время некоторые части описания О. П. Семеновой-Тян-Шанской (например, описания бюджетов) были исключены.

Результаты и обсуждение

Откуда есть пошли Волковы на земле Алтайской

Как и многие жители современного степного Алтая, Волковы ведут свой род от крестьян, переселившихся в Сибирь в конце XIX — начале XX века. Предки Семена Степановича приехали в здешние места в годы столыпинского переселения, спасаясь от голода. Скорее всего, они покинули одну из нечерноземных губерний. Переезжали всем семейством, захватив с собой все, что можно было увезти с собой. Ехали по железной дороге до Омска или Новониколаевска, а оттуда шли пешком по тракту, подбирая место для жилья. Вперед их двигала мечта: до России доходили слухи, что в Сибири дают земли — сколько возьмешь, а урожай она дает гораздо больше, чем дома. Дойдя до длинной ленты бора, они решили остановиться в селе Вострово. Но просто поселиться на новом месте было нельзя — сначала сельское общество должно было вас принять. Разумеется, не бесплатно. Обычно собирався сельский сход и определял «таксу»: как правило, новоприбывшие должны были купить ведро водки для деревенских мужиков. Но к моменту прибытия Волковых ситуация немного изменилась: земля вокруг села уже была роздана, а потому новоприбывшим переселенцам давали землю поодаль. Чтобы обрабатывать ее, приходилось уезжать за несколько километров, а потому надо было делать заимку (временное жилье). Постепенно Волковы переехали жить на заимку: здесь рядом был водоем, чистые подземные ключи, бор, откуда можно брать дрова и собирать грибы и дикоросы. Со временем эти заимки стали новым селом, которое в советское время назвали Правдой.

Предки Вульфов приехали из Германии еще при Екатерине Великой и поселились в Среднем Поволжье, на территории Самарской губернии. В этих засушливых степных местах они были первопоселенцами, жили небольшими закрытыми общинами, почти не смешиваясь с местным населением. В начале XX века немцы Поволжья получили автономию: сначала область, а затем и республику. Все изменилось с началом Великой Отечественной войны: вместе с тысячами других немцев Шефферам (предкам Вульфов) пришлось покинуть родные места, погрузиться в теплушки и переселиться в Сибирь. Немецкое население состояло в трудовые армии и было обязано трудиться на строительстве дорог. При этом зачастую разлучались семьи: сохранилась история о женщине, несколько раз проходившей почти 100 километров между Волчихой и Рубцовском, чтобы проведать мужа-трудармейца. Местное население поначалу довольно холодно приняло новоприбывших: к ним относились как к чужим, сторонились, всячески притесняли, оскорбляли и называли «фашистами». Причины у такого холодного приема несколько: это и присущая селянам настороженность по отношению к чужакам, и культурно-языковые различия, и образ немца как «фашиста» и врага, очевидно, возникший в период войны. Прежние закрытые сообщества были разрушены, немецкое население расселено по разным селам. Со временем культурные и национальные границы стали стираться: местные привыкли к немецкому присутствию, нормой стали смешанные браки. В результате немцы потеряли значительную часть своей идентичности: ушло в прошлое их лютеранство, прекратилось общение на немецком (даже в семье), стала забываться немецкая письменная речь. Члены семьи Вольфов слабо отличаются от Волковых, культурные различия между ними почти отсутствуют, единственным маркером их идентичности остались фамилии.

Познакомимся с нашими героями поближе. Иван Волков, глава семейства, родился в Правде — небольшом селе в семи километрах от Волчихи — в семье колхозников. С шести лет он ходил в правдинскую восьмилетнюю школу, после чего поступил в Волчихинский техникум. Анна Волкова, жена Ивана, родилась в Волчихе, в немецкой семье, закончила десятилетнюю школу здесь же, после чего уехала в Барнаул, на учебу в педагогическом институте. После окончания вуза вернулась в Волчиху. Конечно, можно было бы остаться в городе, но наступили 1990-е — работы в Барнауле почти не было, а на ту, что была, можно было устроиться только со связями. В Волчихе же все было знакомо, были родители, а еще ждал Иван, с которым она познакомилась в старшей школе. Вернувшись в Волчиху, Анна вышла замуж за Ивана и нашла работу в библиотеке, где работает по настоящее время.

*О. Е. Прусигин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

Рисунок 1. Ленточный бор у села Бор-Форпост. Фото авторов.

Рисунок 2. Памятник освоению целины в пос. Березовский. Фото авторов.

Где живут и чем занимаются Волковы

Иван работает технологом на Волчихинском пивоваренном заводе, на линии по розливу лимонадов. Зарплаты на заводе неплохие, что удерживает от переезда. Единственный недостаток, сказывающийся на жизни Ивана, — частые ночные смены. Анна, как уже было сказано, работает в Волчихинской районной библиотеке. Зарплаты там крайне маленькие, но зато Анна может проводить много времени со своими детьми.

Волковы, как и большая часть волчихинцев, живут в индивидуальном доме. Сам дом кирпичный, а хозяйственные постройки на территории — деревянные: село находится в непосредственной близости от ленточного бора, сосна идет на строительство. Кроме дома на участке Волковых находятся сарай, гараж для автомобиля, огород и несколько фруктовых деревьев. Для отопления Волковы используют уголь, а также дрова — они нужны для растопки угольного котла, а также для бани. Есть в семье и автомобиль — японская праворульная «Тойота». Раньше такие машины стоили в Сибири значительно дешевле своих леворульных аналогов. Автомобиль — необходимость в большом удаленном селе без общественного транспорта.

Домашние дела занимают значительную часть жизни Волковых. Обязанности можно разделить на две части: уход за домом и работу на огороде и приусадебном участке. Раньше Волковы держали скот. В каждом хозяйстве Волчихи была корова, птица: куры, гуси, утки, иногда — мелкий рогатый скот. Но со временем от этой практики отказались: корма и зерноотходы подорожали, в село пришли крупные торговые сети, да и уход за скотом — трудоемкое дело, отнимающее много времени и сил. Волковы постепенно отказались от содержания скота, которым теперь занимаются лишь отдельные люди (как правило, бывшие колхозные пайщики, с которыми фермеры-арендаторы расплачиваются в натуральной форме), для которых оно стало основным источником дохода. Огород при этом остался, но и он претерпел изменения: Волковы отказались от возделывания картофеля, оставив на участках сезонные овощи: помидоры, огурцы, болгарский перец, морковь, свеклу, некоторые фруктовые деревья. Кроме огорода на своем участке Волковы разбили цветочную клумбу, а возле бани сделали летнюю зону отдыха со скамейкой.

*О. Е. Прусигин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

Рисунок 3. Улицы Волчихи. Фото авторов.

Рисунок 4. Один из домов в Волчихе. Фото авторов.

Домашние дела и работа на огороде отличаются сезонностью. Работа на огороде начинается еще в марте: на подоконниках в доме Волковых подрастает рассада. В апреле рассада переносится в уличную теплицу, а огород распахивается. У Волковых есть мотоблок, в то время как многие их соседи пользуются услугами трактористов. В апреле-мае рассада высаживается в открытую почву. Тогда же высаживаются и другие культуры,

не требующие подрастания в тепличных условиях: корнеплоды, лук, а также цветы. В июне Волковы заняты уходом за огородом: поливают, выпалывают сорняки, травят жуков. В июле подходит первый урожай: помидоров и огурцов, репчатого лука. Тогда же начинается и процесс консервирования, продолжающийся до конца лета. В это же время, в июле-августе, созревают фрукты. Осенью Волковы снимают урожай корнеплодов и тыквы. Дольше всех стоит капуста — до первых морозов. Когда огород пустеет, делают зяблевую вспашку на зиму. Летом важное место занимает покос травы, а также разного рода ремонтные работы: за зиму дом и постройки ветшают, приходится их восстанавливать и ремонтировать. Осенью основное место занимает сбор урожая и его консервирования. Для хранения Волковы используют погреб. Кроме того, надо заготовить уголь и дрова на зиму.

С приходом зимы меняется и образ жизни Волковых. Работы на огороде нет, но остается некоторая работа по дому (но гораздо меньше, чем летом). Однако появляются новые напасти: снег и отопление. Чтобы иметь возможность выйти из дома, приходится каждый день расчищать снег. Кроме того, необходимо ежедневно колоть дрова и растапливать печь. Каждое утро Волковых встречает холод: за ночь печь остывает, и ее приходится заново растапливать. Вечером печь стараются растопить сильнее, чтобы в доме дольше сохранялось тепло. Хотя Волковы отапливаются углем, дрова им все равно нужны: для растопки котла и для бани.

Распределение обязанностей в семье Волковых традиционное. Так, на Анну ложатся обязанности по приготовлению пищи и все, что связано с детьми. За Иваном — уборка снега, ремонтные работы. Дети тоже участвуют в домашних делах: помогают в уборке, в уходе за огородом и клумбой.

Большое значение для семейства Волковых имеет сбор грибов. Волчихинский край славится своими белыми грибами, растущими в бору. Грибной сезон приходится на июнь-июль, в это время многие волчихинцы становятся грибниками. Это увлечение имеет и экономический смысл: белый гриб стоит дорого и высоко ценится, в селе новосибирские предприниматели организовали пункт приема грибов. Однако белый гриб — скоропортящийся продукт, он довольно быстро чернеет и теряет товарный вид, поэтому заниматься «коммерческим сбором» могут только те, у кого есть сушилки для грибов. Это довольно прибыльное дело: сбор и сдача грибов могут принести грибнику до ста тысяч рублей за сезон. Волковы тоже иногда сдают грибы, однако из-за работы не могут заниматься этим постоянно. Большая часть грибов (белых, сыроежек и подосиновиков) идет на засолку и маринование.

*О. Е. Прусигин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

СОВРЕМЕННОСТЬ

Свободное время Волковы проводят преимущественно в Волчихе. В будние дни Волковы смотрят телевизор, сидят в интернете, читают книги. В выходные ходят в баню. Баню топят еженедельно, по субботам или воскресеньям, причем часто топят ее даже те, у кого в доме есть душ. Баня сопровождается питьем чая и следует за воскресным ужином. Кроме того, досуг Волковых представляет собой посещение родственников, встречи с друзьями, прогулки. В селе есть одна прогулочная зона — центральная площадь, на которой в дни праздников (Новый год, День села, Первомай, День Победы) устраивают народные гулянья. По праздникам в доме культуры идут праздничные концерты, но посещают их Волковы нечасто. У Анны Волковой есть и еще одно развлечение: она ходит на кружок пения при доме культуры и поет в хоре на концертах. Различий в способах проведения свободного времени между летом и зимой немного: зимой реже выходят на улицу, с друзьями встречаются только дома. Свободного времени зимой больше.

Рисунок 5. Площадь Мира в Волчихе — место проведения различных мероприятий и народных гуляний. Фото авторов.

Выезжают за пределы Волчихи Волковы нечасто — незачем. Большую часть покупок они делают прямо здесь: для этого в селе есть «Мария-Ра» и «Аникс» (сетевые магазины), небольшие магазины продуктов и бытовой техники. Раз в неделю, по воскресеньям, собирается

рынок, на который съезжаются жители всех окрестных сел и продавцы из разных мест Алтайского края. Иногда, примерно раз в 2–3 недели, Волковы выезжают в ближайший город — Рубцовск: развезтись, купить (если нужно) что-нибудь из одежды. В Барнауле бывают редко: он слишком далеко. Анна при этом бывает в краевом центре чаще: иногда приходится ездить к начальству в краевую библиотеку.

*О. Е. Прусигин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

День Ивана и Анны

Обычный будний день в семье Волковых начинается в полшестого — семь часов утра. Село встает довольно рано: большая часть учреждений, магазинов и другой сферы услуг открывается в восемь-девять утра. Первой встает Анна: до работы ей надо успеть накормить всех завтраком, собрать Лену в школу, а потом и самой. К девяти утра почти все Волковы уже в школе: дети — учатся, Анна — работает. Утро Ивана отличается: он работает на пивоваренном заводе, у него другой рабочий график. Сотрудники завода, непосредственно занятые на производственной линии, работают по принципу 2/2: два рабочих дня сменяются двумя выходными, каждая рабочая смена длится 12 часов. На работу, в зависимости от смены, Иван выходит в семь утра или в семь вечера. В середине рабочего дня у Анны наступает обеденный перерыв: Волковы живут вблизи от школы, поэтому Анна ходит домой, дети обедают в школе, Иван (если работает в дневную смену) — в заводской столовой. После обеда работа продолжается. Первыми домой возвращаются дети: занятия у них заканчиваются около четырех часов вечера. Анна уходит около пяти вечера. По пути домой она заходит в один или несколько магазинов, покупает нужные ей товары и возвращается домой около шести вечера. После семи вечера с работы возвращается Иван.

Выходной в семье Волковых начинается иначе. В этот день семья может позволить себе встать попозже: около девяти утра. После плотного субботнего завтрака семья принимается за домашние дела. На выходные обычно переносятся наиболее трудозатратные домашние обязанности: уборка во всем доме, «генеральная стирка» и т.п. Продолжается это до обеда, после чего семья вновь выходит на участок: работает на огороде, ухаживает за клумбой, косит траву. Нередко эти заботы перетекают на следующий выходной, воскресенье. После окончания — баня и свободное время.

Дети Ивана и Анны

У Волковых двое детей: шестнадцатилетний Паша (учится в 9-м классе) и одиннадцатилетняя Лена (учится в 3-м классе). Оба ребенка посещают Волчихинскую школу № 2, где проводят большую часть времени. Учебный день в школе начинается в 8:30 утра. У Лены он продолжается до 12 часов дня, после чего — занятия в группе продленного дня. Здесь Лена успевает сделать домашнее задание, поэто-

му вечер у нее в основном свободный. У Паши учебный день длится до трех-четырёх часов дня, после чего он возвращается домой, некоторое время отдыхает и начинает подготовку к следующему дню.

Свободное время Лена и Паша проводят по-разному. Большая часть активности младшего ребенка происходит на улице, в окружении соседских детей. Летом она почти весь день играет в типичные детские игры: догонялки, прятки, казаков-разбойников; играет на стадионе, куда ее приводят родители. Зимой она ходит на каток, катается с горы. Развлечения Павла иные: он любит проводить время с друзьями, с которыми собирается несколько раз в неделю, преимущественно на выходных. Долгое время местом встречи для компаний подростков была дискотека в центре села, но из-за пандемии коронавируса ее закрыли. Сейчас основное место встречи — так называемые «вагончики» — стационарные торговые пункты на рыночной площади, а также парк. Как правило, молодежь собирается там по выходным, около девяти вечера, после чего гуляет по селу. Те, кто постарше, — распивают спиртное. Компания, как правило, собирается разнополая и разновозрастная, в таких компаниях часто образуются пары.

В ближайшее время Павлу предстоит сдача экзаменов. Он и его одноклассники видят свое будущее по-разному: значительная часть готовится к поступлению в Волчихинский колледж, некоторые — в другие ссузы, около половины планируют продолжить обучение в институтах и университетах. Большая часть хочет учиться в Барнауле или (в случае среднего образования) в Рубцовске, реже выбирают учебные заведения Новосибирска и Томска, а Москву, как правило, даже не рассматривают. Те, кто уезжает на учебу в другой город, обычно не возвращаются. Исключения составляют лишь те, кто учился по целевому направлению (да и они по окончании действия договора стремятся уехать в город), и те, кто не смог устроиться в городе, либо не может переехать по семейным обстоятельствам.

Жизнь семьи Вольфов

Иван и Мария Вольф живут в селе Усть-Волчиха, в 10 километрах от райцентра. Иван Вольф — тракторист, работающий в местном КФХ. По паспорту он Иван, но в детстве бабушка, старая немка, называла его Гансом. Работой в поле Иван занимается большую часть своей трудовой деятельности. Мария — фельдшер в местном фельдшерско-акушерском пункте. В советское время, закончив ПТУ в Волчихе, Иван вернулся в родное село, устроившись по специальности в местный колхоз. Вместе с Советским Союзом развалился и колхоз: землю разделили на паи и раздали колхозникам. Многие селяне тогда переехали в город, но Вольфы остались: во-первых, им нравилось жить в сельской местности, а во-вторых, трактористы-колхозники в городе были не нужны. Многие родственники и друзья уехали в Германию, но и от этого Вольфы отказались: мешал языковой барьер и страх оказаться там чужими.

В то время на селе как раз появилось КФХ: несколько наиболее амбициозных колхозников стали собирать земельные паи в аренду, отдали им в аренду паи и Вольфы.

Живут Вольфы в небольшом деревянном доме, построенном Иваном как только он приехал после учебы в Усть-Волчиху. Отапливается дом дровами, которые ежегодно закупаются в местном лесхозе. За сезон уходит примерно машина дров, около 8–10 кубометров. На приусадебном участке Вольфов много построек: как и большая часть жителей села, они держат довольно крупное подсобное хозяйство: корову, несколько свиней, стадо гусей и кур, выращивают картофель, разнообразные овощи. В тяжелые годы хозяйство буквально спасало местных жителей, сейчас же для многих это один из немногих источников дохода и самообеспечения: зарплаты в селе небольшие и непостоянные — приходится как-то выкручиваться. Для полива и собственного потребления используют воду из скважины. Часть продукции своего хозяйства Вольфы продают: в первую очередь молоко, которое ежедневно собирает проезжающий по селам молоковоз. Мясо и яйца Вольфы тоже продают: иногда заезжим перекупщикам, иногда — кому-то из волчихинцев или селян, по знакомству. Так же отдают и картошку.

*О. Е. Прусигин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

Рисунок 6. Фельдшерско-акушерский пункт в пос. Березовский. Фото авторов.

Важная проблема для селян — выпас скота (рис. 7), и решают ее в селах по-разному. В Бор-Форпосте, например, жители устанавливают «дежурство» и по очереди пасут коров, перегоняя их с ме-

ста на место. В Усть-Волчихе же, как и в большинстве других сел, выбирают на год пастуха из местных.

День в семье Вольфов начинается рано, около шести утра. Только проснувшись, они идут собирать яйца, доить корову, кормить свиней. Покормив скот, Вольфы садятся завтракать сами. К восьми утра Мария уходит на работу. У Ивана нет строгого графика: то, сколько он будет работать, зависит от сезона и погоды. В дни, когда работы нет, он все свое время посвящает работе по хозяйству. Мария возвращается с работы около четырех-пяти вечера. Поужинав, Вольфы вновь приступают к домашним обязанностям. Заканчивается рабочий день уже после захода солнца дойкой коровы. Выходные дни слабо отличаются от будней: практически все свободное время занимает работа по хозяйству.

Рисунок 7. Выпас скота в Усть-Волчихе. Личные подсобные хозяйства — главный источник доходов местных жителей. Фото авторов.

В течение года занятия Вольфов меняются примерно так же, как у Волковых. Отличия связаны со скотом. Коровы дают большую часть молока в весенне-летнее время и прекращают давать молоко перед следующим отелом. К зиме перестают нестись куры. Ближе к Новому году, в декабре, забивают свиней и кур. Кроме того, летом Вольфы заготавливают сено: для этого приходится договариваться с соседом, у которого есть трактор с соответствующим навесом. Сено хранят в конце участка, в стогах.

Свободного времени у Вольфов немного. Летом они чаще всего сидят на улице и общаются со знакомыми. Сохранилась старая традиция ставить около входной калитки лавку как раз для таких посиделок. Зимой на улице собраться сложно и поэтому большую часть свободного времени занимает просмотр телевизора, чтение книг и прессы. По праздникам в сельском клубе проводятся концерты, на которые ходят почти всем селом.

Рядовые покупки Вольфы совершают в сельском магазине. В селе их несколько. За тем, чего в этих магазинах не найти, Вольфы еженедельно выезжают на рынок в Волчиху. В другие населенные пункты не ездят — незачем.

Рисунок 8. Брошенный дом на окраине села Бор-Форпост. Фото авторов.

Рыночный день в Волчихе

Особое событие в жизни села — рыночный день — воскресенье. Рынок начинает работать еще до пробуждения села: первые люди — продавцы — появляются на рыночной площади и раскладывают товары, расставляют палатки. В это время приезжают и Вольфы: продают молоко. Ближе к десяти утра Волчиха просыпается: люди тянутся к рынку, приезжают жители соседних сел. Рынок наиболее активен около полудня. Влияние рынка распространяется на весь центральный квартал Волчихи: все свободные места заставлены припаркованными машинами, потоки людей движутся по обе стороны улицы Ленина — кто-то на рынок, кто-то в уни-

версам и окрестные магазины. На центральной площади и в парке появляются прогуливающиеся и отдыхающие люди, многие с покупками. На рынке торгуют несколькими основными товарами: китайской одеждой и обувью, овощами и фруктами, хозяйственными товарами и домашней утварью, мясом, молоком, молочными продуктами и колбасами. В преддверии учебного года особую актуальность получают канцтовары и учебники. Наряду с временными точками-палатками работают и постоянные — ларьки. Явно выражена «география» продавцов: так, овощами (и особенно картофелем), молоком торгуют по большей части местные жители, фруктами — жители Средней Азии, в основном киргизы (фрукты тоже оттуда), колбасами и другими мясопродуктами — гости из других городов Алтая, одеждой — торговцы, переезжающие между рынками в разных райцентрах. Рынок для села — не просто место для торговли, но и место встречи: здесь сельчане общаются на разные темы со знакомыми (в том числе среди продавцов), обсуждают новости, часто встречаются родственников. Именно на рынке чаще всего встречаются Волковы и Вольфы.

Спад в торговле начинается довольно быстро: уже к двум часам дня рынок покидает большая часть покупателей, к трем — продавцы начинают сворачивать прилавки, к четырем — остаются только постоянные ларьки, к пяти часам рыночная площадь пустеет. Между тремя и четырьмя часами разъезжаются и автомобили с парковок, селяне уезжают из Волчихи по домам. Село замирает: людей на улице мало, из окон домов слышен звук уборки, доносятся запахи варящегося обеда. К пяти-шести часам — новое оживление, поначалу в жилом секторе: люди выходят на приусадебные участки, дети выбегают играть на улицу или стадион. Своего пика активность там достигает около восьми вечера, когда местные жители собираются, чтобы поговорить, начинают топить бани, черный, резко пахнущий дым от которых поднимается над домами. К шести вечера появляются и новые прогуливающиеся в парке, на площади, преимущественно дети и молодежь. К девяти вечера все старшие и слишком маленькие жители села заканчивают дела и понемногу расходятся по домам и дворам, в то время как молодые люди и девушки, принарядившись, собираются у «вагончиков» на рыночной площади. Солнце заходит, но в окнах еще горит свет ламп и телеэкранов. Наконец, к одиннадцати-двенадцати часам вечера окна в массе своей тускнеют, закрываются универмаги, а местная молодежь возвращается домой. Остаются лишь немногие полуночники, которые заметны по синим окнам в домах. Село засыпает.

Выводы

Как видно из приведенного описания, различия в образе жизни местных жителей закладываются не по линии этнической принад-

лежности, а по линии более урбанизованное село — менее урбанизованное село. Образ жизни жителей районного центра, пункта обслуживания всего района, сочетает в себе сельские и городские черты, при этом количество сельских постепенно уменьшается. Жизнь же жителей прочих сел по-прежнему тесно связана с сельским хозяйством, так как других мест приложения труда там практически нет.

*О. Е. Прусихин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

Библиография

- Алексеев А. И., Васильева О. Е., Удовенко В. С. (2020). Сельский образ жизни: опыт изучения на примере малых сел Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. Т. 65. № 3. С. 468-480.
- Анохина Л. А., Шмелева М. Н. (1964). Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука.
- Виноградская О. Я., Виноградский В. Г., Фадеева О. П. (2002). Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // Социологические исследования. № 1. С. 61-76.
- Виноградский В. Г. (1998). Вне системы: крестьянское семейное хозяйство // Социологический журнал. № 3-4. С. 198-205.
- Виноградский В. Г. (2015). Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. № 12. С. 82-91.
- Виноградский В. Г. (1999). «Орудия слабых»: неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. № 3-4. С. 039-052.
- Виноградский В. Г. (2017). Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 101-120.
- Заславская Т. И. (1980). Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: изд-во «Наука», Сибирское отделение.
- Семенов П. П. (1880). Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб.
- Семенова-Тян-Шанская О. П. (1914). «Жизнь Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черномозных губерний. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Смирнов И. П., Виноградов Д. М., Алексеев А. И. (2021). Пространственные связи локального сообщества (на примере дер. Пронино Весьегонского района Тверской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. Т. 66. № 2. С. 236-251.
- Ткаченко А. А., Фомкина А. А. (2012). Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка: модели и методы изучения / С. С. Артоблевский (ред.). М.: Эслан. С. 49-62.
- Чистобаев А. И. (1989). Совхоз в «глубинке» Нечерноземья // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 121. № 6. С. 499-506.
- Шингарев А. И. (1907). Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Изд. 2-е. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза».

Life of Ivan and Hans in the 21st century: Volchikhinsky district of the Altai Region

Oleg E. Prusikhin, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: olegprus2000@mail.ru.

Evgeny D. Zhukovsky, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: judgin_z@mail.ru.

Oleg D. Krutov, Bachelor's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: bigolegg11@yandex.ru.

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: alival@mail.ru.

Abstract. The article describes the lifestyle of rural residents in the steppe part of Southern Siberia on the example of the Volchikhinsky district of the Altai Region. The approach applied is inspired by the book by O. P. Semenova-Tyan-Shanskaya *The Life of Ivan* which presents a 'portrait' of the typical, 'collective' villager. The authors identify a number of characters reflecting the typical social groups of the village. Local population was formed mainly by the peasant migrations of the Stolypin era (Russians) and by the deportation of the Volga Germans during the Great Patriotic War; the number of Germans was also influenced by the wave of resettlement to Germany, which had begun after the collapse of the Soviet Union. The destruction of closed communities and their resettlement in the Russian settlements of Altai led to the rapprochement of these groups and to the blurring of the ethnic-cultural boundaries between them. The authors identify differences in the lifestyle of the district center and its villages. The main employers in Volchikha are the brewery and public sector; most residents do not keep livestock; thus, they have free time. For residents of other villages, personal subsidiary farming mainly based on a cow is the main source of livelihood, which almost deprives them of free time. However, the ways for spending free time are similar for all residents of the district. The weekly market in Volchikha serves as a place for both trade and social interactions for the entire district. The authors conclude that the contemporary differences in the lifestyle are determined by the level of urbanization and the age of the settlement rather than by ethnic differences.

Keywords: rural area, lifestyle, Altai Region, Southern Siberia, peasant activities, Russian Germans

References

- Alekseev A., Vasilieva O., Udovenko V. (2020) Selsky obraz zhizni: opyt izuchenija na primere malyh sel Leningradskoj oblasti [Rural lifestyle: Research results on the example of small villages in the Leningrad Region]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 65, no 3, pp. 468–480.
- Anokhina L., Shmeleva M. (1964) *Kultura i byt kolkhoznikov Kalininskoj oblasti* [Culture and Everyday Life of the Collective Farmers in the Kalinin Region]. Moscow: Nauka.
- Chistobaev A. (1989) Sovkhoz v 'glubinke' Nechernozemija [State farm in the hinterland of the Non-Black-Earth area]. *Izvestija Vsesojuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 121, no 6, pp. 499–506.
- Semenov P. (1880) *Muraevinskaja volost: sbornik materialov dlja izuchenija selskoj pozemelnoj obshchiny* [Muraevnya Volost: A Collection of Materials for the Study of Rural Land Community], Saint Petersburg.
- Semenova-Tyan-Shanskaya O. (1914) "Zhizn Ivana": ocherki iz byta krestijan odnoj iz chernozemnyh gubernij ["Life of Ivan": Essays on the Peasant Everyday Life in One of the Black-Earth Provinces], Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.

- Shingarev A. (1907) *Vymirajushchaja derevnja: opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovanija dvuh selenij Voronezhskogo uezda* [Dying Village: A Sanitary- Economic Study of Two Settlements in the Voronezh Uyezd], Saint Petersburg: Tipografija t-va "Obshchestvennaja polza".
- Smirnov I., Vinogradov D., Alekseev A. (2021) Prostranstvennye svjazi lokalnogo soobshchestva (na primere der. Pronino Ves'egonskogo rajona Tverskoj oblasti) [Spatial connections of the local community (on the example of the Pronino village in the Ves'egonsk district of the Tver Region)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 66, no 2, pp. 236–251.
- Tkachenko A., Fomkina A. (2012) *Glubinka Tsentralnoj Rossii: opyt formalizovannogo vydelenija* [Hinterland in Central Russia: A case of the formalized identification]. *Rossijskaja glubinka: modeli i metody izuchenija*. S. Artobolevsky (Ed.), Moscow: Eslan, pp. 49–62.
- Vinogradskaja O., Vinogradsky V., Fadeeva O. (2002) Zhizn Ljuby Kuranovskoj: semija, khozjajstvo, bjudzhet [Life of Ljuba Kuranovskaya: Family, economy, budget]. *Sotsiologicheskie issledovanija*, no 1, pp. 61–76.
- Vinogradsky V. (1998) Vne sistemy: krestijanskoe semejnoe khozjajstvo [Outside the system: Peasant family household]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 3–4, pp. 198–205.
- Vinogradsky V. (1999) "Orudija slabyh": neformalnaja ekonomika krestijanskih domokhozjajstv ["Weapons of the weak": Informal economy of peasant households]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 3–4, pp. 39–52.
- Vinogradsky V. (2015) Krestijansky mir v diskurse pokolencheskoj pechali [Peasant world in the discourse of generational sadness]. *Sotsiologicheskie issledovanija*, no 12, pp. 82–91.
- Vinogradsky V. (2017) Formy neformalnosti: nevidimaja ekonomika krestijanskogo dvora [Forms of informality: Invisible economy of the peasant household]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 101–120.
- Zaslavskaja T. (1980) *Metodologija i metodika sistemnogo izuchenija sovetskoj derevni* [Methodology and Methods for the System Study of Soviet Village], Novosibirsk: Izd-vo "Nauka".

*О. Е. Прусихин,
Е. Д. Жуковский,
О. Д. Крутов,
А. И. Алексеев*
Жизнь Ивана
и Ганса
в XXI веке: Вол-
чихинский район,
Алтайский край

«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

Е. В. Серова, А. М. Никулин

Евгения Викторовна Серова, доктор экономических наук, профессор, директор по аграрной политике, директор Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». АУК «Покровский бульвар». 109028, Москва, Покровский б-р, 11. E-mail: evserova@hse.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В интервью известного экономиста Е. В. Серовой обсуждаются особенности жизненного пути ученого в области аграрной науки через описание этапов научной карьеры, связанных с учебой на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, работой в Аграрном институте, возглавляемом академиком А. А. Никоновым и работой в Министерстве сельского хозяйства Правительства РФ в начале 1990-х годов. Также многообразный опыт ученого-аграрника находит отражение в размышлениях о времени ее работы в ФАО. Особое внимание уделяется анализу направлений научных исследований в Институте аграрных исследований, а также анализу развития аграрного образования в НИУ ВШЭ. Отталкиваясь от мировоззренческих вопросов случайности и закономерности в выборе научной профессии, значения управляемости и спонтанности социально-экономических процессов в ходе аграрных реформ, Е. В. Серова обращается к системной характеристике стратегических вопросов трансформации сельского хозяйства и сельского развития в России и за рубежом, связанных с вопросами не только непосредственно экономики, но также политики и культуры. При этом подчеркивается важное значение социальных институтов, а также историко-культурных паттернов поведения сельских жителей, от которых порой в значительной степени зависят эффективность мер государственной политики в сфере рыночных преобразований. В заключительной части интервью обсуждаются перспективы развития аграрной науки и образования, а также ставится вопрос о формировании новой парадигмы развития сельских территорий в Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая наука, аграрная наука, аграрная политика, аграрное образование, экономика переходного периода, сельское хозяйство, сельское развитие

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-210-236

А. М. НИКУЛИН: Евгения Викторовна, давайте начнем нашу беседу с биографических вопросов: когда, в какую пору определился Ваш путь в аграрную науку?

Е. В. СЕРОВА: Я из тех, кого в советское время называли «асфальтный аграрий»: в сельском хозяйстве оказалась абсолютно

случайно, и случаю этому премного благодарна. Ведь я из сугубо городской семьи, москвичка в четвертом поколении, окончила экономический факультет МГУ по специальности «экономическая кибернетика». После физматшколы поступила на кибернетику, потому что математику всегда любила, а физику не очень, а это как раз математика без физики. Мое первое знакомство с аграрной тематикой случилось, когда писала кандидатскую, я занималась планированием инфраструктуры на примере картофельного комплекса Чувашии. Но даже тогда все это очень было простенько, никакое сельское хозяйство в будущем не маячило.

А. М. НИКУЛИН: Чему была посвящена Ваша кандидатская?

Е. В. СЕРОВА: Инфраструктура, инфраструктурные региональные программы и так далее. В основе была прежде всего математическая идея, которую я еще на 4-м курсе в курсовой работе нащупала, потом в дипломе развивала. Тема там все-таки была методологическая.

Момент окончания аспирантуры попал на один из тех несчастных годов, когда у нас шло сокращение кадров ИТР. Советский Союз — страна «победившего пролетариата», а когда пролетариата оставалось все меньше и меньше, а все больше и больше становилось инженерно-технических работников, надо было как-то реальность приводить в соответствие с идеологией, так что время от времени проходили сокращения в науке. Меня хотели оставить на кафедре планирования экономического факультета. Это так называемая бывшая Анчишкинская кафедра, которой заведовал очень известный российский экономист Александр Иванович Анчишкин. Но к этому времени он уже умер, и в университете было принято решение, что на кафедре можно работать лишь после двух лет практической работы. Кафедра старалась найти какой-то компромисс, так что я сидела и два месяца ждала его. Тогда за эти два месяца я поняла, что такое безработица, и не только материально. Сидение у окошка в ожидании «хорошей погоды» меня безумно вывело из себя, и я пошла искать работу. И это оказалось не просто, потому что везде тогда шли сокращения.

У меня было три предложения. Одно из них в нынешнем Белом доме — тогда там располагался Верховный Совет Российской Федерации. Я пришла устраиваться, и человек, который предполагался как мой будущий начальник, все показывал, какие у них там буфеты и все такое прочее. А я была молодая, амбициозная, мне хотелось дело делать, буфеты меня интересовали меньше всего. К тому же я с малолетства человек своевольный, не люблю, когда мне указывают. Женщинам в Белый дом тогда не разрешалось входить в брюках, и хотя я не так уж часто их ношу, но сам факт, что меня ограничивают, ввел меня в какой-то ступор. Это все, конечно, мелочи, но они сыграли роль в моем выборе. Тем временем друг моего первого мужа-физика, тоже физик, по начальному образованию из Курчатовского института, но защитивший кандидат-

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

скую по экономике, сидел в некоем институте Минсельхоза (тогда СССР) и занимался инвестициями и искал себе сотрудников. Так и «склеилась» моя аграрная жизнь, понимаете, сокращения, брюки... — в результате я поступила в институт кибернетики Минсельхоза СССР в отдел инвестиций. Вскоре этот институт передали ВАСХНИЛ, а там я попала к величайшему человеку, Александру Александровичу Никонову в группу вместе с Киселевым, Петриковым, Крылатых, Емельяновым. Вот так я попала в сельское хозяйство и ни разу за всю жизнь об этом не пожалела.

А. М. НИКУЛИН: Тут и перестройка началась?

Е. В. СЕРОВА: Да. Я написала докторскую, опубликовала по ней монографию. Тема ее до сих пор, мне кажется, интересна: сельскохозяйственная кооперация. Я поставила точку в этой своей работе, приехала в ВАСХНИЛ после отпуска, и тут меня и всю нашу группу вызывает Никонов и объявляет, что нам Верховным Советом СССР поручена разработка закона «О земле».

С этого времени я попала в такой водоворот, из которого до сих пор не могу выбраться. Когда начали писать этот закон, пришлось начитывать очень много всякой литературы, вплоть до того, что мы даже поднимали материалы 1861 года и столыпинской реформы, изучали вообще все земельные реформы в России, много работали с первоисточниками. Это была глубоко эшелонированная работа. Одновременно много общались с депутатами. Я окунулась в то, что называется *policy making*. Именно тогда судьба свела меня со многими людьми, в том числе с В. Н. Хлыстуном, который в 1991 году становится министром сельского хозяйства и приглашает меня быть его советником.

Это было время, когда мы были полны радужных надежд, что можно не только писать научные статьи, но попробовать сделать что-то в реальности. Четыре года я работала в министерстве, но это было как на фронте: «год за два». Хотя методические указания по реорганизации колхозов и совхозов, естественно, писала не я одна, но последний вариант министру на стол клала я. Печатали этот вариант на компьютере в неотопляемом министерстве, в голодное и холодное время декабря 1991 года. Стоять в очередях у меня времени тогда не было, да и зачем? Я ела только то, что мне оставляли в министерском буфете. И перед тем, как кушать на этаже министра, я удостоверялась, что нам приносили из той же кухни, что и для всех, ведь мы же боролись с привилегиями. Мне было очень важно, что нас кормят не как-то особо, а как всех остальных.

Когда я печатала этот указ, было так холодно, что я отрезала у перчаток пальцы, сделал из них митенки. Ночью у меня сгорел компьютер, и ко мне из Кремля приезжали его восстанавливать — так, впрочем, и не восстановили. Я по сохранившимся записям восстановила весь этот документ и принесла его на подпись министру в десять часов. А он спросил: «Почему так поздно?» Очень это было воодушевляющее время. Много было всего интересного, мно-

го мы сделали всяких законопроектов. А потом реформы стали затухать, затихать, и в министерстве стало скучно. Я почувствовала, что все это уже не мое.

А. М. НИКУЛИН: А в какое время к Вам пришло это ощущение?

Е. В. СЕРОВА: 1994 год. Меня министр долго не отпускал, но у меня случился микроинфаркт. В общем, на этой волне я смогла как-то уйти. И встал вопрос, куда идти? Я могла вернуться в Аграрный институт назад, но хотелось попасть туда, где мне пришлось бы за кем-то тянуться.

И мне предложили два человека работать с ними. Это небезызвестный Андрей Илларионов, создававший свой центр, и Гайдар, мой сокурсник. Особых предпочтений у меня на тот момент не было, но Гайдар был первым, и я ушла к нему. Мы создали там аграрный центр. Я считаю, что с точки зрения профессионального роста это было лучшее время в моей жизни. Нам удалось тогда сделать очень многое: сами удивлялись каждый раз, когда подводили итоги года. Я почти 15 лет не брала отпуск, суббота-воскресенье — все время работа, все время поездки. Это было наше общее правило, потому что, конечно, очень хорошо, что вся эта экономика мелом на доске расчерчена, но если ты не видишь глаза людей, о которых ты говоришь, то теория не будет работать. Поэтому надо не надо, но мы старались раз в два месяца побывать в поле, и не только в областном городе, но и непосредственно в деревне.

А. М. НИКУЛИН: Такая возможность в то время была?

Е. В. СЕРОВА: Да, мы жили на деньги проектов, очень много работали с Мировым банком, с Организацией экономического сотрудничества и развития, с ФАО, с USAID. Это была настоящая школа, мы много общались с всемирно известными экономистами, такими как Йоахим фон Браун и Брюс Гарднер, Карен Брукс, Чаба Чаки, Цви Лерман.

С одной стороны, шел профессиональный рост, с другой — наличествовали некие средства, позволявшие нам проводить исследования. Мы работали на правительство, на многие региональные структуры, на Думу, на Росстат и так далее. Это было очень сильное напряжение всех сил.

От сугубо рыночных проблем, проблем рынка, государственной политики мы все больше и больше двигались к вопросам социальных институтов и социальной психологии, понимая, что они имеют порой решающее значение. Поэтому в конце этого периода мы сместились в сторону проблем сельской занятости, альтернативной занятости, и в этом направлении также многое сделали. Итоги этой нашей работы представлены в диссертации Дмитрия Звягинцева. Потом эта диссертация была опубликована на английском языке. До сих пор в моем международном рейтинге цитирования это самая цитируемая статья, хотя, казалось бы, сколько лет прошло, и такая информация должна устаревать, но она цитируется в СНГ, Штатах, Австралии, Китае. У статьи три автора — Звя-

Е. В. Серова,
А. М. Никулин
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

гинцев, я и Цви Лерман. Собственно, работу содержательно делала вся лаборатория, просто Дмитрий Звягинцев по ней защищался. Когда работа идет коллективно, очень трудно вычлени индивидуальный вклад, но оформлял в диссертационный вид ее конкретный человек, на этом защищался и становился специалистом именно по этой тематике.

Но потом я просто физически устала от такого напряжения: 15 лет очень интенсивной работы, плюс надо было зарабатывать людям в коллективе на зарплату. В это время меня пригласили в ФАО прочитать лекцию о реформах в СНГ, в достаточно элитное в то время подразделение — Инвестиционный центр. Я прочитала доклад, после чего мне предложили там работу. Я подумала: а почему бы и нет?

А. М. НИКУЛИН: Это какой год был?

Е. В. СЕРОВА: В сентябре 2007-го я уехала в ФАО и проработала там более 10 лет, половину срока — советником директора в Инвестиционном центре. Поначалу работала в основном со странами СНГ, а дальше пошла и Африка, и Центральная Америка. В общем, опыт оказался обширный. В какой-то момент при новом генеральном директоре у нас появилась стратегическая программа деятельности ФАО, в которой было 5 направлений деятельности, 5 целей организаций. Одну из этих целей — «инклюзивные продуктовые цепочки» — отдали под мое руководство.

Параллельно с этим меня сделали директором отдела ФАО, занимающегося агробизнесом, финансами, потерями и т. д.

В 2015 году ФАО подписала соглашение с Российской Федерацией об открытии офиса по связям с Россией — это признание большой роли нашей страны. В ФАО всего 4 таких офиса — в Вашингтоне, Брюсселе, Йогогаме и России.

Россия хотела, чтобы руководил этим офисом российский гражданин, ФАО хотела, чтобы это был человек с опытом работы в ФАО, к тому же требовался определенный уровень работника. Оказалось, что все три требования сошлись на одном человеке — на мне. Это никак не связано с моими заслугами, просто опять же случайность в моей жизни. Мне предложили возглавить этот офис здесь, в России, что я практически сразу приняла, хотя процедура всяких согласований на всех уровнях длилась полгода.

Для меня это оказалось гораздо интереснее, я все-таки специалист по России, к тому же я через этот офис вернулась в Россию.

А. М. НИКУЛИН: Спасибо, Вы увлекательно рассказали о своей исследовательской деятельности на тот период. Но Евгения Серова известна и как педагог: тогда же Вы выпустили учебник по аграрной экономике.

Е. В. СЕРОВА: Да, я забыла сказать, что практически одновременно с переходом в Гайдаровский институт я получила предложение от только что созданного университета ВШЭ, от ректора Ярослава Кузьмина, который тоже мой сокурсник, он предложил

мне почитать аграрную экономику. Я начала как полставочник, читала у вечерников и дневников. И практически сразу, я еще даже не дочитала курса первый год, как появился проект TACIS на создание новых учебников. Ярослав Иванович уговорил поучаствовать для массовости, хотя я была совершенно не готова. До этого читала лекции эпизодически, там и сям, в РАНХиГС, в тогдашней АНХ, курс писала «с колес»: прочитывала лекцию и начинала писать следующую, так что никак не могла считать себя преподавателем. И тут мне предлагается писать учебник, да еще под эгидой проекта международного уровня. Я долго сопротивлялась и буквально в судорогах начала этот учебник писать. Ведь я из той части людей, которые под стрессом работают лучше. Мне не все, что я хотела, удалось, но, в общем, я справилась с задачей. Хотя сейчас бы сделала по-другому, но на тот момент, считаю, получилось достаточно удачно, учебника современного уровня на тот момент у нас не было.

А. М. НИКУЛИН: Да, Ваш учебник стал базовым для многих университетов.

Е. В. СЕРОВА: Причем он был достаточно известен и в Казахстане, и в Армении, то есть на всем русскоговорящем пространстве. Через какое-то время мне предложили даже кафедру. Сначала она называлась «микроэкономики», позже — «аграрной экономики». Потом курс стал по выбору, тем не менее студентов приходило очень много, я ими не обделена, практически всех, кто у меня был, люблю, со многими поддерживаю контакт до сих пор. Аспирантов у меня было немного, но все оказались заметны: Оля Шик, Наталья Карлова, Дмитрий Звягинцев, Маргарита Гражданинова.

А. М. НИКУЛИН: Несколько раз было упомянуто: вот это случайность, и то случайность, и на пути выбора в науке и профессионального роста. Но в жизни, как правило, случайно везет прежде всего действительно сильным.

Е. В. СЕРОВА: Наверное, в этом что-то есть. Но, еще раз говорю, я в сельское хозяйство попала, потому что муж встретил своего друга на улице, а тот случайно сказал ему, что есть вот такая вакансия. А мог и не сказать, не обратить на это внимания.

Когда я попала в сельское хозяйство, то вначале много комплексовала из-за того, что я не «с земли». После того как оказалась в деревне, я уже и за трактором гусеничным посидела, и корову подоила.

Когда предполагали, что стоит только людям дать землю, так они пять коров заведут, это говорили теоретики, которые никогда не видели артритные руки у женщин, которые вручную доят этих коров. Поэтому для меня был очень важен Шанинский сельский проект, это величайшая школа. Я и в Сибирь, и в Саратов поехала, посмотрела и почитала. Участники этого проекта делали уникальные вещи, в их исследованиях показано значение на селе социальных институтов. Поскольку у меня опыта сельской жизни не было,

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

я стремилась его компенсировать, например, хотела пойти заочно поучиться в сельскохозяйственный институт, но умные люди сказали, что я там большого образования не получу. Тем не менее этот комплекс не-агрария у меня долго оставался.

Один наш известный экономист в те годы рисовал на доске кривую роста «Вот, смотрите, как у нас ЛПХ растет, уже по 3 коровы, а завтра будет по 5»; я же все время говорила: «На этой кривой скоро будет загиб, будем выходить на плато. Не может человек руками доить 5 коров».

А. М. НИКУЛИН: Что Вы могли бы сказать о путях развития аграрного сектора? Было ли предопределено, что с развалом Советского Союза произойдет и долгосрочный спад 1990-х годов в сельском хозяйстве, его определенная архаизация? Или все-таки можно было бы провести экономические, сельскохозяйственные реформы с меньшими издержками?

Е. В. СЕРОВА: С моей точки зрения, сегодня многие — и противники, и сторонники — переоценивают возможность планового проведения реформ у тогдашних реформаторов. Сторонники пытаются доказать, что те хорошо управляли процессом, знали, куда идут, а противники считают, что всё развалили намеренно, «вашингтонский план» и бог знает что еще. Мое представление, а я все-таки была внутри процесса: очень много было стихийности.

А. М. НИКУЛИН: Спонтанных решений.

Е. В. СЕРОВА: Решения были вынужденные.

А. М. НИКУЛИН: В духе Льва Толстого: «это только кажется маршалам и генералам, что они определяют ход сражений».

Е. В. СЕРОВА: Да, хорошее сравнение. Именно так. Мне кажется, что многое шло стихийно, многое предопределено было тем ужасом, который сложился к этому моменту. Ведь человек плохо представляет ужас, кажется, что все еще хорошо, а на самом деле внизу уже полная труха, поэтому, когда рухнуло, кажется — да вот вечера еще стоял дом, а вы сегодня пришли, а он упал. На самом деле там уже дома не было, была иллюзия этого дома. И мне кажется, китайский вариант такого реально управляемого реформирования мы проскочили где-то после смерти Сталина, если б какой-нибудь наш Дэн Сяопин тогда появился!

А. М. НИКУЛИН: Более прагматичный лидер.

Е. В. СЕРОВА: Если бы были те, кто мог экономически удержать страну и давать указания на места делать то-то и то-то, то у нас какой-то дэнсяопиновский вариант мог бы случиться в 1950-е годы. В 1990-е это уже было абсолютно невозможно.

А потом (у меня есть статья на эту тему), если мы посмотрим на все страны, которые переходили от централизованно планируемой к рыночной экономике, их все можно разделить на две группы: страны индустриальные или индустриально-аграрные и экономики аграрные. Китай — пример аграрной экономики, здесь в огромных хозяйствах колхозов был преимущественно ручной труд, тяп-

кой работают 100 человек и получают чашку риса в день. Когда эти 100 человек становятся индивидуальными работниками, вы выигрываете в их мотивации и ничего не проигрываете на масштабе производства. Все то же самое, но мотивация возрастает. А в индустриальной экономике в больших хозяйствах используются индустриальные технологии, и когда вы их делите на маленькие хозяйства, то, может быть, выигрываете на мотивации, но очень сильно проигрываете в масштабе производства. Так что если вы посмотрите на индустриальные и индустриально-аграрные страны, то там при разделе (приватизации, реституции, не важно, как называли) крупных хозяйств на мелкие происходит провал производства.

А. М. НИКУЛИН: Я даже помню Ваш доклад конца 1990-х годов на Никоновских чтениях, в котором приводилась табличка с перечислением различных реформаторских мер и соответствующих аграрных экономических показателей среди постсоциалистических стран, испробовавших различные пути реформирования сельского хозяйства (с реституциями, без реституций и так далее). У постсоциалистических индустриальных стран, так или иначе, был серьезный спад в аграрной экономике. А ее рост в это время наблюдался только в трех действительно крестьянских странах. Это Китай, Вьетнам и Албания.

Е. В. СЕРОВА: Да. Есть еще и социальная сторона вопроса: там, где вы получали чашку риса и стали получать три чашки, вы увидели прогресс. В индустриальных странах привыкли покупать в магазине продукт переработанный и упакованный, более-менее стандартизованный. А с реформами эта система рухнула (например, система контроля безопасности продовольствия). Население вынуждено было ухудшить качество своего продовольствия. Это, безусловно, привело к недовольству, к ощущению регресса. При этом совсем изменилось не столько даже падение само по себе потребления и покупательной способности, сколько качество этого потребления. Китаец, в те годы мог, грубо говоря, покушать с земли, на тряпочке расстелил, главное, что я наконец-то могу кусочек мяса купить, а для советского человека то, что пришлось с лотков продукты покупать, выглядело как резкое падение, резкое ухудшение уровня жизни, что также повлияло на социальное отторжение реформ.

Я думаю, что во всем этом транзите очень важно было понимать, что падение и все остальное было неизбежно. Если теперь взять индустриально-аграрные страны, в число которых попадает Россия, и сравнить нас, допустим, с более развитыми восточными землями Германии...

А. М. НИКУЛИН: Там все-таки постсоциалистические реформы прошли наиболее успешно.

Е. В. СЕРОВА: Но там также был неоднозначный результат. При оценке результатов реформы нужно оценивать не точку, куда общество пришло в результате реформ, а дистанцию, которую до этой

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

точки пришлось пройти. Россия в этом смысле уникальна. Нас отличает, во-первых, период, прошедший со времен коллективизации, в какой бы она форме ни была. У нас раскрестьянивание произошло очень давно, предпринимательство в сельской местности вытравлено, много людей уехали из сельской местности в города. Опустынивание огромное. В Венгрии можно жить в деревне и работать в городе. В России во многих регионах такое сложно себе представить.

Раскрестьянивание привело к тому, что в селе возникли «частичные работники», то есть очень специализированные. А фермер должен быть универсальным работником. Сколько мы видели этих вновь возникших фермеров, бывших механизаторов или бухгалтеров, которые завели скот и не знают, как отел принять. Понятно, ведь они были уже не крестьяне в традиционном понимании.

А. М. НИКУЛИН: Какой отрезок времени Вы имеете в виду?

Е. В. СЕРОВА: Переходный постсоциалистический период. Я помню в 1988 году на первой полосе «Правды» статья с саркастическим вопросом в заголовке «Трактор в частную собственность?». После этого вопроса предполагалось «ха-ха-ха». А сегодня у нас частная собственность на землю. Так что мы сделали огромный цивилизационный скачок.

Лет пять назад в Парме на конференции Европейской ассоциации аграрных экономистов я с коллегами по ФАО организовала секцию по транзиту: где мы сейчас, куда мы пришли, что дальше, насколько устойчивы те результаты, которых мы достигли. На секции выступил Ульрих Кёстер, один из гуру аграрной экономики Германии, действительно, очень умный человек. Он сформулировал положения, которые я, как собака, уже чувствовала, но еще не могла проговорить. Я абсолютно с ним согласна, что, начиная транзит, мы все плохо представляли, как много зависит от институтов, причем от неформальных институтов даже в большей степени. Это способности предпринимательства, культурные коды, культура деловая.

Когда-то мне приходилось возить наших зерновиков на зерновую биржу в Будапешт, ею командовал тогда венгр, но поскольку у него русская мама, то он свободно говорил по-русски. Это оказалось важно, потому что не было языкового барьера, люди хорошо понимали друг друга. Но был культурный барьер: российские коллеги не могли понять, что если человек подписал контракт, то в любом случае должен поставить зерно. Наши спрашивали: «Ну а если он не поставит?» Он говорит: «Но он же подписал». — «Да, подписал, но не поставит». — «Ну как это? Значит, суд присудит ему поставить». — «А он не поставит». Люди говорили на одном языке, но абсолютно не понимали друг друга. Это опять же дистанция, которую необходимо было преодолеть.

А. М. НИКУЛИН: Я думаю, что сейчас мы ее преодолели. Договоры составляются так, что их можно не проверять, и культура выполнения обязательств выросла во много раз.

Е. В. СЕРОВА: Вы представляете, какой путь мы прошли? Это разве сопоставить с тем путем, который пришлось преодолеть Центральной и Восточной Европе? Я считаю, что Россия сделала огромный рывок. Теперь по поводу результатов, к чему мы пришли, к чему не пришли.

А. М. НИКУЛИН: Из начала 1990-х в начало 2020-х? Каковы были тогда идеалы и какой оказалась реальность?

Е. В. СЕРОВА: Еще раз говорю, не было идеалов. Я сидела тогда «внутри власти», и все эти четыре года не было такого, чтобы Сакс что-то диктовал. Саксу так, может быть, и хотелось, но этого не было. Потом, когда он увидел результат, то сказал: «Я им говорил, они меня не слушали». Все эти советники, все эти идеалисты от власти, кто приходил с проектами, уходили ни с чем. Все прописанные ими идеалы, с моей точки зрения, были абсолютно к реальности не привязаны и на жизнь не оказывали влияния. Они были предметом интеллигентских споров уже не «на кухнях», а на публичных площадках, часто интересных и не очень книжек. А к реальной политике отношения это не имело. А если и имело, то я бы сказала, негативное, потому что вело порой к созданию неработающих законов.

Как только мы ушли от централизованно планируемой экономики, а сделали мы это стремительно, просто в один присест, то все рухнуло, как проеденный термитами дом — в одно мгновение. Еще были попытки работать старыми методами. Например, в Орловской области в 1992 году выпускали указы таким-то и таким-то коммерческим банкам выдать сельскому хозяйству кредиты под такой-то процент, хотя понятно, что уже не было никаких механизмов заставить коммерческие банки выдавать какому-то там кредиты под фиксированный процент. Ну могли выпустить закон «О зерне» — классический пример неработающего закона, в который все мечтатели вписали, что они хотели. Но это оказался закон не действующий, не оказавший никакого влияния на жизнь. Конечно, шли долгие изнурительные, но абсолютно бесплодные споры про крупных и мелких фермеров, про холдинги, но жизнь все откорректировала.

Вертикальные холдинги изначально возникли у нас в основном из-за отсутствия деловой культуры, когда нужны гарантии на крупные поставки, а поставщики ведут себя оппортунистически — это классика теории вертикального интегрирования. Сейчас говорят, что крупные хозяйства оттягивают на себя основную долю государственной поддержки. Так и во всем мире субсидии оттягивают на себя крупные хозяйства по куче причин, о которых сейчас не будем говорить. Здесь мы абсолютно не уникальны. Просто вся та институциональная среда, которая у нас была, логика развития экономики в этот момент привела к такому решению. Вот представьте, вы — молочный завод, у вас выбор, покупать у тысячи мелких производителей молоко, даже пусть оно все качественное, или у трех крупных производителей. Выбор очевиден.

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

Когда Данон приходит в Польшу и видит кучу мелких производителей, у него нет выбора — он приспосабливается и покупает у мелких. Данон приходит в Россию и обнаруживает, что можно покупать у трех крупных вместо 100 мелких.

Вот еще один пример роли институтов. Как я говорила, докторская у меня по кооперации. Я ездила и изучала кооперацию по всему миру: в Америке, Германии, Франции, Англии, смотрела законодательство, встречалась с кооператорами. И должна сказать, что в России мы уже никогда не будем иметь кооперацию, как бы ни мечталось. Мы проскочили момент, когда это можно было развивать. Сегодня кооперативные функции взял на себя частный бизнес, он с этой задачей справляется и потребности в кооперации нет.

Кооперация могла бы помочь этому мелкому разрозненному производителю, если бы в разговоре с Даноном он выступал в качестве одного кооператива, в который объединились бы тысяча мелких. Но вся предыдущая история российских крестьян, официальный принудительный коллективизм отучил их от любых кооперативных действий. А это самое главное. Если люди согласны умирать поодиночке, но ни в коем случае не объединиться, то это вина отсутствия института коллективных действий, взаимного доверия.

Конечно, мелкие производители не исчезнут, даже порой будут успешны, но они займут определенные ниши. Например, нельзя малину-чернику собирать суперкрупными предприятиями, всегда найдутся люди, которые хотят покупать не промышленное яблоко, а фермерское, выращенное в семейном саду.

Мне кажется, сегодня с сельским хозяйством у нас все более-менее ничего. У нас современное, очень высокотехнологичное сельское хозяйство, в передовых хозяйствах технологии порой даже лучше, чем в некоторых европейских странах. Могут возразить, что есть много слабых, технологически крайне отсталых производителей. Да, бесспорно, это так. Но государство долгое время пыталось поддержать там производство, мотивируя это социальными целями. В ситуациях, где себестоимость устойчиво выше цены, надо спасать не сельское хозяйство, а людей. Нужно развивать альтернативную занятость, иные источники доходов для этого населения.

Мы исходим из того, что сельскую жизнь надо сохранить, даже если сельское хозяйство на территории стало неэффективным. Но многие экономисты, не аграрные в своем большинстве, считают, что если аграрное производство умерло, люди оттуда уехали — так тому и быть. Будем жить в 13 мегаполисах, и хорошо. Но не хорошо! В бывшей деревне будут руины, а не птички-цветочки. Опять же мы не можем быть страной с огромной неконтролируемой территорией. Поэтому нужно сельскую местность содержать, и это императив, который не подлежит, с моей точки зрения, обсуждению. Просто не везде людям надо заниматься сельским хозяйством. Понятно, что сельским туризмом или грибами-ягодами все проблемы не решить, но есть куча и других занятий. Сегодня интернет

есть почти в каждой деревне, куча людей может заниматься журналистикой, писательством, моделированием, дизайном, пиаром. Не обязательно, раз ты в деревне родился, тебе дорога на ферму. Сегодня в сельской местности при наличии нормальной инфраструктуры можно заниматься чем угодно.

А. М. НИКУЛИН: Да, возьмем, например, такой новый сельский феномен, как экопоселение. В основном у нас их создают горожане-интеллектуалы, часто тон задают программисты-айтишники, которые любят работать на пленэре. Ну и поддержите их в этом.

Е. В. СЕРОВА: Абсолютно точно. Иными словами, нужна инфраструктура. Мы при профессиональном разговоре понимаем, что у нас очень много территорий, где качество деревенского населения не позволяет надеяться на возрождение хорошей жизни. Это и алкоголизм, и наркомания, деградация уже дошла до такой степени, что там рождаются больные дети. Я думаю, что после естественного ухода этой части населения начнется повторная колонизация сельской местности. В Москве как в мегаполисе с 20–30 миллионами граждан и с соответствующим темпом жизни будет психологически находиться непросто. Большой город — это очень большая нагрузка. Я уверена, что часть населения начнет уезжать в сельскую местность, не ездить туда-сюда, а именно работать из сельской местности.

И это питает надежды на возрождение села в хорошем европейском понимании, когда село — это не значит навоз, грязь, второсортность. Кроме того, в деревне очень быстро копируются образцы жизни. Если один сделал резное окошко, на следующий год вся деревня в резных окошках, это мы знаем. Один сделал баню, через год у всех бани.

А. М. НИКУЛИН: Действительно, все такие новшества достаточно стремительно распространяются через сельское соседство, которое сейчас развивается и через интернет. Между прочим, по доступности интернета в сельской местности Россия сейчас одна из ведущих стран.

Тогда такой вопрос. Поработав 10 лет в ФАО, как Вы можете охарактеризовать с точки зрения, так сказать, «глобальной деревни», что происходит в сельской России, каковы тенденции и противоречия?

Е. В. СЕРОВА: Вы знаете, ФАО работает в развивающихся странах. Другое дело, что мне пришлось в свое время поездить по деревням и в Европе, и в Америке, но сравнивать с Америкой и Европой здесь бы я не стала. Если сравнивать с развивающимися странами, я бы сказала, у нас не так все плохо, как нам кажется. Очень все неплохо. Я поехала по сельскому Китаю, причем нам не диктовали, куда ехать, куда не ехать, мы просто катались с туристическими целями, но группа состояла из аграриев, поэтому нас всех интересовало примерно одно и то же. Увидели мы там убожество во многих местах страшнейшее. Это было в 2009 году.

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

Что нас от того Китая отличало? В первую очередь там было очень позитивно настроенное население, основная его часть считала: «Да, сейчас-то я живу плохо, но в этом году мы умудрились купить велосипед, а в следующем году мы, может быть, и мотоцикл купим». Понимаете? У нас, еще раз скажу про «чашку риса и три чашки риса», просто многие еще помнят советский опыт, так что у нас хуже по ощущениям, но такую деревню, что приходилось мне видеть в Китае, на Ямайке или даже в Киргизии, крайне сложно у нас найти. Все-таки у нас никто не живет на земляном полу.

А. М. НИКУЛИН: Расскажите о своем жизненном пути после работы в ФАО.

Е. В. СЕРОВА: Я планировала стать пенсионером, потому что, если честно, уже устала работать. Но Ярослав Иванович Кузьминов сильно уговаривал и уговорил открыть аграрный институт в Высшей школе экономики. Спасибо ему за условия, которые он предоставил, нам удалось перетащить сюда довольно много серьезных людей. Проблема создания аграрного института в «Вышке» заключалась в том, что здесь не было аграрных экономистов, которые могли бы из одного подразделения перейти в другое, нужно было «перекупать» «ключевых» людей из мест, где они работают. И удалось собрать команду: Рената Янбых, Алексей Наумов, Наталья Карлова (коллеги, с которыми я раньше работала). Надежду Орлову раньше не знала, но благодарна, что мне ее посоветовали. У нас сейчас уже больше 15 человек «под ружьем».

А. М. НИКУЛИН: Коллектив сформировался?

Е. В. СЕРОВА: Да, коллектив хороший, мы одинаково «заряженные» люди, с общим пониманием экономических процессов — притом что у нас нет дисциплины «на думанье», каждый способен высказать то, что он считает правильным, но какая-то общая линия складывается.

А. М. НИКУЛИН: Пандемия наложила отпечаток на вашу работу?

Е. В. СЕРОВА: Да, все это немного осложняло жизнь. Но пандемия на финансы не очень повлияла, а вот санкции этого года, конечно, нас подкосили, потому что мы много работали с мировыми организациями — с Мирбанком, с ФАО, с ОЭСР, и все они практически прервали с нами отношения. Что-то мы писали для коммерческих организаций, но поскольку многие рынки схлопнулись, для них это стало тоже не интересно. Но мы как-то все же выбрались: институт работает.

Сбылась моя давняя мечта — учить аграрных экономистов. С аграрными экономистами в стране плохо, их никто не готовит, 15 лет назад была закрыта специализация, что оказалось большой ошибкой. Для работы в аграрном секторе недостаточно простого экономического образования. Многие экономические концепты в аграрной сфере имеют особенности. Например, открытый когда-то Чаяновым эффект загибания кривой предложения назад,

эффект земельной ренты, очень специфические финансы. Мы нашли понимание у руководства университета, нам разрешили открыть магистерскую программу, в 2022 году прошел первый выпуск. Чуть слабее, чем мы мечтали, но это — вопрос времени. В этом году у нас уже пятеро иностранцев подали документы на программу — из Ганы, Нигерии, Индонезии — круги разошлись. Что-то делаем для государства, для частного сектора, для международных организаций. Публикаций у нас довольно много, причем скопусовских.

А. М. НИКУЛИН: Для России создание подобной головной интеллектуальной аграрной организации всегда было важной задачей, особенно на этапах трансформации сельского хозяйства. Взять того же Чаянова: он начал с сельскохозяйственного семинара, потом появился в 1920-х годах его знаменитый Институт сельскохозяйственной экономики, тоже с международными связями. В годы перестройки реализовывалась идея принципиально нового аграрного института, о котором Венжер писал в своих письмах Николу и Горбачеву. А сейчас достаточно бурно происходит аграрная трансформация. Ощущаете ли Вы себя в некоторой степени «первопроходцем», который пытается создать новую динамичную структуру?

Е. В. СЕРОВА: Когда я создавала свой Центр аграрной политики, то тогда — да, было мало аграрных исследовательских центров современного типа. Я помню, коллеги из Мирового банка приезжали и говорили: «Мы поедем “во глубину сибирских руд” и там найдем еще аналитиков». Я сказала, что после поездки в Сибирь они все равно вернуться к нам, потому что никого не найдут. Сейчас это уже не так. Появились исследовательские аграрные центры, которые проводят хорошие исследования. Ваш центр, центр Натальи Шагайды, очень много центров отраслевой аналитики, в том числе и в отраслевых союзах. И уровень знаний самого бизнеса стал другим, приходится встречаться с довольно образованными его представителями.

А. М. НИКУЛИН: Да, бизнесмены-аграрники такие любознательные! Они сами ездят за границу, ищут исследовательские центры...

Е. В. СЕРОВА: Это то, чего не было в середине 1990-х, когда я создавала первый центр. Говорить, что мы — какой-то главный центр, я бы не стала. Потому что много сейчас хороших центров, с которыми я готова с удовольствием сотрудничать, признаю их авторитет в конкретных вопросах. Когда мы создавали наш институт, мы пытались найти тематику, в которой у нас есть какие-то сравнительные преимущества, чтобы не дублировать и не конкурировать с другими исследовательскими центрами, в которых это уже делается хорошо.

И мы выбрали четыре темы. Первая — анализ политики. В центре Натальи Шагайды это делается, но мы взаимно дополняем друг друга. Вторая тема — рынки: исследуем общее понятие о рынках,

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

не конкурируя с отраслевыми аналитиками рыночной конъюнктуры, не опускаясь в каждодневную аналитику. Допустим, экспорт — что нужно, какие экспортные стратегии и т. д.; или тематика сельскохозяйственных потерь, устойчивости сельского хозяйства — такие в рынках больше стратегические вопросы, чем конъюнктурные. А вот то, что совсем было слабо в аграрной сфере, с моей точки зрения, — это экономика инноваций в сельском хозяйстве. И это мы, я считаю, подняли на другой уровень. Это направление включает в себя и аграрное образование, и экономику инноваций, и устойчивое развитие как одно из инновативных движений. В тот момент Гордеев был вице-премьером, он посоветовал заняться нашим четвертым направлением — сельским развитием. Как показал опыт, это оказалось довольно перспективно. Стратегию для госпрограммы мы писали в свое время в 2010-м, и тоже оказались здесь полезными. Такой вот круг тем.

Мы стремимся фокусироваться на стратегических направлениях исследований. Говорить не только о ценах текущего года, а о том, что нам светит в перспективе 10 лет с точки зрения развития спроса, развития технологий, общего мирового политического тренда с учетом цикличности. Исходя из этого мы запустили (надеемся, ежегодную) конференцию по стратегии развития сектора — так называемый аграрный Outlook. Мы хотели бы немного повернуть бизнес и policy-maker'ов к стратегическому мышлению, к рассмотрению проблем АПК на 10-летнюю перспективу. Мы также проводим регулярную конференций по инновациям — «Сельское хозяйство 4.0».

Основной проблемой исследований сегодня будет, безусловно, сокращения международных связей.

А. М. НИКУЛИН: И что же в этих условиях делать?

Е. В. СЕРОВА: Если не удастся сотрудничать с «first best» (то есть с исследовательскими центрами Европы, США, других стран ОЭСР), надо идти к «second best» — в Китай, Бразилию, Индию, Иран, Индонезию, там есть неплохие аграрные исследовательские центры. Сегодня в мире основным фактором роста сельхозпроизводства являются технологии и наука, а для этого нужны кадры — и чтобы разрабатывать новые технологии, и чтобы эти инновации применять. В образовании тоже нужны люди, владеющие этими технологиями. Поэтому в нынешних условиях нам нужен Китай — мы там были, знаем, какие деньги у них выделяются на аграрную науку, они даже не могут их освоить, их слишком много. Понятно, что никто нам ничего просто давать не будет, но наука — это всегда сотрудничество. Спасибо, что коллеги из Великобритании и Венгрии продолжают читать курсы нашим студентам, но не знаю, что будет дальше — для европейцев это определенные репутационные риски. В прошлом году было подписано соглашение с Университетом Вагенингена, но сейчас им правительство не разрешает такое сотрудничество. И мы поставили его на паузу. Остаются взаимоотношения на индивидуальном уровне. Есть направле-

ния, где мы могли бы искать партнеров, мы были заточены на один мир, но есть еще и другой.

А. М. НИКУЛИН: Порой нашу аграрную науку упрекали в отрыве от практики — что производство само по себе, экономика — сама по себе, ученые или те же агровузы сами по себе. У вас существуют контакты с реальными аграрными производителями, холдингами, фермерами?

Е. В. СЕРОВА: Безусловно. Мы провели опрос крупного бизнеса, неформально, в беседах (к сожалению, пандемия прервала). Я лично беседовала с С. Филипповым из «Дмитровских овощей», с В. Семеновым и другими. Один из вопросов был про взаимодействие с отечественной наукой, и люди отвечали, что даже если и есть где-то ценные разработки, но «воспитанная» советской системой наука не хотела приспосабливаться к новой экономической ситуации.

Я помню директора Ростсельмаша, который говорил в начале 1990-х: «Мое дело — произвести, а дальше вы уже сами решаете». Продавать — это не была задача производителя. И в 1998 году это изменилось. Вот Черкизовский мясокомбинат, которому на день нужно огромное количество сырья, иначе он просто встанет. В России с начала реформ производители не могли продать мясо, сбыта не было, а комбинат закупал мясо за границей, по более высокой цене — и понятно, почему: зарубежная поставка была гарантирована и по объему, и по качеству, и по сроку. Отечественный же поставщик все время то одно, то другое нарушал. А Черкизово — это большой завод, для которого недопоставки — огромные потери, и чтобы их избежать, он готов платить дороже. Как только в 1998-м импорт стал невозможен из-за девальвации рубля, пришлось работать с отечественными производителями. Им просто сказали: «Будете делать то, что нам нужно, или я тебя покупаю». Уже через пару месяцев после дефолта начался рост в пищевой промышленности, а в 1999 году — в сельском хозяйстве: просто переработка перестроила свои логистические цепочки на внутреннего поставщика, «построила» этого поставщика под свои нужды. То же самое сейчас произойдет и с технологиями. Понятно, что в 1999-м рост начался не во всем сельском хозяйстве, не во всех отраслях, где-то больше, где-то меньше, кто-то использовал шанс, кто-то нет. То же самое сейчас будет с технологиями: у нас есть технологии, есть селекционные достижения, никуда это не ушло. Может, чуть хуже, чем у какой-нибудь «Сингенты», но они есть. Единственное, поставлять не умеют. Гибриды поставляют без гербицидов, например, а покупателю удобно, когда поставляют всю технологию. При чем надо понимать, что айтишный бизнес можно вывести из страны, а землю в карман не положишь, аграрный бизнес никуда не денется. Отдельные бизнесмены могут уехать, но бизнес останется здесь, он будет вынужден остаться. А коли он здесь остается, то ему нужны технологии. И побегут к нашим, будут говорить с ними так же,

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

как с поставщиками сырья в 1999-м и 2008-м: «Либо ты мне поставляешь так, как мне надо, либо я тебя покупаю и будешь работать моим подразделением на меня». Где-то это будет успешно, сейчас трудно сказать, в каких секторах, это все зависит от научных подразделений. При этом, я подчеркиваю, — они есть. Не такая уж у нас пустыня в этом смысле, но не умеют работать с бизнесом. Сейчас это заставят делать обстоятельства. Где у нас ничего нет, есть разные другие возможности, не обязательно все самим производить — экономика надорвется. Значит, пойдет «альтернативный импорт». Кормовые белки, может быть, в Европе лучше, чем в Китае, но можно жить и на китайском — придется приспособливаться. Кроме того, не все зарубежные компании прекращают поставки. Одно дело — «Макдоналдс», который виден на каждом углу, если он не уйдет, у него будут большие репутационные потери, его же видно. А какая-то компания, поставляющая белки или вакцины на российский рынок, кто ее видит, кто ее знает? Если правительство не будет жестко контролировать, то можно и продолжать. Но это продовольственные технологии, они обычно под санкции не подпадают, «страну-изгнанника» голодом не морят. Мировое общество еще не дошло до такой ситуации.

А. М. НИКУЛИН: Наша страна еще и крупный экспортер продовольственной продукции.

Е. В. СЕРОВА: Совершенно верно. Это участие России в глобальных цепочках: если Россия не поставит вам пшеницу, то вы макароны не сделаете, не вывезете их на экспорт. Россия не поставит лен — вы льняные ткани не сделаете. Поэтому я думаю, что не все уйдут, кто-то останется. Вначале было страшно в этом смысле — что произойдет? Скажем так, любой кризис — или вы помрете, или станете здоровее. Я думаю, что определенное позитивное развитие для продовольственного сектора будет. Я это же говорила в 1998-м, когда случился тот кризис. Я была в ОЭСР экспертом долгие годы, и в 1998-м на обсуждение пришли макроэкономисты и говорили, что теперь никаких инвестиций не будет, все, конец... Я сказала, что не понимаю, почему же. Пищевая промышленность как раз получает много инвестиций — деньги малорисковые, это же не в турбину вкладывать. Сырный заводик или пекарня — это мелкая инвестиция, низкорисковая, а вкладывать деньги куда-то надо. На меня сначала махнули рукой, мол, что там понимает этот мелкий аграрный экономист, а через месяц мой знакомый позвонил: «Мы регистрируем рост инвестиций в пищевую отрасль в России! Расскажи подробнее про свою логику!» А после инвестиций в пищевую промышленность начинается рост сельского хозяйства. То же самое произойдет и сейчас: это будет неким толчком нашим отечественным технологиям и науке. И еще раз говорю: надо все это поддерживать, в том числе государственной политикой в широком смысле. Да, сейчас нельзя работать с Университетом Вагенингена в Нидерландах, но можно работать с институтом риса в Индонезии, с цен-

трами в Китае, Индии... В конце концов, «зеленая революция» пошла из Индии, наука-то там есть!

А. М. НИКУЛИН: Конечно!

Е. В. СЕРОВА: Поэтому нужно восстанавливать международные связи. Не надо этой «оукленности», что мы вот тут зубы зажемем и все сами, все сами... В этой сфере такое не работает.

А. М. НИКУЛИН: Фактически мы перешли к принципам современной сбалансированной политики Российской Федерации, тем более в таких кризисных условиях. И одно из направлений касается технологий, без международной кооперации здесь не победить, всех «аграрных велосипедов» не изобрести. А с другой стороны, это вопросы соотношения крупного и мелкого аграрного производства, где найти «чаяновский оптимум» в их взаимодействии?

Е. В. СЕРОВА: Большой вопрос российской интеллектуальной жизни — что лучше: крупное или мелкое? Понимаете, это вообще не тема для научного исследования: где-то лучше крупное, где-то — мелкое. Это вообще не задача государственной политики. Равенство государственного отношения, допустим, к мужчинам и женщинам заключается не в том, что женщина может стучать молотом по наковальне, а в том, что с учетом специфики женского организма ей молотом не разрешают стучать и дают декретный отпуск. Вот это — равенство, создание равных условий. То же самое, равное отношение к крупному и мелкому, не значит, что «всем сестрам по серьгам». Просто мелкое производство — специфическое, и ему нужны специфические меры поддержки. Если мы говорим, что у нас равенство в том, что любой может прийти в банк и получить кредит, то мелкий производитель не всегда может его получить, и здесь требуются какие-то специфические меры. И так по всем. Равенство государственной политики по отношению к разным формам производства заключается в создании методов, релевантных самой форме, тогда это будет «про равенство». Почему для государства важно поддержать и тех и тех? В Америке, например, существует так называемый «аграрный фундаментализм», провозглашенный Паалбергом. Он звучит так: семейный фермер — это хороший гражданин, это основы демократии.

А. М. НИКУЛИН: Эта американская мечта идет еще от Джефферсона.

Е. В. СЕРОВА: Ну да, но сформулировал этот «аграрный фундаментализм» аграрный экономист Паалберг. Я далека от того, что «семейный фермер в России — это основа демократии». Для меня бывают хорошие и плохие холдинги и хорошие и плохие фермеры и с точки зрения социального развития, и с точки зрения экономики. Но для устойчивого развития сектора, особенно продовольственного сектора, обязательно нужен мелкий бизнес. Причем не только в самом сельском хозяйстве, но и в переработке, в услугах, по всей продовольственной цепочке. Это — своего рода буфер. В 1990-е годы в критической ситуации нас спас ЛПХ.

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

А. М. НИКУЛИН: Мелкий, даже мельчайший.

Е. В. СЕРОВА: Да! Я обычно рисую студентам гипотетическую картинку: все молоко у нас производят, допустим, 4 компании. И представим, что у каждой компании — четверть рынка. Но время от времени любая компания может обанкротиться — ошибку сделали где-то, болезни напали, это же сельское хозяйство. Очевидно, что будет какое-то конкурсное производство, и работу компании-банкрота опять запустят. Если бы это была металлургия — ничего страшного, что ушло четверть рынка, через год опять начнет поступать продукция. Но четверть рынка молока, мгновенно пропавшая, это угроза продовольственной безопасности страны. Молоко должно быть каждый день. Если четверть пропала — значит, резко выросла цена и не все эту цену осият. И только мелкий бизнес — в производстве, в доставке, в переработке — может смикшировать эти последствия. Поэтому весь крупный бизнес должен быть «облеплен» мелким и средним для устойчивости сектора. Особенно там, где это связано с продовольствием, где мы не можем терпеть год без части продукции. Именно с этой точки зрения нам нужен эффективный мелкий и средний производитель, который будет этот сектор делать устойчивым. И государственная политика должна быть разная по отношению к мелкому и к крупному именно ради создания равных условий.

А. М. НИКУЛИН: Некоторые говорят: ладно, положим, вы сможете накормить страну. Но у вас не развита сельская инфраструктура — нет дорог, сельское население постарело, муниципалитеты нищие и полностью централизованные, поэтому сделать достойную жизнь сельского населения, как в Германии или в Швеции, — это мало выполнимая задача.

Е. В. СЕРОВА: Давняя моя идея, что сельское развитие и сельское хозяйство не связаны. Мы должны эти вещи разделить. У нас сегодня только 19% сельского населения работает в сельском хозяйстве (от региона к региону по-разному).

Сельское развитие — это не сельское хозяйство, надо это понимать. Не говоря уже о том, что где-то там — лес, а где-то — рыба. Мы накормить себя и мир можем десятком регионов, где развито сельское хозяйство. Но вот есть риски «неразвития» сельской территории, которые мы не так давно для Минсельхоза анализировали и сошлись на трех группах рисков: политические — страна не контролирует всю свою территорию, все концентрируется в 13 мегаполисах. Это иллюзия, что пограничники что-то могут, интрузия будет моментальная — рядом находится Китай с его колоссальной плотностью населения. Вы просто отдаете «в никуда» территорию. И это иллюзия, что там, где ушла деревня, там пастораль — все равно какие-то люди там останутся. Но оттуда ушло государство, и мы так свалимся в худшую форму феодализма, когда из города в город надо было ехать с отрядом вооруженных людей. Оттуда ушла милиция, ушла почта, ушла соцслужба. Какое-то население

там будет, но одичалое. Поэтому эту сельскую территорию нельзя запускать с политической точки зрения.

А. М. НИКУЛИН: Да, это глубинка, ставшая, как «заброшка» — природная и социальная.

Е. В. СЕРОВА: Экономические риски: если нет сельского населения, то начинается вахтовый способ обработки земли. Чем плох этот метод в сельском хозяйстве? Это всегда превышение экологической нагрузки — использование интенсивных технологий. Если я тут живу, я гербицидов выше нормы не налью, а другое дело — на две недели приехал, вспахал, все залил «химией» и уехал. И это экономически дорого — возить людей туда-сюда, обучать их — вахтовая экономика всегда оказывается дорогой. Еще — у нас огромное количество ресурсов, которые нам даны, выпадают из производства, мы сами от них отказались. Если там нет населения, если нет деревень, ягоды-грибы мы не собираем, а это большая статья экспорта. Мы не используем лесные ресурсы, водоемы, а в них рыба, травы. Особенно за Уралом у нас будет экономически не использоваться огромное количество ресурсов.

И еще сфера — внутренний туризм, это одна из богатейших отраслей, во всем мире это Клондайк! И это выпадает, потому что — ну кто же поедет в дикие (одичавшие) места?

Социальные риски. Концентрация людей в мегаполисах ведет к ухудшению качества жизни городского населения. Всякие пандемии, транспортные пробки, ментальные болезни, жизнь в этих человекниках. Еще ухудшение качества жизни сельского населения — падение средних показателей уровня жизни в стране, в регионе, а это — инвестиционная привлекательность, хотя сейчас, может быть, это не столь важно. Но когда у вас средние показатели человеческого капитала падают, падает привлекательность и экономическая.

Кроме того, не надо забывать, что деревня — это огромный пласт национальной культуры. Мы теряем огромный кусок национальной культуры. Городищенская резьба по дереву, вологодские промыслы...

А. М. НИКУЛИН: Мы немного занимались исследованием сельских промыслов. К настоящему времени они почти все перекочевали в города. Но культура самого сельского образа жизни, это тоже национальное достояние.

Е. В. СЕРОВА: Да! И я исхожу из того, что любая потеря краски в культуре или в языке — это всегда плохо.

Экологические риски — одичание территории. Это также и уход местных пород и сортов, это огромная потеря в биоразнообразии. Местная коза, может, и не самая продуктивная, но она держатель генофонда, генетического разнообразия. Ушел астраханский арбуз, мы уже не восстановим его. В Алма-Ате вот успели яблоки «Апорт» сохранить. В Европе нет нормального помидора, там уже они как мыло, идешь по помидорному ряду — нет помидорного запаха! Это

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

«спрямление» генетических линий не только ухудшает качество питания населения, это страшно и с точки зрения устойчивости сельского хозяйства. Ведь что такое биоразнообразие? Мы вывели один сорт пшеницы, главный. Ну два. И вот на эти сорта напала какая-то гадость, болячка или что-то еще, а у нас нет генофонда, позволяющего вернуться назад и начать другое направление селекции. Так что с этой точки зрения сельское развитие безумно важно!

По совокупности этих причин сельское развитие — один из приоритетов национального развития.

Старый подход состоял в том, что все сельское развитие было «как улучшить качество жизни тех, кто там уже живет» и «развитие магистральных направлений» — нужно тянуть газопровод, ЛЭП, а если куда-то невыгодно, значит, эту деревню будем переселять. Или — уровень зарплаты в сельской местности ниже, надо ее приравнять к городской. Но в городе у вас и банки, и менеджеры, и политики, и киношники — сельская местность никогда с городской не сравняется по среднему уровню дохода. Другое дело, что у вас в село люди стали перемещаться. Никита Покровский говорит: не «сельское население», а «внегородское». Сегодня люди не живут в городе или в деревне, а три месяца в Москве, три месяца — в Тверской области, три месяца на Кипре — это распределенное место жительства. Если посмотреть на Запад, все штаб-квартиры, за исключением, наверное, Майкрософта, располагаются не в крупных городах, а в маленьких городишках, потому что там — дешевле. И когда крупный менеджер приезжает жить во «внегородскую среду», у вас начинает расти уровень жизни. Мультипликативный эффект, да и просто средний показатель зарплат по селу растет. В Плесе два городских человека сделали из него такую конфетку, только мечтать можно! Плес — полторы тысячи населения, деревня, а не город, хотя и имеет статус города. Городские люди, приезжающие в деревню, перестраивают ее под себя, там устанавливается другой образ жизни, это хорошо видно по Подмосковию.

Пандемия показала, что все можно делать удаленно. Вам нужны устойчивый интернет, хорошая дорога, чтобы скорая за 15 минут доехала/долетала, все остальное можно делать в интернете. Я в пандемию давала интервью какому-то центральному каналу, шла видеозапись. Говорю: «А вы могли бы сидеть где-то в отдаленной деревне в Тверской области и брать у меня интервью?» Он хохочет: «Вы не поверите! Я как раз сию именно в отдаленной тверской деревне и беру у вас видеointервью!» Я все два года пользовалась телемедициной. Причем в поликлинике врач общается с вами 15 минут, а по телефону я разговаривала два часа. Понятно, что в тяжелом случае нужно везти в больницу, но два часа со мной врач ни в одной поликлинике говорить не будет. Здесь это было, причем за очень скромное вознаграждение. Дети так учились в школах — да, была плохо, потому что родители не могли контролировать занятия, потому что не у всех дома есть отдельное поме-

щение для занятий и пр., но почему бы не посадить в одной комнате разновозрастных детей, а учитель-воспитатель следит, чтобы они были за компьютером, занимается внеклассной работой с ними. При таком удаленном образовании вести занятия могут московские или областные учителя, а не деревенские.

Сегодня нужно создать условия, чтобы жизнь в сельской местности стала привлекательной. Мировой опыт показывает, что 25–30% любой нации предпочитают сельскую жизнь — но с теплой ванной и туалетом. И с интернетом. Поэтому надо, чтобы государство вкладывалось в инфраструктуру, хотя бы начальную, а потом богатый человек откроет и рестораны, и парикмахерские, и тротуары проложит. Но если нет интернета, он ничего этого делать не будет — никакой бизнес невозможен без мобильной связи. Итак, начальная точка для развития сельской местности сегодня — создание инфраструктуры, которая позволит гражданам там жить.

А. М. НИКУЛИН: Согласен, «возвратная миграция» имеет громадное значение.

Е. В. СЕРОВА: Второе: если в какой-то сельской местности все еще живут люди, то мы должны найти более дешевый способ обеспечить им социальную и инженерную инфраструктуру. Сейчас парадигма такая, что если туда экономически невыгодно поставлять что-то, мы людей оттуда выселяем. Нужен иной императив! Исполкон века здесь живут люди — если невыгодно туда тащить трубу, значит, надо привозить газгольдер. Невыгодно тянуть ЛЭП — значит, будут солнечные батареи... У нас Якутия — самая инсолированная область мира! В Китае в каждой деревне стоит солнечная батарея — где такое в Якутии? Сейчас они вроде бы начинают что-то делать. У нас по закону, если вы на своем доме ставите солнечную батарею, вас включают в систему, вы получаете льготный тариф. А если вы ставите коллективную батарею в деревне, никаких льгот не будет.

Нужен переход на альтернативное обеспечение инфраструктурными услугами. Количество коек в сельской медицине сократилось — да это счастье! Если человек реально заболел, его нужно везти в хорошую областную больницу, главное, чтобы его вовремя успели довести, а там, где большие расстояния, нужны вертолеты, малая авиация. Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму. Но это не значит, что не надо помогать тем, кто там уже живет! А уровень жизни будет повышаться, если 25% населения захочет жить в сельской местности, сможет туда поехать и пожелает своим детям там остаться.

Для того чтобы это получилось, нужна государственная поддержка местных инициатив. Ведь местные знают лучше, что нужно. Это тоже приходилось долго ломать, потому что чиновники считали, что родители лучше знают, что ребенку нужно. Я спросила: а вы считаете, что там живут дети неразумные? Вы лучше знаете, что им нужна школа или ФАП, а не мост? Дайте им возможность вы-

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

брать! Но при этом должно быть софинансирование, то есть те, кто выдвигает инициативу, должны быть готовы участвовать в ее реализации финансово, потому что «хотелка» без софинансирования не работает. А если я готов своим рублем участвовать, это значит, что это мне очень нужно. Если я готов заплатить за школу 10%, а за мост — 50%, это означает, что приоритеты именно таковы.

В современном законодательстве о развитии сельских территорий предусмотрены такие инициативы от граждан, муниципалитетов и бизнеса. Но совершенно не идет софинансирование от бизнеса. А ведь если бизнес пришел в эту деревню и хочет построить там дорогу, значит, деревня живая. Он оплатит 50% дороги или газа, или энергоснабжения. До сих пор Минсельхоз работал по-другому: нам вот здесь надо строить школу — бизнес, заплатишь? А должно быть равным счетом наоборот! Не заплатит он, ему школа не нужна, а вот если бизнесу нужен газ для своих работ, он заплатит 50 или даже 70%, а государство уже остальное! Или городские жалуются: «У нас нет возможности реализовать то, что хотелось бы, нас воспринимают как чужаков, мы не включены в местные программы, нам говорят, что у нас «барские затеи», хотя это направлено на благоустройство сельской местности». Плохо Минсельхоз работает с городскими инициативами, с группами людей, не обязательно с бизнесом. Дачники хотят сделать кафе в своей деревне и готовы оплатить — это же прекрасно! Да можно просто собрать идеи! Вот что Александр Мерзлов делает — люди же едут путешествовать по его списку ста самых красивых деревень!

А. М. НИКУЛИН: Все-таки хотелось бы спросить про планы Вашего института, связанные с сельским развитием России, и Ваши личные.

Е. В. СЕРОВА: Можем пожелать смены парадигмы в головах политиков. И мой опыт показывает, что это занимает лет 5–7. Помните Заверюху? Он мне как-то кричал на заседании правительства: «Евгения Викторовна, как Вы не понимаете...» — и дальше шла дословная цитата из моей статьи пятилетней давности. Идея стала общей. Что-то меняется, и здесь даже не вопрос денег. Софинансирование — это рычаг, вы можете софинансировать всего 10%, но это позволяет поднять деньги населения или бизнеса.

А. М. НИКУЛИН: Политическое мышление, политическая воля?

Е. В. СЕРОВА: Воля есть, они уже поняли, что нельзя всех загнать в мегаполис... А вот подходы! «Мы знаем лучше, что им нужно!» — вот это надо менять. «Да разве горожанин поедет в деревню!» — утверждают в Минсельхозе. А поедут!

Я в 1990-х поехала за границу, и сразу в Англию. У нас была потрясающая команда — фермеры, журналисты и ученые. Мы даже встречались с принцем Чарльзом, который патронировал главную аграрную выставку Англии. Говорили, что мы были первой делегацией «улыбающихся русских». Мы много ездили и видели, как живут английские фермеры. И после этого я проехала по всем

фермам тех российских фермеров, с которыми мы там были. Вы не поверите, но практически все они, вернувшись из Англии, сделали теплый туалет и теплую ванну внутри дома! Жили с «будочкой на задах», а тут увидели, что можно по-другому! Конечно, не финская сантехника еще стояла, но все-таки! Вы в городе никуда не выпрыгнете из своих «квадратов», а в деревне — были бы деньги! Три этажа вверх, пять — в стороны, как хотите.

А. М. НИКУЛИН: Да, с деньгами люди быстро обустриваются, моментально перехватывают опыт и теплых туалетов, и цветников около дома...

Е. В. СЕРОВА: Горожане приносят с собой идеи и деньги. Нужно баню построить, за садом ухаживать... В Астраханской области есть место, где не рыбачат, не купаются, а только наблюдают за лотосом в период цветения. Это был очень большой бизнес, гостиницы до пяти звезд — горничные, транспорт, повара... Местная администрация мне плакалась, что все налоги уходят в Москву. Да, неправильно, так не должно быть. Но один такой домик сколько кормит семей? Насчитали, что 9 семей получают с этого дохода. Поэтому сельское развитие — это не только про тех сельских жителей, что там живут, это появление других людей. И не только тех, кто там родился, выучился и вернулся, это могут быть горожане, которые устали от города.

А. М. НИКУЛИН: Получается, что речь должна идти не только о процессе нашей незаконченной урбанизации, но и о новой «рурализации».

Е. В. СЕРОВА: Это возвратная миграция в село, я это называю «ре-колонизация сельской местности».

А. М. НИКУЛИН: Среди этих «новых селян» есть и бизнесмены, и идеалисты-ЗОЖники, просто дачники. Я люблю приводить пример по экопоселениям. В России 25 лет назад их было несколько, сейчас почти 400, и это больше, чем во всем Европейском союзе. Но в Евросоюзе экопоселения начинались еще с 1970-х, с хиппи, а у нас с конца 1990-х их образовалось больше, чем в ЕС. И в них живут в хорошем смысле идеалисты.

Е. В. СЕРОВА: В начале XX века такими были «толстовцы». По мышлению это такие же «толстовцы».

А. М. НИКУЛИН: Да, это похоже на Генри Торо, Льва Толстого — «жить в согласии с природой, с самим собой»...

Е. В. СЕРОВА: Таких людей много. И они должны иметь право получать софинансирование на обустройство своей сельской местности. Есть сейчас программа сельского развития, в которой прописано, что НКО могут подать на софинансирование своего проекта. Обустройство территории, на которой они живут, может финансироваться из этой программы. Но у нас, если посмотреть, программа работает только на муниципалитеты. Происходит так: муниципалитет собирает сельский сход: «Что будем строить?» — «Вот это!» — «Вот, население поддержало». Опять эта бюрократия

тия... отсутствие такого видения. А экопоселение, фактически это НКО у нас.

А. М. НИКУЛИН: Там тоже разные организационные формы. Главная их проблема — земля. Как правило, им выделялись колхозные неудобья, которые не обрабатывались, и там тоже есть земельные проблемы, порой конфликтные.

Е. В. СЕРОВА: Даже запросить деньги на межевание — это же тоже обустройство территории.

Был период, когда в сельском хозяйстве напортили очень много, в частности, Кудрин регионализировал субсидии. Если посмотреть на другие государства, там субсидии в основном федеральные. Если вы их спускаете на регион, начинаются «торговые войны» между регионами. Татарстан против Чувашии в производстве молока: у Татарстана денег много, идет их активное субсидирование, а Чувашия «вымирает», хотя природно-климатические условия одинаковы. Субсидии должны быть федеральные, чтобы в стране был единый рынок. Как и ветеринария должна быть федеральная. Представляете — главный ветеринар региона утверждает губернатором, но это должен быть «государев человек», который скажет: «Хоть ты и губернатор, я тебе запрещаю вывоз свинины отсюда!» А тут он им назначен! Гордееву удалось частично это вернуть... А сельское развитие — это всегда региональные программы, всегда платит регион, потому что он лучше знает, что там надо делать. У нас все программы сельского развития были федеральные, а субсидии сделали региональные. Программа сельского развития — это Минсельхоз, но еще же куча программ, которые делают другие ведомства. В Минздраве ФАПы, например, открывают тоже централизованно — столько-то ФАПов на столько-то человек. Минсельхоз делал опрос по ФАПам — ну не нужны им эти ФАПы, население их оценивает очень низко. Или липецкий губернатор говорит: «Я приезжаю к себе в деревню, население собралось, говорят: “Нам бы клуб построить!” Я говорю: “Слушайте, вам только что новую школу построили, вот стоит!” — “Да зачем нам эта школа нужна, у нас детей нет, нам бы клуб!”» Построили, потому что кто-то решил, что надо школу. А потом еще проблема в этой всей программе — у губернатора нет КРІ по уровню жизни в сельской местности, зато у него есть КРІ по росту региональной экономики. А строительство ФАПов, школ — это же строительство, которое резко увеличивает региональный продукт. Ему строителей городских кормить нужно. Если бы выборный был губернатор, то КРІ ему был бы не нужен. Вообще, КРІ в государственном управлении, с моей точки зрения, бред. КРІ — это только в бизнесе. У губернатора или мэра один КРІ — это выборы. А если тебя выбирают, значит, не надо никаких показателей, доказывающих, какой я хороший — меня переизбрали, значит, я хороший. И уровень жизни в сельской местности не волнует, ему нужно строить. Строить школу, ФАП, мост, газопровод тянуть...

Газопровод проводят, а у людей нет денег врезаться, газгольдер решил бы многие проблемы. В общем, тема большая. И я считаю, что сельское развитие — это одна из важнейших национальных задач, не потому, что это сельское хозяйство, а потому, что развитие территории страны.

А. М. НИКУЛИН: Да, развитие ее пространственного потенциала.

Если продолжать фантазии Чайнова, я думаю, что, может быть, иногда перевернутся эти «песочные часы», может, у нас будет революция Urban farming, и все будет заполнено «вертикальными фермами», а жильцы многоэтажек переберутся в сельскую местность и будут жить на пленэре? И города станут крупнейшими производителями сельхозпродукции!

Е. В. СЕРОВА: И опять же, мы с вами отвязываем развитие сельского хозяйства от развития сельской местности! Теоретически может быть «городское сельское хозяйство».

Есть два типа людей. Одному нужна городская суета, даже без привязки к возрасту, другому это тяжело, ему хорошо в деревне. Только дайте нормальные условия им. И там могут быть штаб-квартиры крупных компаний, колл-центры, жить художники, журналисты... Там может развиваться наука, не связанная с лабораториями.

А. М. НИКУЛИН: Да, кто-то любит «городские джунгли», кто-то — деревенскую тишину, а кто-то хочет комбинировать то и другое.

Питирим Сорокин ввел понятие «сельско-городского континуума», но я бы сказал, что должен быть «сельско-городской континуум» аграрной сельской политики. Чтобы эти переходы были динамичными. Он это у американцев обнаружил. У них это только начиналось. Потом Ильф и Петров это дополнили, а потом весь мир пошел по этому пути.

Е. В. СЕРОВА: И еще одно соображение — демографическое: в селе легче содержать детей. Богатый человек в Москве — это одно, богатый человек в сельской местности может позволить себе больше детей, чем имеет сейчас в городе, при прочих равных условиях. В селе я могу построить пять спален для детей, могу следить за детьми, работая дома.

А. М. НИКУЛИН: Я был в колхозе имени Достоевского, это в Зарайском районе. Его создали культурные проектировщики из Коломны, которые решили привлечь туда горожан. Там организованы семейные лагеря на лоне природы, где горожане участвуют в процессе создания биоразнообразия: подсаживают разные растения, изучают травы, птиц и т. д. Закладывается сад с местными сортами яблок. Все это работает и на Коломну. Можно сказать, что произошла культурная революция, когда город, развиваясь через изначально городские культурные проекты — Коломенская пастила, Коломенский калач, музей «Бабьей доли» и других музейных проектов, вышел из городских пределов и в своих культурных

*Е. В. Серова,
А. М. Никулин*
«Сегодня в сельском развитии главное — сменить парадигму»

исканиях отправился в сельскую местность. Вот вам инициатива и внегородского развития. Таких проектов становится все больше.

Е. В. СЕРОВА: Я вижу задачу, чтобы государство увидело это и поддержало. Ценна даже маленькая поддержка от государства. А правительство не замечает, какой это огромный потенциал развития сельской местности. И остается классический «лоббистский» подход, что сельское хозяйство надо поддерживать, чтобы село не вымерло.

“Today, in the rural development, the main goal is to change the paradigm”

Evgeniya V. Serova, DSc (Economics), Head of the Institute for Agrarian Studies, National Research University Higher School of Economics; Pokrovsky Blvd., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: evserova@hse.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. In the interview, the famous economist E. V. Serova talks about the features of the life path of the agrarian scientist and describes the stages of her scientific career — studies at the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, work at the Agrarian Institute headed by the Academician A. A. Nikonov and in the Ministry of Agriculture of the Russian Government in the early 1990s, and later in the Food and Agriculture Organization (FAO). The interview pays particular attention to the research directions at the Institute for Agrarian Studies and to the development of agrarian education at the Higher School of Economics. Based on the ideas of randomness and regularity in the choice of the scientific profession, on the meaning of controllability and spontaneity of social-economic processes in the course of agrarian reforms, Serova identifies the system features of the strategic transformations of agriculture and rural development in Russia and abroad, which are related not only to economy but also to policy and culture. At the same time, Serova emphasizes the importance of social institutions and historical-cultural patterns of the rural residents' behavior, on which the efficiency of the state measures in market transformations largely depends. The final part of the interview focuses on the prospects for the development of agrarian science and education, in particular on the need for a new paradigm for the development of rural areas in Russia.

Keywords: economics, agrarian science, agricultural policy, agrarian education, transitional economy, agriculture, rural development

О сущности добра

Рецензия на книгу: Эткинд А. Природа зла. Сырьё и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 504 с. ISBN 978-5-4448-1155-9

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-237-245

Британский и американский профессор Александр Маркович Эткинд самым названием своей книги о роли сырья в становлении и функционировании государственности в истории разных стран уже озадачивает: «Природа зла» — это о злом нраве матушки-природы или о философском смысле понятия «зло»? На страницах книги обе эти ипостаси заглавного словосочетания идут рука об руку, особо друг другу не противоречат: вы наносите природе ущерб, причиняете явное и очевидное зло — будьте готовы зло же и получить в ответ. Да еще какое — если, конечно, вовремя не одумаетесь. Очень хорошо основную суть этого произведения раскрывают слова философа Г. Б. Юдина, вынесенные на обложку издания: «Героиня этой книги — природа. Но это вовсе не добрая и заботливая мать-природа, которую мы привыкли защищать и охранять от себя самих. Сквозь историческое повествование Эткинда проступает образ природы, бесстрашно создающей одну за другой жестокие политико-экономические структуры, перемалывающие человека. Человека, который наивно верит в свою свободу, власть и превосходство над тем, чего он не в силах понять».

Сам автор так объясняет, ради чего задуман и создан этот мощный обобщающий текст, сплетающий воедино разные области гуманитарного знания: «Смысл моей книги не в том, чтобы дать редуцирующее объяснение человеческому опыту; наоборот, он в том, чтобы научиться различать партнеров в пшеничном зерне, конопляном волокне или куске угля. Эти частицы освоенной природы сложнее и разнообразнее, чем своенравие замечательных людей или унылая предсказуемость власти. Мир — это уникальное

единство человека и природы; и раз уж изменить его не удалось, надо понять, как он устроен. В нашу мрачную эпоху это и есть задача Нового Просвещения» (с. 13). Уже на основании этой небольшой цитаты из рецензируемого текста можно предположить, что «Природа зла» отличным языком излагает весьма актуальные проблемы и, следовательно, может быть прочитана, что называется, «без унынья и лени». Хотя сразу возникает вопрос, на какую нишу в сложившейся системе гуманитарного знания она претендует. Как видим, философ назвал это «историческим повествованием». Я бы как историк скорее увидел здесь философствование — часто в виде априорных умозаключений — по поводу тех или иных более или менее известных и доказанных исторических событий. И право судить о том, что есть добро и что есть зло, автор во всех очень разнообразных и разноплановых ситуациях оставляет за собой.

В подтверждение приведу несколько более обширную выдержку из того же предисловия. «Нечеловеческие факторы истории, — пишет Эткинд, — взаимодействуют со страждущими, надеющимися или, наоборот, разочарованными людьми. Хорошая история всегда переплетает разных людей, страны и дисциплины; самый глубокий уровень такого переплетения — связь между ресурсами и институтами, между сырьём и трудом и, наконец, между природой и моралью. Так материальная история соединяется с интеллектуальной: людей не понять без того, что они сами так хорошо знали в своём мире, — без шёлка и зерна, золота и угля. И обе — история материалов и история идей — переплетаются с историей нравов. Если в междисциплинарной истории есть своя царица наук, то это моральная история. Ни происхождение государства, ни империи и революции, ни глобальное потепление не понять, игнорируя политическое зло — его разновидности, изменения и источники» (с. 11-12).

И опять, как видим, язык изложения действительно хорош. Все три части книги с их многочисленными главами и параграфами написаны в этом стиле и в общем-то читаются с интересом. Но нельзя не заметить, что тон несколько менторский, что ли. Я, мол, знаю природу зла, и не извольте сомневаться: сказал «зло», значит — зло. Просто далее идёт весьма категорическое утверждение, что это самое «политическое зло» есть внутреннее и международное насилие, публичная несвобода и экономическое неравенство. И это якобы «давно известно». Надо полагать, возражения не принимаются. А возражение-то на поверхности: всё перечисленное есть не что иное, как естественное состояние человечества — на уровне семьи, сельской общины, страны, международного сообщества. И это тоже давно известно. А уж добро это или зло, от человека зависит, от того самого «страждущего, надеющегося и разочарованного», от конкретной ситуации. «А судьи кто?» — сказал бы поэт. Чтобы закончить здесь с языком,

которым написан рецензируемый текст, обращаюсь к утверждению М. А. Кронгауза. В своей знаменитой книге «Русский язык на грани нервного срыва» он обозначил советскую лингвистику 1960-х годов как «самую точную из гуманитарных наук и самую гуманитарную из точных». Смысл этой фразы, очевидно, в том, что на уровне словоупотребления солгать, сфальшивить невозможно. А в области словоупотребления Эткинд — настоящий профессионал.

Первая из трёх частей, составивших его труд по «моральной истории» экологии, называется «Материальная история». По объёму она больше второй и третьей частей — даже вместе взятых, которые озаглавлены соответственно «Интеллектуальная история» и «Энергетическая история». В её шести главах излагаются те революционные последствия, которые имели для наших давних предков овладение огнём, навыками выращивания зерновых культур, употребление в пищу мяса и рыбы, добыча соли и производство сахара, изготовление тканей из волокон льна и конопли, знакомство с удивительными свойствами различных металлов. Хронологию развития человечества по пути материализма автор даёт весьма вольно: «Только на поздних стадиях истории человеческие хозяйства стали достаточно продуктивными для того, чтобы одни могли создавать излишки, а другие забирать их. Создание первых аграрных государств Месопотамии произошло за последние пять процентов истории человеческого вида. В самом конце её началась эра ископаемого топлива. По длительности она составляет всего четверть процента человеческой истории» (с. 36). Вот и считай, сколько нам, людям, лет и когда у нас началась эра ископаемого топлива.

Четыре главы второй части книги повествуют о том, как социально-философская мысль Запада и России (в качестве интегрированной части Запада) металась в поисках теоретических основ эволюции человечества в эпоху *антропоцена* и попытках углядеть логику дальнейшей глобальной социальной эволюции, её ближайшие перспективы. Слово, которым обозначена наиболее интересная для автора эпоха в истории человечества, он комментирует так: «В отличие от историков, которые думают десятилетиями, геологи считают миллионами лет. В недавних дебатах геологи согласились назвать нынешнюю эпоху антропоценом: человек изменил природу так, что её нельзя исследовать вне этого влияния» (с. 459).

В своих размышлениях о том, куда же движется наша эпоха, Эткинд опирается на наследие западноевропейских интеллектуалов, иногда воздавая должное и нашим соотечественникам, например, А. В. Чамянову. «Эта книга евроцентрична, — пишет он, — и, более того, сосредоточена на историческом опыте Северной Евразии, от Англии и Голландии до России. Опыт Глобального Юга приобрел доминирующее значение в нашу постмодернистскую,

постколониальную и постсоциалистическую эпоху» (с. 12). Последнее, должно быть, надо понимать так, что приходит пора повнимательнее посмотреть, что обо всём этом пишут в странах Глобального Юга. Себе же в этом глобальном мозговом штурме он отводит скромное, но достойное место: «Полезно здесь и понимание ранних эпох европейской истории, в которых Маркс видел первоначальное накопление, Поланьи — великую трансформацию, а я вижу в них действие меркантильного насоса (см. главу 9, центральную в этой книге)» (с. 13).

Давайте посмотрим, что учёный подразумевает под «меркантильным насосом», какую реальность или закономерность глобального исторического развития фиксирует он, вводя этот термин. А заодно лишний раз зададимся вопросом о том, можно ли говорить о каких-то больших исторических закономерностях, которые работали бы в Англии и Голландии так же, как в России. Не хватит ли с нас пресловутого марксизма-ленинизма, который при ближайшем рассмотрении и к Марксу, и к Ленину имеет весьма и весьма опосредованное отношение? Следует признать, что не только в девятой, но и в предшествующих главах книги много места отдано теории и практике меркантилизма в истории западноевропейских стран, прежде всего Англии. Приводится много фактов в подтверждение той мысли, что меркантилизм во времена, последовавшие за приобретением ведущими европейскими государствами заморских и заокеанских колоний, составлял достойную конкуренцию теории и политике фритредерства, свободного рынка и конкурентной торговли. Интересно, что времена эти благополучно продолжаются и по сей день в том смысле, что на мировой политической карте всё ещё есть страны и государства, стремящиеся максимально использовать ресурсы других регионов мира неокOLONIALными методами.

Особое внимание автор уделяет развитию колониальной торговли и тому, как это воздействует не просто на внутренний рынок метрополии, но на сам образ жизни в её сельской местности. «Превращение метрополии в огромную фабрику, перерабатывающую привозное и местное сырьё, — пишет он, — было самой сутью меркантилизма. Без этого Британская империя не имела бы экономического смысла, не случилось бы и Промышленной революции. Центральным звеном этой новой системы была динамическая конструкция, которая с разными видами сырья работала по единой схеме; я называю её меркантильным насосом. Он обеспечивал перевод нужд дальней торговли в изменения внутри крестьянских семей. Он перекачивал землю и труд из натуральных хозяйств в производство товаров, готовых к экспорту» (с. 352-353). Всё логично. Меркантилизм как забота государства о нуждах местной промышленности и экспортной торговли подразумевает большие возможности государственной казны для

обеспечения постоянной финансовой поддержки этих направлений социально-экономической политики. И неизменным условием становится расширение возможностей внутреннего потребительского рынка за счёт крестьян, которые на рубеже позднего Средневековья и Нового времени продолжают оставаться большинством населения метрополии — даже в Англии. Крестьяне же, получая широкий доступ к дешёвым продуктам питания, ввозимым из колоний, с одной стороны, обеспечивают государству «призрачные акры» (см.: с. 42, 68), т. е. те бесценные площади пашни, которую они должны были бы обрабатывать, чтобы обеспечивать себя сырыми и скоропортящимися продуктами в натуральном хозяйстве и на внутренних рынках; с другой стороны, оказываются перед необходимостью денежного приработка, который, в частности, вполне достижим переработкой в домашних условиях шерсти тех овец, что щиплют травку на «призрачных акрах».

Но ведь это то, что мы называем раскрестьяниванием. Да, и Эткин с этим вполне согласен: «Интенсификация сельского труда вела к его совмещению с городским трудом и, значит, к разрушению крестьянского образа жизни — его “моральной экономики” вместе с пресловутой “ленью”. Уже в середине XVIII века в Англии не было крестьян, какие были везде в континентальной Европе, то есть людей, полностью специализировавшихся на аграрном труде. Текстильная промышленность Англии, распределённая по деревенским коттедгам, была столь эффективной, что вела к коллапсу более зрелой промышленности итальянских городов — Венеции, Флоренции, Болоньи. Важный вопрос ресурсной истории в том, что именно вывело сельские домохозяйства Англии, а потом и всей Европы из гомеостаза моральной экономики? Что повернуло их на магистральный путь преиндустриального капитализма?» (с. 144). Я вполне согласен с тем, насколько важен этот вопрос. Для методологии крестьяноведения он является одним из центральных и принципиальных. И именно поэтому, полагаю, требуется небольшой комментарий к тому, как он здесь сформулирован.

Словосочетание «гомеостаз моральной экономики» считаю очень удачным, но всегда настаиваю на том, что российское крестьянство из этого «морально-экономического» состояния так и не вышло — ни в XIX веке, ни даже на протяжении значительной части XX века. Не менее удачным представляется мне и сама концепция «меркантильного насоса», и то, как блестяще — и теоретически, и риторически — Эткин обосновывает её эвристический потенциал при осмыслении истории Англии и некоторых других стран Европы. Но не России. Ещё Ленин в «Развитии капитализма в России» в 1899 году делал подобную попытку, однако очень скоро удостоверился, что последующие хитросплетения основных социально-политических событий

в нашей стране происходят как-то иначе¹. А ранее Маркс в своём знаменитом ответе на письмо В. И. Засулич предостерегал молодых русских марксистов от гипертрофии подобия Англии и России². Автор и сам иной раз проговаривается, что «меркантильный насос тут (в российских деревнях. — В. Б.) не работал» (с. 201). Однако задайся его читатель вопросом: почему — и получается, что «Природа зла» вполне окажется инструментом познания.

Я бы — теперь уже как читатель монографии про сырьё и государство — ответил на это «почему» с использованием «гомеостаза моральной экономики». И напрасно Эткиннд полагает, что это концепция А. В. Чаянова (с. 52, 200). Чаянов никогда ничего о «моральной экономике» не писал и исследовал в крестьянской экономике нечто совсем иное, чем то, что в современном крестьяноведении принято обозначать термином «моральная экономика»³. Эта теоретическая концепция пришла в русскоязычное пространство аграрно-исторических исследований с подачи выдающегося американского историка-антрополога Дж. Скотта⁴. Использование данной системы координат оказывается очень уместным, когда необходимо акцентировать то непреложное обстоятельство, сколь многое унаследовала российская деревня в своём социально-экономическом и морально-психологическом укладе ещё в конце XIX века и даже на протяжении первой трети века XX от традиционной сельской общины. Под этим углом зрения и знаменитый Марксов «идиотизм деревенской жизни», и пресловутая крестьянская «лень» выглядят существенно иначе, нежели в рамках любой из вариаций на темы общественно-исторического прогресса. Известно, что и В. И. Ленин в своих ранних работах любил щегольнуть этой марксистской фразеологией, пока его личное понимание «моральной истории» России не открыло ему: только на этих «идиотов» и можно положиться в той революции, которой суждено было реализоваться в стране в первые десятилетия XX века.

Между тем Эткиннд как о само собою разумеющемся пишет и об «идиотизме» (с. 68, 119), и о крестьянской «лени» (с. 187, 341), хорошим лекарством от которой и выступает его «меркантильный насос». «Отважный генерал и богатый помещик XVIII века, Алек-

1. См. об этом: *Шанин Т.* (1999). Четыре с половиной аграрных программы В. И. Ленина // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки.* 1999. М. С. 26-61.

2. *Shanin T.* (Ed.) (1983). *Late Marx and the Russian Road. Marx and the Peripheries of Capitalism.* N. Y. P. 97-126.

3. См.: *Бабашкин В. В., Бужовец О. Г.* (2022). «Моральная экономика» как концепт и П. П. Марченя как её исследователь // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* № 1 (61). С. 11-28.

4. См.: *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* (2015). М. С. 26-70.

сандр Суворов, — пишет он, в частности, — полагал, что крестьянская лень идёт от изобилия земли и от лёгкого оброка; отсюда следовало, что большая эксплуатация ведёт к большому трудолюбию» (с. 52). А вот с точки зрения современного крестьяноведения «ленивый крестьянин» — буквально оксюморон какой-то⁵. Просто чем больше «отважных помещиков» к рубежу XIX–XX веков отказывалось жить со своими крестьянами по канонам «моральной экономики», тем ближе оказывалась крестьянская революция в России с большевиками во главе (лидер которых интеллектуально уже приходил к своей «четвёртой-с-половиной» аграрной программе).

Должен признать, что концепция «меркантильного насоса» применительно к истории нашей страны отлично срабатывает у автора, когда он при её помощи даёт свой достаточно оригинальный взгляд на вечный спор в историографии о смысле и сути опричнины XVI века. Огромная заинтересованность мореходов-англичан в импорте леса и пеньки из России; не меньшая нужда Ивана Грозного, которому приходилось вести постоянные войны как с внешним врагом, так и с внутренней вольницей, в деньгах и союзниках; удивительные обстоятельства появления в Москве Р. Ченслера, чьё открытие России англичане сравнивали с открытием испанцами Америки. Таковы объективные и субъективные предпосылки удивительного политического кульбита, который предпринял русский царь. Уж не знаю, насколько моральна или аморальна история опричнины, но Эткинд с видимым удовольствием применяет здесь свою методологию, и у него всё сходится. И присоединённые к опричнине земли, расположенные таким образом, чтобы идеально отвечать интересам русско-английских торговых отношений. И крестьянские семейные мануфактуры, которые давали очень высокое качество изделий из пенькового волокна и в то же время были препятствием для распространения крепостного права на сёла и деревни бассейнов Сухоны, Двины, Свири, Онеги, побережья Белого моря.

«Ресурсной основой опричного проекта, — пишет он, — была конопля. Такое понимание, вполне доступное Ивану, так же как и его врагам, придаёт смысл невероятной истории опричнины. То была глубокая реформа московского царства — проект, порождённый отчаянием, корыстью и расчётом. Земля разделялась на два домена с разными политэкономическими режимами — экспортно-ориентированную опричнину, обращённую к Белому морю, и прикрывавшую её с юга земщину, обречённую на натуральное хозяйство. Политически этот проект вызвал сопротивление всех, кого царь лишил выхода в большой мир; экономически он был про-

---

5. Кузнецов И. А. (2020). А. В. Чайнов, чайновский крестьянин и проблемы изучения экономической истории России // Чайновские чтения. Материалы I Международной научно-практической конференции по проблемам развития аграрной экономики. С. 38–42.

думан и выгоден Ивану. Он работал над реформой своего царства одновременно с переговорами о военном и брачном союзе с английской короной. Отгораживая опричнину, он создавал себе сырьевую колонию, внутреннюю Индию, которая бы продавала свои ресурсы Англии, субсидируя царя и опричников. Очаг развития, эта привилегированная зона стала бы примером для страны и мира. И наоборот, зерновая земщина, изолированная от моря и рек, должна была довольствоваться собственным хозяйством, которое всё равно не приносило выгоды короне. Таков был опричный вариант меркантильного насоса» (с. 169-170).

Третья часть книги «Природа зла» носит название «Энергетическая история». Это живой и энергичный рассказ о том, как приблизительно с середины XVII века в некоторых странах Западной Европы в качестве топлива использовались торф и уголь и сколь революционным было вторжение в этот смысловой ряд нефти, с тех пор как в 1859 году заработала первая нефтяная скважина. Экологические аспекты использования соседями по планете разных видов источников энергии, разумеется, оговариваются с особым вниманием. В результате вполне закономерным выглядит и то, как озаглавлено заключение: «Левиафан или Гея», и то, как сформулирован главный вывод автора монографии: «Разобщённость национальных государств затрудняет предотвращение климатической катастрофы. Сохранение климата — общее благо, его ухудшение — общая беда. Только глобальное сообщество может предотвратить катастрофу, и революция снова может быть только мировой. Новый курс Рузвельта действовал в одной отдельно взятой стране, но Зелёный новый курс — лозунг американских демократов 2019 года — сможет действовать только в планетарном масштабе. Масштаб грядущей катастрофы таков, что должен ужаснуть человечество и остановить борьбу всех против всех. Это равносильно установлению глобального суверенитета, появлению мирового правительства — только ужас будет исходить не от Левиафана, а от Геи» (с. 480-481).

Смысл последней фразы становится лучше понятен с учётом отсылки автором своего читателя к философскому наследию таких мыслителей современности, как британец Дж. Лавлок и француз Б. Латур, размышлявших о сущности и перспективах бытия в рамках «гипотезы Геи». Согласно этой гипотезе, Земля сама представляет собою живой организм, и, если человечество как часть этого организма продолжит по экспоненте создавать угрозу самому существованию Геи, может включиться иммунный механизм, и излишне рьяные потребители материальных, в том числе энергетических, ресурсов будут принесены в искупительную жертву (с. 460-461). Иными словами, больше нет необходимости предупреждать о природных и социальных бедствиях с использованием образа ветхозаветного Левиафана, как это было в прошлом, — в настоящем и будущем времени мать-Земля сама разберётся.

On the essence of good

Review of the book: Etkind A. (2020) *The Nature of Evil. Raw Materials and the State*. Moscow: New Literary Review, 504 p. ISBN 978-5-4448-1155-9

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Department of Political-Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

В. В. Бабашкин

О сущности добра

Америка сегодня глазами сельскохозяйственного департамента США

Рецензия на специальный выпуск журнала “USA Today” US department of agriculture, March 15, 2022, Special edition.

А. А. Куракин

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. chto-delat@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-246-256

Соединенные Штаты Америки уже давно являются лидирующей сельскохозяйственной страной в мире. Новейшие технологии, многие из которых рождаются в самих США, делая страну одной из законодательниц моды в сельском хозяйстве, сочетаются с продуманной институциональной структурой АПК, где находится место и крупным корпорациям, и фермерским хозяйствам, и государству.

За сельскохозяйственную политику в США отвечает департамент сельского хозяйства, известный во всем мире под аббревиатурой USDA¹. Несмотря на риторику свободного рынка, роль государства в сельском хозяйстве США существенна, поэтому всегда интересно посмотреть на оценку ситуации «государственным взором». Такую возможность предоставляет журнал «США сегодня», специальный выпуск которого в 2022 году был подготовлен в сотрудничестве с департаментом сельского хозяйства США.

Здесь следует сразу же пояснить, что данный журнал является не академическим, а классическим глянцевым деловым журналом, обильно снабженным рекламой. Также он, очевидно, продвигает позицию государства и определенные общественные повестки, характерные для США в последние годы. Однако если от всего этого отстраниться, то журнал представляет безусловный интерес, т.к. позволяет узнать позицию государства напрямую, а не в переказах и спекуляциях через вторые-третьи руки. Ну а разобраться, где здесь важная информация, а где — пропаганда и красивые слова, читателю придется самостоятельно. Не претендуя на роль

---

1. <https://www.usda.gov/>

интерпретатора священных текстов, мы представим свою картину «государственного взора» департамента сельского хозяйства США.

Уже обложка этого журнала фиксирует основное внимание сельскохозяйственного департамента — это цифровое сельское хозяйство. Тренд на цифровизацию можно назвать долгосрочным, не зависящим от складывающихся в стране и мире обстоятельств. В то же время на обложке указаны и другие темы, которые отражают современную повестку. Это углеродные кредиты (экологическая повестка), безопасность цепей поставок продовольствия (международно-политическая повестка) и инклюзивность (повестка социальной справедливости). Также на обложку вынесена тема образования, которую можно назвать «вечной», не зависящей от флуктуаций дня сегодняшнего.

А. А. Куракин
Америка сегодня
глазами сельскохозяйственного департамента США

Повестка USDA

Для данного специального выпуска интервью журналу дала заместитель секретаря департамента сельского хозяйства Джемел Брона (Jewel Bronaugh), в котором она охватила наиболее важные направления развития. Само интервью имеет говорящий заголовок: «Устойчивость и оптимизм». Нынешние времена для сельского хозяйства и продовольственной системы США в статье охарактеризованы как критические, ввиду проблем в цепях поставок и обеспечении продовольственной безопасности. Толчком к возникновению подобных проблем послужила глобальная пандемия, которая нанесла ущерб многим отраслям экономики по всему миру, включая сельское хозяйство и продовольственные поставки. По словам Брона, основными приоритетами департамента на 2022 год являются: поддержка «климатосберегающего» (climate-smart) сельского хозяйства, создание дополнительных рынков, решение проблем продовольственной безопасности и продвижение принципов справедливости². Как можно видеть, текущие турбулентные времена внесли некоторые изменения в виде тезиса о продовольственной безопасности. Однако в целом повестка остается прежней: изменение климата, социальная справедливость и рыночная идеология.

Проблемы в цепях поставок департамент решал с помощью кредитования и гарантий по займам для инвестирования в перерабатывающие мощности в птицеводстве и мясном животноводстве, а также в логистическую инфраструктуру. Более глобальные проблемы в цепях поставок в США (например, огромные очереди транспортных судов в американских портах) решались уже на более высоком уровне федерального правительства, т.к. это не были

2. Такой же список из четырех приоритетов (и даже в схожих формулировках) представлен на заглавной странице веб-сайта департамента сельского хозяйства.

проблемы исключительно сельского хозяйства, а всех сфер реального сектора экономики.

Что касается инвестиций в переработку, то здесь стоит отметить, что основную проблему департамент видит в недостаточности рыночной конкуренции, которая способствует сбоям в цепях поставок. Иными словами, мы наблюдаем классическую для США логику в максимальном продвижении свободного рынка и устранении монополий или излишней концентрации производства³. Согласно этой логике, корень экономических проблем лежит в том, что рыночному механизму что-то мешает их устранить с помощью саморегулирования. Следовательно, нужно эти препятствия удалить. В данном конкретном случае, по словам Брона, пандемия вскрыла негибкую, чрезмерно консолидированную (с главенством крупного бизнеса) и неустойчивую продовольственную систему в стране, в которой наибольшую прибыль получают крупные игроки. В такой системе фермеры, т. е. те, кто выращивает еду к нашему столу, год от года получали все меньше и меньше прибыли. Инвестиции в переработку как раз и направлены на то, чтобы создать более конкурентную среду, увеличив число переработчиков. По мнению департамента, это не только поможет решить проблему с цепями поставок, но и создаст более выгодные условия для фермеров, которые смогут уйти от диктата монополистов. Для новых переработчиков департамент планирует создать систему финансирования и подготовки работников, чтобы помочь выжить в конкуренции с крупными игроками. Также ведется совместная работа с департаментом юстиции и Белым домом, чтобы законодательно оградить фермеров от неконкурентного давления со стороны корпораций.

По вопросу продовольственной безопасности пандемия, по сути, ничего не поменяла в подходе департамента. Брона отметила, что пандемия показала, насколько важны уже существующие программы поддержки продовольствием малоимущих слоев населения. Она похвасталась, что за время пандемии (2019 и 2020 годы) число граждан, испытывающих проблемы с питанием, не выросло. Она также отдельно коснулась вопроса школьного питания, которое является ключевым элементом обеспечения детей здоровым рационом. На данную программу также выделяются дополнительные средства.

В интервью отдельно затронули тему того, каким образом привлекать молодежь к занятию сельским хозяйством, как обеспе-

---

3. Определенный стиль экономической политики является довольно устойчивой социально-культурной конструкцией, которая формируется исторически и трудно меняется. При этом он относительно автономен от партийных различий во взглядах на экономическое развитие. Общий взгляд на стили, или парадигмы, экономической политики в разных странах см. в: *Доббин Ф.* (2013). Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

чить смену поколений в этом жизненно важном для любого общества занятии. Департамент проводит разнообразные программы по информированию и вовлечению молодых поколений в сельское хозяйство. Такая работа проводится со школьниками. Отдельно школьникам рассказывают о возможностях карьеры в области сельскохозяйственных наук.

Также Брона кратко подтвердила, что департамент собирается продолжать поддерживать инвестиционные программы разработки новых технологий в области генной инженерии, сбережения климата и т. д. Это же касается и поддержки производства биотоплива, которое способствует достижению цели нулевого углеродного баланса страны к 2050 году, объявленной президентом Байденом. Климатосберегающее сельское хозяйство также остается одним из приоритетов, и департамент будет продолжать поддерживать все инициативы в этом направлении.

Заметим, что темы, связанные с социальной справедливостью, инклюзивностью, борьбой с расизмом и прочее, заняли в интервью практически столько же места, сколько и профильные отраслевые вопросы. Любопытной здесь является программа департамента по помощи фермерам поддерживать психическое (душевное) здоровье, т.к. сама фермерская профессия довольно стрессовая. К тому же пандемия только усугубила ситуацию.

Это вкратце основные темы, затронутые в интервью с заместителем секретаря департамента сельского хозяйства США. Информация, что называется, из первых уст. Теперь перейдем к более подробному освещению некоторых из них уже в специальных материалах журнала.

Цепи поставок

Отдельная статья посвящена проблемам с цепями поставок семян и удобрений, которые вызвала пандемия коронавируса. Подобные проблемы были характерны для многих отраслей, и оценки разнились от пессимистических до умеренных⁴. В данном случае автор статьи занимает умеренную позицию, утверждая, что хотя пандемия и вызвала перебои в поставках, но их влияние оказалось не столь драматическим, как можно было ожидать. Ситуацию с поставками семян и удобрений автор характеризует как стабильную, но неопределенную. Это означает, что в данный момент все относительно неплохо, но нет уверенности, что так и останется в будущем.

4. О проблемах в поставках продовольствия, вызванных пандемией коронавируса, см., например: *Cappelli A., Cini E.* (2020). Will the COVID-19 pandemic make us reconsider the relevance of short food supply chains and local productions? // *Trends in Food Science and Technology*. Vol. 99. P. 566-567.

Поставки семян практически не пострадали. Например, за 2021 год цены на семена выросли менее чем на 2%, что ниже уровня инфляции. Довольно устойчивая ситуация с семенами объясняется еще и тем, что в большинстве случаев семена производятся внутри США и зачастую недалеко от фермерских хозяйств, что упрощает логистику. Удобрения стали заметно дороже, но не из-за перебоев в цепях поставок, а из-за удорожания энергии (в данном случае прежде всего природного газа).

Помимо шоковой ситуации с пандемией, существуют еще и долгосрочные, более фундаментальные факторы, связанные с ценами и доступностью семян и удобрений. Это изменения климата и нестабильность в энергетике (прежде всего нестабильное ценообразование). Если с энергетикой все более-менее понятно, т.к. затраты на производство некоторых удобрений в сильной степени зависят от цен на природный газ, то про изменения климата нужно сказать отдельно. Уже сейчас климатические изменения представляют собой постоянный вызов для производителей семян по двум причинам. Во-первых, неблагоприятные климатические условия, которые были в 2021 году, напрямую влияют на объемы производства. Во-вторых, что еще более важно, изменяющийся климат ставит перед производителями семян задачи по селекции все новых и новых районированных сортов. Иными словами, изменяющиеся природно-климатические условия вынуждают производителей семян работать в режиме постоянных инноваций.

В связи с такими обстоятельствами, производители семян все чаще переходят на их выращивание в теплицах, где можно контролировать климатические условия и, следовательно, делать результат более предсказуемым. Что касается удобрений, то департамент сельского хозяйства США никаких прямых регулирующих мер для понижения цен не предпринимает. В целом это характерно для американской экономической политики внутри своей страны. Вместо этого департамент делает ставку на разработку нового поколения удобрений, которые были бы более эффективными и дешевыми, чем предыдущие. Еще одним параметром, на который обращают внимание, — это влияние удобрений на климат. В частности, в статье рассказывается о конкурсе, организованном сельскохозяйственным департаментом, по разработке таких инноваций в производстве удобрений.

Страхование

Следующая статья посвящена программам по страхованию урожая. Основная ее линия — это рассказ о развитии программ страхования, которые проделали большой путь от довольно простых полисов, появившихся в 1938 году, когда возникла Федеральная корпорация по страхованию урожая, до современных диверсифицированных

программ, которые учитывают выращиваемые культуры и местные условия. В 1996 году было создано Агентство по управлению рисками, которое управляет страховыми программами для фермеров. Страхование с тех пор стало для фермеров формой риск-менеджмента. Новинкой в свое время оказались отдельные программы для органического земледелия. Другой пример диверсификации страховой линейки — программы для микроферм, среди которых много начинающих фермеров, а также тех, кто занимается нетиповыми культурами, например, фруктами и овощами. Урожай последних порой трудно оценить, т.к. для многих таких культур нет фьючерсного рынка, который служит базой для оценки урожая. Для подобных случаев ранее использовалась программа, которая сопровождалась заполнением кучи документов и бюрократизированным процессом, что для многих новичков оказывалось непреодолимым препятствием. Сейчас программа существенно упрощена благодаря изучению потенциальных клиентов и их типизации, что сняло многие трудности при заполнении документов. Также в статье отдельно подчеркивается, как важным элементом стало страхование урожая в связи с изменениями климата. Дожди, засухи, пожары, необычные температурные режимы нынче непредсказуемы, поэтому фермеры покупают страховки с расширенным страховым покрытием.

Биотопливо

Производство биотоплива остается важным элементом сельскохозяйственного развития США в глазах департамента сельского хозяйства⁵. В соответствующей статье журнала производство биотоплива называется даже фактором, способным серьезным образом изменить жизнь фермеров в лучшую сторону. Спрос на биотопливо растет, и предполагается, что к 2025 году его объемы составят более 5% от всего транспортного потребления в стране. При этом отмечается, что при производстве биотоплива зачастую используются остатки многих культур (кукурузы, сои, сахарного тростника, хлопка, риса), что позволяет избежать непростого выбора — производить продовольствие или топливо. Сельскохозяйственный департамент играет важную роль в построении рынка биотоплива — здесь он следует программе администрации президента Байдена по борьбе с изменением климата и уменьшению углеродного следа.

В частности, департамент инвестирует в создание инфраструк-

---

5. Сравнительный анализ роли государства в становлении рынка биотоплива в США и Бразилии см. в: *Sajid Z., Da Silva M. A.B., Danial S. N.* (2021). Historical analysis of the role of governance systems in the sustainable development of biofuels in Brazil and the United States of America (USA) // *Sustainability*. Vol. 13. No. 12. P. 6881.

туры по продвижению биотоплива на рынки. Также запущена отдельная программа по поддержке производства биотоплива для авиации. Планируется к 2025 году выйти на уровень производства в 35 миллиардов галлонов такого топлива ежегодно.

Для самих фермеров производство биотоплива — способ диверсификации рисков и еще один канал для сбыта своей продукции. Такая дополнительная рыночная опция способна помочь снизить ущерб от ценовых колебаний на традиционных рынках. Одновременно государство собирается тщательно проверять выращиваемые для биотоплива культуры на предмет используемых технологий. Основная цель — убедиться, что культуры для биотоплива выращиваются в соответствии с принципами устойчивого земледелия, способствующего снижению углеродного следа.

Углеродные рынки

Интересная инновация относительно недавнего времени — углеродные рынки⁶. В статье об их функционировании и развитии показаны перспективы таких рынков. Их суть состоит в том, что на любой ферме происходят процессы как выбрасывающие углекислый газ в атмосферу, так и способствующие сохранению углерода в почве. Следовательно, углеродные рынки предназначены финансово поощрять фермеров, которые ведут природосберегающее сельское хозяйство. Происходит это через углеродные кредиты, которые выкупаются корпорациями в счет своего углеродного следа. Объем сделок на таких рынках по всему миру достиг 1 миллиарда долларов в год. Данные рынки только формируются и сопряжены с проблемами адекватной оценки углеродного следа и того, насколько кто-то смог его сократить. Без надежных и точных оценок рыночное ценообразование представляется проблематичным.

Интернет

У многих в нашей стране складывается впечатление, что новые, самые современные технологии в США являются повсеместными. Это не так. В США также существует заметный разрыв в жизни мегаполисов и сельских районов с точки зрения новейших технологических достижений. Примером является высокоскоростной широкополосный интернет. Одна из статей журнала посвящена программе проведения такого интернета в сельскую Америку, где количество людей без доступа к данной услуге превышает 35 миллионов человек. Для ведения сельского хозяйства доступ к ско-

---

6. *Wara M.* (2007). Is the global carbon market working? // *Nature*. Vol. 445. No. 7128. P. 595-596.

ростному интернету является фактором в конкурентной борьбе, т.к. сейчас почти вся рыночная информация доступна онлайн. Те, кто от нее отрезан, оказываются в невыгодных условиях. Очевидна также социальная функция, повышающая связность территорий и качество жизни людей. В статье рассказывается о различных государственных программах, провайдерах (крупных и локальных) и задаче понизить стоимость услуг широкополосного интернета, которые в США относительно высоки в сравнении со среднемировыми показателями.

Продовольственные отходы

Отдельная секция в журнале посвящена проблемам, связанным с продовольствием. Первая статья данной секции посвящена программе по снижению продовольственных отходов⁷. Отмечается, что проблема эта системная, и одни лишь фермеры не способны свинуть дело с мертвой точки, нужны общие усилия. В статье приводятся красноречивые подсчеты, что если США будут тратить 14 миллиардов долларов в год на уменьшение продовольственных отходов, то количества сохраненных продуктов питания будет достаточно для приготовления 4 миллиардов порций еды для нуждающихся, создания дополнительной чистой экономической прибыли в размере 73 миллиардов долларов, дополнительных 51 тысячи рабочих мест за 10 лет, уменьшения выбросов парниковых газов на 75 миллионов метрических тонн.

Системная проблема, о которой говорится в статье, заключается в том, что фермеры порой вынуждены не собирать созревший урожай, оставляя его гнить в полях. Это может быть вызвано ценовыми колебаниями, когда собранный урожай не покрывает издержек, или требований к качеству товара (например, изгиб и толщина огурцов для маринования). Если огурцы по каким-то причинам хоть немного не соответствуют таким жестким требованиям, то их просто не примут. Иными словами, «гламурные городские придирки» приводят к продовольственным отходам. Разумеется, продовольственные отходы происходят не только на фермах, но и далее по цепи поставок (транспортировка, хранение, розничная торговля, домохозяйства). Но на фермах такие потери превышают любое другое звено. По оценке департамента сельского хозяйства, всего теряется более трети продовольствия, которое могло бы быть потреблено населением.

7. Сравнительный анализ политики по снижению продовольственных отходов в США и Франции см. в: *Mourad M.* (2016). Recycling, recovering and preventing «food waste»: Competing solutions for food systems sustainability in the United States and France // *Journal of Cleaner Production*. No. 126. P. 461-477.

Фермеры отмечают, что проблемой американской продовольственной системы является монополия, т. е. монополия покупателя, когда у фермера есть лишь один канал сбыта. В качестве системного решения проблемы предлагается создание дополнительных, альтернативных каналов сбыта продукции, которая по каким-то причинам не принимается существующей продовольственной системой. Одним из таких каналов могут стать продовольственные банки, предназначенные для помощи нуждающимся категориям граждан. Стимулом к использованию таких каналов, помимо чистого альтруизма, являются налоговые вычеты, о которых многие фермеры просто не знают. Иная альтернатива — специализированные онлайн-платформы для прямой продажи фермерских продуктов конечным потребителям. Они стали особенно актуальными во время пандемии, когда закрылись рестораны. Другие онлайн-платформы предназначены для того, чтобы перерабатывающие компании могли покупать фермерские отходы для своего производства. Например, значительная, если не большая часть выращиваемых кустов салата остается неубранной, т.к. для розничных магазинов требуется только самая красивая и привлекательная их часть. Остатки же могут быть использованы для производства соков, соусов, супов и т.п. Еще одним решением может стать изменение контрактов с покупателями, когда вместо покупки заранее оговоренного количества продукции определенного качества покупатель (например, розничная сеть) выкупает весь урожай, независимо от его объема. Некондиционный товар розничная сеть затем перепродает на переработку. По нынешней схеме контракта фермеры, как правило, выращивают с запасом, т.к. не знают, сколько получат урожая в конце сезона.

Продовольственная безопасность

Следующая тема — продовольственная безопасность и продовольственная помощь нуждающимся категориям населения⁸. Осенью 2021 года число подобных людей в США составило около 10% от всего населения. По сравнению с прошлыми периодами их число выросло благодаря пандемии. Сейчас продовольственную помощь по соответствующей программе получают около 42 миллионов человек. В связи с пандемией данная программа была существенно пересмотрена в сторону увеличения помощи, хотя последние 50 лет она оставалась практически неизменной, а объем помощи корректировался лишь на величину годовой инфляции. Эксперты утверждают, что, даже если не брать во внимание пандемию, данная программа давно устарела и не соответствует масштабам проблем,

8. *Hoefler R., Curry C.* (2012). Food Security and Social Protection in the United States // *Journal of Policy Practice*. Vol. 11. No. 1-2. P. 59-76.

поэтому ее коррекция была хотя и правильной, но запоздалой. Также эксперты отмечают, что необходимо ослаблять бюрократические барьеры для вхождения в программу, которые оставляют без помощи на самом деле нуждающихся в ней людей.

Городское сельское хозяйство. Третья статья в секции касается перспективы городского сельского хозяйства⁹. В ней описывается данный вид организации сельского хозяйства в духе пословицы «мал золотник, да дорог». Действительно, данная малая форма производства способна дать высокий урожай, и поэтому сельскохозяйственный департамент запустил программу по инвестированию в городское сельское хозяйство в виде грантов. Кстати, в рамках департамента существует самостоятельное подразделение «Управление по городскому сельскому хозяйству и инновационному производству». Программа по развитию городского сельского хозяйства является не только экономической (объемы производства, прибыль, создание рабочих мест и т.п.), но и социальной. Во многих районах США люди имеют ограниченный доступ к свежим овощам и фруктам, на которых как раз и специализируется городское сельское хозяйство, чем-то напоминающее наши российские личные подсобные хозяйства. Данная форма сельскохозяйственного производства рассматривается также и как способ снизить большую для США тему ожирения населения и связанных с ним болезней. Особенность городского сельского хозяйства в США состоит в том, что это не индивидуальный способ производства, основанный на семейном хозяйстве, а скорее общественный, основанный на локальном городском сообществе. Поэтому программа включает в себя образовательные курсы и мероприятия, способствующие построению крепкого локального сообщества и усилению социальных связей и сплоченности.

Прочее

Значительное место в журнале посвящено таким темам, как борьба с социальным неравенством и дискриминацией в сельской местности, роли социальной сети «Тик-ток» в жизни фермеров, образовательным программам и карьерным возможностям в сельском хозяйстве, жизненным историям фермеров. Мы не будем здесь их подробно освещать, просто упомянем для полноты картины. Заметим также, что количество ссылок на действующую админи-

9. Вопрос о вкладе городского сельского хозяйства в США в решение вопроса продовольственной безопасности рассматривается, например, в: *Siegner A., Sowerwine J., Acey C.* (2018). Does urban agriculture improve food security? Examining the nexus of food access and distribution of urban produced foods in the United States: A systematic review // *Sustainability*. Vol. 10. No. 9. P. 2988.

страцию в Белом доме и лично президента Байдена подозрительно большое, причем в самых разных статьях журнала. Хотя это и выпуск, подготовленный государственной структурой, все-таки подобное не было характерно для американских текстов. Чем-то отдаленно это напоминает ссылки на партию и правительство в текстах советских времен.

Итоги

Вот таким образом выглядит повестка сельскохозяйственного развития США глазами своего департамента. Подытоживая, можно сказать, что, несмотря на внешние шоки (прежде всего пандемию), повестка сосредоточена на долгосрочных прогнозах сельскохозяйственного развития, и пока не видно, чтобы департамент сельского хозяйства ее кардинально менял. С другой стороны, журнал отражает итоги 2021 года и прогнозы на текущий, 2022 год, который принес дополнительную неопределенность. Сельское хозяйство не является изолированной отраслью, и общеэкономический кризис может серьезно на нее повлиять, и тем самым скорректировать государственную политику.

Today's America in the perspective of the US Department of Agriculture

Review of the Special Issue: USA Today (March 15, 2022)

Alexander A. Kurakin, Senior Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics; Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: chto-delat@yandex.ru

Сравнительный опыт сельскохозяйственного развития: Россия и Бразилия в эпоху перемен¹

И. К. Полещук

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82.

E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-257-260

В рамках мероприятий по тематике «Человеческий капитал в сельском развитии России и мира» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Федеральный университет Риу-Гранди-ду-Сул на базе научного центра международного уровня (ИЦМУ) провели конференцию «Сельское хозяйство, продовольствие и развитие: Россия и Бразилия в разрушительные времена». 19 августа 2022 на онлайн-конференции выступили ученые из России и Бразилии. В ней приняли участие ученые со всего мира, которых волнует сельскохозяйственное развитие и вопрос обеспечения продовольствием. Сессию открыли профессор кафедры социологии Федерального университета Риу-Гранди-ду-Сул *Серджио Шнайдер* и директор Центра аграрных исследований *Александр Никулин*.

Первой свой доклад «Значение аграрной сферы России в эпоху перемен» представила *Любовь Овчинцева*. В нем она дала краткую характеристику российского сельского хозяйства, начиная с вопросов землепользования и заканчивая статистическими данными производства некоторых видов продукции. Отдельно были выделены вопросы человеческого капитала в сельском хозяйстве и рестрикции 2014 года. С 2000 по 2018 год количество трудоустроенных в сельскохозяйственной и промышленной сфере снизилось на 54% — с 9 до 4,9 млн человек, и такие изменения в первую очередь обусловлены неумолимостью технического прогресса, а также хроническим социальным упадком в сельской местности и утерей привлекательности работы в сельскохозяйственной сфере для молодежи. В конце доклада были озвучены основные последствия рестрикций, такие

---

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

как рост производства сельскохозяйственной продукции, увеличение цен на продовольствие, падение качества еды, снижение доступности продовольствия для бедных слоев населения.

Александр Куракин в рамках презентации доклада «Сельские кооперативы в России: краткий обзор» привел статистические данные, характеризующие состояние кооперативов в России за последние 10–20 лет. Среди них: структура, динамика изменений числа кооперативов и их членов, распределение кооперативов по регионам. Важным аспектом стал комментарий по поводу отношения государства к сельскохозяйственным кооперативам. Так, на сегодняшний день государство хочет создать четкую верифицируемую структуру, которую можно будет интегрировать в доминирующий агропромышленный комплекс страны и в финансовый сектор. Тем не менее с этим возникают серьезные проблемы, поскольку кооперативы как явление все еще чужды современной корпоративной модели сельского хозяйства. Кроме того, не все спокойно и в самом кооперативном движении. С начала постсоветского периода кооперативы находятся в глубоком кризисе, так как люди не готовы или не хотят вступать в долгосрочные партнерские отношения друг с другом. В связи с этим докладчик предположил, что прежде чем организовывать сельскохозяйственные кооперативы, необходимо наладить сельское социальное взаимодействие в рамках «сельских кооперативов», которые могут служить инструментом для самоорганизации.

Российскую секцию закрыли *Александр Никулин* и *Ирина Троцук* докладом «Парадоксы продовольственной безопасности в Российской Федерации». В выступлении были представлены результаты долгой и кропотливой работы с экономической статистикой и количественными социологическими опросами. Презентация наполнена чрезвычайно полезными графиками и таблицами, описывающими последствия принятия доктрины продовольственной безопасности. Среди них статистика Росстата, например, реальное производство сельскохозяйственной продукции в России и необходимое количество, обозначенное в доктрине. Если по производству зерна мы перевыполняем план в два раза, то в производстве ягод и фруктов наличествует явное отставание. В целом, по данным статистики, реальность и доктрина крайне близки друг к другу. Тем не менее после изучения результатов социологических опросов можно сделать следующие выводы: россияне покупают продукты в основном в крупных универсамах и являются убежденными продуктовыми националистами; мясные продукты считаются необходимым индикатором «нормального» питания, но их качество и количество определяет доход семьи; россияне реагируют на рост цен в основном сокращением рыбной и мясной частей своего рациона, затем сокращают расходы на молочные продукты и фрукты; низкие доходы (их рост в абсолютном выражении не компенсирует рост цен) и высокие расходы на питание, т. е. экономическая до-

ступность продовольствия, являются главной угрозой продовольственной безопасности России. Таким образом, россияне постоянно ищут более дешевые продукты и магазины, не отказываются от привычных продуктов, а покупают их в меньшем количестве; в 2022 году россияне были вынуждены пересмотреть свое отношение к личным подсобным хозяйствам и чаще намерены расширять производство продуктов питания для самообеспечения.

Бразильская секция началась с доклада *Фабиано Эшер* «Динамика глобальной сельскохозяйственной системы и ее влияние на бразильское сельское хозяйство», в котором он дал исчерпывающую характеристику современного продовольственного режима, его экономических и политических факторов. Выступающий подчеркнул, что этот режим находится в процессе трансформации в связи с глобальными вызовами последних лет. Политика глобальной продовольственной безопасности сегодня перестала быть эффективной, сказать, что мир един, тоже довольно сложно, поэтому приходится постоянно налаживать новые экономические связи или реанимировать старые. В докладе Фабиано коснулся основных направлений работы стран БРИКС. Важным, по его мнению, является то, что мир производит как никогда много продовольствия, однако цены на него высоки, а количество голодающих не сокращается. Что касается Бразилии в сегодняшнем меняющемся мире, то за время авторитарного правления Жаира Болсонару 50% экспорта приходится на сырьё (соя, кофе, масло). Также сильно возросло влияние на Южную Америку китайских агропромышленных компаний, а увеличился импорт, в том числе и в Бразилию. Учитывая, что Бразилия первый импортер удобрений, конфликт на Украине и его экономические последствия сильно ударили по экономике страны еще и из-за общего увеличения потребности в удобрениях, в то время как российская продукция не поступает на рынок. В заключение докладчик отметил, что Бразилия слишком много экспортирует продовольствия, несмотря на то что голод в стране до сих пор не побежден.

Пауло Нидерле в своем докладе «От сноса к реконструкции: повестка дня государственной политики развития сельских районов в Бразилии» подробно остановился на аграрной политике Бразилии. Сегодня есть четыре основных направления: политика для семейных ферм; ориентирование на агроэкологию; регуляция производства органики; политика продовольственной безопасности. В своей работе автор построил модель распределения основных существующих программ по их экзистенциальному состоянию: исчезнувшие, наслаивающие и дублирующие, неэффективные, бессмысленные и чисто символические. Отдельно была подвергнута критике аграрная политика Болсонару: в 2014 году Бразилия ушла с карты мирового голода, а сегодняшняя его политика вернула ее обратно и усилила сырьевой аспект экономики. В подтверждение этого тезиса были представлены графики, на которых показана

динамика ухудшения реального питания населения, а также роста цен на продовольствие. Основные выводы доклада: продовольствие вновь оказалось центром публичной повестки, здравоохранение и устойчивая продовольственная система необходимы для улучшения продовольственной безопасности, требуются новые институциональные рамки для межведомственной политики, необходимо введение полного цикла «от фермы до тарелки», акцентируются новая роль городов и пригородов в аграрных политиках, новое значение социального участия и стратегий в территориальном развитии.

Бразильскую секцию завершил *Серджио Шнайдер* с докладом «Кооперативизм и новый рынок для сельского развития». В нем более подробно была раскрыта аграрная структура Бразилии за последние 10–20 лет, динамика ВВП и рост населения. В презентации была представлена карта распределения мелких, средних и больших агропредприятий по территории, а также по видам производимого продовольствия. Особенно стоит остановиться, по мнению ученого, на проблеме распределения земли между семейными и корпоративными фермами. Сегодня в Бразилии 76,8% ферм являются семейными, но занимают всего лишь 23% сельскохозяйственных территорий, в то время как корпоративные составляют лишь 23,2%, но занимают 77%. Основными проблемами семейных ферм являются: снижение числа производителей, старение сельского населения, рост видов несельскохозяйственной занятости. Крайне важным инструментом для новой аграрной политики докладчик считает развитие кооперативизма. Этот тезис он продемонстрировал на примере кейса новой социальной экономики — солидарного кооперативизма.

В финале конференции прошло долгое и глубокое обсуждение как самих докладов, так и современной социальной и экономической ситуации в мире. В дискуссии приняли участие ученые из Франции, Германии, Камбоджи и некоторых других стран. Очевидно, что тема сельскохозяйственного развития в современном обществе важна как никогда, в нее непосредственно вплетено понятие человеческого капитала, именно он является ресурсом, который позволяет поддерживать, менять и развивать сельскохозяйственную сферу.

Comparative experience of agricultural development: Russia and Brazil in the time of change

Ilya K. Poleshchuk, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

AGROSALON Международная специализированная выставка сельхозтехники

4–7 октября 2022

Е. С. Никулина

*Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: nikulina@ranepa.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-261-263

В начале октября этого года в Москве в Международном выставочном центре «Крокус Экспо» состоялась юбилейная, десятая Международная выставка сельхозтехники, являющаяся одним из главных агрофорумов Российской Федерации. На площади почти в 50 тысяч кв. метров был представлен широкий спектр техники и технологий для обеспечения современного эффективного сельхозпроизводства. Наряду с флагманами еще времен советского сельхозмашиностроения, такими как «Ростсельмаш», «Кировец», «Беларусь», в выставке участвовали десятки других российских и зарубежных производителей агротехники. В этом году из-за новых санкций отсутствовали многие агромашиностроительные компании Европы и Америки, вместе с тем на выставке значительно выросло присутствие производителей агротехники из Китая и Турции, Индии и даже Бразилии.

Параллельно с экспозиционной частью выставки работал представительный форум с обширной деловой и образовательной программой, состоящей из разнообразных семинаров, мастер-классов и конференций, например, таких как: семинар-совещание с ведущими производителями техники «Спецпредложения Росагролизинга, как инструмент развития устойчивого рынка сельхозтехники России», конференция «Роль союзов АПК в обеспечении продовольственной безопасности России», семинар по мерам государственной поддержки «Меры государственной поддержки и инструменты импортозамещения», конференция «Перспективные зерновые», дискуссия «Развитие электронной коммерции в категории сельхозтехники и запчастей», конференция «Альтернативы американской и европейской техники из стран БРИКС: возможности преимущества, оптимизация бюджета».

На работе последней хотелось бы остановиться подробнее ввиду ее особой актуальности для перестройки аграрного

машиностроения России в условиях санкций. Как отмечалось на конференции российские агропроизводители в настоящее время стремятся к увеличению закупок сельскохозяйственной техники из стран БРИКС и максимально возможной локализации производства сельхозмашиностроения из этих стран в России. Обсуждались и конкретные каналы поставок техники в формате БРИКС, и возможные проблемы на этих путях после введения антироссийских санкций.

Выступавшая на конференции генеральный директор ООО ПХ «Лазаревское» *Кристина Романовская* подчеркнула, что с исчезновением с рынков России американских и европейских производителей оперативный сервис обслуживания машин из-за ограничительных мер затормаживается. При этом многие сельхозпроизводители имеют технику из США и ЕС и стремятся продолжить ее эксплуатировать. Как отмечали многие участники в кулуарах конференции, в настоящее время возможно наладить импорт как запчастей, так и самой западной техники из стран БРИКС, где уже относительно давно построены заводы ведущих западных фирм. Конечно, это может вызвать проблемы санкционного давления непосредственно на производителей западной техники, например, на заводах в Китае и Бразилии. В таких случаях обсуждалась возможность закупки западной техники из стран БРИКС не напрямую, а через посредничество третьих или соседних стран, таких, например, как Казахстан.

Кроме того, отмечалось, что сельхозмашиностроение Китая, Бразилии, Индии, а также Турции добилось за последнее время таких успехов, что местные не западные марки тракторов и других видов сельхозтехники из этих стран также возможно импортировать в Россию без давления каких-либо санкций. Впрочем, и на этом пути обсуждались три основные трудности для увеличения потока сельхозтехники из развитых стран Глобального Юга. Во-первых, все-таки непосредственно китайские или турецкие марки машин по своим качественным показателям все еще уступают западным брендам. Во-вторых, в странах БРИКС местное тракторостроение ориентировано прежде всего на мелкого фермера, а потому в этих странах массово производятся в основном маломощные тракторы с двигателями до 100 л.с. В то время как гигантским агрохолдингам, агропредприятиям и крупным фермерам РФ прежде всего требуются мощные тракторы с двигателями под 300 л.с. и выше. В-третьих, бюрократический процесс лицензирования и сертификации новых зарубежных агромашиностроителей, пусть даже из дружественных стран БРИКС, занимает в России довольно длительное время, а новая техника требуется постоянно. Наконец, даже получив все разрешения для продажи техники в России, агромашиностроителям из стран БРИКС предстоит еще развивать свои собственные дилерские и сервисные сети обслуживания, а на это все также потребуется время.

Конечно, может показаться, что безусловным плюсом агротехники из стран БРИКС является ее относительная дешевизна в сравнении со знаменитыми западными брендами. Действительно, участники форума часто отмечали, что, например, сейчас тракторы китайского производства вполне по цене сопоставимы как с белорусскими, так и с отечественными тракторами. Но и здесь проблема заключается в том, что рост инфляции способствует росту цен на сельхозтехнику фактически любых производителей.

Именно поэтому в целом не только на этой конференции, но и на всех других площадках агрофорума в «Крокус Экспо» дискуссии велись вокруг перспектив развития машиностроения отечественного АПК, старающегося опираться прежде всего на собственные силы. Так, крупнейшая отечественная компания «Ростсельмаш» занимала на этой выставке, пожалуй, самое большое по площади и образцам представленных комбайнов и тракторов место, а ее представители выступили с программными заявлениями о перспективах и путях развития отечественного аграрного машиностроения в условиях санкций.

В заключительный день работы выставки к обзору современной сельхозтехники были приглашены студенты из ведущих аграрных вузов России. Для них в рамках «Дня молодежи» организовывались встречи с возможными работодателями среди участников выставки. Безусловно, не только современная техника, но и современные, хорошо подготовленные молодые специалисты чрезвычайно необходимы для устойчивого развития АПК России.

**AGROSALON International Specialized Exhibition
of Agricultural Machinery
(October 4–7, 2022)**

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Крестьяноведение

2022. Том 7. №3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2022. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 1275
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru